

СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 2
«ЮНОШЕСКИЙ»

УДК 82-93
ББК 84(2=411.2)6-4

СБОРНИК КИФ-5 «Благотворительный». Том 2, «Юношеский». —
Новокузнецк: Союз писателей, 2022. — 452 с.

В этом томе рассказы для молодых людей — для старшеклассников и студентов, для людей, которые еще не отведали взрослых забот, но которые уже кое-что понимают в этом.

УДК 82-93
ББК84(2=411.2)6-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

КИФ-5 означает «пятый конкурс имморт-фантастики». Им-морт означает, что самое ценное — это жизнь.

Мы проводим конкурсы светлых и добрых рассказов. Тексты во всех наших конкурсах не должны эстетизировать смерть и насилие. Мы также против того, что сейчас помечают знаком «18+»: массовых кровавых убийств, лихих киллеров, порнографии, постапокалипсисов, абсурда, депрессии и всего такого прочего. То есть мы против обесмысливания и обесценивания жизни. Зато мы ратуем за человеческое достоинство, нравственность и долгую-долгую, желательно бесконечную и молодую, мирную, осмысленную жизнь. И мы полагаем, что весь свой разум, все свои усилия, все свои ресурсы человечество должно направлять не на то, чтобы воевать между собой, а на то, чтобы жить всем вместе — бороться надо с внешними обстоятельствами.

Вообще говоря, наши сборники бесплатны — их несложно найти в интернете. Но сейчас перед вами особенный сборник рассказов — благотворительный. Это значит, что мы направляем вырученные средства в благотворительный фонд, помогающий детям — фонд Хабенского.

Для этого сборника нам прислали столько рассказов, что сборник получился из четырех томов.

Том 1 — «Детский».

В этом томе рассказы для детей — для тех, кто еще не умеет читать или только научился. Рассказы детям обычно читают мамы и бабушки. Но можно попросить и папу, и даже дедушку — когда они не очень заняты.

Том 2 – «Юношеский».

В этом томе рассказы для молодых людей – для старшеклассников и студентов, для людей, которые еще не отведали взрослых забот, но которые уже кое-что понимают в этом.

Том 3 – «Для взрослых».

В этом томе мы собрали рассказы для взрослых людей. Но мы хотим предупредить: здесь нет откровенных любовных сцен и всего такого прочего – того, что принято называть «рассказами для взрослых». Зато здесь есть истории, которые интересны взрослым, занятым людям – они ходят на работу, зарабатывают деньги для своей семьи и несут ответственность не только за себя но и за своих близких – людям со взрослыми заботами. Рассказы помогут биться сердцу бодрее.

Том 4 – «Для мудрых» (в двух частях).

В этом томе рассказы для тех, кто уже никуда не торопится, для людей с богатым жизненным опытом. Ритм рассказов здесь плавный, а темы достойны того, чтобы обдумать их спокойно и с разных сторон. Кроме всего прочего книга нормализует артериальное давление и сахар в крови, если ее читать вместо просмотра телевизора.

Из-за того, что четвертый том оказался в двух частях, сборник КИФ-5 состоит из пяти книг.

Приятного чтения.

КИФ. Март, 2022.

РАССКАЗЫ

Александра Пушкина

«ЗА ДВЕ ЧАШЕЧКИ ЧАЯ»

– Если звёзды зажигают, значит, это кому-то...

– Фу-у, Барнаби, какая пошлятина! Перестань общаться клише! – высокий бледнокожий блондин с томным взглядом и в бежевом пиджаке с джинсами сидел в глубоком кресле среди кип газет, папок и просто бумаг. Его худую шею закрывал огромный клетчатый шарф, будто он болен, в тонких пальцах белела маленькая чашка с кофе и блюдце от неё.

– Не придирайся, Ментор, ты ж сам в курсе, – без клише и творчества не бывает! – бодро отозвался полноватый рыжий усач в старомодном твидовом костюме-тройке.

В маленькой комнатке места, чтобы присесть, уже не осталось, поэтому Барнаби облокотился о край небольшого письменного стола, тоже заваленного бумагами. Был ещё стул у окна, но к нему пришлось бы протискиваться между шкафом и «пизанской башней» из папок.

– Ну, тебе видней, ты у нас ходячее клише, «доктор Ватсон».

– Сказал бы я, сколько школьниц в разных странах рисуют таких, как ты, – хихикнул оппонент, – да лень тратить красноречие. Открой, вон, Пинтерест.

Ментор отхлебнул кофе из своей белой фарфоровой чашечки, после чего собрался было возразить, но тут в дверь постучали. Вернее было сказать, поскреблись, но чуткое ухо блондина уловило этот негромкий звук:

– Стучат, – сообщил он компаньону.

– Сам слышу, – тот повернул ручку, впуская в маленький кабинет невзрачное существо скорее женского пола. В мешковатой тёмной куртке, с курносим носом-картофелиной, обыч-

ными серыми глазами и тонкими губами. Шерстяная шапка и шарф говорили о том, что дух бунтарства задавили здесь в корне заботливые бабушки. Джинсовый рюкзачок за спиной оставался единственным очагом сопротивления, увешанный значками с символикой и участниками разных молодёжных групп.

– Добрый день, – улыбнулся Барнаби, – чем можем быть полезны?

– Я... эээ... я пойду, наверное, – вдруг пошла на попятный девушка.

Она уже развернулась, чтобы уйти, когда Ментор спросил:

– Вы по объявлению?

Вежливость потребовала ответа, поэтому она обернулась и произнесла:

– Ну... да, но я... не знаю, думаю, я не подхожу. Извините...

– Но вы же принесли образцы, верно? Позвольте профессионалам решить, – мягко произнёс Ментор, не вставая с кресла. – Вы точно ничего не потеряете, а вот приобрести... приобрести можете многое. Например, обрадовать и удивить маму.

– Откуда вы?..

– Барнаби, ну пусти девушку, что ты встал в дверях, как ламантин в эволюции?

Усач недовольно фыркнул, но таки посторонился.

Сплошная деревянная дверь закрылась, отрезав от мира троих существ и скрыв то, что они делали. Однако, часа через пол она вновь открылась, выпуская удивлённо глядящую перед собой девушку.

– Ну, что я вам говорил? – вслед ей произнёс Ментор. – Вы нам ещё как подходите! А, Барнаби?

– Д-да, наверное, – девушка несмело, но светло улыбнулась, прижав к груди рюкзачок. – Я попробую.

– Не попробуете, а сделаете! Я вас уверяю, – широко улыбнулся Ментор.

Когда девушка ушла, Барнаби снова фыркнул:

– Ты в своём уме? Разве она нам подходит? В ней никакого стержня! Я таких знаю, – бросают на полпути. Живут на гроши, и во всём обвиняют окружающих. Родителей, правительство, начальство, – брезгливо поморщился Барнаби. – Нам нужна настоящая Звезда! Иначе... – он выглянул в перечёркнутое жалюзи окно, – ууу! Так и останемся в темноте.

– Она справится, я уверен!

На следующий день в то же время девушка была снова в маленьком захламлённом офисе. Судя по отсутствию шапки и подобию причёски на голове, она готовилась к визиту. Барнаби позволил напарнику взять всё в свои руки и принялся заваривать чай в стеклянном чайнике.

– Ооо! Проходи-проходи, Марта!

– Здравствуйте.

– Прежде чем приступить, есть ли у тебя вопросы?

– Д-да... есть...

– Ну-ну, смелее!

– А почему у вас... такой офис?

– Какой «такой»? А-а-а-а! Барнаби, расскажи девочке, почему у нас такой офис.

– А чем он плох? – холодно поинтересовался рыжий усач.

– Не-ет-нет-нет, он не плох! – испугалась девушка. – Просто он... ну, не совсем современный, и очень маленький, – и поспешила добавить: – но мне даже нравится!

– Ты вообще знаешь, сколько сейчас стоит снять офис в центре города? – хмыкнул Барнаби. – Но для бизнеса важен именно центр! Вот ты бы поехала на какую-нибудь окраину в другом конце города?

Он ткнул в девушку рукояткой ложки, как маленькой рапирой.

Автор иллюстрации Екатерина Крапоткина

- Ну я... да, поехала бы...
- Ну это ты, – немного разочарованно протянул Барнаби, возвращаясь к своему чаю.

– Ну его! – махнул тонкой рукой Ментор. – Ещё вопросы?
– Да. Что такое «звёзды»? Звучит волшебно и здорово, но я... я не понимаю.

– А вот это, – усмехнулся Ментор, – я тебе лучше покажу. На-ка вот.

Он достал из ящика стола прибор, одновременно похожий на очки и бинокль с закрытыми линзами.

– Это что? – тем не менее девушка протянула руку и взяла прибор.

– Современные технологии, душенька! Ты загляни.

За двумя окулярами плескалось чёрное пространство, испещрённое множеством искрящихся точек. И они не были просто картинками. Они мигали и словно бы очень медленно вращались по гигантскому кругу. Если посмотреть подольше, появлялось ощущение полёта.

– Это... звёзды? – прошептала Марта.

– Да, это звёзды.

– А что они такое?

– Кто-то говорит, что это очень далёкие солнца, кто-то, что глаза всех когда-то умерших котов, а мы считаем, что это отражение внутреннего сияния тысяч, миллионов ярких людей.

– А почему... почему у нас их не видно?

– Потому что вы, дорогие мои, потухли.

– И нам приходится делать чёрную работёнку, – недовольно хмыкнул Барнаби. – Зажигать вас обратно. А вы ж как свечки – чуть подул, и всё! Нежные, как...

– Ну-ну, друг мой, наша задача не ругать, а помогать!

– То есть... в объявлении всё правда? Или... – девушка вдруг нахмурилась, – тут же нет скрытой камеры?

– Она нам не верит! – удовлетворённо заключил Барнаби.

– А это поправимо, – улыбнулся в ответ Ментор. Он впервые за всё время общения с Мартой встал и резко хлопнул в ладоши.

Окружающее мигнуло и поменялось. На галечный берег накатывали тревожные волны, резкий северный ветер заставлял кутаться в шарф. Крики чаек дребезжащим писком оглашали окрестности. Позади нависали поросшие вереском скалы, сверху глядело в прорехи грязно-серых облаков синее небо. И нестерпимо пахло морской солью.

– Ой, – сказала Марта.

– «Ой»?! Просто «ой»?! – возмутился Барнаби, державший в руке чайник. – Ментор, кончай метать бисер, и возвращаемся, я чашку не взял.

– Нет! Это... я такого ещё не видела. Я... я хочу это рисовать! – в её глазах внезапно зажглись огоньки. – Тут же вот, и... туда смешать лазурь и серебро...

Казалось, девушка забыла о присутствии двоих существ рядом. Не говоря ни слова, Ментор вытащил из воздуха за собой рюкзачок Марты и протянул ей. Она, в свою очередь, достала деревянный планшет, с листом бумаги, кисти и краски, и по-турецки уселась прямо на мокрую холодную гальку.

Барнаби остолбенело тарашился на работающую художницу. Ментор приложил палец к губам и отозвал напарника подальше.

– Засекай время, Барри, – негромко сообщил он, – эта – наша самая яркая. И она не станет гореть одна. Такой талант зажигает и других.

– Но...

– Держи, – Ментор протянул напарнику белую чашечку с блюдцем. – И наслаждайся.

Автор иллюстрации Крапоткина Екатерина

Алла Кречмер

«ЗАЗЕРКАЛЬЕ»

Мы с Ленкой дружили с первого класса – как сели за одну парту, так и подружались, тем более мы жили в одном доме и играли в одном дворе. Сначала нас было трудно различить – девочки одинакового роста, с одинаковыми тощими косичками и курносыми носами, а потом стала выявляться разница: я училась охотно и хорошо, Ленка у меня списывала. Я много читала и готовилась поступать в авиационный институт; Ленка изучала модные журналы и планировала выйти замуж за олигарха. Наконец мы закончили школу, я поступила в институт, составив конкуренцию парням. А Ленка выяснила, что олигарха для неё никто не припас, и придётся ходить на работу, как все, а до этого вставать по будильнику и ехать на службу в переполненном в утренние часы метро. Она попробовала мне пожаловаться на несправедливость судьбы, когда одним всё, а другим ничего, но тут я, занятая подготовкой к семинару, впервые в жизни не стала её слушать, а выставила надоедливую подругу из дома. Ленка обиделась, и в нашей дружбе появилась трещина.

В тот день я получила диплом, выстраданный мною за пять лет упорной учёбы. И так получилось, что и показать-то его было некому: родители ещё не вернулись из командировки, бабушка безвылазно сидела на даче, а молодым человеком я не обзавелась, как и подругой. Впрочем, была же у меня подруга Ленка, так почему я медлю? Я позвонила ей и пригласила к себе отметить окончание факультета.

Не стану тратить слова на описание наших посиделок, мы просто пили кофе с тортом и болтали о разных делах. Я

рассказала Ленке, что уже получила направление на работу с хорошей зарплатой и возможностью продвижения. Она вроде бы изобразила радость, а потом завела старую песню – почему одним всё, а другим ничего.

– Ну посмотри, Соня, мы же с тобой похожи. Все считали нас сёстрами, но ты вон как продвинулась, а я по-прежнему стою за прилавком и режу колбасу. Ну, подойди к зеркалу, – произнося это, Ленка подталкивала меня к трюмо.

Она ошибалась – время сделало нас непохожими, и рядом с ярко накрашенной Ленкой я выглядела бледно.

– Вот, если бы можно было сказать волшебное слово типа «Мутабор» и попасть в мир, где всё наоборот, и я там профессор, а ты...

Она не договорила: после её слов поверхность зеркала заколыхалась, словно ртуть, и неведомая сила втянула нас с Ленкой внутрь. Это произошло так быстро, что я не успела ничего понять, и лишь потом догадалась, что словечко «Мутабор» из сказки «Калиф-аист» имело волшебную силу, поэтому мы и очутились в Зазеркалье.

Ленка заныла, а я спокойно осмотрелась. Это была моя комната, но наоборот, то есть предметы, стоявшие слева, вдруг оказались по правую сторону. И мой диплом лежал раскрытый на краешке стола. Позвольте, разве он мой? В дипломе чёрным по белому было написано «Дронова Елена Петровна»!

В помещение ворвались какие-то люди с кинокамерами и стали фотографировать Ленку и одновременно поздравлять её с получением звания профессора. Ленка чувствовала себя великолепно при таком обилии внимания. Она вроде бы и не удивилась переменам и принимала почести, как должное.

Одновременно я обнаружила себя за прилавком с колбасой, отвешивающей очередной покупательнице двести граммов салами.

В это время заговорило радио.

— Я скучаю за Вами не менее семьсот двадцать лет. — говорил диктор, — Подольше будьте покрасивше, отдайтесь пластическим хирургам.

— «Что за белиберда на радио? — подумала я, — Это юмористическая передача или нерадивая реклама?»

Передача продолжалась, диктор гнул своё, а мне оставалось лишь отмечать грамматические ошибки.

Чего здесь только ни было — и ложить, и «хто крайний», и кофе-эспрессо, и деликатекс. А в конце объявили, что в передаче шла речь о новом словаре «окадемика» Василия Хрулёва.

Я присвистнула от изумления: «окадемик» учился в нашей школе и был знаменит тем, что сидел в каждом классе по два года.

По телевизору шла какая-то научная программа. За круглым столом восседали несколько девушек и юношей, и среди них Ленка. Молодёжь с удовольствием рассуждала о том, что Земля плоская, Солнце вращается вокруг Земли, а закон всемирного тяготения неправильный, потому что никакого тяготения в природе не существует.

Наконец на первый план вышла Ленка. В строгом деловом костюме она и в самом деле походила на профессора, но, открыв рот, понесла явную чушь и договорилась до того, что плавить металлы можно дома на газовой плите в обыкновенной эмалированной кастрюльке.

Послышалась сирена, и тот же диктор объявил, что началась атомная война, и сейчас мы будем кого-то бомбить. А в убежище спускаться не надо — бомбы ведь упадут на них, а не на нас.

За окном слышался шум. Я выглянула и увидела, что люди строятся в колонны и маршируют к центральной площади.

— «Это сон, — подумала я, — Как же остановить сумасшествие?»

– Впрочем, всё можно переиграть, – продолжал диктор, –
Надо только решить уравнение.

И он продиктовал одно из тех, что гуляют по интернету, и где главное – сообразить, какое действие производить раньше, сложение или умножение, деление или вычитание.

Я торопливо посчитала в уме и громко произнесла ответ. Момент, и туман рассеялся, и мы с Ленкой обнаружили себя в моей комнате перед зеркалом, на столе чашки с недопитым кофе и диплом на имя Софьи Лапиной.

– Что это было? – спросила Ленка. – Я и взаправду была профессором? Нет, Соня, пусть всё остаётся по-старому, а то в мире недоучек как-то неуютно.

Анатолий Ерошкин

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТБОР»

К моменту окончания колледжа Кир так и не определился, кем бы он хотел стать в этой жизни. В разное время ему мечталось быть художником, полицейским, командиром или на худой конец штурманом звездолёта (об этом мечтали в XXV веке все мальчишки от 10 до 13 лет), научным работником... И вообще, не было, наверное, такой специальности, какую бы Кир не примерил на себя. Но когда пришла пора выпускных экзаменов, а потом и получения аттестата, Кир вдруг понял, что до сих пор не знает, какой жизненный путь выбрать. И тогда он решил положиться на случай. Отпечатал на домашнем 3D принтере порядка трёх тысяч шариков с названиями вузов (разумеется, сразу исключив те, к коим точно не лежала душа, вроде сельскохозяйственных и медицинских), рассыпал их в своей комнате по полу и стал ждать, кому выпадет честь определить его дальнейшую судьбу.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять в комнату ворвалась Ксюшка, шестилетняя сестра Кира. Лёгкие шарики, словно подхваченные ветром, закружились вокруг неё в сумасшедшем разноцветном танце. Охранный браслет-нянька хорошо знал своё дело, подстраховав Ксюшку от возможности поскользнуться на них.

— Ой! — взвизгнула Ксюша. — Какие шарики!

Мягкой ладошкой сестрица схватила ближайший, сжала кулачок и тут же спрятала его за спину. По опыту она знала, что бывает, когда без спросу берёшь вещи Кира.

Однако на этот раз, к её безграничному удивлению, Кир доброжелательно отнёсся и к несанкционированному втор-

жению сестры в его комнату. Да и к тому, что один из шариков исчез у неё за спиной.

– Ксюха, – улыбнулся брат. – Давай так: отдай шарик, который поймала, а я тебе подарю все остальные.

Сестрёнка оторопела от такого великодушия и недоверчиво спросила:

– Правда?

– Ну, конечно! – подтвердил Кир.

– Дай честное слово, – хмуря белёсые бровки, потребовала шестилетняя недоверка.

– Чесслово! – безропотно согласился брат.

– Честное-пречестное? – всё ещё не доверяя, поджала губки сестра.

– Чеспречестное! – теряя терпение, заверил Кир.

Ксюшка счастливо улыбнулась и скомандовала охранному браслету:

– Возьми шарики с собой!

Она выскочила из комнаты, а все шарики, словно намагниченные, устремились за ней радужной толпой.

– Стой, Ксюха! – завопил Кир, бросаясь вдогонку. – Отдай шарик, который поймала, а то уши надеру!

Ксюша тормознула, хотя и отлично знала, что при браслетнянке Кир никогда не сможет привести в исполнение свою угрозу. Она обернулась к брату и раскрыла ладонь. Шарик тут же переключался к Киру. Не обращая на сестру больше внимания, будущий абитуриент впился глазами в добычу. «Университет исследований Дальнего космоса» было начертано на сиреневой горошине судьбы.

– О-ё-ё! – только и смог вымолвить Кир.

К выбору факультета Кир отнёсся гораздо осмотрительнее. Он уже перестал доверять случаю и добросовестно изучил

список всех специальностей, которым обучали в УИДК. Или в «улидке», как называли универ в глобальной сети. Выбор пал на факультет первопроходцев. Там готовили спецов, которые первыми высаживались на вновь открытые планеты и изучали их не в тиши кабинетов, не через телескопы и измерительные приборы, а на месте, так сказать, пробовали их на зуб. При этом первопроходцам приходилось отказываться от неимоверного количества благ цивилизации и уподобляться первооткрывателям прошлых веков. Короче, жертвовать всем тем, к чему современный человек привыкал с младенчества. Поразмыслив, Кир понял, что это не для него, но...

Отец, узнав от сына, в какой университет тот намылился, с минуту молчал, потом по-взрослому подал руку своему чаду и сказал с удивлённым уважением в глазах:

— Ты на правильном пути, чтобы стать мужчиной, сынок!

И добавил:

— Матери пока не говори, вдруг не поступишь. Так зачем её тревожить раньше времени?

Кир вздохнул. Если честно, ему было немного стыдно перед отцом. Положа руку на сердце, перед собой можно было признаться в том, что факультет первопроходцев был им выбран с одной тайной и нечестной мыслишкой, озвучить которую вслух он не был готов даже родному отцу. Прежде чем допустить абитуру к экзаменам, на факультете предусмотрели предварительный отбор. В чём заключалась «предварилочка», Кир не знал. Зато выяснил, что на ней «засыпались» восемь — девять из каждых десяти поступающих. На этом и хотел переспорить судьбу в виде ксюхиной сиреневой горошины незаслуженно уважаемый отцом мальчишка. Не пройти «предварилочку», это ведь не то же самое, что не сдать экзамен. Всегда можно будет сказать друзьям и знакомым, что ростом не вышел или ещё что.

Отбор тех, кто «вышел ростом» для первопроходца, ректорат «улидки» назначил на девять утра в среду. Причём не где-то в мегаполисе, а у чёрта на куличках — на берегу Атлантики, где в незапамятные времена жило и развивалось древнее государство Марокко. Чтобы успеть к назначенному часу одолеть расстояние в четыре с лишним тысячи километров, Киру пришлось подняться в пять утра по московскому времени. Поёживаясь от тёплого ветерка и поминутно зевая, он быстрым шагом добрался до ближайшей станции антигравитационного метро. Официально — «Метро-АнтиГрав». В народе — «мага» или «магушка».

В столь ранний час платформа пустовала, и не пришлось искать пустую капсулу. Кир вошёл в самую первую, приложил ладонь к экрану идентификации и, сверившись с полученным приглашением, уверенно проговорил:

— Марокко, Эдь-Джадида, станция 47/5.

Двери капсулы плавно закрылись, и она камнем ухнула вниз, от чего сердце Кира подпрыгнуло до самой глотки. Он и забыл, что путешествовать придётся на четвёртом уровне, рассчитанном на самые дальние расстояния. Первый связывал станции только в пределах городов, второй был междугородним, третий перевозил пассажиров в пределах материка, а уж четвёртый связывал континенты. Кир знал, что есть ещё один уровень, пятый, но им могли пользоваться только пассажиры категории VIP. То есть высокопоставленные правительственные чиновники, главы религиозных конфессий, губернаторы, послы, депутаты, крупные бизнесмены и т. д. Понятно, что в ближайшем будущем путь в «пятёрку» для Кира был закрыт, но он был уверен, что только в ближайшем.

Достигнув нужного уровня, капсула на секунду остановилась, потом заскользила вправо. Через минуту же плавно выползла в тускло освещённый тоннель. Ещё через пару минут

вдали показались габаритные огни АГ-поезда. Капсула начала движение вдоль стены тоннеля, постепенно набирая ход. И как всегда в таких случаях, сердце Кира отчаянно заколотилось. Умом он понимал, что никакого столкновения и быть не может, капсула просто выравнивается по скорости с поездом, чтобы пересадить пассажира в вагон, но дремлющие внутри инстинкты не подчинялись уму, вбрасывая в кровь через надпочечники солидную порцию адреналина. Зато подчинились лёгкому уколу, закреплённого на спине пластыря-врача. Адреналин сгорел, и сердце успокоилось. «Всё-таки хорошая штука этот пластырь-врач», – подумал Кир. Но мысль была мимолётной и не задержалась в мозгу. А «штука» действительно хороша. Пластырь-врач мог не только оказать первичную помощь при сбоях в сердечнососудистой и нервной системах и возможных отравлениях, но и безжалостно уничтожал разные вредоносные микроорганизмы с момента их попадания в организм. Впрочем, на что он ещё способен, Кир не знал. Как и большинство людей, он просто носил пластырь не снимая, а потому практически не болел.

Между тем поезд медленно нагонял несущуюся вдоль стены капсулу. Когда догнал, капсула выровняла ход и с космической точностью состыковалась с дверьми ближайшего вагона. Створки раскрылись, и Кир шагнул в вагон. Едва это произошло, капсула отлепилась от поезда и моментально скрылась из вида где-то сзади. Вероятно, отправилась ждать нового пассажира на одной из ближайших станций.

Кир плюхнулся на свободное мягкое кресло с высокой спинкой и сладко зевнул. Несущийся со скоростью 600 – 1000 км в час АГ-поезд должен был доставить его на станцию 47/5 к половине девятого по местному времени. То есть, через шесть часов. Так что выспаться времени хватало. Но

не мешало и позавтракать. Едва Кир подумал об этом, желудок требовательно заурчал.

— Завтрак! — вопль, чтобы не потревожить немногочисленных пассажиров, произнёс Кир.

В ту же секунду на спинке кресла перед Киrom откинулся столик, в неглубоких ячейках которого он обнаружил пластиковую коробочку йогурта, сэндвич и запечатанный стаканчик кофе. Кир повернул крышечку стаканчика по часовой стрелке, и он тут же стал нагреваться. Подождав полминуты Кир снял крышку и отхлебнул ароматный, горячий напиток.

После завтрака спать расхотелось, и Кир принялся рассматривать пассажиров вагона. Впереди через два ряда от Кира молодая парочка обнималась и целовалась, не обращая ни на кого внимания. Наискосок какой-то дедок на вид лет так под сто пятьдесят смотрел последние известия по 3D-визору, изредка осуждающе покачивая головой. Заметив взгляд Кира, дедок улыбнулся и приглашающим жестом указал на место рядом с собой. Вероятно, глубокому пенсионеру стало скучно и захотелось поболтать. Но о чём говорить с таким древним старцем, Кир решительно не знал, а потому, никак не отреагировав на приглашение, просто отвернулся. Это было невежливо, но кто же чрезмерно любезничает со случайным попутчиком, которого видишь первый и, скорее всего, последний раз в жизни?

Короче, впереди не наблюдалось ничего и никого интересного. Кир уже хотел обернуться назад, чтобы полюбопытствовать, кто там сзади, но тут бесшумно открылась дверь и в вагон вошли двое парней атлетического сложения. Оба громко хохотали и похлопывали друг друга по плечам.

Дедок, слушающий новости, досадливо поморщился и включил антишумовую защиту. Приглушённый звук 3D-визора окончательно перестал долетать до ушей Кира. Он,

по примеру дедка, тоже хотел было с помощью браслет-хранителя отгородиться от шума, но тут один из атлетов громко сказал приятелю:

– Кончай психовать! Подумаешь, какая-то «предварилетка». Прорвёмся, не такое видавали!

Кир наострил уши. Неужели эта пара едет туда же, куда и он? Если так, может спросить у них, что такое предварительный отбор? Но тут второй атлет ответил:

– Ага, не психуй! Я, может, всю жизнь мечтал в Дальний космос попасть, а тут могут отсеять как непригодного на какой-нибудь фигне.

– Надо было тогда узнать, что нас ждёт на «предварилетке», – резонно заметил первый.

– Узнай попробуй! – саркастически хмыкнул второй. – Я со старшекурсниками на эту тему говорил, молчат, как сколопендры с Тартонуса-4. Только один по секрету шепнул, что с них подписку взяли о неразглашении деталей «предварилетки». Наказание за нарушение секретности – отчисление из «улидки» и солидный штраф для тех, кто засыпался на отборе.

Тут собеседники заметили интерес Кира к их разговору. Ещё бы не заметить, если уши его растопырились наподобие локаторов дальней связи.

– Ты чего, салабон?! – наехал на Кира первый. – Совсем страх потерял?

Но второй осадил дружбана, просто включив шумозащиту. Первый ещё беззвучно пооткрывал рот в сторону Кира, но, поняв, что его слова не долетают до наглого салабона, зло отвернулся, предварительно погрозив Киру кулаком.

Кир усмехнулся и включил купол-игру. Вагон исчез, а сам Кир очутился в виртуальной реальности, где вонючие и клыкастые зомби пытались дотянуться до его горла слюнявыми пастями.

За игрой время поездки пролетело незаметно, и Кир даже вздрогнул, когда приятный девичий голос сообщил, что через пять минут ему высаживаться. Кир с сожалением отключил игру и удивился, что вагон уже набит под завязку. И у трёх из четырёх дверей толпились высаживающиеся пассажиры. По четверо у каждой. То есть ровно столько, сколько могла вместить капсула. У четвёртой же стояли только атлеты, и Киру ничего не оставалось делать, как присоединиться к ним. Впрочем, они не обратили на него никакого внимания, только пренебрежительно двинули уголками губ. «Ну и фиг с вами! — зло подумал Кир. — Надеюсь, вас зарубят на «предварилровке»». В этот момент он как-то забыл, что и сам собирался «зарубиться» на ней.

После вагона и капсулы с их пресным кондиционированным воздухом океанический ветерок, ласково коснувшийся лица Кира, доставил ему неизъяснимое удовольствие. Но наслаждаться было некогда. Недалеко от платформы станции 47/5 стоял вместительный автобус на гравитационной подушке с бросающейся в глаза надписью по борту «Университет исследований Дальнего космоса». И атлеты, приехавшие вместе с Киrom, спешили к нему. Он последовал за ними, а поскольку почти все места уже были заняты, ему опять пришлось усесться позади них.

— Привет, салабон! — обернулся к нему первый атлет. — Ты что, тоже в первопроходцы наврострился?

— А хотя бы? Тебе то что? — с вызовом ответил Кир.

— Мне-то ничего, — ухмыльнулся атлет. — Только скажи, на фига такие дистрофики нужны в Дальнем космосе?

— Чтобы таких как ты из передряг вытаскивать, — не остался в долгу Кир.

Заполонившие автобус парни и девчонки весело заржали, по достоинству оценив ответ Кира. Атлет зло зыркнул на них при-

щуренными глазами, но развивать конфликт не стал. Да и некогда уже было выяснять отношения. Все места были заняты и гравиавтобус вырулил со стоянки, сразу же развив приличную скорость. Ехал, а точнее, скользил в полуметре от земли, он не по трассе, а вдоль океанического побережья. И уже через минуту окраина Эдь-Джадида скрылась из виду. А ещё через десять минут будущие абитуриенты «улидки» выгружались возле одинокого здания в форме полусферы. Встречал их высокий загорелый здоровяк в широкополой панаме и защитного цвета шортах.

— Привет, абитура! — зычно и весело поприветствовал он прибывших. — Располагайтесь, сейчас начнём. Прохлаждаться некогда, кроме вас, сегодня ещё три группы.

— А где располагаться-то? — удивилась курносая девчонка.

— Где хотите, весь пляж в вашем расположении, — радостно осклабился здоровяк и жестом гостеприимного хозяина широко провёл рукой по воздуху. — Только далеко не отходите, скоро ваш декан выйдет, а он никого ждать не будет. Кто не успел, тот опоздал!

Молодые люди разбились по кучкам и разбрелись по песку. Кир подошёл к кромке прибоя и опустил руку на мокрый песок. Шурша набежала волна и пробежалась по пальцам шипучей газировкой. Кир улыбнулся. Он всегда любил море за его непокорность и властную силу. А тут даже не море, а океан! Океанище! Окунуться бы в него, поплескаться от души, смыть все сомнения и печали...

Ага, окунуться, тут же одёрнул себя Кир. Кто знает, сколько опасностей и гадостей для цивилизованного человека таит в себе эта грозная водная стихия. Он же не дикарь из XXI века, чтобы вот так запросто прыгать в непродезинфицированный водоём. Лучше не рисковать, целее будешь. Но океан лизал руку Кира солёным языком, и как-то совсем не верилось в то, что он опасен для человека.

– Эй, абитура! – прокатился над пляжем рык здоровяка. – Все сюда!

Кири вместе с остальными ребятами поспешил на зов. Из полусферы вышел... Нет, не может быть! Тот самый дедок, что ехал с Кириом в вагоне «магушки». Неужели это декан факультета первопроходцев? Ну да, именно к нему почтительно обратился здоровяк:

– Начинаем, Сергей Владимирович?

Дедок кивнул и вышел вперёд.

– Доброе утро, ребята!

Голос его был не по годам звонок и весел. И Киру стало стыдно, что он проигнорировал приглашение такого человека. А декан продолжал:

– Меня зовут Воздвиженский Сергей Владимирович. С вами же мы познакомимся позже, конечно, с теми, кто останется. Тест, который вы обзываете «предварилровкой», а в официальных документах именуется предварительным отбором, весьма прост. Видите красный буюк в двадцати метрах от берега?

Все разом повернули голову в сторону океана. Действительно, не так уж далеко от пляжа на ласковых волнах покачивался не то красный шар, не то конус.

– Каждому из вас, – улыбнулся дедок, – надо доплыть до него и шлёпнуть ладонью по боку. Ваша биометрия уже находится в памяти буйка и шлепок будет зафиксирован как прохождение теста.

– И всё? – недоверчиво спросил рыжий как огонь парнишка.

– Всё! – лучезарно улыбнулся ему здоровяк-ассистент декана.

– Так это же раз плюнуть! – весело воскликнул уже знакомый Киру атлет номер два и вместе с приятелем они зашагали к полосе прибоа.

– Эй! – окликнул их ассистент. – Погодите! Есть несколько маленьких условий.

– Каких условий? – удивился атлет номер один.

– Маленьких, – усмехнулся здоровяк. – Но важных! Так что вернитесь пока ко всем.

Атлеты нехотя пришагали обратно.

– Итак, – снова взял слово декан Воздвиженский. – Тест всем понятен?

– Да, – нестройно ответило несколько голосов.

– А теперь наши условия. Все, кто хочет участвовать – шаг вперёд.

Будущие абитуриенты качнулись к нему. На месте никто не остался.

– Очень хорошо! – обрадовался декан. – Продолжим. Для начала все, кто хочет участвовать, должны снять с себя климат-одежду.

Вчерашние школяры недоверчиво переглянулись. Климат-одежда стала настолько привычной для цивилизованного человека, что без неё он чувствовал себя не просто неловко, а как рыба без воды. В ней одинаково комфортно было в зной, мороз, метель и дождь. Она хранила температуру тела, не давая ему перегреться и переохладиться, не пропускала влагу извне и удаляла изнутри, да и вообще защищала. И без неё войти в океан?! Это же риск, сравнимый разве что с выходом в открытый космос без скафандра! Кир надеялся, что декан пошутил. Но взглянув на Сергея Владимировича, понял, что тот вовсе не шутит. Глаза Воздвиженского изучающе смотрели на молодых ребят, нерешительно переминающихся с ноги на ногу.

– Ну что же вы? – насмешливо вмешался в процесс здоровяк-ассистент. – Боитесь?

– А вы нас на слабо не берите, – решительно расстегнул молнию климат-куртки атлет номер два.

– Молодец! – похвалил его здоровяк. – Кто ещё?

– Я! – шагнул вперёд рыжий парень.

– И я! – откликнулась курносая девчонка.

Из пятидесяти абитуриентов, приехавших на пляж, расстаться с климат-одеждой решилась примерно половина. Одним из последних стал стаскивать климат-свитер атлет номер один. Перед этим он презрительно глянул на Кира, так и не решившегося на столь смелый по современным понятиям эксперимент.

Кир завёлся. Если уж эти качки, у которых мускулы заменяют мозги, смеют на него так смотреть, то как посмотрит на него отец, впервые увидевший в нём мужчину? Кир решительно рванул с плеч недавно вошедший в моду анорак. Без климат-одежды он сразу почувствовал, насколько жарким был воздух берега Атлантики. Непривычное к таким температурам тело тут же отозвалось мурашками, пробежавшими по рукам и ногам, а солнце обожгло открытые плечи раскалённым железом. Но дело было сделано, Кир оказался среди тех, кто не испугался сойтись с матушкой-природой в равной схватке. Сердце Кира наполнила гордость. И он как равный глянул прямо в глаза атлета номер один. Тот снова улыбался, но на этот раз его улыбка была поощряющей.

– Молодец, са... студент! – тихо шепнул он Киру.

– Рад стараться, вашскородие! – шутливо щёлкнул босыми пятками, которые немилосердно жёг песок, Кир.

– А вы, – обратился к тем, кто не смог перебороть себя и остался одетым, декан, – пройдите вот туда. – Палец Воздвиженского указал на полусферу: – Там вам выдадут ваши документы и возьмут расписку о неразглашении процедуры предварительного отбора.

Унылая цепочка ребят и девочек, поминутно оглядываясь, потянулась в указанном направлении.

– Можно плыть? – спросил атлет номер два.

– Нет, – отрезал декан. – Теперь снимите охранный браслет.

Все замерли. Это был удар под дых. Без климат-одежды худо-бедно можно было заставить себя шагнуть в океанские волны, но как это сделать без браслета?! Без охранника, призванного страховать обладателя от всех мыслимых и немыслимых случайностей, защищать от агрессии любых живых существ, а также от огня, острого железа (и не только его), от всего, что может нанести физический вред человеку. Охранный браслет надевали на руку ребёнку в возрасте шести месяцев, и целые поколения людей выросли, ни единожды не снимая его с руки.

Но декан был непреклонен. Он строго и внимательно следил за реакцией каждого. А она у всех была одна – страх, недоумение, растерянность. И вдруг Кира накрыла волна бесшабашности! Он шагнул вперёд и первым набрал код снятия браслета-охранника. Браслет удивлённо щёлкнул и упал на горячий песок. Через полминуты за спиной Кира опять щёлкнуло. И опять. И опять. Он насчитал девять щелчков.

Полтора десятка оставшихся под защитой охранника, уже не спрашивая никого, потянулись в полусферу. А Кир окинул взглядом тех, кто остался рядом с ним. Оба атлета, курносая девочка и рыжий были на месте. Ещё два парня и две девушки тоже решились на отчаянный шаг.

– Теперь всё? – с надеждой спросил у декана Рыжик.

– Почти, – довольным голосом отозвался Сергей Владимирович. – Осталась сущая чепуха – отлепить от спины персональный пластырь-врач. Кто не дотянется сам, пусть попросит друзей помочь.

Кир внутренне содрогнулся. Он так и представил, как полчища микробов и вирусов набросятся на его незащищённый организм уже на берегу, не говоря об океанской пучине. Гепатит, чума, холера, спид – память услужливо подбрасывала в мятущийся разум названия древних побеждённых человеческим гением болезней. А ещё инфаркт, инсульт, стенокардия и миокардит... Боже, как хрупок и слаб человек! Да этот Воздвиженский настоящий садист, раз может обречь на мучительную смерть столько безвинных людей. На берегу воцарилась вязкая и тягучая тишина. Никто не решался расстаться с последним уровнем защиты. Климат-одежда – это по большому счёту лишь комфорт. Браслет-охранник – тоже не беда, надо быть просто внимательнее к окружающему миру. Но пластырь-врач – это жизненная необходимость, без него не обойтись.

На этот раз декан не смотрел на ребят и не торопил их. Он о чём-то вполголоса беседовал со своим ассистентом, отвернувшись к морю. И вдруг Кира как током ударило: на спине здоровяка не было персонального пластырь-врача! Да и у декана тоже. Лёгкий ветерок поднял полы его рубашки (обыкновенной, не климат!) и Кир мог своими глазами убедиться, что ста пятидесятилетний дедок не прятался от земных напастей за гениальными изобретениями цивилизации. И как же он умудрился дожить до преклонных лет, сохранив способность работать и ясно мыслить? Значит, это возможно! И Кир решительно попросил атлета номер один:

– Отцепи мне пластырь!

– Уверен? – испуганным голосом отозвался тот.

– Уверен! – твёрдо ответил Кир.

Примеру Кира последовали только четверо. Всё те же атлеты, Курноска и Рыжик.

Ассистент декана уважительно посмотрел на них и скомандовал:

– Вперёд, к буйку!

И Кир побежал к океану. Он первым отчаянно нырнул в солёную, ласковую безбрежность, закачался на волнах и брасом поплыл к буйку. Звонкий шлепок по боку красного конуса возвестил, что «предварилровка» пройдена. «Мама дорогая! – подумал в этот момент Кир. – Я же хотел засыпаться на ней, а получилось, что не только сам прошёл, но и других за собой потянул». Но к собственному великому удивлению Кир несколько не огорчился тому, что не исполнил первоначальный план. Он счастливо засмеялся и поплыл к берегу, наслаждаясь солёными объятьями великана-океана.

Кир теперь точно знал, для чего понадобилась «предварилровка» факультету первопроходцев. Ведь там, на далёких планетах у звёзд Галактики человек не может пользоваться привычными для землян защитами. Для этого просто не будет возможности, пока планета с помощью первопроходцев не станет обжитой. Первопроходец окажется один на один с чужим и зачастую враждебным для людей миром. А значит, должен не только постоять за себя с помощью достижений науки, но и с помощью своих иммунитета, внимательности, осторожности, знания основ медицины и ещё тысячи навыков, которым его обучат на самом лучшем факультете «улидки».

На берегу, когда они впятером шагали к улыбающимся декану с ассистентом, атлет номер один протянул Киру руку и представился:

– Вадик!

– Кирилл! – пожал твёрдую ладонь Кир.

– Ты молоток! – уважительно признался Вадик. – Если б не ты, я бы, наверно, не решился... Да и Вовка, – он кивнул в сторону атлета номер два, – тоже. Но я всё равно не понимаю, откуда в тебе такая решимость?

Кир снова беспечно расхохотался. Не будешь ведь объяснять хорошему парню Вадику, что во всём виноват океан — огромный, величавый и дружелюбный.

Не презрительные взгляды и усмешки, не огорчённый взгляд отца дали толчок дремлющей в Кире отваге, а ласковая волна, лизнувшая солёным языком его руку на полосе прибоя. Океан звал, просил, умолял подружиться с ним, и Кир не мог устоять перед этой мольбой. Хотя и не сразу понял это.

Анатолий Ерошкин

«В ШАГЕ ОТ ВОЙНЫ»

«Намордник» надоел Киру хуже горькой редьки. Но деваться было некуда, атмосфера очередной захолустной планетки, на которую неделю назад высадились Кир и его команда первопроходцев, была бедна кислородом. Вот и приходилось таскать на лице кислородную маску, а за плечами баллон с «топливом» для лёгких. И «топливо», и «намордник» — эти слова с лёгкой руки рыжего зубоскала Кольки в обиход вошли. И прижились так, что не отодрать. Да уж, в даре давать прозвища заму капитана не откажешь, он и эту планетку осчастливил названием Пердь. В официальных документах его, разумеется, не употребишь, но в кают-компании иначе эту каменисто-гористую пародию на Землю не называли. Пердь, она и есть Пердь — глушь, глухомань, захолустье.

Кир вздохнул и направил гравискутер в долину между неприступными скальными утёсами. Ничего интересного! Валуны, галька, редкие серые мхи возле ручейков и мелких речушек, спадающих со склонов в небольшое озерцо. Даже признаков самых захудалых аномалий не наблюдается. Весь отчёт об исследовании наверняка будет пестрить в графах пометками «нет», «не обнаружено», «не имеется».

Кир тормознул скутер возле озера, поправил «намордник» и сошёл на камушки. Размять ноги совсем не помешает, впереди ещё часов пять обшаривания закоулков долины на предмет поиска артефактов — откуда им здесь взяться? — да хоть какой-нибудь неадекватности в бесконечной череде скальных обломков.

– Николай, слышишь меня? – произнёс Кир в микрофон, встроенный в маску.

– Слышу, командир! – тут же отозвался в наушнике-горошине бодрый голос зама, несущего скучную вахту в жилом модуле, пока все остальные члены экипажа носились на гравикутерах «по долинам и по взгорьям».

– Есть новости?

– Ничего особенного, только Алька ногу слегка подвернула.

– Помощь требуется?

– Говорит, что нет. А как у тебя Кир?

– Тоска. Чует моё сердце, что грандиозных открытий нам здесь не светит.

Колька рассмеялся:

– А что ты хотел? Пердь – не небесная твердь! Чудес не будет.

– Ладно, отбой! А то ты ещё какой-нибудь стих смастрячишь. А нафига мне зам-поэт? – усмехнулся Кир.

– Отбой, так отбой, – согласился Колька. – Ты давай не теряйся, докладывай, как полагается, что видел, что слышал, куда провалился...

– Типун тебе на язык! – привычно осадил не в меру расшутковавшегося зама Кир и отключил микрофон.

Огляделся. Отвесные скалы, озерцо, отражающиеся в его глади зеленоватое небо... А это что? Среди розовых облаков, плывущих в зеркале воды, появилась растущая на глазах чёрная точка, по широкой дуге пикирующая прямо в долину. Орёл? Какой орёл, одёрнул себя Кир. Ведь на этой Перди даже насекомых нет, одни мхи да микроорганизмы. И тут ожил наушник:

– Кир! – заполошено надрывался вахтенный Колян. – Это Пердь знает что! Приборы с катушек слетели. Умник с ума сошёл, сейчас молчит, а сначала нёс какую-то ахинею! Кир, ты меня слышишь?

– Слышу, старлей! Не кипишуй! – отозвался Кир. – У меня тоже кое-что нарисовалось.

– Ты как кэп? – обеспокоенно, но уже по-деловому спросил зам. – Что там у тебя?

– НЛО.

– Что?!

– Неопознанный летающий объект, – хмыкнул Кир. – И, похоже, он намерен познакомиться со мной.

– Кэп, высылаю роботов охраны, продержись 10 минут до их прибытия. Работаю в режиме ручного управления, Умник так и молчит. Слышишь меня?

– Да слышу я! – ответил Кир и поинтересовался: – Как остальные?

– В порядке! Не светись там, скройся где-нибудь.

Чёрная точка, пикирующая с небес, между тем уже выросла до размеров хищной птицы. На глазок прикинув расстояние до неё, Кир попытался определить её размеры. Ничего себе птичка! Размером со сверхзвуковой истребитель конца XX века. Только вместо крыльев едва различимый радужный полукруг какого-то силового (или гравитационного?) поля.

Кир огляделся в поисках укрытия. Самым подходящим местом, чтобы переждать визит незнакомца, ему показался внушительных размеров валун придавивший своим весом две каменюки поменьше. Между ними оставалось пространство, куда можно было втиснуться, как в капонир «времён Очаковских и покоренья Крыма». Ужом проскользнув в это как нельзя кстати замеченное убежище, Кир осторожно выглянул из-под валуна и обалдел. Вдогонку за первым «истребителем» из облаков пикировали ещё три. В том, что они преследовали первого, не было сомнений. Короткие вспышки в их носовой части, белые облачка разрывов вблизи удирающего летуна и сизый дымок, уже стелившийся за ним, недвусмысленно да-

вали понять, что секунды его сочтены. И точно, один из зарядов, выпущенных преследователями, попал в цель. Радужное посверкивание «крыльев» истребителя исчезло, а в середине его вспучился горб взрыва. Однако за миг до этого, от НЛО отделился и камнем полетел вниз маленький на фоне развернувшейся баталии комочек.

— Колян, ты на связи? — почему-то шёпотом спросил Кир, хотя за грохотом воздушного боя вряд ли кто мог его слышать.

Наушник молчал. Гнетущая тишина ясно давала понять, что связи нет. А значит, и помощь от своих под вопросом.

Меж тем оторвавшийся от взорванного НЛО комочек плавно притормозил перед поверхностью планеты и всего в двадцати метрах от укрытия Кира предстал несомненный гуманоид о двух руках и ногах, прижимающий к груди какую-то штуковину, смахивающую издалека на огромных размеров яйцо, покрытое грязно-серыми разводами. Гуманоид беспомощно повертел своей грибовидной головой с блестящей полоской вместо глаз и полным отсутствием ушей, попытался было шагнуть в озерцо, но в панике отпрыгнул от воды, как ошпаренный кипятком.

— Колян, ответь! Ответь же! — шептал Кир в микрофон, но ответа не было.

Чёрт! Назревал контакт с разумными существами, грозящий перерасти в конфликт, а тут, как назло, даже посоветоваться не с кем, какие действия предпринять. Кир осторожно, чтобы ничем не выдать себя, вытащил из поясной кобуры ручной бластер, и поставил его на боевой взвод. Стрелять в братьев по разуму он не собирался, но, следуя Уставу первоходцев, обязан был быть готовым к любым неожиданностям. А они не заставили себя долго ждать.

Преследователи гуманоида не удовлетворились сбитым аппаратом, и припердили свои штурмовики в долине. Стих ро-

кот двигателей, распахнулись проёмы и трое громил ступили на поверхность Перди. В отличие от «марсианина», как мысленно окрестил Кир первого инопланетянина, в них не было даже намёка на что-то человеческое. Больше всего они походили на связку дождевых червей, перехваченных посреди не чёрной блестящей изолентой. Только размером эти связки были с трёх Киров. А передвигались они со скоростью, которой мог бы позавидовать любой чемпион по бегу. С ходу окружив гуманоида, который не успел ничего предпринять, чтобы скрыться, черви попрытали какие-то весьма смахивающие на оружие штуkenции в пояс-изоленту и мерзко застрекотали, уставясь на свою жертву верхними извивающимися половинками. Где у них глаза и рот, Кир так и не понял. Но ведь как-то они различали окружающее, раз моментально нашли преследуемого. И чем-то издавали свой противный скрежещущий стрекот.

Гуманоид молча присел, бережно положив своё яйцо у ног, и выпрямился, прихватив в каждую руку по увесистому булыжнику. Стрекот червей стал громче и омерзительней. Да они смеются над ним, осенило Кира. Волна гнева окатила первопроходца с головы до ног. Как может одно разумное существо измываться и уничтожать другого? Из курса истории Кир, конечно, знал, что и люди грешили этим многие века, но ведь те детские болезни были излечены ещё до того, как человечество шагнуло в Дальний космос. А эти?

А эти с нескрываемым удовольствием стали размахивать своими извивающимися нижними частями тела, моментально выбив камни из рук гуманоида, а затем принялись методично избивать его, не давая тому даже упасть. В мозгу Кира гремело: «Устав запрещает вмешиваться в конфликт других рас! Устав запрещает! Устав за...». В этот момент всё-таки рухнувшего на камни беспомощного и избитого вусмерть гуманоида

попытался добить вытащенным оружием червь. Разум Кира похолодел и он, поймав в прицел бластера червеподобного упыря, мягко нажал на спуск. Впопыхах он не успел перевести оружие в режим одиночной стрельбы. И сразу три сгустка плазмы вдрызг разнесли червеподобного монстра, забрызгав ошмётками плоти округу. Двое его сотоварищей, продемонстрировав прекрасную военную выучку, тут же порскнули в противоположные стороны, на ходу вытаскивая своё оружие. Но Кир хладнокровно, словно в тире Центра боевой подготовки первопроходцев, не чувствуя ничего, кроме ярости, расстрелял их грамотными одиночными выстрелами.

И тут ожил наушник:

– Кир, ты где? Отзовись, Кир! – зывал голос верного зама.

– Здесь я, – опустошённо ответил Кир.

– Наконец-то! – Колян облегчённо вздохнул. – У нас тут такое творится. Вся аппаратура вышла из строя... Стоп! Вроде всё заработало, даже Умник, ну, в смысле, бортовой компьютер, очнулся. Сейчас спрошу у него, что это было...

– погоди, не тарыхти так! – поморщился Кир. – Срочно дай мои координаты всему экипажу. И сам прибуди сюда.

– А вахта?

– Сдай её Альке, а сам мигом сюда. Понял?

– Что-то случилось, Кир? – не на шутку обеспокоился зам.

– Случилось, Коля! Ещё как случилось, – невесело хмыкнул Кир. – Чую я, что спровоцировал галактическую войну.

– Да ладно?! – не поверил Колян.

– Дуи сюда! – повторил свой приказ Кир и отключил связь.

Уже ближе к ночи в кают-компании жилого модуля, после бурного обсуждения случившегося, Кир выслушал вердикт экипажа.

– Я бы на твоём месте поступил так же, – сказал Вадик.

– Однозначно! – подтвердил его слова Вован.

– А что, надо было ждать, пока эти... прикончат парня? – взволнованно воскликнула Алька.

– Ты был прав, командир, – подвёл черту спорам Колян.

Кир облегчённо вздохнул. Гораздо более, чем приговор предстоящего, Кир в этом не сомневался, трибунала, его волновала реакция друзей на стрельбу по инопланетянам. А война...

– Умник! – обратился Кир к бортовому компьютеру. – Каковы шансы на то, что будет галактическая война?

– Ноль процентов, – тут же отозвался механический голос.

– Как это?

– Анализ полученных данных показал, что произошёл пространственно-временной сбой, благодаря которому и случился контакт с двумя расами, находящимися в состоянии войны. Через несколько секунд сбой завершится, и нас снова будут разделять миллионы лет и миллиарды парсеков. Пришельцы и всё их оборудование вернуться в ту же точку пространственно-временных координат, с которой прибыли.

– И будут живы?!

– Разумеется.

Кир облегчённо вздохнул. Всё-таки не готов он был к тому, чтобы нести на себе груз убийства... Пусть инопланетных монстров, но всё же разумных.

Анатолий Ерошкин

«ИСКРЯЩИЙСЯ МИР»

Жилой модуль, предназначенный для проживания первопроходцев в условиях враждебной человеку среды на протяжении длительного времени, мягко опустился на поверхность планеты, не имеющей пока даже названия. Только номер. Непосвященным он ничего не говорил, но спецсы с лёгкостью расшифровали бы, что речь идёт о планете земного типа, пятой по счёту от светила, вокруг которого вращается. А ещё, благодаря «четвёрке» в номере, было ясно, что находиться на данном «шарике» человек может даже без лёгкого скафандра, поскольку атмосфера, вода, почва были настолько идентичны земным, что не могли нанести существенного вреда здоровью человека. А уж 0,8 от земной силы тяжести и вовсе делали его пребывание на нём воистину лёгким.

Но это лишь теоретически. На практике же земным первопроходцам не раз и не два за историю освоения Дальнего космоса приходилось улепётывать с подобных райских уголков Галактики с такой скоростью, что только корма звездолёта трещала. Хорошо ещё, если обходилось без человеческих жертв. Космос велик и непредсказуем, а число его загадок, аномалий, отклонений от привычной для землян реальности столь велико, что и названия-то всем, с которыми столкнулось человечество, ещё не придумали.

— О чём задумался, командир? — окликнул Кира его рыжеволосый и конопатый заместитель Николай.

Кир тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли:

— Да вот думаю, Колян, с чего начать.

– Ха! – ухмыльнулся никогда не теряющий чувства юмора зам. – Если не знаешь, что делать, загляни в Устав, там всё прописано. Вплоть до того, с какой ноги утром вставать.

– А там ничего нет насчёт того, как должен поступить командир с членом экипажа, который в условиях экспедиции подкалывает его? – ехидно поинтересовался Кир.

– Есть! – радостно осклабился Николай. – Вздёрнуть на рее. Параграф 153, пункт 7.

– Помни об этом! – воткнул в его сторону указательный палец Кир и тут же посерьёзnel: – Труби общий сбор через пять минут.

– Есть! – уже без всякого намёка на шутку козырнул зам. и вдавил кнопку громкой связи на пульте управления: – Всем членам экипажа через пять минут собраться в кают-компанию. Я могу идти?

– Иди! – кивнул Кир.

После ухода зама он ещё раз окинул взглядом большой, во всю стену сенсорный пульт управления и наблюдения. На нём помигивали разноцветные огоньки, мерцали сменяющие друг друга бледно-зелёные цифры, подрагивали кривые графиков, светились экраны. Главный компьютер ежесекундно обрабатывал всю информацию, поступающую с наружных датчиков, и выводил её на главный экран. Он же следил за состоянием самого жилого модуля, обеспечивая безопасность экипажа.

Откуда взялось это дурацкое название «жилой модуль» Кир не знал. Напичканный электроникой и прочими современными прибабасами, вплоть до оружия, которому мог позавидовать патрульный сторожевик, несущий службу на орбите потенциально опасной планеты, «ЖМ» вполне мог претендовать на звание планетолёта. Да, тихоходный, да, немного неуклюжий и малоповоротливый, но полностью авто-

номный, вооружённый и способный самостоятельно выходить на орбиты планет, где его подбирали транспортные звездолёты, чтобы перебросить за тысячи парсеков от уже «первопройденной» планеты к другой, неизученной. Так что никакой он не «МэЖо», как прозвали его некоторые остряки из других подразделений космического флота, а самый настоящий планетолёт. И со своим названием, между прочим. Пусть неофициальным, но единогласно принятым всеми членами экипажа ещё во время их первой экспедиции – «Дружба».

– Командир, все в сборе, – раздался в горошине-наушнике индивидуальной связи голос зама.

– Иду, – отозвался Кир.

Он вышел из рубки управления и спустился в бытовой отсек палубой ниже. Здесь располагались каюты членов экипажа, мини-спортзал с бассейном, медицинский блок, камбуз и прочие помещения, призванные сделать жизнь первопроходцев относительно комфортной. Кают-компания находилась в конце длинного коридора. Неподалёку от неё располагался лифт, ведущий на нижний, рабочий уровень. Машинное отделение, склады, лаборатории, снаряжение, различные механизмы, основная и вспомогательная шлюзовые камеры для выхода на поверхность исследуемой планеты – всё это было там, внизу и ждало своего часа. Но сейчас требовалось соблюсти формальности, предусмотренные Уставом после прибытия на неизученную планету.

– Господа офицеры! – громко произнёс Николай, едва Кир шагнул в кают-компанию.

Все встали. Подтянутые, подчёркнуто сосредоточенные, с серьёзными лицами.

Кир командирским взглядом окинул свою команду. Четыре первопроходца, четыре друга, четыре человека, каждому из которых он, не задумываясь, доверил бы свою жизнь.

Вихрастый рыжий Колька – зубоскал и заводила, а ныне его зам., понимающий с полуслова поставленную задачу и делающий всё для её выполнения. Даже в самые критические моменты его зелёные с озорной искринкой глаза смотрели на мир прицельно и весело, находя повод для шутки и выход из очередного тупика.

Вадик и Вован. Похожие, словно братья – высокого роста, атлетически сложенные, сильные и уверенные в себе. Круглолицы, сероглазы, лопоухи. Незаменяемы в ситуациях, когда надо действовать, а не размышлять. Впрочем, недооценивать их умственное развитие не стоило. У каждого в личном деле есть запись: «обладает неординарными аналитическими способностями».

Ну и, конечно, украшение их команды – Алька, Алевтина, Аллочка. Невысокая, курносая, с коротко стриженными волосомами, её издали можно было принять за мальчишку. Но вблизи она излучала такую женственность, что не заметить это мог разве что глупый юнец или глубокий старец. Но никаких романов, интрижек и прочих шуры-муры Алька в экипаже не позволяла. Точнее, пресекала их на корню. Причём так, как это умеют делать обладатели коричневого пояса каратэ. Резко, быстро, доходчиво. Но при этом для всех она оставалась другом – настоящим, искренним, преданным, готовым пожертвовать всем для спасения любого.

– Друзья! – совсем не по-уставному начал свою традиционную речь Кир. – Поздравляю вас с прибытием на новую планету! С общими характеристиками её вы знакомы по отчётам разведывательных зондов и наземных самоходных платформ, однако, оболящаться их оптимизмом не советую. Через два часа мы будем первыми людьми, кто ступит на поверхность... кстати, будут какие-то рабочие названия для неё?

– Конечно, будут! – тут же отозвался Колян. – Гольф!

– Почему? – не удержался от вопроса Кир.

– Ну, она такая круглая, зелёная, гор почти нет... Как поле для гольфа.

Засмеялись все. Торжественность первого собрания пропала, словно её и не было.

– Ну ты даёшь, Колька! – хлопнул остряка по плечу Вадим. – А может, её сразу Мундиалем назвать? А что, чемпионат мира по футболу это тоже зелёное поле и круглый мяч.

– Не, это не пойдёт, – отрицательно покачал головой Колян. – Стадионы тут ещё строить, как будто у нас других дел нет.

– Искра, – задумчиво произнесла Алька.

– Что? – повернулся к ней Кир.

– Искра! – уже громче произнесла Алла. – Понимаешь, Кир, среди отчётов есть одна немаловажная деталь. Да вы все, наверно, её отметили. Наличие на планете большого количества атмосферного электричества. Отсюда обилие гроз, сияний и молний. А что такое молния? Это искра.

– Да ну, Искра! – разочарованно протянул Колька. – Никакой оригинальности.

Никто на его реплику не отреагировал, все знали, что он точно так же отозвался бы о любом названии, предложенным не им. Все ждали, что скажет командир.

– По-моему, неплохо, – через небольшую паузу произнёс Кир. – Слушайте приказ: через два часа сбор у нижнего шлюза всех, кроме Николая, который остаётся на вахте.

– Почему я? – обиженно протянул зам.

– За Гольф, – отрезал Кир. – Группе высадки: надеть лёгкие скафандры, взять с собой личное оружие, не удаляться от модуля далее ста метров. Время первой высадки полчаса. Вахтенному офицеру: отслеживать ситуацию вокруг, при малей-

шем изменении обстановки объявлять сигнал тревоги. Всем всё ясно?

– Да ну, Кир! – разочарованно отозвался Вадик. – По-моему, ты перестраховываешься. Планетка-то вполне миролюбивая. Здесь даже фауны крупнее мыши нет.

– Приказ не обсуждается! – отрезал Кир и вышел из кают-компания.

В глубине души командир был согласен с Вадимом, Искра действительно казалась идеальным местом для землян, ведь даже имеющиеся на ней микроорганизмы, согласно отчётам, не были способны нанести вред людям. Но Устав требовал во время первого выхода на поверхность новой планеты максимально обезопасить экипаж.

У шлюзовой камеры первопроходцы на минуту задержались. По созданной ими же самими традиции бросили жребий, кому первому шагнуть в новый неизведанный мир. По Уставу Кир имел полное право сам решить, кому предоставить такую честь, но разве небольшая доза романтики мешала когда-нибудь его команде? Да и кто знает, может, фортуна лучше, чем он, разбирается в таких делах? А она на этот раз улыбнулась Альке. Её лицо, защищённое слегка затемнённым стеклом шлема, расплылось в довольной улыбке.

– Вот видите, Искре понравилось имя, которое я ей придумала, – донёсся до всех через наушники её весёлый голос.

– Иди уже! – махнул рукой Кир и дверь выходного шлюза мягко прошелестела, открывая Альке путь на Terra Incognita.

Через десяток минут они вчетвером стояли на поверхности Искры спиной к спине и внимательно оглядывали окрестности, не выпуская из рук лёгкие бластеры. Но всё вокруг дышало спокойствием. Лучилось чуть зеленоватым светом местное солнце, небольшой ветерок шевелил низкорослый кустарник и длинные плети каких-то невиданных растений, похо-

жих на облысевшую деревенскую крапиву, и никто не крался через заросли, норовя вцепиться в глотку непрошеным гостям.

– Вахтенный, как обстановка?

– Всё в порядке, – тут же отозвался Колян. – Все показатели в норме, аномалий не наблюдается.

– Можно разойтись, – разрешил Кир, и группа разделилась, продолжая внимательно сканировать окрестности.

Сам Кир двинулся в сторону небольшого холма метрах в пятидесяти от модуля. С его вершины он видел каждого из членов команды и контролировал их действия. Хотя, если честно, особой нужды в этом не было. Несмотря на молодость, бьющее через край жизнелюбие и гусарство в повседневной жизни, во время высадки на планеты и работы его экипаж проявлял чудеса собранности, дисциплины и самоконтроля.

Сейчас они перешучивались и показывали друг другу привлекшие их внимание находки: какого-то насекомого с шестью радужными крыльями, отчаянно бьющегося в перчатке пойманного его Вадима, удивительной красоты цветок, замеченный в зарослях Алькой, диковинный плод, похожий на спрощую тонкими концами грушу или гантелину, отысканный Вованом. Идиллия, чёрт возьми!

– Все ко мне! – скомандовал Кир.

Когда команда собралась на холме, спросил:

– Какие первые впечатления? Ничто не насторожило?

– Нет, командир! – первым отозвался Вован. – По-моему, всё в норме.

– Ну да, – поддакнул ему Вадик. – Ничего особенного, даже скучно как-то.

Кир перевёл взгляд на Аллу.

– Всё в порядке, Кир, – подтвердила и она. – Только...

– Что «только»?

– Пойдёмте, покажу.

Алька подвела их к вросшему в землю валуну. На первый взгляд ничем не примечательному.

– И что? – спросил её Вадик.

– Затемните стекло шлема.

Кир последовал совету и понял, что насторожило Альку. По поверхности валуна скакали вразной небольшие искорки электрических разрядов. Из-за этого он казался ёлочной игрушкой, отражающей мерцание новогодних гирлянд.

– Всем отойти! – тут же приказал Кир.

Когда они удалились от странного камня метров на десять, связался с замом:

– Вахтенный, понял, что нас заинтересовало?

– Так точно! – по-уставному ответил Колян.

– Просканируй этот булыжник.

– Уже делаю.

Минут пять прошли в томительном ожидании, после чего вахтенный разочарованным голосом сообщил:

– Фигня какая-то, командир. Радиация в норме, магнитное поле отсутствует, гравитация тоже на уровне, да и прочие параметры не превышают естественных.

– Происхождение валуна?

– Судя по всему, природное образование, возраст около полумиллиона лет, никаких следов вмешательства посторонних сил, не считая атмосферных явлений, не наблюдается.

– Тогда что это за искорки?

– Электрические разряды малой мощности, – пояснил Колян. – В отчётах же говорилось о большом количестве атмосферного электричества, видимо, камень как-то его аккумулирует.

– Как думаешь, опасность для нас есть?

– А чего тут думать, я уже спросил об этом нашего Умника, он считает, что опасность ноль целых, ноль десятых.

Умником Колян звал бортовой компьютер с зачатками искусственного интеллекта, и с его лёгкой руки весь экипаж подхватил данное прозвище. Сам компьютер не возражал против этого, впрочем, его никто и не спрашивал.

— Установите возле этого электрошокера датчики и видеокамеры, пусть фиксируют все изменения, — скомандовал Кир Вадику с Вованом, а сам отвёл Альку в сторону и переключился на индивидуальную связь с ней:

— Как ты их заметила?

— Кого их? — изумлённо распахнула ресницы девушка.

— Не включай... красавицу! — резко осадил её Кир. — Ты прекрасно поняла, о чём я. Искры не заметны при свете, а ты их разглядела. Как?

— Понимаешь, командир, — смутилась Алька. — Мне почему-то не даёт покоя эта наэлектризованность планеты. Хочешь, назови это женской интуицией, но я чувствую какой-то подвох во всём этом. Потому и целенаправленно искала... Ну и нашла.

— Понятно, — пробормотал Кир и переключился обратно на общую связь: — Всем в модуль, прогулка закончена.

— Командир! — возмущённо возопил Вован. — А как же первый вдох воздуха новой планеты? Это же можно сделать при первом выходе!

— Нельзя! — отрезал Кир. — На сегодня всё. Всем к шлюзу.

Через неделю экипаж «Дружного» уже свободно расхаживал по Искре в рабочих комбинезонах, хоть и обвешанных различными датчиками и приборами, но при этом не имеющих функций защиты от агрессивной среды. Поскольку никакой агрессии ни сами первопроходцы, ни Умник, непрерывно изучающий окружающую обстановку, так и не обнаружили. И до чего же всё-таки было приятно дышать не стерильной

«воздушной смесью» звездолёта или скафандра, а нектаром, по-иному и не скажешь, Искры. Воздух был напоен незнакомым благоуханием чужой растительности, а свежесть не поддавалась описанию. Вован однажды во время обеда начал было просвещать друзей, что эта свежесть — порождение атмосферного электричества и постоянных гроз, которые озонируют атмосферу Искры, а если озон превысит допустимую концентрацию в воздухе, то пользы от этого не будет... Но его бесцеремонно прервали смехом и подшучиванием. Во-первых, Умник тут же подал бы сигнал тревоги, появившись опасность от озона. А во-вторых, ещё не забылись скучные лекции по химии, во время которых, как оказалось, головы будущих первопроходцев основательно забивались не нужными на практике формулами. Вован обиделся и больше разговоров об озоне не заводил.

Рабочие дни первопроходцев на Искре проходили достаточно однообразно. Им не нужно было искать полезные ископаемые, как геологам, собирать образцы незнакомой фауны и флоры, уподобляясь ботаникам или энтомологам, брать образцы воды, почвы и вообще заниматься подобной научной тягомотиной. Со всем этим прекрасно справлялись бортовой компьютер и десяток роботов-вездеходов, под завязку забитых различной электроникой и оснащённых гибкими щупальцами-манипуляторами. Задача же экипажа «Дружбы» была проста и сложна одновременно. Они, оседлав гравискутеры или пешком, совершали облёт или обход разбитой на квадраты местности, вглядываясь, вслушиваясь, внюхиваясь в окружающий мир, пытаясь засечь хоть какие-то следы разумной деятельности или чего-то, что не укладывалось в рамки привычной для человека реальности. Предельная концентрация внимания на протяжении всего рабочего дня, постоянное ожидание встречи с неизведанным здорово выматывали пер-

вопроходцев, но пока были безрезультатными. Никаких аномальных зон, артефактов, свидетельствующих о том, что разум имеет отношение к Искре, не наблюдалось. Лишь изредка встречались такие же искрящиеся валуны, как и тот, что обнаружил Алька в день высадки. Но Умник уже давно пришёл к заключению, что это природное явление, представляющее интерес лишь для узких специалистов, которые придут на планету после них.

Да, похоже, Искра действительно была райским уголком для землян, и Кир, изучая отчёты экипажа и Умника, всё больше склонялся к мысли о том, что ничего интересного их здесь не ждёт. За четыре месяца они изучили почти 70 процентов территории единственного материка Искры, и вряд ли на оставшихся тридцати их ждало что-то необычное. Поэтому оставалось лишь вздохнуть, да не давать расслабляться утомлённым каждодневным однообразием членам экипажа.

А вот, кстати, и они, вернувшиеся с очередной «прогулки». Стандартная процедура обеззараживания прямо в шлюзовой камере, затем обследование и взятие анализов в медицинском блоке, душ – и дружный топот в кают-компанию. Подведение итогов дня по традиции совмещали с ужином. Хотя никто не освобождал членов экипажа от обязанности составления официального и скрупулёзного отчёта о каждом рабочем дне.

– Ну что, ребята? Как прошло сегодня? – спросил Кир, когда первый голод был уже утолён.

– Нормально! – почти одновременно ответили Вован и Вадик.

– Ничего нового, – добавил первый.

– Это точно! – согласился второй. – Только зря время теемся на этой Искре.

– А ты что скажешь? – обратился Кир к рыжему заму.

– Знаешь, командир, я, пожалуй, выйду в отставку и останусь здесь навсегда.

– И что будешь делать? – засмеялся Вован.

– Как что? Поступлю, как мужчина: построю дом, посажу дерево и рожу сына.

– Всё сам? Даже сына родишь?

Тут засмеялись уже все. Молодость, несмотря на усталость, брала своё.

– Ха! – ничуть не смутился Колян. – Вам бы только поржать, а я, между прочим, этот вопрос тоже продумал, пока скакал по пригоркам на скутере.

– Неужто аборигеночку какую нашёл? – фальшиво изумился Вадик.

Рыжий зам. окинул его высокомерным взглядом графа и снисходительно похлопал по плечу:

– Это вам, без роду и племени, пристало жениться на аборигенках, а нам, отпрыскам знаменитых родов, дозволено вступать в брак исключительно с женщинами Земли.

– И ты уже нашёл такую? – спросил Вадик.

– Конечно, хочешь, познакомлю? Алевтина, знакомься, это Вадик, он будет шафером на нашей свадьбе.

Только отличная реакция помогла Коляну уклониться от звонкого шлепка ложкой по лбу, но при этом он всё же опрокинул вазочку с мороженым на свои шорты.

– В следующий раз не промахнись! – пообещала Алла, продолжая как ни в чём не бывало лакомиться десертом.

Звонкий смех стал ответом на её слова. Когда отсмеялись, а Колян убрал салфетками липкую сладость с одежды, Кир ещё раз обратился к нему:

– И всё же, что скажешь о сегодняшнем дне?

– Да всё вроде нормально, командир! – уже серьёзным голосом ответил зам.

- Вроде? Тебя что-то насторожило?
- Да ничего особенного, просто хочу проверить одну свою мысль.
- Какую же?
- Понимаешь, мы за четыре месяца, точнее, за 127 дней, восемьдесят три раза наблюдали ночную грозу. Так?
- Ну да.
- И ни одной дневной. Почему?
- Об этом климатологов надо спрашивать, – вмешался Вован.
- Верно, – согласился зам. – Климатологов, планетологов, патологоанатомов и прочих узких в талии и взглядах специалистов. А свои мозги мы можем включить?
- Повисла задумчивая пауза, которую прервал Вадим:
- Думается мне, что здесь прослеживается некое разумное начало...
- Да ну тебя! – неожиданно резко среагировала на это заявление Алька. – Какое разумное начало на планете, где нет никаких следов осмысленной деятельности?
- Кир переглянулся с замом. В глазах Коляна он уловил чуть заметную тревогу, которая кольнула и его самого при словах девушки.
- Ты не волнуйся так, Аля, – продолжил между тем Вадим. – Это же только предположение. Представь себе, что некто управляет грозами на Искре. Тогда нужно определить, зачем ему это требуется, как он это делает и всё – мы выйдем на него самого.
- Фантастических фильмов посмотрелся, – ехидно скривила губы Алька. – Если каждую грозу подозревать в разумности, то тебе нужно из первопроходца переквалифицироваться в кинорежиссёры.
- А по-моему, в предположении Вадьки что-то есть, – вмешался в спор Вован.

– И ты туда же! – всплеснула руками Алла. – Сплошной детский сад, а не экипаж первопроходцев. Скажи им, Кир!

Кир побарабанил пальцами по столешнице, а потом улыбнулся:

– Чего спорить? Давайте спросим Умника, есть ли в предположении Вадима рациональное зерно.

– Спроси, – забавно хмуря брови, согласилась Алька.

– Умник, включи громкую связь, – скомандовал Кир.

– Слушаю, командир! – тут же отозвались динамики в кают-компании.

– Слышал наш разговор? Ответь на уже сформулированный вопрос.

– В предположении лейтенанта Вадима Сергеева рациональность составляет ноль целых две сотых процента.

Алла торжествующе рассмеялась в лицо Вадиму:

– Вот видишь, аналитик, чего стоят твои идеи!

Но Кир вновь обратился к бортовому компьютеру:

– Основания для такого вывода?

– Для управления грозами требуются станции климат-контроля, аналогичные земным. Ничего похожего на Искре нет. Нет и природных аномалий, которые хоть в какой-то степени могли бы взять на себя функции подобных станций.

– Чем тогда обоснованы твои 0,02 процента?

– Неполнотой данных об Искре. Ещё не исследована вся территория и существует вероятность обнаружения объектов, о которых уже сказано ранее. Она-то и составляет 0,02 процента.

– Что, съели? – язвительно и ликующе обратилась Алька ко всем собравшимся и поднялась со своего места. – Можете продолжать в том же духе, а я пойду отдыхать. Разрешите идти, командир?

– Иди, Алла! – разрешил Кир. – И отдохни хорошенько, что-то не нравится мне твоё настроение.

— Есть, командир! — почти серьёзно ответила младший лейтенант Старшова, на этот раз позволив себе лишь самую капельку иронии.

Кир тоже поднялся с места и обратился к Вовану с Вадиком:

— Вы тоже отдыхайте, ребята. И постарайтесь не обращать внимания на выпады Аллы. Думаю, надо ей дать пару дней отдыха.

— Да мы всё понимаем, — ответил за двоих Вадим. — Устала девчонка.

— Вот и хорошо, — резюмировал Кир. — Идите. А ты, Колян, зайди ко мне на минутку.

Командирская каюта Кира была на порядок просторнее тех, что занимали члены экипажа. Была в ней даже комната переговоров с двумя креслами и диванчиком возле низенького журнального столика.

— Присаживайся, где удобно, — кивнул Кир Коляну, а сам направился к небольшому бару, спрятавшемуся в переборке: — Выпьешь что-нибудь?

Вообще-то, употребление алкоголя среди первопроходцев не приветствовалось, но и не находилось под строжайшим запретом. Правда, во время экспедиций командир единолично распоряжался запасами спиртного в модуле.

— Пожалуй, немного виски мне не повредит, — отозвался зам. — А то печень чересчур расслабилась в последнее время. Надо её взбодрить.

Кир улыбнулся и плеснул в бокал Николая щедрую порцию Naig Club, себе рассеянно налил красного вина, даже не обратив внимания на его название.

Когда были сделаны по паре глотков из бокалов, а кофе-автомат наполнил комнату превосходным запахом свежеприготовленного эспрессо, Кир спросил зама:

— Что думаешь?

– Ты по поводу Аллы? – уточнил Колян.

– Давай без экивоков, – поморщился Кир. – Ты всё прекрасно понял, и задавать уточняющие вопросы нет надобности.

Николай отодвинул в сторону бокал с остатками виски и пригубил кофе:

– Что ж, давай напрямки, Кир. Мне не нравится состояние Альки, её поведение и, конечно, агрессивность. Можно списать всё на усталость, но, по-моему, она что-то скрывает от нас.

– Что именно?

– Кабы знать!

– Коль, что и как можно скрыть в жилом модуле, где все на виду, а каждый шаг и действие контролируется Умником? – задал резонный вопрос Кир.

– Командир, ты что, считаешь, что я сгущаю краски? – вопросом на вопрос ответил зам.

– Отнюдь! – вздохнул Кир. – Иначе, зачем бы я позвал тебя сейчас сюда? Попьянствовать?

– С тобой попьанствуешь, как же! Ты же можешь смаковать глоток вина целый вечер, пока все другие от жажды погибают.

Кир невесело хохотнул. Он оценил попытку зама развеселить его, но заноза, засевшая в его мозгу задолго до сегодняшнего дня, не давала расслабиться. А сегодня Алка очень сильно шевельнула её.

– Колян, давай вместе проанализируем всё и попытаемся понять, что происходит?

– А ничего не происходит, командир! – посуровел зам. – Подумаешь, младший лейтенант Старшова периодически сбивается с обозначенного маршрута при обследовании территории. Подумаешь, она один только разик нарушила режим, пройдя после посещения поверхности Искры в каюту раньше медосмотра. Подумаешь, по ночам она запирается в ла-

боратории, а о том, чем там занимается и об итогах своих исследований никому не сообщает. Подумаешь, настроение у неё такое, что даже наш кот Дружбан шарахается от неё, как от овчарки...

– Про кота ты это серьёзно?

– Более чем! Я сам видел, как она хотела взять его на руки, а тот так зашипел, будто его второй раз кастрировать хотят. Постой, а причём тут кот? Ты что, считаешь его самым важным из всего сказанного? – изумился Колян.

– Просто об этом я не знал, – пояснил Кир.

– А это имеет принципиальное значение?

– Николай, ты меня удивляешь! Ты что забыл, для чего в каждом экипаже первопроходцев имеется кот или кошка?

– «Животные семейства кошачьих остро реагируют на присутствие чужеродных форм жизни...», – на память процитировал Колян одну из многочисленных инструкций. – Командир, ты считаешь, что Алла пронесла в модуль... Зачем?!

Но Кир уже почти не слышал его. Глубоко задумавшись, он пытался принять какое-то решение. Впервые в своей практике ему пришлось столкнуться с тем, что член экипажа так явно нарушил Устав. Причём в самой строгой его части, касающейся внеземной жизни. За это ему полагались немедленный арест, доставка на Землю, суд и, как самое малое, отчисление из корпуса первопроходцев. И всё это не какому-то абстрактному «ему», а ей, конкретной Альке, участвующей вместе с командой «Дружбы» уже в семи экспедициях.

– Командир! – глядя на посуровевшее лицо Кира, почти прошептал Колян. – Ты что, хочешь...

Даже у него не повернулся язык произнести такое простое слово «арест». А Кир уже отдавал распоряжения бортовому компьютеру:

– Боевая тревога! Угроза извне и внутри! Лейтенантам Сергееву и Смирнову прибыть в рубку управления и занять места согласно боевому расписанию! Младшему лейтенанту Старшовой срочно прибыть в каюту капитана! Срочно!!!

По всему жилому модулю раздалась громкие противные звуки тревожного зуммера, во всех помещениях нервно замигали красные светодиоды. Сам же Кир достал из сейфа два карманных бластера и протянул один из них своему заму.

– Зачем? – растерялся Колян.

– Встанешь у неё за спиной и будешь контролировать ситуацию.

– Но... командир, я не смогу.

– Сможешь! – жёстко произнёс Кир. – И не распускай сопли, старлей! Мы не знаем, с чем столкнулись и чего нам ждать! Так что страхуй меня и стреляй в случае необходимости на поражение, – и тут же, без перерыва: – Умник, где Старшова?

– Младший лейтенант Старшова в лаборатории на нижнем уровне. Ваш приказ ей передан, но она не отреагировала.

– Немедленно дать видеосвязь с лабораторией.

Тут же засветился монитор на стене каюты. Но вместо ожидаемой картинки на нём вразнобой проносились разноцветные сполохи.

– Что со связью, Умник?

– Выведена из строя.

Послышалось Киру или в бесстрастном голосе бортового компа явственно проступили растерянные нотки? Впрочем, и сам Кир испытал замешательство. Просто потому, что все системы жилого модуля были разработаны с тройным уровнем защиты, обойти которую было невозможно. Во всяком случае, так уверяли разработчики.

– Смирнов! – связался с рубкой управления Кир. – Что у вас?

– Непонятки, кэп! – тут же отозвался Вован. – Похоже, вышел из строя весь лабораторный отсек. Полное отсутствие информации о его состоянии.

– Что за пределами модуля?

– Собирается гроза. Как раз над нами.

– Защита выдержит?

– Кэп, как она может не выдержать? – не скрыл недоумения Вован. – Даже теоретически...

– Мне не до теорий, Володя! – оборвал его Кир. – Немедленно рассчитать силу приближающейся грозы по всем параметрам. Как только будет результат, сразу доложить.

– Есть, кэп! – обиженно отозвался Вован.

– Оставайся постоянно на связи, – не обращая внимания на тонкие движения его души, скомандовал Кир. – Мы к лаборатории. Обо всех изменениях обстановки докладывать немедленно.

Уже подходя к лифту, ведущему на нижний уровень, Кир с Коляном вновь услышали встревоженный голос Вована:

– Командир, похоже, весь нижний уровень вышел из-под контроля... Лифт тоже!

– Понятно, – зло процедил Кир. – Колян, к аварийному спуску!

И они бегом помчались в обратную сторону.

– Это ещё не всё, командир, – раздался голос Вадима. – Мы получили расчёты по собирающейся грозе...

– Короче и по существу!

– Кир, ситуация критическая. Если гроза разразится над нами, мощностей защиты хватит на полчаса, плюс-минус пять минут.

Не снижая скорости, Кир скомандовал:

– Вован, Вадик, это приказ: немедленно надеть скафандры с повышенным уровнем защиты и запустить процесс самоликвидации модуля через двадцать минут...

– Но...

– Никаких но! Забирайтесь в спасательную капсулу, отрывайтесь от модуля и в момент прорыва защиты – слышите! – в момент прорыва защиты стартуйте на орбиту.

– Командир!!!

– Некогда, Вадик! Друзья, делайте, как я сказал. Это ваш шанс.

После этих слов Кир отключил связь с рубкой и обратился к Коляну:

– Всё понял?

– Если честно, то ни хрена, – отозвался тот.

– Ну и ладно, если повезёт, поймёшь потом. А сейчас у нас одна задача – остановить Альку.

Они успели. Аварийный спуск на нижний уровень привёл их прямо к рабочему шлюзу, выводящему на поверхность Искры. К нему же по слабоосвещённому коридору шла младший лейтенант Стршова. В её левой руке слабо мерцала голубоватым светом самая обычная лабораторная колба.

– Стоять! – скомандовал Кир.

Алька остановилась и растерянно посмотрела на него с Коляном.

– Далеко собралась?

– Кир, мне нужно выйти на поверхность.

– Вернуть искорки?

– Как ты догадался?

– Алька, расскажи всё, пожалуйста! – попросил Кир.

– Позже. Сейчас у меня нет времени. Пропусти нас, Кир!

Алька шагнула вперёд. Почувствовав движение за спиной, Кир глянул назад. Колян поднял руку с бластером и целился из него в голову Альке. Глаза её удивлённо расширились:

– Коля, ты выстрелишь в меня?

– Даже не сомневайся, – заверил её Колян.

– Но за что? – перевела взгляд на Кира Алла.

Не отвечая на вопрос, Кир шагнул вперёд. Алька тут же спрятала руку с колбой за спину.

– Алла! – ещё раз мягко, но настойчиво, обратился к ней Кир. – Объясни, что происходит?

– Не сейчас, Кир! – чуть не заплакала младший лейтенант. – У нас почти нет времени! Ещё немного и нас всех просто уничтожат!

Колбая за спиной Кира презрительно фыркнул. Он так и не отвёл прицела от головы Альки. Кир сильно нажал на его руку сверху, опуская ствол бластера книзу.

– Младший лейтенант Старшова! – железным голосом командовал он. – Кратко и точно доложите обстановку и что вы предполагали сделать!

– Кир... – почти всхлипнула Алька.

– Отставить! – рявкнул Кир. – Докладывайте по Уставу!

– Есть! – сработали рефлексы первопроходца, и Алька вытянулась по стойке смирно. – Примерно через десять минут жилой модуль будет атакован. Кем, я не знаю. Моё намерение: выйти из него и вынести на поверхность планеты искорки, собранные мною во время одной из «прогулок». Это предотвратит нападение.

– Уверена?

– Так точно!

– Давай сюда колбу!

– Но...

– Отставить! Выполняйте приказ!

Алька протянула ему требуемое. Колба оказалась на удивление тяжёлой и горячей. За её стеклом посверкивали и перепрыгивали с места на место около двух десятков электрических искр. Они не гасли и не вспыхивали вновь. Они просто... жили?

Отгнав прочь ненужные сейчас мысли, Кир шагнул к шлюзовой камере.

– Командир!

– Кир!!!

Это кричали Колян с Алькой, но Кир, не оборачиваясь, скомандовал:

– Оставайтесь на месте и ждите.

Через минуту за его спиной зашипела, закрываясь, дверь шлюза. Кир в это время включил связь с рубкой управления:

– Есть кто?

– Так точно, кэп! – отозвался Вадим.

– Почему не выполнен приказ?

– Ну...

– Ладно, ответишь по Уставу, – хмыкнул Кир. – А сейчас остановите процесс самоликвидации модуля, ведите съёмку и всеми возможными способами фиксируйте происходящее у основной шлюзовой камеры. Ясно?

– Так точно, уже сделали.

Кир шагнул на поверхность Искры. Ночь накрыла планету. Но темноты не было. Сотни разноцветных разветвлённых молний полыхали по всему небу, кромсая мрак и освещая всё вокруг. А прямо напротив шлюза за защитным силовым полем танцевали причудливый танец около трёх десятков шаровых молний, внося свою лепту в развернувшуюся фантасмагорию. И хотя защитный купол гасил звуки до приемлемого человеческим слухом уровня, грохотало вокруг так, словно кто-то нещадно лупил кувалдой по огромной железной бочке.

– Вадик, готов? – связался Кир с рубкой.

– Да, кэп!

– Отключи защитное поле на тридцать секунд.

– Но, Кир! Без него модуль не продержится против такой силищи и пяти минут!

– Делай, что говорю!

– Есть. Готово!

Слабое мерцание силового поля исчезло. И в ту же секунду Кир открыл колбу, выпуская на волю скачущие в ней искорки. Те не заставили себя ждать и тут же выпорхнули вверх стайкой искрящихся мотыльков. А дальше произошло невообразимое. Из-под ног Кира вырвались десяток молний и мгновенно унесли искристую стайку в исчёрканное электрическими рядами небо. Гроза пошла на убыль, и через несколько минут тьма окутала всё вокруг...

В кают-компании висела тягостная тишина. Ни тебе обычных шуточек, ни перешёптываний, ни разговоров. Предстоял разбор полётов, а не обычное планирование наступившего дня.

– Значит так, – начал его Кир. – По идее, за неисполнение приказа я должен арестовать лейтенантов Сергеева и Смирнова. А также младшего лейтенанта Старшову за нарушение Устава первопроходцев, выразившееся в нарушении инструкции по контакту с внеземными формами жизни. Что скажете?

– Можно мне, командир? – тут же сказал Колян.

– Говори.

– В соответствии с Уставом я должен взять командование модулем на себя и арестовать, простите, вас, кэп.

Кир поднял на него удивлённые глаза:

– С чего бы это?

– В нарушение Устава вы бросили командование модулем в критической ситуации, подвергнув себя и экипаж неоправданному риску.

– О как! – Кир даже не скрывал своего раздражения. – А не напомнишь, почему пришлось это сделать?

Заместитель молчал, но глаз не отводил. Кир глубоко вдохнул и резко выдохнул воздух, подавляя свой протест против

такой трактовки его поступка. После чего встал, отцепил с рукава форменной рубашки шеврон капитана и протянул его Колян:

– Выполняйте свой долг, старший лейтенант!

Ни слова не говоря, зам. взял протянутый ему символ капитанской власти и приладил на свой рукав.

– А вот теперь поговорим! – непривычно жёстко и без всякого намёка на обычное балагурство произнёс он. – Для начала я хотел бы услышать, как Алла объяснит свой проступок?

Помолчав минуту, Алька расплакалась и начала свой рассказ. Искорки, которые она первой обнаружила на планете, постоянно притягивали к себе её внимание. Она никак не могла поверить в то, что это просто безвредная природная аномалия. И чем больше она к ним присматривалась, тем чаще у неё возникала мысль, что они живые. Хотя все приборы фиксировали обычные электрические разряды, сама Алька видела, что искорки не исчезали, как это обычно бывает после разряда, а просто перемещаются по валунам, причём не в хаотичном, а каком-то организованном порядке.

– Почему сразу не доложила командованию, как положено по Уставу? – спросил Колян, искоса глянув на молчавшего Кира.

– Не хотела, чтобы меня подняли на смех, – ответила Алька.

Вот те раз! Кир-то считал, что в экипаже царят взаимопонимание и дружелюбная атмосфера, а оказывается...

– Продолжай! – скомандовал Колян.

– А что продолжать, – вздохнула Алька. – В какой-то момент я почувствовала любопытство искорок к нашему модулю. Не знаю как, но почувствовала...

– И решила пронести их сюда? – встрял в рассказ Вадим.

– Да, – с вызовом тряхнула головой Алька. – Решила. Только не знаю, сама ли решила или кто-то за меня это сделал. Я просто протянула к ним руку, и они сами спрятались под комбинезоном.

– А что ты делала в лаборатории по ночам? – не утерпел от вопроса Кир.

– Пыталась вступить с ним в контакт.

– Удалось?

– Нет. Наш контакт напоминал скорее отношения человека с котятами, нежели встречу двух разумных существ. Я чувствовала их желания, любопытство, но не более того.

– А как же тогда ты узнала, что на модуль готовится нападение? – спросил Кир.

– А как ты догадался об этом и даже объявил боевую тревогу? – вопросом на вопрос ответила Алька.

Кир задумался, вспоминая тогдашнее своё состояние. И острое чувство опасности, пронзившее его с головы до пят.

– Не знаю, – честно признался он. – Интуиция, наверно.

– Вот-вот! – усмехнулась Алла. – У меня было то же самое. Ничего конкретного, но я знала, что если не вынесу искорки из модуля, нас просто разнесут в клочья.

– Кто? – разом спросили все.

– Не знаю, но думаю, что это вся электрическая жизнь планеты... Дело в том, что все эти искры и молнии не индивидуальны, они обособлены, но вместе с тем составляют нечто единое. Точнее, они едины, но каждый сам по себе...

Алька сбилась и замолчала. По всему было видно, что она не в силах объяснить то, с чем столкнулись они на Искре.

– Ладно, – прервал затянувшееся молчание Колян. – Пусть с этим разбирается отдел контактов Внеземелья. Теперь Смирнов и Сергеев. Почему вы не выполнили приказ капитана?

Вадик и Вован встали. Переглянулись. И промолчали.

– Ну, я жду! – в голосе Коляна явственно звучали командирские нотки.

Киру даже стало интересно. Он никогда не думал о своём заме, как командиру, а тут понял, что в нём есть всё, чтобы стать им.

– Знаешь, Николай, – серьёзно и тихо сказал Вадик. – Мы не первый год вместе. И мы не могли оставить вас в критической ситуации, пока оставался хоть малейший шанс спасти хотя бы кого-нибудь.

– А как же приказ? – так же тихо спросил Колян.

– За невыполнение приказа готовы понести заслуженное наказание, – ответил уже Вован. – Но просим капитана учесть, что капсула стартовала бы в момент прорыва защитного поля, вышла на заданную орбиту, послала сигнал бедствия и дожидалась спасательного корабля. На её борту были все материалы о случившемся с нами.

– И ни одной живой души... – пробормотал Колян.

– Почему же? – обиделся Вован. – Дружбан был там. Он бы спасся.

Упоминание о коте разрядило атмосферу. На лицах появились улыбки. Киру тоже стало почему-то приятно, что их любимец выжил бы даже при пиковом раскладе.

– Ну, вот и всё, расследование закончено, и я передаю командование капитану, – сказал Колян, отцепил шеврон и протянул Киру.

Но Кир не взял его. Он вскинул глаза на зама и чётко произнёс:

– Нет, Колян. Ты единственный из нас, кто действовал по Уставу, не нарушал инструкций, а значит, именно тебе командовать и сдавать нас в руки трибунала.

Колян усмехнулся:

– Ты уверен, что я весь такой правильный? Что я должен был делать у шлюза, когда мы остановили Альку?

– Страховать меня от возможного нападения...

– И если бы Алька напала...

– Стрелять! – с трудом произнёс Кир и посмотрел на Старшову.

Алька внимательно слушала их и в её глазах, казалось, гнула давняя дружба всего экипажа.

– Так вот, – жёстко произнёс Колян. – В бластере, который ты мне дал, заряд батареи был на нуле. И я промолчал. Я не мог подстраховать тебя, Кир, и тем самым тоже нарушил твой приказ.

Глаза Альки засияли. А Кир, вместо ответа, взял капитанский шеврон и молча прицепил его на рукав. Криво улыбнулся:

– Похоже, мы предстанем перед трибуналом в полном составе.

Через несколько часов, когда было сделано всё для эвакуации с планеты Искра и до старта на орбиту оставались считанные минуты, Кир, сидя в командирском кресле, обратился к заму:

– Колян, зачем ты соврал? Я ведь осмотрел оба бластера, когда вынул их из сейфа. Зарядка у обоих была полная. Искал повод, чтобы вернуть мне капитанство?

– Да ты чо? – изумился Колян. – Я ж только во вкус вошёл. И если бы не бластер...

– Колян, я серьёзно!

– Ну, раз серьёзно, то слушай кэп: я бы всё равно не стал стрелять в Альку, даже если бы она со своим поясом каратэ растерзала вначале тебя, а потом меня. Я даже не снимал бластер с предохранителя. И значит, тоже нарушил приказ.

– Но почему?

– Кир, ты же всё прекрасно понял, – досадливо поморщился Колян. – Мы с первого курса вместе. И дружим чёртову уйму лет. И если какой-то там Устав встаёт между нами, то пусть он катится в самую глубокую чёрную дыру Вселенной!

Кир отвернулся, чтобы Колян не заметил его довольную улыбку. Ни к чему командиру поощрять крамольные мысли членов экипажа. Даже если согласен с ними на все сто процентов.

Валерия Трофимова-Рихтер

«ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ – ЗЕМЛЯ»

1. ДОСТИЖЕНИЕ

Я не верил до тех пор, пока сам не увидел это.

Достижение науки, громадный скачок в квантовой физике. Великолепие учёной мысли.

Космический корабль, растворившийся на глазах.

Формирование стабильного пространственного туннеля перенесло межзвёздные полёты из мира научной фантастики в реальность... То, что ещё несколько лет назад мы считали недостижимым, иллюзорным футуризмом!

Народ нашего государства застыл перед экранами. Охнула толпа, ликующе всматриваясь в громадный подвижный монитор на площади Победы. Скептики скривились перед домашними телеэкранами, не решаясь переключить «Вести» на мультимедийные обзоры по киберспорту.

Я наблюдал эту картину из выпуклых сферических окон Центрального Здания Науки. Стальной корпус корабля блеснул в предрассветном розоватом небе и исчез. А на всех экранах моего кабинета включилась прямая трансляция полёта — такая, как она есть. С радостными выкриками и матерками-междометиями членов экипажа... Капитан м-м-м-м, впрочем, неважно кто, верещал от радости, как ребёнок.

У них получилось.

Значит, получилось и у нас.

Наша общая победа в эпоху гонки вооружений.

Ручка от кофейной кружки скользила в руках, вспотевших от радостного возбуждения. Мой кабинет никогда не казался мне настолько светлым, просторным — и, в то же время, уютным. Меня больше не раздражало мерцание интерактивной доски и давящий гул блоков. Даже пыль, слоями осевшая на технике, казалась привлекательной в лучах нового дня...

Новой эры для нашего народа.

2. ЯВЛЕНИЕ

Я отхлебнул холодного кофе, чуть не выплеснув на чистенький пиджак остатки гущи. Даже её очертания напоминали мне формы космического корабля.

Телевидение продолжало галдеть о достижении, пока я наслаждался особенным утром.

Идиллия продолжалась до тех пор, пока разом не погасли экраны.

По моим мониторам, большим и малым, пошли помехи. Экраны рябили, фыркали и плевались, словно завидуя нашим успехам.

Прошло несколько секунд прежде, чем они загорелись снова. А на молочно-голубом небе появились очертания чёрной точки, которая становилась всё больше и больше...

Огромный чёрный корабль овальной формы, тёмной тучей завис над площадью Победы близ здания Корпорации. На неоднородной чёрной поверхности подрагивала серебристая рябь — похожая на помехи экранов в моём кабинете.

Такого совершенного гиганта вживую я видел первый раз в жизни. Только подумать — больше нашей главной площади! Наверняка в нём может уместиться более тысячи членов экипажа... Похожие звездолёты доводилось встречать лишь на страницах фантастических книг, и — жалкое его подобие в многочисленных чертежах учёных умов Корпорации.

Слишком много событий за один день.
Слишком много открытий даже для учёного.

Неужели, на наши земли прибыла более могущественная цивилизация, способная одним появлением разрешить исход затяжной войны?..

Возможно, ни от нас, ни от нашей планеты – скоро, ничего не останется.

Мы совершили скачок в науке, вторглись в межзвёздное пространство – тем самым, обрекая свой народ на гибель.

Вторжение всегда пагубно влияло на слабые народы.

Наше общество, в таком случае – не первое и не последнее.

3. ПРИБЫТИЕ

Я не смог просто наблюдать это явление с высоты своего кабинета. Больше он не казался мне таким солнечным и привлекательным. Полукруглые серые стены давили, гул блоков стал просто невыносим. В ушах стоял звон стекла – дикое дребезжание после прибытия инопланетного корабля.

Я выбежал на улицу за правдой и глотком свежего воздуха.

Благо, скоростных лифтов у нас достаточно на стоэтажное здание.

Кто-то спустился раньше меня. Кто-то, как и я, прошёл через толчею и чуть не задохнулся в битком набитом лифте.

Сочетание самых разных несочетаемых духов вперемешку с потом навевало дурноту.

Я стоял на свежем воздухе, глубоко дышал и наблюдал, как сотрудники жались к друг другу, испуганно глядя на звездолёт. Вблизи мне удалось хорошенько его рассмотреть.

Безупречно-чёрный, корпус из неизвестного нам материала, витиеватые надписи на борту...

На передней части корпуса возникло синеватое свечение в виде прямых линий. Они образовали собой прямоугольник, который растворился в воздухе.

Из тёмной прямоугольной пасти корабля показалось существо в чёрном, плотно облегающим тело костюме — под цвет самого агрегата. Вдвое выше меня ростом, такое же двуногое и двурукое, оно плавно ступало по воздуху, игнорируя привычные нам законы физики.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Оно опустилось на середину площади перед гранитным обелиском атома. Толпа отступила, образовав кольцо.

Я перевёл взгляд с чёрного зеркального шлема пришельца на волнующиеся массы. Неподалёку от меня застыл глава Корпорации, седовласый и сухощавый. Он даже не успел протереть очки и навести лоск перед выходом на публику — настолько его потрясло вторжение.

Оно потрясло всех...

Пришелец, наконец, снял шлем. Под ним оказалось лицо! Тонкие светлые брови, глубоко посаженные серые глаза, прямой тонкий нос и слегка впалые щёки... Слишком светлый, но... он подобен нам, кто бы мог подумать!..

Неизвестный коснулся запястья, и костюм сполз с него, скатавшись в чёрный шарик. Он легко уместился в ладони. Под костюмом пришелец носил обычную одежду, похожую на нашу. Порядком потёртые джинсы цвета индиго, такого же цвета рубашка...

Сам он оказался совсем худым, с кожей гораздо бледнее, чем у нас.

Толпа охнула.

– Приветствую вас, будущие коллеги! Не беспокойтесь, это всего лишь, защитный костюм, кхм-хм... Изготовленный по особой технологии... По ней сделан и корабль, на котором я прибыл к вам.

Он говорил приятным, но сильным баритоном, и что самое удивительное – на НАШЕМ языке!

– Мы давно наблюдали за вами, – продолжал он, окинув взглядом толпу. – Сегодня вы совершили прорыв, покорив межзвёздное пространство. Я – посол нашей планеты. Мы готовы сотрудничать с вами.

Народ перевёл взгляд с пришельца на главу Корпорации. Тот, почувствовав на себе взгляды, почесал плешивую голову и, пошатываясь, направился к неизвестному.

Пришелец протянул ему руку – совсем такую же, как и у нас, только бледно-жёлтую,

Наш главный учёный неуверенно ответил на приветствие. Пот выступил на его морщинистом лбе, руки тряслись.

Я набрался смелости и подошёл ближе. Сцена палеоконтакта хорошо просматривалась с этой позиции. Сейчас я заметил, что уши у пришельца отличаются от наших.

– Ваш народ страдает от войн, – он смотрел на главу Корпорации. – Поверьте, и мы через это прошли. Сейчас, у нас правит не просто научная мысль, – он снова обнял взглядом толпу и поднял указательный палец. – Но, мир. Мы давно развиваем и обучаем другие цивилизации. Мы – за мир без болезней и развитие во всём межзвёздном пространстве.

– М-мы... можем это обсудить, – наконец выдавил из себя глава Корпорации.

5. БУДУЩЕЕ

Я видел своими глазами, как народ исцелялся. Как вырастали конечности, потерянные на войне. Как слепцы плакали, впервые видя — а не чувствуя — яркий свет разных солнц. Как враждующие стороны пожимали друг другу руки и подписывали мирное соглашение. Как больные раком поднимались с предсмертного ложа и обнимали родных, которые мысленно их давно похоронили. Как реки стали прозрачными, как слеза, а в морях — больше рыб. Как перестали гореть леса... Как выжженные земли превращались в плодородные поля, и голод прекращался в засушливых уголках планеты.

Я увидел мир таким, каким он должен быть.

Я наблюдал за удивительными переплетениями космических узоров из огромного окна чёрного звездолёта. Яркие вспышки на маленьких звёздах, туманности, похожие на причудливые разноцветные облака, проносились перед моими глазами.

Никогда я не был так счастлив.

И, до сих пор не верил, что мы, остроухие, наконец-то обрели инопланетных союзников!

Спустя много лет, я пишу это, находясь на борту звездолёта «Гагарин». Пришельцы сказали, что так звали их первого космонавта.

Мы держим курс на их родную планету — Планету Земля.

Виктория Рубцова

«ЗИМНЯЯ РАДУГА»

Лизе нездоровилось уже вторую неделю. И казалось ей, будто лежит она целую вечность. Как спящая красавица, только болеющая. Даже в школу хотелось, хоть учиться девочка и не особо любила. Но всё лучше, чем валяться в кровати под капельницами, принимать лекарства и сидеть на дурацкой гипоаллергенной диете. А ведь ещё пара дней – и зимние каникулы! Неужели она так и проведёт их в сплошных лишениях?

Лизка, конечно, сама виновата: не удержалась, слопала почти залпом целый пакет ядовито-оранжевых шипучек, купленных в магазине на сэкономленные в школьной столовой деньги. Конфетки эти тоже хороши: должны были быть апельсиновыми, а оказались гольной химией.

Мама пекла на кухне блины, когда услышала дочкины завывания. Войдя в комнату Лизы, она увидела рыдающую над складным зеркальцем дочь.

– Что случилось, Лизи? – спросила перепуганная мать.

– Я... уро-о-одина! – истошно протянула Лиза.

– Что за чушь? – обеспокоенная женщина подошла к дочке и погладила её по волосам.

Лиза мотнула головой, отстраняясь от материнской ласки, и отлепила зарёванную мордашку от зеркала:

– Сама посмотри-и-и... – всхлипывая, процедила она.

Анна Петровна невольно ахнула, увидев обезображенное лицо дочки. Верхняя губа и правый глаз Лизы распухли и об-

рели рыхлый, асимметричный красноватый контур. Веко грузно ложилось на зрачок, некрасиво, как попало выворачивая ресницы, а губа словно тянулась к кончику носа, так и норовя поздороваться с ним. Налицо — в прямом и переносном смыслах — ангионевротический отёк, он же отёк Квинке.

— Ох, горе ты моё. Чего же ты наелась? — всплеснула руками мама, щупая карманы фартука в поисках телефона.

— Леденцо-о-ов... — хныкала Лиза. — Я теперь навсегда так-а-ая?

— Не плачь, так только хуже будет. Нельзя плакать, иначе отёк перейдёт на горло и помешает дыханию, — наспех говорила мать, набирая номер скорой.

Анна Петровна, к слову, и сама была врачом, но нужных препаратов и приборов дома не было, а у Лизы с рождения слабое сердце. Такая острая воспалительная реакция могла для неё плохо кончиться, поэтому перепуганная как мать и спокойная как медик Анна Петровна оперативно вызвала коллег.

Плач Лизы тем временем превратился в настоящую истерику: девочка смотрела на своё отражение и голосила, не обращая внимания на увещевания матери. В какой-то момент она начала отрывисто втягивать ртом воздух. Анна Петровна поняла, что «запахло» стенозом гортани. А слёзы только усугубляли дело, усиливая характерное для Квинке обезвоживание.

— Лишь бы не дошло до рвоты, — просила небесные силы Анна Петровна, встречая приехавшую, наконец, медбригаду: тринадцать напряжённых минут показались ей часом.

В больнице Лиза провела всего сутки. Её обследовали, взяли обязательные анализы, поставили системы... Отёк слизи-

стой горла уменьшился, и мама, немного успокоившись и закупив всё необходимое, решила лечить дочку дома. «Вот тебе и отпуск...» — думала она, устраивая Лизу на кровати и подключая капельницы.

— Мам, так это навсегда? — осипшим голосом спросила Лиза.

— Лежи спокойно, — строго сказала Анна Петровна, а после ласково добавила: — Не сбегут твои принцы, не бойся. Скоро будешь как новенькая.

И Лиза лежала, ещё несколько дней ощущая неприятную тяжесть и неуправляемость губы и века. Мучилась от систем, диеты и одного противного осложнения, из-за которого и приходилось прозябать в кровати. Но больше всего — от скуки.

На второй день каникул в дверь позвонили. Анна Петровна мельком посмотрела в глазок и, чему-то улыбнувшись, открыла дверь. На пороге стоял раскрасневшийся Витька, дочкин одноклассник. Объёмный пуховик делал и без того пухлого мальчика совсем тучным. За спиной он неумело прятал слегка намокший бумажный цветок.

— Здравствуйте! Я это... — замялся школьник, — зашёл узнать, как там Лиза. Я по поручению Ольги Ивановны, — сказал Витька, ещё больше покраснев.

— Заходи, Витя, составишь ей компанию, она не заразна.

Анна Петровна подождала, пока пятиклассник снимет тяжёлую зимнюю «амуницию», и проводила мальчика в белоснежной выглаженной рубашке в комнату Лизы.

— К тебе посетитель, — сказала она, загадочно улыбаясь. Анна Петровна только что говорила по телефону с Ольгой

Ивановной, классным руководителем, и понимала, что Витька приврал насчёт поручения.

Увидев Витьку, девочка нахмурилась. «И чего он припёрся, — думала она. — Лучше бы из девчонок кто заглянул. Или Игорь», — мечтала Лиза. Витю она недолюбливала. Во всяком случае, ей так казалось, ведь все дразнили его толстяком, а с такими мало кто дружит. Но не выгонять же его, хоть новости расскажет.

— Привет, — робко сказал Витя, протягивая Лизе тюльпан-оригами.

— Садись рассказывай! — нетерпеливо приказала девочка. — Это на стол положи, — небрежно указала она на цветок.

Когда Витя уходил, он обернулся и неожиданно даже для самого себя спросил:

— Что ты больше всего любишь?

Лиза недовольно фыркнула, но, недолго подумав, ответила:

— Радугу.

— Будет тебе радуга, — брякнул Витька.

Лиза скривилась:

— Дурак ты! Радуги зимой не бывает.

— У тебя будет! — уверенно сказал мальчик.

— Мне и так грустно, а ты издеваешься, — обиделась девочка и зло добавила: — Уходи!

Дверь за Витькой захлопнулась. А Лиза опять расплакалась: ей стало так горько от своего состояния, и от того, что над ней прикалывался этот Андреев — практически изгой, над которым подшучивала вся школа, кроме худого длинного Серёжки, его друга.

Яркое зимнее солнце буйными лучами вривалось в спальню Лизы через большое окно: так спроектировал и построил дом дедушка, он очень любил, чтобы в комнатах было светло.

Что-то сегодня было не так. Лиза посмотрела по сторонам и раскрыла от удивления рот: на кровати у её ног простиралась самая настоящая радуга, кривой её ответ. Девочка перевела взгляд на улицу и не поверила глазам: оттуда на неё приветливо смотрело обещанное Витькой чудо. Радуга холодно сверкала, переливалась всеми цветами. Красная сосулька соединялась с оранжевой, потом шла жёлтая, строенные зелёная, голубая и синяя. Завершала картину самая длинная — фиолетовая.

— Как красиво! — любовалась девочка, чуть ли не хлопая в ладоши.

Впервые за дни болезни она широко улыбалась: зачем ей какие-то принцы, если в её жизни появился настоящий рыцарь?!

— Я смотрю, тебе лучше! — радовалась вошедшая в комнату с завтраком мама.

— Мне сегодня очень хорошо! — почти пропела Лизи.

А где-то в пятиэтажном доме, каких в большой деревне было всего шесть, разувался довольный Витька: ранним утром он совершил свой первый подвиг. Ради прекрасной принцессы, которая, спустя годы, станет его женой.

В прихожке под отцовской стремянкой образовалась маленькая подкрашенная лужица. Талый снег, с которым соприкоснулась кисточка, растёкся и смешался с фиолетовыми «вёнками». Счастливый Витька побежал в ванную за тряпкой, пока ему не влетело от мамы.

Виктория Рубцова

«(Не)Любовь»

Большой зал провинциальной консерватории разразился аплодисментами, когда очаровательное юное дарование перестало извлекать из чёрно-белого полотна рояля магические звуки классики. Люба плавно положила руки на колени и, чуть заметно покачиваясь, дождалась, пока конферансье объявит следующий номер.

– «Лунная соната», Бетховен. Исполняет ученица средней музыкальной школы номер пять Любовь Алексеева.

Аплодисменты проводили пожилую, элегантно одетую даму в закулисье и стихли, предвкушая новое соитие с прекрасным.

Люба снова коснулась гладких клавиш, и музыка тягуче растеклась по залу, впутывая слушателей в плотную нотную паутину. Ценители искусства были заморожены, влюблены в мастерство исполнительницы, и только лишь Пётр Авдеев сидел здесь не из-за музыки, а для того, чтобы стать ближе к девочке, в которую был безответно влюблён с седьмого класса. Впрочем, как знать, безответно ли, если своих чувств предмету обожания ты никогда не раскрывал?

– Вот сегодня и откроюсь, – сжимая кулаки, твердил Петя. В кулаках билась о пальцы заключённая в клетку воля. Она томилась в заточении уже не впервые, но так и не была ни разу пущена в действие. В итоге Петя страдал оттого, что не решался открыть Любе свои чувства, сох от любви и боялся услышать её ответ.

«Сегодня, после концерта. Сегодня... – убеждал он сам себя. – Я больше так не могу».

Шквал бьющих друг друга ладоней прервал его мысли и поколебал решимость. Пётр видел, как Люба оставила инструмент в молчаливом одиночестве, откланялась публике и уступила место конферансье, скрывшись за сценой.

– Пора! Сейчас всё прояснится! – стучало сердце парня, второпях покидающего концертный зал, пока объявляли следующего участника.

– Сейчас?! – паниковал всегда надеющийся на более подходящий момент мозг.

Дождавшись любимую у резных ворот консерватории, Петя всё же решился подойти.

– Привет, Люб! Ты отлично выступила. Как только тебе удаётся так играть.

– Привет, спасибо. Семь лет музыкалки не прошли даром. Не думала, что благотворительный концерт будет интересен кому-то из класса. Особенно... – девушка немного замялась, – тебе.

– Это почему же? Не похоже, чтобы я музыку любил?

– Да нет... Но чтобы классическую. Ты, кажется, рэп слушаешь.

– Ну, так это для души, – улыбнулся Пётр.

– А классика для чего? – удивилась Люба.

Парень понял, что поторопился с ответом. Он не хотел врать ей: классика не вызывала в нём ничего, кроме зевоты. Люба ожидающе смотрела на него большими васильковыми глазами: разве их можно обмануть? И Петя решился:

– Люба, я не люблю классику, я люблю тебя! Давай встречаться?

Сейчас удивлёнными выглядели и брови девушки, сложившиеся в две улетающие галочки.

– Ты разве не знаешь? Я же уезжаю в пятницу. Ольга Викторовна вчера объявляла всем.

– Я прогулял литру. Не до Толстых было. Ну ты же вернёшься, я подожду.

– Я насовсем. У меня контракт, о котором я и мечтать не могла. Я продолжу учёбу в Зальцбурге, буду выступать там, где творил Моцарт! – взхлёб рассказывала она.

Пётр снова сжал кулаки, на виски обрушились кувалды её слов:

– А как же я? О наших чувствах ты подумала?

– Ты прости, но я не люблю тебя.

Наковальня придавила парня окончательно: всё-таки не любит...

– Ты просто не знала, не была готова к моему признанию. Я не решался. Но теперь буду за тебя бороться.

Люба невпопад засмеялась:

– С кем? С Шубертом?

– Так ты любишь другого? Он тебя в этой твоей Германии ждёт?

– В Австрии. Я люблю музыку. Только её.

Люба пришла в себя в больничной палате. Очень хотелось пить, всё тело ныло, голова кружилась и, казалось, была влажной. Девушка с трудом разлепила ссохшиеся губы и простонала:

– Воды...

Справа что-то мерзко запищало. В палату вошли двое.

– А, наша счастливица очнулась. Теперь с тобой всё будет хорошо, – пообещал врач. – В рубашке родилась!

– Эдуард Семёнович, у неё рана кровит опять. Перевяжу, посмотрите?

– Ничего, подлатаем, – ответил мужчина медсестре и снова переключился на пациентку: – Как самочувствие? Обезболить тебя?

– Воды... – повторила Люба.

– Пока нельзя, сейчас Зиночка тебе губки смочит. Ты что-нибудь помнишь?

Разговор с Петей. Аэропорт. Самолёт. Падение. Неужели жива?

– Сильно меня? – еле слышно, стараясь поймать губами влажный ватный тампон, спросила Люба.

– Учитывая высоту, с которой вы падали, нам нужно крылья искать. Или парашютиста, что до земли тебя подбросил, – пытался шутить врач. – Ну, есть переломы, пару разрывов мы заштопали, на голове вот ссадина кровит. Главное, позвоночник цел, скоро бегать будешь!

Зиночка, уже перебинтовавшая рану, аккуратно клала под голову пережившей авиакатастрофу пациентки чистую подушку.

– Эдуард Семёнович говорит, что уйдёшь от нас как новенькая. Тебе иностранцы и протез самый лучший уже оплатили.

Врач шикнул, Зиночка ойкнула и прикрыла ладонью в перчатке рот. На лице Любы отпечаталась гримаса ужаса, пульс резко запрыгал:

– Какой протез?

– Успокойся, нельзя нервничать, руку не смогли спасти. Левую. Только кисть.

Люба забылась. Всё потемнело.

В пенсии по инвалидности Любе отказали: слишком хо-рош был бионический нейропротез, почти во всех мелочах

заменяющий девушке обычную руку. В России Люба вполне припеваючи могла жить на выплаты по страховке, австрийцы не скупилась, хотя контракт был аннулирован: калеке не место на большой сцене.

Все вокруг только и говорили о её чудесном спасении. Но никто и не подозревал, что Любовь умирала теперь каждый раз, когда садилась за рояль. Протез стучал и срывался, сильно уступал в скорости правой руке, не справлялся с легато, не чувствовал холодной гладкости клавиш. Люба плакала, швыряла ноты. Успокаивалась и начинала сначала. Пыталась сделать механическое живым чередой репетиций. Снова и снова. Не получалось.

В моменты отчаяния она становилась затворницей, не хотела никого видеть и слышать. Тогда Пётр долбил в её дверь безудержно громко, грозился сломать. Он боялся, что она больше никогда её не откроет. В другие дни он приходил с цветами и конфетами, мотивирующими фильмами и книгами, обещал что-нибудь придумать.

И думал. Нашёл хорошего компьютерщика, но тот лишь смог сделать «руку» нескользкой и более быстрой. Люба радовалась, а потом снова тонула в депрессии. Ей хотелось чувствовать клавиши, как раньше, ласкать их тонкими пальцами и ощущать взаимность.

- Я что-нибудь придумаю, – снова обещал Пётр.
- Зачем? Я всё равно не люблю тебя.
- Затем, что ты любишь музыку.

Используя старые связи отца, отставного полковника, Пётр вышел на военного хирурга «с руками от Бога», как говорили многие. Не сразу, но он вписался в эксперимент, в который слабо верил. Опыты с протезом не давали желаемого результата, поэтому спустя год собранные энтузиазмом Петра учё-

ные, врачи и программисты стали работать над другим изобретением – кинестетической перчаткой.

– Открой, мы это сделали!

– Уходи, я больше ничего не хочу, – кричала Люба, зная, что он не уйдёт.

– Ты будешь чувствовать их, понимаешь?! Открывай, я не один, и нам для патента нужно описать результат!

В огромном концертном зале Зальцбурга в лучах софитов блистала прехорошенькая пианистка: распущенные каштановые волосы прикрывали голую спину, синее искрящееся платье со шлейфом вращалось в начищенный паркет. Её руки обтягивали чёрные перчатки до локтей, с открытыми подушечками пальцев, левая перчатка периодически мерцала крошечными огоньками.

С каждым прикосновением к клавишам Любовь покоряла всё больше растроганных музыкой сердец. Ей пророчили грандиозное будущее, умопомрачительный успех, который сейчас совершенно не волновал её. Она наслаждалась слиянием с инструментом, той полной, отчётливой гаммой ощущений, без которой не смогла бы жить.

Любовь источала любовь, и он был пленён ею: единственный, кто посещал каждое выступление совсем не ради музыки.

Владимир Марышев

«ВЕСНА ПРИШЛА»

Глайдер дяди Сурена был всё тот же — с потемневшим, словно закопчённым, днищем, знакомыми вмятинками на корпусе и облупившейся кромкой правого крыла. А вот дядя Марат прилетел на новеньком, блестящем, с непривычными угловатыми обводами. Наверное, его среди прочего груза доставил последний транспортник с Земли.

«Ещё бы! — подумал Димка, щурясь от бликов, вспыхивающих на фонаре кабины. — Если бы я стал начальником Колонии, у меня всегда был бы новый глайдер!»

Он представил, что занял просторное кресло в кабинете дяди Марата и, болтая ногами, распоряжается оттуда, весело хмыкнул и стал разглядывать двор. Всего неделю назад неподалёку от ангара проклюнулась первая тёмно-зелёная «пирамидка» — трёхгранный побег ранее не известного местного растения. А теперь их можно было насчитать десятка три. Весна пришла...

Присев на корточки возле самой крупной «пирамидки», Димка прижал ладонь к одной из граней. И минуты не прошло, как побег расщепился, выпустив множество тонких нитей с белыми пушинками на концах. Димка убрал руку — и они втянулись обратно, после чего «пирамидка» вновь сомкнулась. Этот фокус проделывали многие пацаны, но толком объяснить происходящее не могли пока даже биологи.

В воздухе толклись стрекотухи — с каждым днём их становилось всё больше. Одна, громко треща крыльями, пролетела совсем близко. Димка на всякий случай примерился, выбросил руку в её сторону, но стрекотуха сделала ловкий финт

и ускользнула. Эти большие лупоглазые насекомые только казались неуклюжими — до сих пор никому не удалось поймать хотя бы одно из них на лету.

Побродив ещё немного по двору, Димка пошёл в дом. И застал спор в самом разгаре.

— Я вашему спокойствию удивляюсь! — горячился дядя Сурен, сдвинув густые брови к переносице. Виски у него были уже серебристые, но брови оставались чёрными, без единого белого волоска, и порой Димке казалось, что они приклеены. — Сколько раз мы с дафнианами пробовали в контакт вступить? — Он обвёл строгим взглядом папу, маму и дядю Марата и сам себе ответил: — Вчера шестая попытка была! Это ничего не значит, да? Может, и нет. А если значит? Мы для них чужаки, а с чужаками или договариваются, или от них избегают. Что, если они уже удар готовят? Техника у них, конечно, примитивная, но Колония слишком мала, рисковать нельзя. Начнётся конфликт — будет поздно. Не хотим, чтобы нас застали врасплох — надо начинать готовиться.

Слушая его, папа морщился и мотал головой.

— Да ну, брось! — сказал он, когда дядя Сурен закончил. — Какой конфликт, о чём ты говоришь? Если они не захотят нас принять, если мы увидим полное отторжение — придётся думать об эвакуации. Другого выхода нет. Это не наша планета, у неё есть хозяйева.

Дядя Сурен вскочил, нависнув над столом. Его брови сомкнулись окончательно.

— Эвакуация?! — Видимо, он очень не любил это слово, потому что не просто произнёс его, а словно вытолкнул из себя. — Дафна — наш дом, уже двенадцать лет! Мы на ней корни пустили, здесь наши дети родились. Хочешь так легко от всего отказаться?

– А ну, остыньте! – Дядя Марат недовольно повёл могучими плечами. – Нам надо что-то решать, а вы друг друга вот-вот за грудки схватите. Борис прав: выяснять отношения с местными – последнее дело. Но и бросать планету... – Тут он увидел Димку и замолчал.

Мама смутилась.

– Дима, – сказала она, разглаживая на коленях складки платья, – мы обсуждаем один важный вопрос. Пожалуйста, походи к себе. Или погуляй где-нибудь. А можешь заглянуть в загон к овцеякам.

Димка молча повернулся и вышел.

«Ага, в загон, как же! – подумал он, спускаясь по ступенькам крыльца. – Чего я там не видел-то?»

Овцеяки были первыми животными, которых люди одомашнили на Дафне – ради вкусного жирного молока. Из-за длинной, свисающей до самой земли, шерсти они напоминали огромные ходячие щётки. Только спереди торчала небольшая голова с закрученными спиралью рогами.

Димка всё-таки заглянул к овцеякам, потрепал их по слюнявым мордам, потом бесцельно прошёлся по двору и остановился перед ангаром. Решение пришло мгновенно. Дядя Марат заезжал к ним несколько раз – посоветоваться перед принятием какого-нибудь решения. Раньше, чем через два – три часа, они с дядей Суреном не уйдут, а за это время можно сгонять на папином глайдере к Близнецам. Папа даже ничего не узнает. Правда, он поставил блокировку, но это ерунда – Влад показывал один хитрый приёмчик. Только бы ничего не перепутать...

Ангар никогда не запирался. Димка воровато оглянулся на дом, затем открыл дверцу глайдера, юркнул на водительское сиденье и проделал нужные манипуляции. Двигатель чуть слышно заурчал.

– Есть! – Димка победно вскинул руку со сжатым кулаком, стукнулся костяшками о суперглассовый фонарь и ойкнул от боли. Затем, не теряя времени, тронул машину.

Вообще-то, Близнецы мало походили друг на друга, разве что высотой. Две скалы – узкая, как наконечник копья, и более широкая, трёхглавая. Пацаны называли их мёрзлыми великанами, потому что каменные глыбы всегда были покрыты ледяной коркой. Лишь недавно полупрозрачный «панцирь» растаял, стёк по склонам, и впервые стало видно, насколько причудливо обглодал тела Близнецов озорник ветер.

Димка опустил глайдер, выключил двигатель и спрыгнул на траву. Не удержавшись, нагнулся и погрузил руку в курчавую зелень. Как и любому колонисту, трава казалась ему настоящим чудом. И «пирамидки». И странные образования, напоминающие круглые подушечки из листьев на четырёх длинных и тонких ножках-стволиках. А ведь ещё недавно многие были уверены, что на Дафне почти нет растений! Только редкие карликовые деревца да несколько видов лишайников, которыми питались дикие овцеяки, выкапывая их копытами из-под снега...

А вот и знакомый валун – большой, плоский, наполовину выросший в землю. Его глубоко прорезали две трещины, образующие подобие буквы «У».

Позавчера сюда нагрянула ватага пацанов – поупражняться в скалолазании. Димка стал вторым после Влада – вскарабкался примерно на треть высоты Большого Близнеца. А потом, когда все уже собрались уходить, вскочил на валун, прошёлся по нему – и внезапно ощутил зов. Станный, беззвучный, словно исходящий из-под земли. Это было так неожиданно, что Димка споткнулся на ровном месте и чуть не упал.

Он хотел рассказать о зове друзьям, но не решился – вдруг ничего не почувствуют и поднимут его на смех? Димка уже

представил, как Влад гогочет и крутит пальцем у виска, а вслед за ним ржут остальные. Что может быть хуже?

Но ощущение маленького чуда осталось. И Димка не мог не вернуться. Хотя бы затем, чтобы отвлечься от неприятных вещей, услышанных в доме...

В обучающих программах говорилось, что Дафна вращается вокруг Феба очень медленно. Из-за этого здешний год в семьдесят раз длиннее, чем на далёкой родине колонистов — Земле. Люди прилетели сюда в самый разгар зимы, но и не подумали отступить. Слишком мало в Галактике планет с кислородной атмосферой, чтобы ими пренебрегать. А те из них, где ещё не развилась разумная жизнь, вообще большая редкость. Так на Дафне появилась Колония. Поселенцы освоились быстро: построили дома, приручили овцеяков, наладили переработку лишайника. Необходимое оборудование, материалы и некоторые продукты присылали гипертранспортником с Земли. «Пока — бесплатно, — говорил папа. — Вот вплотную займёмся добычей полезных ископаемых, создадим промышленность — тогда и расплатимся».

Начать масштабные работы колонисты планировали с приходом весны. И вот оранжевый глаз Феба стал светить ярче, в снегу появились первые проталины. Напоенная влагой земля расцвела сочной зеленью, засуетились пробудившиеся от спячки зверюшки, в воздухе замельтешили насекомые. А затем... Затем из глубоких подземных убежищ поднялись подлинные хозяева планеты — дафниане.

Как понял Димка, они были куда более теплолюбивыми, чем люди. Настолько, что с приходом зимы мёрзли даже в жилищах, и им приходилось прятаться в пещерах — естественных или рукотворных. Утаскивая туда всё, что имели — от орудий труда до построек, разобранных по брёвнышку да по кир-

пичику. И правильно – чего им стоять без дела, покрываясь льдом, когда внизу может пригодиться каждая дощечка?

Биологи до сих пор не знали о туземцах почти ничего, гадали даже о том, чем они питались всю зиму. Не иначе, выращивали грибы, которым не нужен солнечный свет...

Как бы то ни было, с пробуждением природы дафниане начали выходить на поверхность. Пока ещё местами и небольшими группами (Димка до сих пор ни одного не видел), но руководители Колонии уже насторожились. Одно дело – обосноваться на дикой планете, совсем другое – заявиться в чей-то временно пустующий дом. А потом встретиться лицом к лицу с его хозяевами, которые упорно не идут на контакт. Попробуй узнай, что у них на уме! Вдруг дядя Сурен прав, и они уже строят планы, как избавить Дафну от пришельцев?

Димка сел на край валуна, обращённый к Близнецам, и стал их разглядывать. И чем дальше разглядывал, тем отчётливее видел, что позавчера мог подняться по крутому боку трёхглавой скалы и повыше. Надо было только, добравшись до вон того выступа, сместиться вправо, потом немного опуститься, снова передвинуться вправо – а там уже сама природа приготовила «ступеньки» для дальнейшего подъёма...

Но на то, чтобы в деталях рассчитать победный маршрут, не хватило времени – пришёл зов. Как и позавчера, он был беззвучным. Димке просто показалось, что кто-то мягко скользнул к нему в голову и не произнёс, а подумал фразу на загадочном языке. Смысл её был непонятен, и всё же Димка каким-то таинственным чутьём уловил, что ему задают вопрос. Очень простой, на который и ответить надо так же просто – «да» или «нет».

«Да», – без колебаний выбрал Димка.

Примерно минуту ничего не происходило. Но Димка ждал, затаив дыхание, и вот метрах в двух от валуна начал вспухать

земляной бугор. Вскоре он лопнул, разбросав в стороны куски дёрна с курчавой травой, и показалось странное округлое тело. Оно напоминало огромный плод – широкий в основании, сужающийся к верхушке, покрытый пупырчатой оливковой кожурой с бурыми пятнами.

Выбравшись на поверхность, плод качнулся туда-сюда, словно устраиваясь поудобнее. Затем кожа треснула сверху донизу в четырёх местах, её части стали расходиться, как лепестки цветка, и оказалось, что плод – обманка. Под его оболочкой не было ни мякоти, ни ядра – она служила то ли домиком, то ли транспортным средством удивительному существу.

Конечно, все колонисты видели дафниан в голозаписи. Но, разглядывая виртуальные фигурки, Димка испытывал только удивление и любопытство. А сейчас у него пересохло во рту, странно заныло в груди, всё тело сделалось вялым и непослушным – он почувствовал, что не может даже привстать с камня.

Гость был чуть выше его самого. Покрытый серой переливчатой шёрсткой и одетый в бежевый комбинезончик, он чем-то напоминал игрушечного медвежонка, которого Димка брал к себе в кровать, когда был совсем маленьким. Только сильно подростшего. У него были большие уши с загнутыми верхними кончиками, чёрный нос пуговкой и большие золотистые глаза. Но больше всего поражали не размер и цвет глаз, а диковинные зрачки – звёздочки с тремя лучами.

– Кто ты? – выдохнул Димка, совсем не уверенный, что дафнианин его поймёт. Но тот понял. Он открыл маленький рот, почти не видимый в серой шерсти, и протяжно произнёс: «Р-р-ри-и-и-и-и-и-ип».

Наверное, говорить вслух ему было трудно и непривычно, поэтому дальше Рип общался со своим новым знакомым только мысленно. В голове у Димки возникла очередная фраза

на загадочном языке, и он, пользуясь своим внезапно проявившимся чутьём, угадал её смысл: «Ты готов?»

«Да», – не задумываясь ответил Димка. Несколько секунд после этого он всматривался в чёрные фигурные прорези зрачков Рипа, а потом перед самым его лицом взвился ворох разноцветных искр, и он провалился в подземный лабиринт.

Миру, лишённому солнца, полагалось быть мрачным до жути и уныло-однообразным. Но он оказался неожиданно прекрасен. Димка переходил вслед за Рипом из коридора в коридор, из ответвления в ответвление. И всюду, куда они ступали, на стенах сверкали, искрились, перемигивались россыпи светлячков – жёлтых, красных, голубых, зелёных... Живые огоньки то были разбросаны в беспорядке, то образовывали грозди, гирлянды, многократно переплетённые цепочки.

Коридоры выводили в просторные залы с искрящимися сталактитами и сталагмитами. Здесь светлячки не только живописно украшали стены, но и мириадами свисали с потолка. А ещё всюду были заросли грибов. Димка сразу понял, что это грибы – вспомнил одну из обучающих программ. Только здешние, дафнианские, по всем статьям превосходили земные и величистой, и разнообразием форм. Одни представляли собой большие студенистые пузыри, другие – зонтики, шарики, диски, кисточки на высоких ножках, третьи напоминали старинные чаши и кубки, четвёртые – ветвистые кустики и целые деревья без листьев, пятые – диковинные постройки с множеством шпилей...

«А где же все? – мысленно спросил Димка. – Ну... все ваши?»

«Я их не показываю, – после короткой паузы ответил Рип. – Сегодня показываю, где мы живём. Смотри и знай».

«Красиво у вас! – похвалил Димка. И, вспомнив дядю Сурена, добавил: – А почему вы не хотите с нами разговаривать? Мы же никому плохого не делаем».

На этот раз пауза была чуть длиннее.

«Это взрослые. Они ещё думают... не знают, как быть».

«А ты разве не взрослый?..»

«Нет. Мне пока далеко... нужно прожить ещё столько же. Но я не хочу дожидаться, когда они вам ответят. Это так долго...»

Дослушав голос в голове, Димка чуть не запрыгал от радости. Во-первых, он догадывался, что Рип — не взрослый, а пацан, и было здорово получить подтверждение. Во-вторых... Слово «конфликт» представлялось ему огромным пауком — чёрным, мохнатым и смертельно ядовитым. А теперь паук забился в щель и там сдох, словно отравившись собственным ядом. Значит, дафниане не хотят людям зла — они просто долго собираются с мыслями! Надо будет скорее сказать об этом дяде Сурену. И дяде Марату, конечно — он главный, ему приходится думать за всех...

Они свернули в очередной коридор. Даже не коридор — небольшой скупо освещённый тупичок. Сделав несколько шагов, Рип остановился.

«Я хочу тебе кое-что показать. Но это тайна. Ты никому не скажешь?»

Димка чуть не рассмеялся. В Колонии у мальчишек не было тайн друг от друга. Если кто-то пытался что-нибудь скрыть, с ним переставали разговаривать, и это было худшим наказанием. Но золотистые глаза Рипа смотрели умоляюще, и от этого взгляда Димке стало не по себе. Ладно, если уж так просит...

«Никому не скажу».

Дафнианин ещё какое-то время колебался. Наконец, решившись, вынул из стены неприметный с виду камень, за которым открылась глубокая чёрная ниша. Рип сунул в неё руку, пошарил, что-то достал и, немного помедлив, разжал пальцы. На ладони у него лежала... Алкина брошка.

Димка ошарашенно разглядывал слегка изогнутый голубой трилистник, усыпанный прозрачными стекляшками. Алка со своей брошкой не расставалась, но, видимо, позавчера, наравне с парнями штурмвая Близнецов, умудрилась обронить. Пропажу заметила уже дома – то-то рёву было... Да уж, ни один пацан не подумает убиваться из-за блестящей побрякушки!

Стоп, сказал себе Димка. Ни один пацан?..

«Подожди-ка... – Он уставился на Рипа так, будто увидел его впервые. – Так ты что же... Ты – девчонка?!»

«Да».

Ответ был короток и ясен, но Димка всё ещё не мог поверить. Он переводил взгляд с покрытого лоснящейся шёрсткой личика Рипа на Алкину брошку и обратно, а потом услышал знакомую переливчатую трель. Она становилась всё громче, всё назойливее – и вдруг в подземный полусумрак ворвался ликующий свет Феба.

...Димка сидел всё на том же плоском валуне, а перед ним пушистым столбиком замерла Рип. На запястье во весь голос трезвонил коммуникатор.

Страхнув с себя оцепенение, Димка включил «приём» – и увидел маму.

– Дима! – Глаза у неё были мокрые. – Пожалуйста, ответь! Мы уже летим к тебе, все четверо. Что случилось, почему ты молчишь?

– Я... это... – сказал он внезапно севшим голосом. – Ничего, всё в порядке...

Мама говорила ещё что-то, Димка машинально отвечал, а потом он увидел, как Рип скрестила руки на груди, и, словно повинувшись этому жесту, оливково-бурые «лепестки» поднялись и сомкнулись. Плод-великан завибрировал и начал погружаться в почву. Когда Димка, окончательно преодолев

слабость, поднялся с валуна, он успел лишь прикоснуться к пупырчатой верхушке. Затем не стало и её.

В воздухе появилась тёмная точка. Она быстро росла и вскоре превратилась в глайдер дяди Марата. Мама выпрыгнула из машины, едва та коснулась земли. Подбежала, крепко обняла Димку и какое-то время стояла так, не шевелясь. Затем начала ощупывать его спину, плечи, руки, словно хотела убедиться, что он цел-невредим.

Димке стало неловко оттого, что дядя Сурен с дядей Маратом это видят.

— Да ладно, мам, — сказал он, отстраняясь, — нормально всё...

К нему подошёл папа. Взял за плечо, легонько сжал и молча повёл к своему глайдеру.

Папа сел в кабину, а за спиной у него мама снова прижала Димку к себе и ни за что не хотела отпускать. Впрочем, теперь ему уже незачем было сопротивляться. От маминых рук исходило тепло, и у него сами собой закрылись глаза.

Вскоре Димка уже спал. Ему снились созвездия мигающих светлячков, фантастические грибные сады и, конечно же, тайничок Рип с заботливо упрятанной от посторонних глаз девчачьей безделушкой. Он разглядывал брошку и думал о том, что все девчонки на всех планетах одинаковы. И пацаны, наверное, тоже. Ну, раз так, то и взрослые. А уж если и взрослые... Тогда на Дафне точно всё будет хорошо.

Владимир Хабаров

«ПРИКЛЮЧЕНИЕ»

Весеннее солнышко ласково грело не только лицо, но и душу. Лёгкий ветерок, с утра гулявший по набережной, приносил аромат цветущих акаций. Небо поражало чистотой, настраивая Гошу на минорный лад и расслабляя внимание. Возможно, именно это и привело к той роковой ошибке, о которой он потом жалел, проклиная свою доверчивость.

Проходя мимо одного из зданий, стена которого при его приближении окрасилась в цвет недозрелого лимона, он чуть замедлил шаг. Тут же, словно это послужило сигналом, на стене проявилась вирт-девушка — конопатая, с рыжими косичками и смешно вздёрнутым носиком.

— Постой, не спеши, — зелёные глаза вдруг заблестели, призывно маня и обещая нечто тайное, необычное. — Если ты совсем один и не знаешь, чем заняться, а подруга и друзья озабочены делами и не могут составить тебе компанию, мы готовы заменить их. Предлагаю отправиться с нами в увлекательное путешествие. Да-да, именно сию минуту, не сходя с этого места. Неизведанные миры ждут своего открывателя, дикие племена в сельве Амазонки всегда рады гостям, атцеки не прочь принять в свою футбольную команду нового игрока, а гладиаторские бои настолько восхитительны, что ноги сами несут на арену...

Увидев во взгляде юноши интерес, она отработанным жестом открыла перечень услуг — длинный, с крупными буквами, лениво ползущий снизу вверх.

— Наша фирма использует телепорты самого высокого качества, и если ты хочешь отправиться за приключениями прямо сейчас... — зеленоглазая бестия загадочно улыбнулась

Автор иллюстрации Владимир Хабаров

и, профессионально выдержав паузу, добавила, — ...мы гарантируем скидку от пятнадцати процентов и выше... в зависимости от выбранного места и времени пребывания.

Гоша задумался. А почему бы и нет? Всё равно делать нечего, до следующего вакуумного поезда на Москву почти час, времени прогуляться и набраться впечатлений вполне хватит.

– Ээ... а мезозой? – он уцепился взглядом за незнакомое слово.

– Принято! – конопатая взглянула оценивающе, хищно облизнула губы розовым язычком. – Период и время пребывания?

– Полчаса, – отозвался Гоша. – Период? А без разницы...

– Юрский! Это один из востребованных и часто посещаемый.

От стены отделился желтоватый луч, просканировал Гошу и исчез. Не прошло и десяти секунд как из воздуха соткалось ажурное сооружение, похожее на беседку.

Гоша удивился, но, чтобы не выглядеть круглым идиотом, ничего не сказал, молча вошёл и сел в кресло, услужливо изменившее свою форму. Телепорт на миг окутало золотистым сиянием, затем незваным гостем вторгся холод, ободряюще ущипнув Гошу за щёки, тут же удалился не прощаясь.

И пришла тьма на один удар сердца...

Мезозой встретил жарой, влагой и непривычным гомоном. В небольшом лесочке паслись динозавры высотой в двухэтажный дом, длинные шеи позволяли спокойно дотянуться до верхушек деревьев. С неба пикировали неизвестные хвостатые твари, оглашая окрестности дикими воплями.

Гоше стало как-то неуютно.

– А статистика несчастных случаев у вас есть? – спросил он у вирт-девушки.

– У меня нет доступа к этой информации, – погрузнела та. – Но ты не волнуйся, если что, выручим...

Телепорт с подругой растаял, оставив в воздухе запах озона и небольшой красочный пакет, одиноко лежащий на траве. Гоша подошёл ближе. В глаза сразу бросилась витиеватая надпись: «Наш презент двухтысячному клиенту», а чуть

пониже, шрифтом поменьше, красовалась ещё одна: «Самонадувная палатка и фильтр-отражатель».

Гоша нервно засмеялся: «А это ещё зачем?» Он поднял пакет и замер от нехорошего предчувствия, ощутив спиной чей-то напряжённый взгляд. Повернулся.

Прямо на него бежал дилофозавр, явно намереваясь пообедать. Два красных забавных гребешка на голове делали его похожим на петуха-переростка, прошедшего очередную мутацию, но развитая мускулатура, почти двухметровый рост и взор налитых злобой глаз кардинально изменили бы мнение у любого существа оказавшегося в зоне досягаемости и не обладающего более-менее подходящей защитой.

Защиты, даже слабой, у Гоши не было. «Полчаса... это много», — он рванул в сторону спасительного лесочка, стараясь не выронить злосчастный пакет. Рефлексы сработали быстрее, прежде чем мысли добрались до «красной кнопки».

Приключения, наполненные кошмаром, начались...

Никогда ещё Гоша не бегал так быстро, как сейчас, казалось, смрадное дыхание ящера вот-вот настигнет и, окутав с ног до головы вонючей пеленой, лишит последних сил. Очередной несчастный случай? Ну уж нет, дудки... Сознание билось в истерике с одной лишь мыслью: «Быстрее, быстрее...»

Один из длинношеих оторвался от трапезы, скользнул безразличным взглядом по странной парочке галопом несущихся в их сторону и медленно стал разворачиваться боком...

Гоше повезло.

Судьба благосклонно махнула ручкой, помогая ему споткнуться на ровном месте — если только можно так назвать поверхность, заросшую жёсткой травой, хорошо скрывающей рытвины и ухабы. И когда Гоша со всего размаха, помимо своей воли, падал на землю, что-то огромное, тёмно-серое с шу-

мом пронеслось над его головой. Послышался звучный шлёпок, словно кому-то отвесили заслуженную пощёчину. Дилофозавр, любитель халявного обеда, кубарем покатился по земле, получив удар хвостом, не смертельный, но сразу отправивший ящера в ряды инвалидов. Сородичи не заставили себя долго ждать.

Кушать хотят все...

Гоша лежал неподвижно. Ожидание встречи со смертью, однако, затянулось, никто почему-то не спешил. Он приподнялся, опёрся на локоть и огляделся. Взгляд сразу уткнулся в бугристую слоноподобную ногу динозавра — из-за своих размеров иллюзорность расстояния смотрелась настолько обманчивой, что Гоше захотелось дотянуться рукой и потрогать. И он уже даже было дёрнулся, но вовремя сообразил, что это обман зрения — до ноги шагать как минимум метров пять, если не больше.

Где-то сбоку слышались непонятные шорохи, короткие визги, треск разрываемой то ли материи, то ли кожи. Скопив глаза в ту сторону, Гоша внутренне содрогнулся, желудок рефлексорно сжался, намереваясь избавиться от содержимого.

Три дилофозавра так увлеклись трапезой, что не обращали на Гошу никакого внимания, но стоило ему, пересилив себя, сделать несколько шагов подалее от пирушки, как один из ящеров перестал рвать когтями плоть неожиданной добычи, поднял голову и прислушался. Гоша замер, внутренний голос затынул мантру: «Не смотри на меня, не смотри... Здесь пусто, здесь никого нет...»

Сердце бухало кувалдой по грудной клетке, стараясь вырваться наружу, чувства обострились до состояния натянутой тетивы, а в закоулках подсознания зашевелился страх.

Остальные два ящера тоже прервали обед, шумно втянули ноздрями воздух и... повернулись к Гоше. Возможно, они его пока и не видели, одиноко стоящего и еле заметного на фоне огромного динозавра, но ощутили присутствие чего-то необычного, явно не мира сего.

Нервы сорвались в тот момент, когда ящеры, потеряв интерес к незнакомому предмету, собрались продолжить увлекательный процесс. Не выдержав пристального взгляда, Гоша заорал благим матом и бросился прочь. Дилофозавры как по команде ринулись следом, хотя один из них быстро отстал, а затем и вовсе вернулся назад.

Два шестиметровых хищника, несмотря на приличный вес, намного превосходили в скорости обычного человека, и Гоша наверняка бы пополнил на этот раз статистику несчастных случаев, если б вновь не вмешалась Судьба.

Ну, или господин Случай...

Один из ящеров наступил на пакет, оброненный и забытый Гошей во время падения. Раздался хлопок, ярко-красный комок суперпрочной ткани, расправляя «крылья», оседлал морду хищника, полностью перекрыв обзор. От такого сюрприза и потери ориентации того повело в сторону бегущего рядом собрата, что привело к неизбежному столкновению. Подброшенный вверх ударной воздушной волной фильтр-отражатель по иронии поймал солнечный луч и «зайчиком» отправил прямо в глаза второму ящеру. Ослепший на миг, напуганный и враз озверевший, он, заваливаясь набок, успел лягнуть сотоварища, оставив на память кровавые полосы.

Та же воздушная волна ударила Гошу в плечо, несильно, на излёте, но этого стало достаточно, чтобы ему показалось, будто дилофозавр лениво ткнул его лапой, приглашая остановиться и поболтать о смысле жизни.

Гоша послушно замер на месте и... обернулся. Один ящер боролся с палаткой, пытаясь стащить её с морды, другой – поднимаясь с земли, вертел головой по сторонам и махал передними лапками так, словно пытался отогнать мух. Выглядел он настолько глупо, что не мог не вызвать смех.

Шансы на спасение пока ещё не обнулились полностью, можно было рвануть к деревьям, к большим динозаврам и постараться спрятаться там, однако Гоша не двигался с места, продолжая смеяться. Сознание будто разделилось на две части: одна с интересом наблюдала за комичностью ситуации, которая могла закончиться так же внезапно, как и началась, вторая захлабывалась в крике: «Беги, дурак, беги...»

Гоша хотел, но не получалось — ноги налились стопудовой тяжестью, срстаясь с землёй тысячами невидимых нитей, а горло будто сжали тисками, не позволяя закрыть рот. Когда в воздухе неожиданно запахло озоном, Гоша перестал смеяться, сморщил нос и чихнул. И сразу отпустило!

— О, как здесь интересно, — раздался позади знакомый женский голос.

Вздвогнув, Гоша развернулся. Словно из ниоткуда, рядом с ним, возникла ажурная беседка и оттуда вышла вирт-девушка. Тут же мелькнула радостная мысль: телепорт появился как нельзя кстати — в нужный момент, так сказать. Теперь хорошо бы попрощаться с этим страшным миром и забыть навсегда. Покрыть пеплом забвения.

— У тебя ещё десять минут, — конопато-рыжая ободряюще улыбнулась. — Можешь порезвиться, но при условии...

— Не-е-т!.. — от ярости и отчаяния у Гоши задрожала верхняя губа. — Я не хочу здесь больше быть. Я расторгаю договор...

Одному из ящеров, который «ослеп» от прилипшей к морде палатки, наконец-то удалось отодрать её, и теперь он искал того, кто, по его мнению, это сделал. Взгляд налитых злобой глаз остановится на юноше...

И тот вновь почувствовал ощущение надвигающейся опасности, а внутренний голос забил копытом, матеря хозяина за медлительность.

– Ой, ну зачем так спешить?.. – девушка то ли делала вид, что не видит бегущего к ним ящера, то ли посчитала мало-важным уделить внимание такой мелочи. – На твоей кредитке не хватило средств как раз на пять минут. По техническим причинам система не смогла разобраться сразу в этой проблеме, и поэтому наша фирма приносит свои извинения за недоразумение и просит оплатить оставшееся время сейчас. А от себя в качестве компенсации готова добавить ещё пять минут бесплатно, но если уж ты решил расторгнуть договор, то... – на её лице так мастерски отразилась смесь сожаления, печали и подкупающего обаяния, что Гоша чуть не попался на крючок – ...мне будет жаль потерять такого клиента.

Гоша воспринял это предложение крайне негативно, желание убраться отсюда как можно скорее так явно было написано на лице, что девушка поняла всё без слов.

Уже заходя в телепорт, он всё же решился посмотреть в сторону ящера, тот застыл каменным изваянием с высоко поднятой ногой.

– Силовое поле, – рыжая догадалась о его беспокойстве. – В радиусе двадцати метров всё живое в данной местности переходит в статику. Для безопасности клиентов.

Гоша облегчённо вздохнул, поудобнее устраиваясь в кресле. Впечатлений теперь хватит надолго...

Владимир Хабаров

«УХОДЯ, УХОДИ»

Трёхглазый смотрел озадаченно и даже с некоторой долей скептицизма – не хотел верить в происходящее. Для постороннего, впервые увидевшего его лицо, – части тела, которую можно назвать лишь условно, шеи, как таковой в нашем понимании не было совсем – показалось бы пустым, мало-подвижным и без эмоций, но я-то знал, что это не так, уже научился разбираться в мимике аборигенов, правда, не настолько уверенно, чтобы не сомневаться. Если и есть у них лицевые мышцы, то они либо глубоко спрятаны, либо тщательно контролируются.

Со скептицизмом я, наверное, перебрал, но озадаченность точно уловил. Аякс показывал её настолько демонстративно и, скорее всего, специально, чтобы мне стало понятно сразу, без лишних раздумий.

Да, имечко он выбрал себе такое после просмотра инфокристаллов по истории Земли. Они входят в стандартный набор любой спасательной шлюпки. Только непонятно зачем, хотя и места занимают минимум, а здесь, как ни странно, вдруг пригодились. Аякс просмотрел историю всю: от первобытно-общинного строя по настоящее время, но только изображение, звук «попросил» отключить, мешает, видите ли, ему созерцать. Повертел трёхпалой ладонью возле своего мохнатого уха и, видя, что до меня не доходит, похлопал по ушам и отрицательно мотнул головой. Истолковать эти жесты можно было двояко: звук или не нужен, или мешает. И я подумал тогда: «Вот повезло-то с глухонемыми местными жителями. Придётся азбуку жестов осваивать...»

И в этот миг в мозгу появилась и тут же ушла картинка, к которой я не имел никакого отношения — Аякс с довольным видом смотрит видео в трёхмерной вирт-проекции кристалла. И произошло это настолько быстро, что как-то ускользнуло от моего внимания.

Нудный морозящий дождик гнал капли воды по изумрудной коже аборигена, застревая на секунду-другую в ложбинках соединений «бляшек», покрывавших всё тело сплошным панцирем. Короткие ноги, я бы их лучше назвал лапами из-за внешнего вида, заканчивались четырьмя бугристыми пальцами с перепонкой между ними, крупные чёрные когти цепко держались за палубу катамарана.

Идею постройки этого забавного судна он тоже — как и имя — почерпнул из истории. Сам нашёл, сам построил... нет, сородичи помогли, лично, своими глазами видел, как друзья его волокли что-то похожее на брёвна, неизвестно где взятые. Благо, остров, где я обитал, небольшой, всё видно насквозь.

Пути чужого разума неисповедимы...

Этой планеты в галактическом реестре даже близко нет. Место, куда выкинуло мой патрульный катер из гипертоннеля, удалось определить с большим трудом, да и то путём долгих умозаключений, расчётов и гаданий на пальцах. Навигационные карты не помогли, ну, так... чуть-чуть: дали понять, что границы поиска нужно расширить.

Итог — чужая галактика, но рядом с нашей, и мне от этого ни холодно ни жарко... просто обидно. Почему не в своей? Там, по крайней мере, можно рассчитывать на помощь, кругом маяки, буи сегментные понатыканы, бакены путепроводные дрейфуют, кто-нибудь да обязательно откликнется. А тут? Або-

ригены вряд ли отремонтируют катер, что болтается на орбите грудой бесполезного металла, ИскИн до сих пор не может выявить причину поломки.

В момент выхода из гиперя я решил было, что с движком что-то не то или системы наведения зависли, такое иногда бывает, но смарт-тесты показали исправность оборудования. Однако, стоило мне попробовать вернуться в исходную стартовую точку, как ИскИн выдал сообщение о самоблокировке корректоров входа-выхода, а без них соваться в гипер самоубийству подобно.

Сканер поверхности за это время успел «прощупать» всё вокруг, сообщить данные о звёздной системе, в которой я находился, обозначил планету с разумной жизнью и отключился, сберегая энергоресурсы. Решение направиться на планету для налаживания отношений с местными напрашивалось само собой, не сидеть же в «четырёх стенах» и ждать. Развешаться надо, косточки размять...

Знать бы ещё, когда это закончится, а то я скоро тут своим стану. Времени уже много прошло.

Ветра здесь дуют регулярно, хотя и разной интенсивности, но ни разу не было сильных. ИскИн каждые двенадцать часов скидывает метеосводки, и на них видно, что количество меридианных ветров приблизительно равно зональным, а значит, ураганы появляются редко. Однажды чуть не попал под град и Аякс, как бы пафосно это не звучало, спас мне жизнь. Во время «разговора» он зачем-то взглянул на небо, затянутое в одеяло туч, и вдруг засуетился ни с того ни с сего, начал подталкивать меня к челноку. И довольно грубовато. На мой недоумённый взгляд ответил картинкой, на которой с неба падали белые камни. Ничего не понимая, я всё же залез в челнок

и через наружные камеры смотрел, как Аякс вперевалку бежит к воде, а сверху падает... град. Сначала мелкий, затем всё крупнее и крупнее, величиной с кулак.

До воды он добежал, не смотря, что град колотил нещадно. Полагаю, мне повезло бы куда меньше, даже доползти до кромки — шанс маловероятный. Не знаю, как они чувствуют перемены в погоде, могу лишь предположить, что где-то на уровне животных инстинктов, но уж точно не научным методом.

Аякс недавно предложил мне жабры нарастить, чтобы в подводный город сплавать, посмотреть на их жизнь. Я подумал, он шутит, а нет, очень даже серьёзные намерения. М-да, глядишь, так и жену найдут, под венец поведут...

Шутки шутками, а пора и честь знать. Пора возвращаться на катер, сообщение, наконец-то, пришло, что всё готово к старту. Сказал об этом Аяксу, ну то есть, жестами, мимикой дополнил свои мысли. У аборигенов нет речевого аппарата, он им не нужен в принципе, потому что есть телепатия, но странная какая-то и, честно говоря, мне не очень понятная — воспринимают и посылают только картинки, мысли не «видят».

Пришлось потратить уйму времени, чтобы научиться создавать хотя бы примитивные картинки, потом втянулся, легче стало. Тогда-то, как бы мимоходом, и вспомнился случай с инфокристаллом, но в тот момент до меня ещё не дошло, с чем я имею дело.

Аякс философствовать очень любит, часами будет болтать, пока не остановишь. Говорит, у них все такие. Ладно, хоть мысли мои читать не умеет. С одной стороны, это хорошо, а с другой — масса неудобств: иногда так сложно бывает подобрать или создать нужную картинку, что мозги начинают кипеть, злость появляется.

Ну вот, сказал о своём уходе и озадачил напарника. После небольшой паузы — полагаю, это вызвало у него шок —

стал «забрасывать» картинками. На одной из них изображено много-много катамаранов, на другой – остов недостроенного корабля, возле которого он и я что-то обсуждаем. На следующей – этот корабль уже достроен и напоминает старинное деревянное судно, типа брига или каравеллы. Впрочем, познания мои в этой сфере весьма скудны, но то, что на палубе видны очень даже знакомые фигурки, я понял.

Ещё картинка – мы под водой. Рядом плывут его сородичи. Ну вот, опять про жабры...

Аякс не хочет, чтобы я улетал, у него, похоже, большие планы. Мелькнула совсем уж дикая мысль: а не собирается ли он научить свой народ мореплаванию под моим чутким руководством?

Ещё бы, неожиданно-негаданно с неба падает непонятное существо с полным мешком интересных идей, как тут не зацепиться и не использовать в своих интересах.

А оно мне надо? Идея заняться мореплаванием на чужой планете во главе мохнатых ушастиков совсем не привлекала. Так и состариться можно, плавая по морям-океанам. Нет уж, пусть этим Аякс и его друзья-сородичи занимаются. Надо срочно искать выход из возникшей ситуации, чтобы не было обидно никому. Особенно мне.

Как назло, никаких мыслей, полный ступор.

Аякс заметил мою растерянность – да и как не заметить, всё на лице написано – и перестал кормить картинками, остановился, деликатно ожидая решения.

А дождь всё моросил и моросил. Ясная погода, к сожалению, здесь бывает нечасто, кругом вода, суши практически нет, всего лишь три острова. И это на всей планете! Понятно, что другого климата при таком раскладе вряд ли стоит ожидать.

И хотя организм адаптировался к местным условиям и дождь уже давно перестал вызывать отвращение и тоску, меня вдруг

Автор иллюстрации Владимир Хабаров

потянуло посидеть в челноке. Видимо, на подсознательном уровне сработало желание поразмышлять, когда вокруг знакомая обстановка. Послал картинку: я и он внутри челнока...

Манипулируя парусами, Аякс развернул катамаран к острову. Да, паруса, это отдельный рассказ — каким-то способом, я так и не уловил каким, обрабатываются водоросли, из них получают лёгкие прочные волокна, которые затем склеиваются в полотнище нужного размера. Как-то так, примерно. Вникать в подробности не стал. А зачем? Всё равно эти знания мне никогда не понадобятся.

Вот не зря же говорили древние, что родные стены помогают. Так оно и есть. Только расселись, обсохли, расслабились, как взгляд мой упёрся в инфокристаллы и... проблема решилась сама собой. Достал силиконовый пакет-контейнер, запихнул туда все кристаллы, которые нашёл, и отдал Аяксу. Снова отправил картинку, вернее, две: на одной вручаю аборигену пакет, жму лапу, на следующей — сажусь в челнок и улетаю. И для верности ещё картинку — на фоне звёзд катер и челнок возле него.

Аякс понял.

Расставались мы как родные, даже как-то жалко стало. Провожать пришли и его сородичи, откуда-то появился ещё один катамаран. Ну, молодцы, ребята, быстро освоились. Не ошибусь, если скажу, что очень скоро мы встретимся в космосе. Возможно.

Надеюсь, в этом на Аякса, парень он умный. Разберётся. В принципе, можно было и задержаться немного, но как подумаю о том, что надо там что-то строить, кем-то руководить, куда-то плыть, так всякое желание пропадает. Чувствую, история эта будет долгая и местами не очень приятная.

Прощай планета дождей, мореплавателя из меня не получилось. Думаю, так будет лучше. Не моё это.

Челнок поднялся легко, будто соскучился по своему отсеку на катере...

Григорий Родственников

«ДВОЕ ПОД ДОЖДЁМ»

Аритмичная дробь дождя, молотящая облезлый каркас автобусной остановки. Остановка. Какой «умник» придумал сделать тебя без крыши? Но с толстыми запотевшими боковыми стёклами, на которых какой-то юный художник намалевал смешные рожицы, жёлтые, красные. Вода стекает по ним и мне кажется, что нарисованные личики плачут. Они улыбаются, но я знаю, что им грустно. Как грустно мне, стоящему под дождём и отчётливо понимающему, что она не придёт.

Я лезу в карман за сигаретами и вижу, что они размокли от воды. И почему я не догадался взять с собой зонтик? Я спешил. Боялся, что она придёт раньше. И снова ошибся.

А рядом, под сутулым светом фонаря стоит девушка. Стоит давно. Безучастно разглядывая пузырящиеся под ногами лужи. Худенькая. С пшеничными волосами, тонкими змейками, прилипшими к остреньким детским плечикам. Тоже ждёт. Кого? Разумеется, не подругу. Подруг так долго не ждут.

Я выхожу из своего аквариума и шлёпаю к ней. Остановливаюсь в качающемся отражении фонаря и спрашиваю:

— Он не пришёл?

Глупый вопрос. Пожалуй, такой же глупый, если бы я вздумал осведомиться: «Прекрасная погода, сударыня. Вы не находите?»

Она поднимает голову и смотрит на меня лучистыми наивными глазами. Совсем ребёнок. Пятнадцати, наверное, нет. Отрицательно качает головой.

— А позвонить? — Мой следующий дурацкий вопрос.

— Зачем? — Тихо говорит она и всхлипывает.

Я лихорадочно ищу слова утешения и не нахожу. А она быстро проводит кулачком по мокрым глазам и зло бросает:

– Неужели, вы все такие сволочи?!

– Всё! – Неосознанно выпаливаю я и замираю. Замираю потому, что она смеётся. Смеётся сквозь слёзы.

– Нет. – Она грозит мне тоненьким, почти прозрачным пальчиком. – Вы не такой. Вас тоже обманули.

– Обманули, – соглашаюсь я. – Жизнь такая. Кого-то обязательно назначают лохом.

– Лох и лохушка! – хохочет она. – Встретившиеся под проливным дождём!

– Ну, дождь не такой уж и проливной. Иначе нас давно бы уже смыло.

– А вы интересный человек, – девочка разглядывает меня оценивающе. – Как Вас зовут?

– Дядя Витя.

– А я просто Даша, – вздыхает она. – Даша – дураша.

– Почему же дураша? Даша очень красивое имя.

– Потому что до сих пор верю в сказки.

Мы молчим. Дождь под лучами фонаря похож на золотой горох. Крупные горошины лупят нас по головам, а нам, как об стенку горох.

Нет, решаю я, пора уходить и девочку проводить до дома. Совсем замёрзла бедная. Вон, как дрожит.

– Дядя Витя, – просит она. – Расскажите что-нибудь.

– Хорошо, – соглашаюсь. – Но давай пойдём домой. Всякий лох когда-то созревает и спешит в тёплую квартиру. Где ты живёшь?

– Вон, в том доме, – вялый жест в сторону серой хрущёвки.

– Что же тебе рассказать? Рассказчик из меня, правда, неважный. Но слушай.

Автор иллюстрации Григорий Родственников

Однажды юная принцесса встретила молодого человека. И ей показалось, что она полюбила его. Она терзалась от этого нового для неё чувства, плакала по ночам и мечтала. Мечтала, как прекрасный принц обнимет её, посадит на белого коня, укроет алым плащом и отвезёт в свой замок, где они будут жить долго и счастливо. И наступил момент, когда её мечты должны были осуществиться. Прекрасный принц пригласил её на свидание. Как она торопилась на эту встречу. Надела своё

лучшее платье и украсила волосы благоухающими розами. Но принц не пришёл. Началась гроза. Хлынул дождь. Всю ночь простояла бедная девушка под проливным дождём. А наутро её, еле живую, нашла добрая фея. Она выходила принцессу и дала ей выпить волшебный нектар. И девушка с той поры научилась видеть внутреннюю сущность людей. Принцесса взглянула на своего избранника и увидела, что его душа черна как ночь. Она больше не любила его. Обманчивая красота принца показалась ей страшным уродством. А потом принцесса встретила другого человека. Простого доброго малого. Внешне совершенно обычного, но она влюбилась в его душу. Потому что его душа была чистая и глубокая, как небесный родник. Они полюбили друг друга и жили долго и счастливо, и умерли в один день.

— Хорошая сказка, — вздохнула Даша. — А говорили, что плохо рассказываете. А моего принца зовут Максим. И душа у него совсем не чёрная. Он просто забывчивый и легкомысленный. Он очень добрый. Только ещё не вырос. Но ничего, я подожду... А ещё, он красивый. У него каштановые вьющиеся кудри, голубые глаза, а на переносице маленький шрамик, как у Гарри Поттера. Макс занимается боксом и самбо и лучше всех мальчишек в классе играет в футбол...

Она рассказывала сбивчиво и торопливо, а я с ужасом осознал, что она говорит о моём пятнадцатилетнем сыне.

Хорошо, что на улице темно, и Даша не видит, какими пунцовыми стали мои щёки. Мне было невероятно стыдно. А вот будет ли стыдно Максусу? Это вопрос.

Максим встретил меня позёвывая. В глазах ленивое удивление.

— Ты что такой мокрый? В лужу, что ли, упал?

– Просто решил погулять перед сном. А дождя я никогда не боялся.

Макс коротко хохотнул.

– Путём нехитрых логических размышлений я делаю вывод, что твоя новая пассия продинамила тебя! Подумать только, такая страшная тётка, с губищами, как у объевшегося вурдалака, обманула такого красавца!

– Это ты про Катю?!

– Ах, этого бесформенного колобка зовут Катя?!

В моих глазах начал разгораться адский пламень. Но Максим ничего не заметил, упиваясь своим красноречием.

– Папуля! Тебе сорок два года! И в таком преклонном возрасте ты не научился понимать женщин! Тебя что ничему не научила история с мамой? Вспомни, как ты сдувал с неё пылинки! Дарил подарки, носил кофе в постель! Ты даже писал ей стихи! Боже! Как романтично! А она предпочла тебе грубого мужлана! Бросила нас и убежала к мужику, который не стесняется ставить ей фингалы под глаз!

– Откуда ты знаешь?! – мой голос дрогнул.

– Видел! – Максим даже скрипнул зубами. – Видел! И даже хотел набить морду этому козлу! А потом подумал – зачем?

Макс стёр с лица злую тень и вновь стал ленивым и вальяжным.

– Зачем? Ведь он, в сущности, прав. За рога и в стойло! Женщины любят решительных и жёстких мужчин. Романтика для романов. А жизнь другая. Ты для меня наглядный пример. Вот ты мне с детства подкладывал томик Пушкина, а основной пушкинский принцип забыл: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей!».

– Слушай, знаток женщин, значит, ты сознательно обидел Дашу? – я уже не скрывал клокотавшую во мне ярость.

– Какую Дашу?

– Девушку, которая целый час ждала тебя под дождём!
– Вот ду-у-у-ра! – искренне поразился мой отпрыск и получил от меня смачную оплеуху.

Он отлетел в угол. В глазах ужас и недоумение.

– Пап! Ты что в уме повредился?!

– Нет! Повредился ты! А я хочу вправить твой мозг! Хук слева!

Он снова пропустил удар. А я молотил его, приговаривая:

– Ты же боксёр! Разрядник! Супермен с отличной реакцией! Крюк справа! Ты должен быть готов к любым неожиданностям! Двойной в корпус! Ты же всё умеешь просчитать!

Макс пришёл в себя и принялся блокировать мои удары. Даже наносить ответные. Я бил не сильно, понимал – мы без перчаток. Надо отдать ему должное, он тоже понимал.

– Значит, говоришь «за рога и в стойло!» Получи!

С последним ударом в живот я переборщил. Мой ребёнок сидел на полу и тихо постанывал:

– Папа, это нечестно. Мы в разных весовых категориях.

– Это ты на улице хулиганам скажешь.

Я стащил с себя мокрую одежду и бросил в стиральную машинку. Максим подошёл сзади, тихо спросил:

– Пап, а она, правда, целый час ждала?

– Правда.

– Во, блин! – он горестно вздохнул, взял мобильник и заперся у себя в комнате. Я не слышал всего его разговора, но мне было достаточно и одной фразы: «Дашунчик, прости меня, пожалуйста».

Дождь. Снова дождь. Чёрный глянцевый асфальт. И дрожащий свет фонарей. Я курил на балконе и смотрел с высоты девятого этажа на одинокую гуляющую пару. Мой запасливый отпрыск не забыл прихватить зонтик. Молодец. А вот я, точно бы забыл.

Григорий Родственников

«МАГИЯ»

Ему было всего шесть лет, но он не верил в чудеса. Не верил в добрых гномиков, Деда Мороза, волшебников, спешащих на помощь, не верил в магию и сказочные исцеления. Нянечка читала ему сказки, а он лишь скептически улыбался, ибо давно потерял веру. Но ему было приятно и грустно слушать удивительные истории о том, как у израненных рыцарей отрастали отрубленные конечности, как добрый ворон проливал на поверженного богатыря мёртвую и живую воду, и тот воскресал, выхватывал меч и бросался в бой на злодеев. Он слушал, радовался за книжных героев и украдкой вздыхал, потому что давно понял — он так и останется прикованным к кровати. Ибо чудес, увы, не существует. Но почему не потешить себя занятной историей, которыми его балуют не слишком часто. Сам он читать не мог. Вечная тьма забрала глаза и плещется перед оплавленными веками густыми чернильными волнами.

Когда-то он видел разноцветные круги, но это было давно. Год или два назад. С тех пор цветные образы покинули сознание. Он силился вспомнить фейерверк цветов, пытался воссоздать сияющую радугу, которую видел в детстве, но не мог. Лишь иногда в памяти вспыхивал яркий сноп огня, рыжее пламя, укравшее у него возможность видеть свет. Пожар, лишивший его всего — родителей, будущего, жизни... Именно жизни, потому что во тьме её нет. Или есть? Он слушал разговоры врачей, нянечек. Все жалели его, называли несчастным искалеченным ребёнком, а он не понимал, зачем ослеплённый, объятый пламенем, пытался выжить. Ведь огонь прекрасен, столько света

и не бывает. Он поражает и шокирует сознание, восхищает и убивает. Такое буйство ярчайших красок едва ли возможно представить наяву. Огонь пришёл забрать его в другой мир, а он воспротивился. Не потому ли он теперь лежит изломанный и ослеплённый на больничной койке, подобно брошенному на асфальт дождевому червю. Нет, червь дёргается, извивается, пытается спастись, а он лишён даже этого. Словно бревно, неспособное пошевелиться без посторонней помощи.

Он слышал тихое перешёптывание рядом, горестные вздохи, но уже не жалел себя, слёзы давно закончились. Он научился отвечать на боль улыбкой.

«У него лицо старика», – сказал кто-то. «У детей не бывает таких скорбных морщин». «Ребёнок не способен на такую запредельную иронию...».

Он улыбался. Им не понять, что в свои шесть лет он прожил долгую жизнь. Слишком долгую. Он устал от неё, но не в силах уйти. Как жаль, что волшебство бывает только в сказках.

Но однажды что-то изменилось. Кто-то тяжело протопал рядом с кроватью, скрипнули отворяемые ставни и недовольный скрипучий голос посетовал:

– Ну и духота. Помереть можно.

По лицу скользнул лёгкий ветерок, пахнуло сиренью. Палата наполнилась уличными звуками.

– Ты что творишь, старый дурак! – закричала нянечка. – Ребёнка застудишь! Закрой немедленно!

– Без свежего воздуха нельзя. Все хвори от недостатка кислорода. Помню, в шторм стоишь на мостике, гром ярится, молнии сверкают так, что глазам больно, морская вода, словно из ведра окатывает, ветер до костей пронизывает, а воздух такой пьяный, что хохотать и в пляс идти тянет, чистый как слеза. Дышать – не насытаться. А ты говоришь – «застудишь». Глупая ты женщина.

– Ну, погоди, изверг, сейчас врача позову! Он тебе устроит шторм. Кто тебя вообще сюда пустил?! Иди к своим лифтам проклятым!

Автор иллюстрации Катерина Весёлая

– Не шуми. Смотрю, совсем мальчика зажарили.
Хлопнула дверь. Нянечка выбежала из палаты.
Он с удивлением прислушивался. Странный посетитель
кряхтя подошёл, остановился рядом с кроватью. И тогда маль-
чик спросил:

– Вы моряк?

Тот усмехнулся:

– Есть такое дело. Капитан я. Зовут Николай Иванович. А
тебя как звать-величать?

– Саша.

– Доброе имя. У меня так штурмана звали. Помню, был
у нас рейс на Йокогаму. Это в Японии, значит. И такой мощный
тайфун на побережье обрушился, мама не горюй! Атмосфер-
ное давление за девятьсот десять гектопаскалей перевали-
ло. Штормовые волны до восьми метров поднялись. Домики
рыбацкие как корова языком слизала. Кругом хаос и раз-
рушение. Люди мечутся, как зайцы, а стихия разбушевалась
не на шутку. Сам уже с жизнью прощался...

Николай Иванович ненадолго замолчал. Хмыкнул:

– Похоже, брат, не судьба дорассказать. Сейчас меня
на бордаж брать будут!

Действительно, за дверь послышались недовольные
голоса.

– Ладно, Сашок, пойду я к своим лифтам.

– Вы ещё придёте? – с надеждой спросил мальчик.

– Обязательно. Сегодня ночью и нагряну.

Удивительно, но он ждал прихода старого капитана с не-
понятым трепетом и давно забытым страхом. А ведь думал,
что ничто на свете уже не способно напугать его. А вдруг
не придёт? К нему приходили многие, сюсюкались, жалели,
но лишь этого человека со скрипучим, словно старая грот-
мачта на ветру, голосом хотелось слушать, ощущать его при-

сутствие рядом. Что же в нём такого, что отличает от других и заставляет замирать сердце? Почему в груди вдруг стало так горячо и тесно?

И старик не обманул ожиданий мальчика. Внутренние часы в голове ребёнка пробили полночь. Скрипнула дверь, послышались осторожные шаги.

– Николай Иванович?!

– Да, я, Сашок.

Капитан пододвинул табурет ближе к кровати. Положил ладонь на лоб калеки. Его рука была шершавой, как песок, и прохладной. Губы мальчика сами собой растянулись в улыбке. Как хорошо.

– Что видишь, Сашок?

Мальчик вздохнул:

– Чёрное покрывало.

– В тропиках всегда так. Ночь падает с небес подобно непроницаемому занавесу. Раз! И уже не видно ни зги! Ты ведёшь корабль наугад, по наитию! Ветер треплет свёрнутые паруса и гнёт мачты, холодный ливень обрушивается сверху, стремясь вдавить тебя в палубу, тугие волны сбивают с ног, пытаясь утащить в рычащую бездну, но ты лишь крепче сжимаешь штурвал!

Рука на лбу неожиданно стала горячей.

– Какие тропики? – воскликнул мальчик. – Мы в палате!

– А разве ты не знаешь, что во вселенной множество миров?! Надо лишь научиться видеть!

– Я давно ничего не вижу!

– Потому что сейчас тропическая ночь! Но ты капитан и должен довести судно до порта! От тебя зависит жизнь людей! И ты не можешь поступить иначе! Кругом бушует стихия, она хочет поглотить тебя, как крошечную соринку! Но ты сильнее её, потому что у тебя есть цель! Разве ты не слышишь?!

Старик вскочил на ноги, подбежал к окну и распахнул его. Грохот дождя ворвался в палату. Резко запахло озоном.

— Вот это шторм! — кричал старик. — Давно с таким не встречался! Правь на маяк, сынок!

— Но я не вижу! — всхлипнул мальчик, из глаз покатались слёзы. — Не вижу!

— Смотри внимательно! Вот, опять сверкнуло! Стена дождя мешает видеть, но ты напрягись! Вот! Видишь?!

И Саша увидел. Крошечный огонёк в бесконечной черноте ночи. Слово призрачный светлячок расправил крошечные крылья. Он пропадал и появлялся вновь. Но это невозможно! Это волшебство!

Когда капитан ушёл, мальчик долго лежал восхищённый. Он видел далёкий свет, и это было невероятно.

Старик посещал его каждую ночь, и они вновь и вновь упрямо шли на огонёк маяка. Саша не удивился, когда чернота небес неожиданно утратила непроницаемость. Мир наполнился свинцовыми тучами, и в их просветах угадывалась лёгкая синева.

— Ещё немного! — смеялся капитан. — Я чувствую, шторм уходит! Кончается его сила! Хорошо, что на тебе непромокаемый жёлтый макинтош с капюшоном — лучший дождевик для моряков! В таком не простынешь!

— На мне жёлтый макинтош? — удивлялся Саша.

— Конечно! Жёлтый, как новорождённый цыплёнок! Взойдёт солнце, и ты всё увидишь! Лазурные небеса, белоснежные облака и сверкающую радугу над головой!

Если верить в чудо, оно приходит в твой дом и наполняет всё вокруг волшебным светом.

И в одну из ночей мальчик воскликнул:

— Николай Иванович! Я вижу! Облака и чаек! Они так громко кричат!

– Разумеется! Ведь рядом земля! – рассмеялся старый капитан. – Мы почти дошли! – И тихо пробормотал: – Я не смогу подарить тебе глаза, но смогу подарить цветные мечты. Спи, моряк.

Шершавая рука легла на лоб ребёнка.

Во сне он видел далёкие страны, вдыхал пряные запахи неведомых трав, восхищался прозрачностью воды за кормой. Он крепко сжимал штурвал, ведя свой корабль к цели, а над головой волшебным мостом между мирами сияла радуга.

Губы шептали:

– Сказка, магия...

Старый капитан одобрительно кивал и бормотал под нос странные слова:

– Конечно, милый. Магия никогда не покидала этот мир.

Дорофеев Дима

«ПЕРЕВЕРТЫШ»

Она сидела за столиком одна. Красивая. Очень красивая. Чертовски красивая. Наверное, настолько красивая, насколько вообще мог допустить этот мир. Да даже если бы и не допускал, смог ли бы он запретить что-то Ей? В каком-то совершенно умопомрачительном бело-голубом платье, состоявшем, пожалуй, больше из вырезов, чем из самой ткани. Как, знаете, те самые фигурные снежинки, которые мы вырезаем из белой бумаги и приклеиваем на окна. В Новый год. Зимой.

Тем страннее, что рядом не было спутника.

И тогда я рискнул.

— Привет. Как дела?

Не дожидаясь приглашения, я присел за её столик. Пронзительно-голубые глаза без всякого интереса мазнули по мне взглядом. Как... Даже не знаю, как что. Как можно мазнуть взглядом ничто? Никак. Но именно так это и выглядело. Вместо ответа, она взяла в руки бокал, и, элегантно жестом, в котором не было ничего лишнего, откинув упавшую на глаза чёлку, принялась потягивать из трубочки коктейль. Красивые волосы. Светлые. Как-то по-особому светлые. Не блондинистые, не пепельные, не седые, а такие... Ну, как будто густо-густо припорошённые первым снегом. Или даже бывшие тем самым снегом.

— Что пьёшь?

Она вновь взглянула на меня. С очевидным безразличием. И где-то по самому краю этого безразличия тенью проскользнуло лёгкое удивление. Не интерес, нет, удивление из разряда «ты разве всё ещё здесь?».

Автор иллюстрации Анна Юдина

– Мальчик, ты ничего не перепутал?

Бокал аккуратно встал ровно на то же самое место, где стоял раньше. Удивительно изящные пальцы. Безумно хочется прикоснуться к ним губами. И кожа на кистях такая нереально белая. Словно мрамор.

– Нет.

– Явно перепутал.

Холодный, отстранённый голос. Но завораживающий, чарующе музыкальный. Слушал бы его и слушал.

– Просто хотел узнать, как у тебя дела.

Она вдруг небрежно посмотрела куда-то в сторону.

– Проблемы?

Теперь понятно, почему она сидит одна. Надо мной нависли два человекоподобных шкафа. Типичные «гоблины».

– Никаких проблем, – дружелюбно отвечаю я им. – Просто разговариваем.

– Он лишний, – коротко произносит она, больше даже не глядя в мою сторону.

Лапища опускается мне на плечо. Я тут же рефлекторно выворачиваю её кистью наружу. Не люблю фамильярности. И в лицо мне прилетает волосатый кузнечный молот. По крайней мере, в ощущениях это было именно так. Потом меня долго бьют где-то на улице, а я смотрю, как она выходит из клуба и идёт к кабриолету, такому же ледяному и дорогому, как она сама. И запоминаю номер, прежде чем отрубиться окончательно.

Старый знакомый в ГИБДД по большому секрету сообщает мне данные владелицы. Крутая... Ну да, кто бы сомневался, как иначе?

Я в спортивном костюме пробегаю мимо её дома, когда она выходит из двери, предупредительно открытой давешним гоблином.

– Привет! – кричу я ей. – Хорошее утро, правда?

И бегу дальше. По-моему, она сбавила шаг. Хотя нет, думаю, показалось.

Она аккуратно ест мороженое с орешками маленькой ложечкой. Гоблины обсуждают что-то своё, гоблинское, за столиком неподалёку.

– Приятного аппетита, – обращаюсь я к ней, поднимаясь на второй этаж кофейни.

И подмигиваю подбитым глазом. Как светофор жёлтым кружком.

Когда я уходил, в вазочке за покинутым столиком оставалась ещё половина порции.

Кажется, меня били ещё раза три. Или четыре. Но это неважно. В прошлый раз она наконец-то их остановила. А я, утирая ладонью разбитые губы, спросил:

– Ты же любишь розы?

Что-то мелькнуло в её глазах. Что-то похожее на человеческое. Мне даже показалось, что губы шевельнулись. Но она ничего не сказала. Села в кабриолет и укатила.

А я стал подкидывать розы ей к дому.

– Присяду?

Гоблины напряглись, но она остановила их небрежным жестом.

– Садись.

Впрочем, голос звучал так же холодно.

– Может, уже скажешь, кто ты?

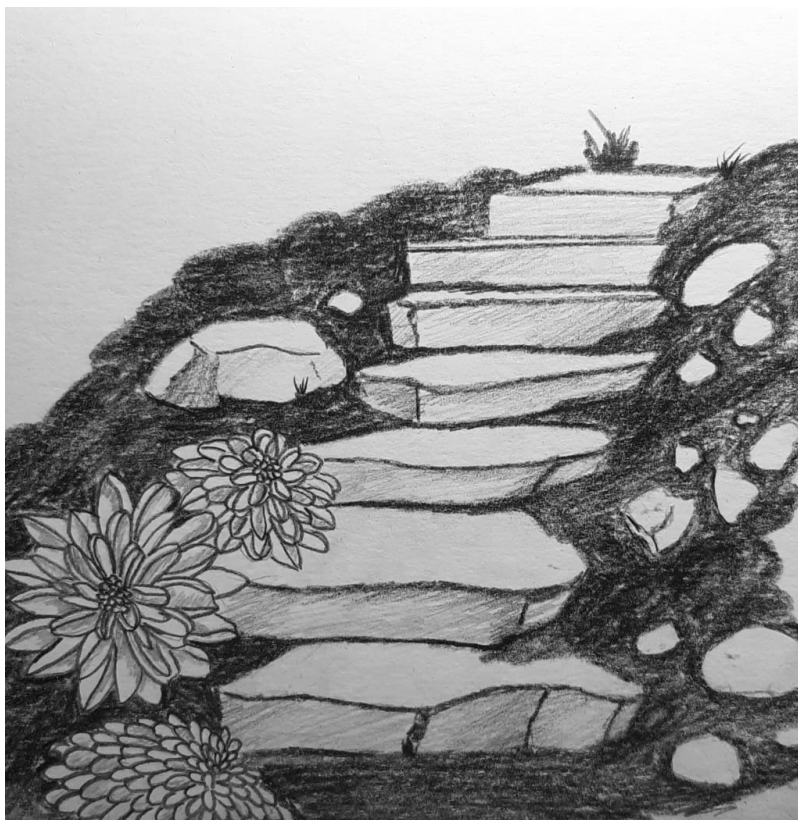
– Мне проще показать...

Я перегнулся через край столика и накрыл её губы своими. Боже, какие они холодные... За спиной раздался шум отодвигаемых стульев. Но она вдруг вновь остановила гоблинов, а губы стали резко теплеть. Что-то брызнуло мне на щеку, а на полу тихонько дзынькнуло.

Я медленно отодвинулся и вдруг увидел в её повлажневших глазах узнавание.

– Кай... Господи Боже, Кай!

И Герда вернула мне мой поцелуй. С лихвой.

Автор иллюстрации Анна Юдина

Ева Романова

«ЗА ШЕСТЬ МИНУТ ДО»

– Лей осторожнее, Хвост, – прошипела в ухо Соня и вонзила в его плечо когти. Хвост дёрнулся:

– Аккуратнее, пожалуйста!

– Прости, я ещё не привыкла. И, надеюсь, что не придётся. Пять минут осталось.

Хвост обернулся, взглянул на часы, проворчал:

– Справимся, мне тоже в вашем теле тесновато, вообще-то.

Соня хмыкнула. И вспомнила, как всё это началось.

Ранний подъём не пугает, когда собираешься на любимую работу. А Соня работу свою любила. Ещё бы, репортёр газеты «Тайное рядом»! Она писала о том, что с детства будоражило и вызывало вопросы: о магии, привидениях, прошлых жизнях, городских легендах. Сегодня ей предстояло взять интервью у некой предсказательницы по имени Сибил. «Псевдоним, скорее всего, – размышляла Соня, собираясь, – не самое типичное имя для Верхних Ушей». Верхние Уши – так называлась деревенька, куда направлялась журналистка, полная решимости написать отличную статью.

Два часа дороги не убили энтузиазма. Соня сошла на нужной остановке, огляделась. Во всю ширь расстились поля, нежно касаясь на горизонте небес. И лишь одна узенькая тропинка вилась от остановки в густых зарослях золотой пшеницы, будто приглашая путника следовать именно этой дорогой. Соня подчинилась. Дорога всё ещё давалась легко, и в этом девушка видела приметку, что всё будет хорошо.

Когда произошла перемена в природе, погоде и настроении, Соня не заметила. Просто внезапно стало грустно. Солнце

заволокло тучами, а тропинка упёрлась прямо в болото. Едва не намочив новенькие белые кроссовки, Соня остановилась как вкопанная.

– Что делать-то? – спросила она почему-то вслух.

– Можно обойти, а можно напрямик, – прозвучал меланхоличный ответ.

Соня огляделась, вокруг никого не было.

– Дожила, глюки начались, – снова вслух прокомментировала она.

– Вот уж глюком меня никогда не называли, – из-за дерева показался средних размеров кот, – меня зовут Хвост, прошу любить и жаловать.

Соня не то чтобы очень удивилась. Она с детства верила, что коты могут говорить, но не хотят. И это странное подтверждение детской теории скорее её обрадовало, нежели напугало.

– А я Софья Никитична Шацман, очень приятно.

Кот улыбнулся в усы, довольно зажмурился:

– Не Алиса, и на том спасибо. Вы, Софья Никитична, вероятно, и есть журналистка, которую ждёт Сибил?

– Она самая. Подскажете дорогу?

– Лучше – провожу вас! – и кот прыгнул прямо через Софино плечо. Она оглянулась и охнула: за спиной её не было никаких полей, только цепкие ветви деревьев переплетались друг с другом, образуя непроходимую чащу.

В просвете между ветвями мелькнул кошачий хвост, и Соня ринулась за ним. Идти было на удивление легко, а может, новый товарищ просто знал хорошую дорогу.

– Уважаемый Хвост, разве не тут должна быть деревня Верхние Уши? – спросила Соня.

– И да, и нет, Софья Никитична. Деревня-то тут, а вот мы с вами нет.

- Это как? – девушка непроизвольно сдвинула брови.
- Разве вы не знаете о существовании параллельных миров? Вот мы в одном из них, – объяснил кот.
- А другие люди бывали тут? – не унималась Соня.
- Захаживали... Помню одного кудлатого с бакенбардами, уж больно сказки любил, всё Расскажи да Расскажи, – кот хмыкнул, и Соня поняла, что на самом деле тот, с бакенбардами, нравился Хвосту.

Вдалеке показался ветхий домишко. Крыша зияла дырами, стены потемнели от множества дождей, крыльцо покосилось.

- Разве тут можно жить? – изумилась Соня.
- Не судите конфету по обёртке, – мудро изрёк кот и постучался.

Дверь скрипнула и открылась. Хвост смело вошёл, и Соня последовала за ним.

И оказалась в довольно уютной комнате с камином. Стены были обшиты деревянными панелями, на полу лежал ковёр с толстым ворсом, у дальней стены стоял стол с множеством колбочек и склянок, над столом на книжной полке притаилось чучело огромного ворона. Пахло травами вперемешку с кофейными зёрнами, а освещали комнату маленькие, будто парящие в воздухе, лампочки. В глубоком кресле сидела красивая брюнетка с бархатистыми карими глазами. Увидев Соню и Хвоста, она встала и приветливо улыбнулась:

- Добро пожаловать в Верхние Уши!
- Брось, Сибил, я уже объяснил милой Софье Никитичне, где мы находимся, – проговорил Хвост.
- Тем лучше, – ответила Сибил, – прошу вас, Сонечка, устраиваетесь поудобнее и задавайте ваши вопросы!

Она указала на соседнее кресло, закурила сигарету в мундштуке и снова устроилась у камина.

Хвост уместился на спинке кресла хозяйки, зажмурился и тихонько замурчал. Соня села в предложенное кресло, достала диктофон, блокнот и ручку. Сначала всё шло как по маслу. Девушка спросила о том, когда впервые проявился дар ясновидения, почему Сибил живёт именно тут, так далеко от цивилизации, и настоящее ли это имя.

— Разумеется, настоящее, так в паспорте написано!

— Хвост по дороге к вам сказал, что вы не только предсказательница, но и в...,— Соня споткнулась на слове «ведьма», — волшебница. А доказать сможете?

Хвост за спиной Сибил перестал мурлыкать и округлил глаза:

— Не надо! — одними губами проартикулировал он.

Но было поздно. Сибил заливисто расхохоталась и щёлкнула пальцами. В следующую секунду Соня увидела себя со стороны. Симпатичная блондинка в белой блузке сидит в кресле и яростно шипит. Её зелёные глаза горели гневом. А потом поняла, что смотрит на своё тело, но сама находится не в нём. Она посмотрела вниз и увидела мягкие Хвостовы лапки, из которых то и дело самопроизвольно показывались острые коготки.

— Немедленно верни как было, — прошипел Хвост Сониным голосом.

— Сами вернёте, — ответила ведьма, — ну или в крайнем случае нет. Времени даю вам до 16-00, — и произнесла:

В лесу невест возьмите сок,
Росу с поляны мертвецов,
Своих волос добавьте клочок,
Ваш эликсир готов!

Соня и Хвост посмотрели на настенные часы и переглянулись — час дня. А потом не сговариваясь ринулись к двери.

Соня вылетела на улицу, ещё немного путаясь в четырёх лапах, Хвост на прощание стянул с вешалки шляпу:

– Я возьму это в качестве возмещения морального ущерба, – сказал он Сибил, – всегда мечтал поносить шляпу, но котам не пристало, – добавил, обращаясь к Соне.

Как только за спинами гостей захлопнулась дверь, в комнате раздался хриплый хохот. Этот звук больше был похож на кашель.

– Прохор, угомонись, – довольная своей выходкой улыбнулась Сибил. Прохор, огромный ворон, который вовсе не был чучелом, спикировал на спинку её кресла, где совсем недавно сидел Хвост.

– Прошу тебя, помоги им, чтобы эта шутка осталась шуткой. Ворон понимающе кашлянул и вылетел вон.

– Лес невест – это наверняка берёзовая роща, мы её проходили по дороге сюда, а вот что такое поляна мертвецов? – спросила Хвоста Соня, когда они немного отошли от дома гадалки.

– Раньше тут недалеко была церковь, а за ней погост, сейчас нет ни того ни другого, но поляна мертвецов наверняка там. Нам ни за что не успеть в оба места, – сказал Хвост.

– Разделимся, – предложила Соня, – встретимся тут через три часа!

Во весь дух мчалась Соня к берёзовой роще. Здорово подгоняла перспектива навсегда остаться кошкой. И лишь завидев первые белые тонкие деревца, она осознала, что у неё с собой нет ни ножа, ни склянки для берёзового сока, да и вообще она лишь отдалённо представляла, как его добывают. Соня остановилась, пытаясь отдышаться и найти выход из этой ситуации. Телефон в кармане у Хвоста, да и в любом случае интернета нет, не погуглить. Она огляделась и увидела согбенную фигуру. Соня могла поклясться, только что никого рядом

не было. Но размышлять было некогда, время шло, потому она стремглав кинулась к незнакомцу. Подбежав поближе, увидела, что это старик. Может, из Верхних Ушей забрёл? Он переливал из трёхлитровой банки в бутылку мутноватую жидкость. «Вот это везение, — подумала Соня с восторгом, — так только в сказках бывает!»

— Дедушка, — окликнула кошка и стушевалась, а ну как дед не видел никогда говорящих кошек.

— Ась? — старик обернулся, приложив к уху ладонь, — кто тут.

И когда он оглянулся, Соня увидела, что старик слепой.

— Дедушка, угости берёзовым соком! — взмолилась она.

— Это не простой сок, — ответил дед, — а волшебный. Его не дают просто так, его можно только добыть или заслужить.

— Как же мне его заслужить? — не сдавалась кошка.

— Расскажи мне сказку, а я с тобой соком поделюсь, — и старик устроился под деревом и закурил. Аромат табака окутал Соню и напомнил детство, когда её дед вот так же устраивался на полу её детской и читал ей сказки. Соня с тех пор всё ещё помнила многие наизусть.

— У лукоморья дуб зелёный, — завела она выразительно. Казалось, время остановилось. Или откатилось на много лет назад. Приятно было снова почувствовать себя маленькой, но очень кому-то нужной.

Когда сказка закончилась, старик достал из-за пазухи небольшой пузырёк и передал кошке. Соня поблагодарила его и припустила к дому Сибил. А старик, как только она скрылась из виду, обернулся чёрным вороном и полетел на поляну мертвецов.

Когда Хвост добежал до поляны, никакой росы уже не было и в помине. Опустившись на траву, он какое-то время шарил руками, пытаясь нащупать утреннюю влагу, но тщетно. Немно-

го подумав, вспомнил, что роса может быть в низине, куда ещё не добрались солнечные лучи. И правда, в самых глубоких кустах, укрытых от солнца, мягко поблёскивали тяжёлые капли воды. Хвост начал шарить по карманам. На свет были извлечены телефон, немного мелочи, носовой платок, ключи, маленькая расчёска и губная гармошка. И ничего из того, куда можно собрать росу. Отчаяние накатило с новой силой. Проклиная неразумную Софью Никитичну, которая осмелилась подначивать ведьму, он вдруг заметил, как с соседнего дерева спорхнула сорока, а из клюва её что-то выпало. Хвост кинулся к находке. В траве поблёскивал разноцветными гранями флакон из-под духов. Не веря своей удаче, Хвост наполнил его волшебной росой, и побежал к дому ведьмы. А сорока обернулась чёрным вороном. Поляна мертвецов наполнилась кашляющим хохотом, Прохор был собой доволен.

Соня была уже на месте, когда Хвост добежал до ведьминого дома.

— А вы молодцы, — похвалила их Сибил, — прошу за стол, вы знаете, что нужно делать. Кстати, возьмите на всякий случай, — и ведьма вручила им по паре защитных очков.

Хвост и Соня переглянулись, но очки надели. Вспрыгнув на плечо товарища по несчастью, кошка прошипела:

— Осторожнее лей!

Когда жидкости были смешаны, не произошло ничего. Часы отсчитывали секунды.

— Добавьте клочок своих волос, — вспомнила Соня стишок, вырвала пару волос с головы Хвоста, то есть фактически собственной, а потом мягко совершенно по-кошачьи почесал за ухом. В колбу просыпалась шерсть, а вслед за ней два человеческих волоса.

И снова не произошло ничего. Время шло.

— Сибил, какого чёрта?! — не выдержал Хвост.

– Нужно волшебное слово, – ведьма наслаждалась каждой секундой.

– Пожалуйста? – неуверенно прошептал он.

– Авада кедавра! – громко и с выражением сказала Соня.

Жидкость вспыхнула и заискрилась, на мгновение комната наполнилась ярким светом, запахом озона и каркающий хохотом. Соня успела подумать, что наверняка это смеётся негодница-ведьма. А потом всё кончилось.

Соня и Хвост очнулись на том самом месте, где встретились впервые.

– Пора прощаться, Софья Никитична, – сказал кот, – это было замечательное приключение! Напишите о нём?

– Милый мой уважаемый Хвост, никто этому не поверит, – ответила Соня, – но я всё равно напишу.

Она обернулась и увидела поля пшеницы, что нежно касаются небес, и маленькую автобусную остановку.

– До свидания, Хвост!

– Прощайте, Софья Никитична Шацман, – мурлыкнул кот, – и не переставайте искать сказку!

Евгения Ерофеевко

«ПРЕВРАЩЕНИЕ»

Автор иллюстрации Евгения Ерофеевко

Ночью я неожиданно проснулась. Никаких веских причин для пробуждения не было. Постелька удобная. Температура в комнате комфортная. Но не спиться и всё. Покрутившись с полчаса, решила прибегнуть к мощному снотворному средству – видосы с котиками. Посмотрев минут двадцать, глаза стали слипаться, но захотелось пить. Включив на телефоне фонарик, я вышла из своей комнаты, и, стараясь не шуметь, пошла на кухню. Мне показалось, из-под дверей родительской спальни пробивается зеленоватый свет.

«Три часа ночи, а мама не спит, странно. Папа в ночную, а она, наверное, фильм смотрит, оторваться не может, – подумала я, но зайти не решилась, – а завтра на работу, в семь подъём, потом жаловаться будет, что не выспалась». Попив водички, посчитав слонов, наконец, уснула.

Гадко-бодрая мелодия будильника вырвала меня из сладкого сна. Умывшись и нарисовав стрелки на глазах (получились идеальные), спустилась на кухню. Мама уже готовила завтрак.

– Доброе утро, Анна! – хриплым голосом сказала мама, – садись, завтракать.

– Доброе, блинчики, в четверг? Ты же только по воскресеньям их печёшь! Во сколько же ты встала?

– В шесть, как обычно, – ставя дымящуюся чашку кофе на блюдце, ответила мама. – Приятного аппетита, солнышко!

«Очень странная мать сегодня: блинчики среди недели, блюдце под кружку – не принято у нас, солнышком никогда не называла, – сосредоточенно жуя нежнейший, тающий во рту блинчик, обдумывала я происходящее, – и ни слова не сказала, почему ночью свет горел».

Попав в гимназию, я забыла про домашние дела, и окунулась в водоворот школьных событий: на русском писала дурацкое изложение: «Женские образы в романе «Герой на»

шего времени»; на математике молилась, чтобы не вызвали к доске; на истории выскочка Вика несколько раз перебивала своими комментариями доклад, а с английского забрали на репетицию, где мы подпевали солистке: «Тум, та тум, та тум»! А на всех переменках Дашка взahlёб заливала, что видела над городом летающую тарелку, и столб зелёного света, падавший в сторону моего района.

«Надо же такой бред выдумать!» – а вслух говорила: «Ничего себе! Как интересно, и свет зелёный, прямо на наш дом?!»

После школы я не успевала зайти домой и сразу побежала в художку, там мы рисовали идиотский гипсовый шар. В животе завывало, по-быстрому набросав на окружность света и тени, вприпрыжку поскакала домой, представляя утренний мучной деликатес, смазанный сливочным маслом.

«Надеюсь, папка не всё поел, если нет, яичницу себе пожарю», – мечтала я, открывая дверь.

Дом встретил меня волшебными запахами пряного чеснока и жареного мяса. На столе красовалось блюдо с ровненькими продолговатыми котлетками. Заглянув под крышку стоявшей на плите кастрюльки, я увидела жёлтенькую толчёную картошку без единого комочка.

А ещё в глаза бросилась сверкающая чистота, плита отдраена, на полу ни соринки, и вся посуда на своих местах. У матери редко встречаются периоды кулинарной активности, а ещё реже, два раза в день!

– М-ма-а-ам, что с тобой? С чего ты в такую хозяйку превратилась? Вчера кино, наверное, посмотрелась?

– Анна, я что-то неправильно делаю?

Я обняла маму, и в порыве признательности поцеловала. Или мне показалось, или она щёлкнула зубами?

– Садитесь кушать, – позвала образцовая хозяйка, поправляя надетый зачем-то передник.

– А ты не будешь с нами? Поинтересовался отец, подвигая к себе тарелку поближе,– и даже хлеб мне отрезала, удивительно! – не преминул уколоть папка.

– Нет, спасибо.

– Странная мать сегодня.

– Ага! – согласилась я.

После ужина потяжелевшая, грамм на пятьсот, встала из-за стола и пошла делать уроки.

Мама ожесточенно мыла пол в прихожей. «Рабатун напал, завтра пройдет», – мелькнула мысль.

Но и завтра всё повторилось: мама мыла, готовила, утюжила, пылесосила. Любимый сериал и семечки были заброшены. Не нравилось мне это всё, и стала напрягать эта стерильная чистота.

А сегодня папа не пришёл с работы... Я спросила, где он, мать странно посмотрела, а потом сказала чушь, про командировку. За четырнадцать лет моей жизни, отца ни разу не отправляли в командировку, он охранник, какая командировка?!

Мелькнула мысль позвонить бабушке, но она такая паникёрша, что тут же будет обзванивать морги и больницы. А они, может, просто поругались.

– Мама, где всё-таки папа? Вы поссорились? Ты же знаешь, я тебя очень люблю, и всё пойму, – обнимая, прошептала я в ушко.

– Опять этот странный щёлк зубами.

Я отстранилась, почувствовав какое-то изменение, глаза родительницы странно блестели, а руки только что обнимавшие меня, стали покрываться мелкой сеткой из вен и артерий, родное любимое лицо вытянулось, и вместо маминого нежного голоска я услышала бездушный механический голос:

«Объект 2986 готовьтесь к перемещению, на планете Т-800 нет родственных связей»

– Объект 2986 к поглощению, а впоследствии к перемещению готова.

– Но я никуда не хочу! Мама-а-а-а-а...

– Тебе там понравится! – ласковый убаюкивающий голос прозвучал в голове.

И зелёный свет осветил небольшой дом на краю улицы.

Елена Курина

«ОПЕРАЦИЯ “ЛЕТАЮЩАЯ СОБАКА”»

«Покой нам только снится», – вздыхал чёрный кот Кузя, растянувшись на крыше дома. Сначала переезд хозяев в деревню, потом охота на плутовку лису, размечтавшуюся залезть к ним в курятник. А теперь ещё вот это. И ведь только жизнь начала налаживаться, только соседская зеленоглазая краса-

Автор иллюстрации Анна Деулина

вица Снежка начала отвечать на его ухаживания, и на тебе. А раньше-то этот наглый рыжий Васька на Снежку и внимания не обращал, всё это он задумал только, чтобы досадить ему, Кузе. Они с Васькой сразу невзлюбили друг друга, с первого взгляда. Что называется, взаимная антипатия. Потому что наглый, рыжий, хитромудрый, толстый, противный, глупый... И что Снежка в нём нашла?

Что самое обидное — они по ночам сидят бок о бок на ветке черешни, которая растёт у соседей за забором. Сама-то черешня за забором, а вот ветка, на которой они устраиваются, свисает из-за забора прямо в его, Кузин, двор, так что у него внутри просто всё кипит от злости, когда эта парочка каждый вечер усаживается рядышком у него на глазах. Если бы Васька сам осмелился проделать этот фокус, Кузя ему такую трёпку устроил бы, что только клочки от наглеца полетели бы. Но ведь не при Снежке же! Вот и пребывал Кузя в последние дни в хмуром настроении, не зная, что предпринять.

Пёс Бимка заметил, настоящий друг, соперничает. Предложил обгавкать их, когда в следующий раз на ветке устроятся. Гавкать Бимка уже научился неплохо, подрос щенок, но толку от этого? И что Снежка подумает? А Васька подлец, рассчитал всё, Бимка до него ни за что не допрыгнет. Может, Петька? Он тоже отличный друг, на него во всём положиться можно. Но Васька петуха наверняка увидит, не подкрасться ему незаметно. Тут надо что-то быстрое, неожиданное, и чтобы Васька сильно испугался. Чтобы хотя бы больше не торчали здесь по ночам, свесив хвосты.

Вот бы запульнуть в Ваську чем-нибудь, но как? Взгляд Кузи упал на лежащую на дровяном сарайчике довольно большую игрушечную собаку. Хозяйский сын Вовка уже вырос из таких игрушек, но в комнате у него они имеются, эту псину Хозяйка вынесла, когда соседка приходила в гости с ма-

ленькой дочкой. Потом взгляд его переместился на молодую яблоньку, которая росла как раз посередине между дровяным сарайчиком и тем местом, которое противный Васька облюбовал для ночных посиделок. У деревца одна ветка притянута верёвкой к стволу – чтобы не торчала, а росла куда надо, Хозяин вчера притянул. Однако, это ведь скрытая мощь и сила, которую можно использовать! Но без помощи друзей никак не обойтись.

Несмотря на кажущуюся простоту замысла, на подготовку операции под кодовым названием «Летающая собака» ушёл весь остаток дня. Сначала троица друзей – забывший о своей тоске и меланхолии Кузя и обрадованные этим Бимка и Петька – обсуждала план действий. Затем было отслежено текущее пребывание Снежки и Васьки. Оба занимались обычными кошачьими делами. Снежка, лениво и грациозно растянувшись, дремала на крыльчке своего дома, а Васька был замечен на краю деревни наблюдающим за стайкой воробьёв, весело щебечущих и купающихся в луже. Можно было не волноваться, что эта парочка что-то заметит и заподозрит.

Потом Кузя чёрной молнией носился по двору, сначала прикидывая на глаз, а потом вымеряя траекторию полёта. Он даже начертил когтем чертёж на песке дорожки. Бимка и Петька суетились рядом, помогая и давая советы. Затем от теории перешли к практике и вплотную занялись приготовлениями.

Наконец, начали сгущаться сумерки, наступала неспешная летняя ночь. Петьке пришлось тяжелее всех. И роль у него была самая ответственная, и тихонько сидеть на деревце, спрятавшись в ветвях, долго пришлось. Бимка-то спокойно по двору бегают, на него Васька и внимания не обратит, а вот Петьке уже в курятнике давно пора быть. Кузя же расположился на виду, на крыше дома, чтобы Васька сразу его заметил и больше двор не разглядывал. Конечно, Васька опять привёл соседку

на черешню, уселись на ветке чуть ли не посреди Кузино двора, а Васька нарочно поближе к Снежке прижимается, поглядывая на соперника. У Кузи опять всё внутри закипать начало, вот наглец! Всё, пора начинать!

Кузя скрылся за трубой, и это был условный знак для друзей. Петька метко клюнул верёвку, которой был обмотан ствол молодой яблоньки, притянутая ветка резко распрямилась, увлекая в мощный полёт прицепленного за ошейник леской с рыболовным крючком игрушечного пса. Другим стоило немалых трудов закрепить леску на ветке, но результат того стоил. Собака так стремительно пронеслась по двору под Бимкины рычание и лай, что даже Кузя с высоты крыши не смог отследить её полёт, он только услышал смачный шлепок и увидел, как Васька, коротко мявкнув, взмыл ракетой в небо, а потом исчез из поля зрения. Испуганная Снежка висела на ветке, зацепившись за неё коготками и, кажется, вот-вот готова была соскользнуть вниз.

Кузя в три прыжка соскочил на землю и очутился под ненавистой веткой. Он обхватил лапами приземлившуюся рядом, дрожащую и ничего не понимающую Снежку и нежно лизнул её в нос. Операция «Летающая собака» завершилась очень удачно. Соперник позорно сбежал, оставив перепуганную кошечку на произвол судьбы, которая тут же благосклонно пошла красавице героя-избавителя.

С тех пор гордая Снежка не жаловала рыжего Ваську, предпочитая общество Кузи. Васька, конечно, невзлюбил его пуще прежнего, но Кузя Васькиной любви и не добивался. А ненавистную ветку сосед осенью спилил.

Игорь Каменский

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

– Здрав-в-ствуй, Малыш-ш-ш! – нежный шелест хора голосов коснулся его сознания.

– Здравствуйте! А кто вы?

– Мы – твоя семья.

– А... А кто я? – он чувствовал тепло, исходящее со всех сторон, но ещё не осознавал себя.

– Ты – только что распутивш-шийся кленовый листочек, – прошептали ему в ответ. – А мы – твоя родня. Все листочки, растущ-щие на одном дереве, ветки, ствол и корни – это одна семья.

– А что мне нужно будет делать?

– Ш-ш-шелестеть и радоваться жизни! Повторяй за нами! – И со всех сторон раздался дружный шорох.

– А ещё что?

Он почувствовал лёгкое замешательство, идущее со всех сторон. Видимо, над таким вопросом пока ещё никто не задумывался.

– А разве этого мало?

– Я... Я не знаю, ведь я только что появился на свет, – немало смутился Малыш.

– Этого достаточно, поверь нам. Ведь мы живём уже несколько недель. Мы видели и день и ночь. Ветер и полный штиль. Дождь и солнце. Присоединяйся к нам. Будем ш-шелестеть вместе.

– Хорошо, – неуверенно произнёс Малыш и его голос потонул в семейном хоре, – Хорош-ш-о, Х-х-орошо, Хор-рошо!

И они шелестели весь день. Вскоре стало темнеть. На небе появились звёзды и луна.

– Как красиво! – восхитился Малыш. – А что это?

– Не всё ли равно? – раздалось со всех сторон. – Ты всё равно этого никогда не узнаешь. Ты привязан к этому дереву. Без него ты не сможешь жить.

Малыш с грустью посмотрел вниз, но было темно и он не смог увидеть землю. Зато он увидел какое-то движение. Что-то огромное перемещалось внизу.

– А это что? – спросил Малыш.

– Это – Человек, – ответили ему листья.

– Здорово! Он не привязан к дереву и может сам перемещаться! – обрадовался Малыш, – вот бы быть Человеком!

Но никто не поддержал его восторга.

– Чуш-шь, чуш-ш-шь, – скорее почувствовал, чем услышал он мнение своей семьи. И Малышу стало грустно. Почему он не такой, как его родня?

Рассвет просто очаровал Малыша. Он был так поражён, что даже забыл шелестеть вместе со всеми.

– Сколько же в мире красивого и интересного! – воскликнул он, – Как же я завидую людям, которые могут свободно перемещаться!

– Тиш-ше! Тиш-е-е! – зашептали соседние листочки. – Надо довольствоваться тем, что есть!

– Но я хочу...

– Никому не интересно, чего ты хочешь, а чего нет, – перебили его, – Не забывайся! Ты всего лишь кленовый лист.

– Ш-ш-ш-шь! – снова раздалось со всех сторон. Но Малыш не стал шелестеть, а лишь обиженно замолчал.

В полдень листочки погрузились в лёгкую дрему, устав шелестеть. Малышу было грустно. Он хотел чего-то большего, но что он мог сделать? Он был всего лишь листочком и не мог жить без дерева. Вот внизу снова показался человек. Малыш так ему обрадовался, что решил помахать ему. Человек заме-

тил это движение и посмотрел прямо на листик. Поддавшись какому-то импульсу, он помахал рукой в ответ. Малыш очень обрадовался. «Вот бы поговорить с человеком! — подумал маленький листик, — он ведь наверняка так много знает об этом мире! Может быть, он даже смог бы объяснить мне смысл моего существования?»

Листочек так хотел получить ответ на этот вопрос. Он не понимал, почему другим листьям это не интересно. Когда все проснулись, он решил спросить свою семью об этом.

— Когда-то, когда мы были такими же молодыми, как ты, нам тоже было интересно об этом узнать, — ответили ему. — Но, за всё время нашего сущ-щ-ествования, мы поняли, что не мож-жем найти ответ. Мы связаны с деревом и не мож-жем без него ж-жить. А как мож-жно познать мир, находясь на одном месте? Были смельчаки, которые во время сильного ветра покидали родное дерево. Они улетали далеко-далеко! Но мы их больше никогда не видели.

«Вот он, мой шанс, — подумал листик, — лучше выбрать короткую, но полную впечатлений жизнь, чем бесцельно шелестеть сутками напролёт». Но семье он ничего не сказал. Побоялся, что они его отговорят. «Нужно только дождаться сильного ветра».

И он не заставил себя ждать. «Наверное, если очень сильно и искренне чего-то захотеть — это обязательно случится!» — обрадовался Малыш. Ветер дул всё сильнее. Малыш уже с трудом удерживался на ветке. Он даже подумал, что если бы он и не решился на свой полёт, ветер всё равно сорвал бы его. «Это хорошо, — думал листочек, — чем сильнее будет дуть ветер, тем дальше от дома он меня унесёт. И тем больше я смогу увидеть. Но как узнать именно тот порыв ветра, который сможет унести меня к моей мечте? А вдруг он только поиграет со мной, покружив вокруг дерева, и бросит у корней?»

Но ведь очередной порыв ветра может стать последним, и мне придётся ждать нового сильного ветра? Нет, нужно отбросить все эти пустые мысли и прислушаться к своим чувствам!»

И как только Малыш принял это решение, нужный порыв ветра тут же подхватил его и понёс высоко-высоко в небо. У листочка всё замерло внутри от восторга! Он кружился и впитывал окружающий его мир каждой частичкой своего тела! Малыш был счастлив. Над ним было бездонное небо, в котором весело чирикали птицы, а внизу мелькали самые разные деревья. «Как огромен этот мир! — думал листочек, — Ведь наверняка я увидел только малую его часть!»

Но любой полёт рано или поздно заканчивается. Вскоре ветер мягко опустил путешественника на землю.

— Ах, как недолог был мой полёт, — грустно прошелестел Малыш. — Ну почему я всего лишь листик?! Ведь я так много хотел бы узнать!!!

Небо медленно затягивали тучи, словно оно грустило вместе с листиком. «Я так и не узнаю своего предназначения. Ведь жизнь листика так коротка!» — продолжал он печалиться. На землю упали первые капли дождя. Небо оплакивало уходящую жизнь кленового листика. «Если бы я только смог прожить дольше! Может, тогда бы я смог разгадать смысл своего существования? Но — это ведь невозможно... Я не могу жить без дерева...»

С неба лил уже самый настоящий ливень. Капли дождя медленно убаюкивали угасающее сознание листика. Он знал, что ему осталось недолго.

— Если бы я только мог жить дальше, — тихо шептал Малыш, — Как дерево. Но у дерева ведь есть корни. Корни... Вот он, выход! Никто никогда не видел, чтобы листья пускали корни? Но хоть один листик до меня хотел этого так же сильно?!!! — уже не шептал, а кричал Малыш в небо! — Я знаю,

что если хоть кто-нибудь захочет чего-то так же сильно и искренне, как я, его желание обязательно сбывается-я-я!!! — словно заклинание прокричал листик в небесную вышину...

...И, опровергая все законы этого мира, листик пустил корни...

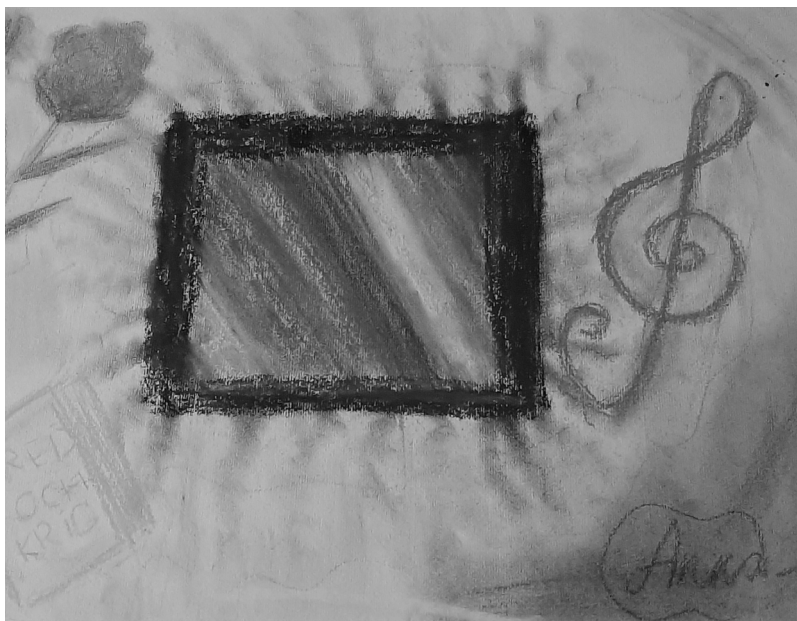
Анна Ильина

«ЛУЧШЕ, ЧИЩЕ, СИЛЬНЕЕ»

«Колючая. Такая колючая. Не язык, а жало! Но красивая, такая красивая, зелёная».

Солнечные лучи заливали комнату. Свежий весенний ветерок колыхал воздушные светлые занавески, внося запахи горькой почвы и первых весенних цветов. Она стояла, отбрасывая изящную тень, немного изогнувшись. Он искоса поглядывал на неё.

«Старый. Очень старый. Просто старикашка! С него уже песок сыпется. И до чего старомодно одет, боже!»

Автор иллюстрации Анна Ильина

Он бегал глазами по жёлтым обоям в цветочек, отмечал каждую мелочь на стеллаже. Он знал наизусть названия всех книг, которые располагались чередой на книжной полке. Ему часто хотелось посмотреть, что находится сзади, но он был лишён такой возможности. А вот она могла. Казалось, что у неё глаза просто по всему телу.

«Вертялая дурочка. Но... вообще-то, она такая нежная. Хоть и колючая. Да даже стоит посмотреть на её зелёные руки, какие они мягкие и бархатные. И вся она как будто соткана из зелёного света и лучей солнца. Она прекрасна».

Порой в комнату заходили люди. Они не вызывали у неё никакого интереса. Иногда она просила у них пить, она часто испытывала жажду. Время от времени они давали ей воды, а иногда просто не обращали на неё никакого внимания. Когда её рот заполняла ломающаяся сухость, она отвлекалась только на него.

«Вечно он шуршит. Эти звуки... Так глупо всё это звучит. Но вообще... Он же поёт! Как нелепо. А хотя, если вслушаться... Пожалуй, даже очень лирично. Что он там напевает сейчас? I'll never break your heart? Backstreet boys! I'll neeeeeeeeever make you cry I'd rather die than live without you...».

«По-моему... По-моему, она слышит меня! Но разве такое возможно??! Нет, не может быть. Никто и никогда не слышал меня, даже такие же, как я. А ведь она совершенно другая, у нас нет ничего общего! Мы из разных вселенных и галактик. Она из Мстителей, а я – из людей Икс, она болеет за Спартак, а я – за воронежский «Факел». Точно за Спартак – она начинает немного вздрагивать, когда я говорю счёт матчей».

«Он стал петь лучше! Чище! Как Энрике Иглесиас, а может, даже и круче! И... между прочим, он очень даже красивый. И как я раньше не замечала? Ну и что, что он так старомодно одет, зато это стильно и необычно. А ещё он очень добрый. Какие

лучистые у него глаза, какой тёплый взгляд! И он очень-очень тёплый сам! Как будто его доброта идёт из самого сердца».

Она никогда не была цветущей, она была обычной. Серой. Точнее – немного зелёной. Но в его присутствии она вдруг начала сиять абсолютно неземным, космическим светом.

Она не могла к нему прикоснуться, но действительно ощущала тепло его тела. Немудрено – иногда он просто пылал. Он влюбился, и плавился теперь в незнакомом прежде чувстве. Его тело, испещрённое шрамами и трещинами, стало лёгким и воздушным. Он продолжал громко петь, и под звуки его пения они как будто кружились в изящном танце вдвоём. Кружевная занавеска стала ей фатой, а потолок, казалось, исчез – и они кружились под бесконечным звёздным небом. Двое в целом мире, в одной бескрайней чёрной Вселенной, заполненной бриллиантами звёзд. Их сердца бились в унисон, а звёзды горели только для них двоих.

Он осторожно перебирал пальцами её иголки, которые она выпустила, чтобы закрыться, защититься от боли, холода и страданий, которые так долго заполняли её жизнь. Она закрылась от всех невзгод сотней иголок и огромным куполом одиночества, но своей песней он раскрошил купол, превратив его в алмазную пыль. Алмазная россыпь медленно кружилась, а затем осела на зелёном платье его принцессы, и тёмная летняя ночь обвенчала их навсегда. Теперь они принадлежали друг другу – и вечности.

Он тоже был одинок, так одинок, и уже потерял всякую надежду встретить хотя бы одну душу, которая смогла бы разглядеть в его обшарпанном неказистом теле нечто чистое, прекрасное, неуловимое взглядом. Ведь он умел чувствовать так сильно! Как дано лишь единицам из миллиардов.

Две противоположности, которые никак и ни при каких обстоятельствах не могли совпасть, стали одним целым. И вот

уже они вдвоём передавали его сигнал во Вселенную. Она не только принимала его сигнал – но делала его лучше, чище, сильнее. А он научился не только петь свои песни, не только передавать свой сигнал – но и принимать сигнал своей зелёной принцессы. Да, он научил её быть передатчиком. А она научила его танцевать.

И вот уже они вдвоём сочиняют и поют весёлые и странные песни. А потом передают их во Вселенную, чтобы подарить их всем одиноким. Теперь уже вдвоём они хотят делать эту Вселенную лучше, чище, сильнее.

И вот это называется просто – Любовь.

Обычный радиопередатчик полюбил *Astrophytum ornatum* – великолепный гибкий кактус. А она неистово полюбила его в ответ. И ничто не могло разлучить их. Шли годы, и десятилетия, у их дома менялись хозяева, но они всё также стояли на каминной полке.

Но однажды, когда они спели свою самую лучшую песню, люди зашли в гостиную и остолбенели. Радиопередатчик стал гладким и отполированным. От его трещин не осталось и следа. А *Astrophytum ornatum*, которая раньше никогда не цвела, в эту ночь покрылась крупными алыми цветами.

А их едва рождённый ребёнок в виде песни нёсся по Вселенной, излечивая разбитые сердца, успокаивая боль, пробуждая радость.

И Вселенная стала лучше, чище, сильнее.

Ирина Слостён

«ВСЕГО ЛИШЬ СОН»

Айла, Крин и Самуил наблюдали, как мимо пролетают метеороиды. Момент и Айла очутилась на холодном камне. Крин и Самуил радостно переглянулись. Только у них появился образ метеороида, как они очутились на нём. Друзья летели мимо планет и звёзд, пока им не наскучил вид бесконечного космоса.

Обратившись друг к другу, они мысленно посоветовались и в следующее мгновение оказались Дома.

– Хочется чего-то новенького, – подумала Самуил.

– Хочется, – ответила Крин, – но мы уже всё опробовали.

– Создавали животных.

– Придумывали историю рас.

– Уничтожил драконов.

– Были драконами.

– Строили космические корабли и завоёвывали планеты.

– Создавали планеты.

– Были планетами.

– Я не знаю, существует ли место, где мы не жили?

– Может, махнём в Гласелис? – предложила Крин. – Я скучаю по ледяным гигантам.

– Я бы вернулась в пески Игниса к огненным бестиям, – поделилась Самуил.

– У тебя там есть незавершённые дела? – спросила Айла. Самуил покачала головой.

– Значит нельзя.

– А если найдём? – с надеждой спросила Самуил.

– Мы бы уже разбивали лаписов по камушкам. А если мы здесь, значит, есть что-то другое, – объяснила Айла.

Друзья прошли мимо группы из 7 душ, которые, обсуждали будущее воплощение.

– Похоже, нашли чем развлечься, – подумала Крин, кивнув на семерых.

– Они говорят о какой-то голубой планете. Судя по образам занятое место, – подтвердила Самуил.

То, что подглядела Самуил, теперь увидели и её друзья. Множество картинок и эмоций пронеслось у них в сознании. Но им сложно было понять, что они увидели, потому что тройка никогда не была на голубой планете. Они заинтересовалась ей и одновременно представили своего гида Рааифаиллафа. «Раиф» – пронеслось у них в голове и в следующий момент друзья очутились на краю Дома рядом с гидом.

Айла, Крин и Самуил подождали, пока Раиф пообщается с Лу, молодой душой, и когда Лу исчезла, приблизились к гиду. Друзья предвкушали новое путешествие, Раиф почувствовал это и ухмыльнулся. Тройка могла знать, о чём думают другие души, но мысли гида им были недоступны. Они видели их, только когда Раиф хотел им что-то показать. И теперь увидев кривую улыбку Рааифаиллафа Айла, Крин и Самуил не смогли понять, что за ней скрывается.

Возможно, планета на которую мы собрались не так уж и проста, – подумала Айла.

– Уже знаю, что вы задумали, – произнёс Раиф.

– А как туда попасть? – спросила Самуил.

– Нужно ваше желание, вы должны ощутить потребность.

– Это сложно. Я ничего не хочу, – ответила Крин.

– У нас всё есть, – Самуил посмотрела на друзей.

– Мы можем создать что угодно, – закончила Айла.

– Здесь, да, но когда окажетесь там, забудете об этой способности. Это планета желаний. Планета дуальности.

– То есть там много желаний... – начала Айла.

– Миллионы и они раздирают тебя ежесекундно.
– Миллионы желаний, которые невозможно исполнить? –
Айла начала сомневаться, что ей нужно туда.

– Можно и исполнить, если отказаться от них, – ответил Раиф.

Самуилу и Крину стало любопытно побывать на этой планете.

– Если вы по свободной воле намерены туда отправиться, я помогу вам проявить желания, но избавляться от них вы уже будете сами.

Друзья не поняли, о чём говорит их гид. Они редко испытывали потребности в чём-либо и знали, что от желаний можно легко отказаться.

– Готовы?

Друзья кивнули и в следующее мгновение очутились в пространстве для переноса. Раиф говорил, а Айла, Крин и Самуил видели образы того, что он описывал.

– На этой планете вы получите то, что не имеете здесь, почувствуете вес тела, его желания, движение времени, как оно медленно течёт и умеет стремительно нестись. Получите огромную созидательную силу, но не будете знать о её наличии. И поэтому будете вредить себе, а когда овладеете ей, измените ход истории. Там вы сможете наслаждаться многообразием существ, которых создали ваши братья.

Увидев образы различных животных, птиц, насекомых, деревьев и цветов Самуил возжелала побывать на голубой планете и покинула Дом.

Айла и Крин переглянулись. Если Самуил решила туда отправиться, то и они должны последовать за ней. Они везде путешествовали вместе, помогали друг другу обрести новый опыт и вернуться домой.

— Там вы сможете не только наблюдать, но и управлять. Обучать и разрушать. Создавать других существ и менять их жизни.

Крин понравилась возможность влиять на других и она последовала за Самуил. Айла осталась наедине с гидом. Она поняла, что должна присоединиться к Крин и Самуил, но её начала пугать эта планета.

— А ещё там...

— Подожди Рааифаиллаф, ответь мне, если я захочу вернуться, как это сделать?

— Просто вспомни, что то, что ты видишь — это всего лишь сон.

— А как вспомнить, когда тебя раздирают желания, образы и нескончаемые дела?

— В этом и состоит задача этой игры. Нужно вспомнить о доме, когда тебя всё отвлекает от этого. Например, ты должен следить за дорогой, а у тебя чешется нога, а нужно ехать вперёд, потому что сзади уже сигналият. По шее щекочуще сбегает струйка пота и капает за шиворот. Рядом с тобой сидит жена и перечисляет, что ты должен сделать вечером после работы, и ты пытаешься услышать её слова, сквозь твяканье собаки, которая сидит у жены на руках. Твои дети, которые громко спорят на заднем сидении, не помогают делу. И во всём этом шуме ты думаешь, как решить проблему по работе, хотя больше всего хотел бы оказаться в кровати под одеялом, потому что второй месяц не высыпался.

Описание чувств подействовало на Айлу, но в отличие от Самуила и Крина, которые пожелали ощутить на себе то, что описывал гид, Айла почувствовала страх и практически перенеслась, но держалась за мысль о Доме.

— На этой планете господствуют не только желания, но и страх, — пояснил Раиф. — От него тебе там тоже нужно

будет избавиться. Ведь страх порождает желания. Но не стоит так страшиться этой планеты. Когда ты родишься, законы жизни тебе объяснят. Но не верь всему, что говорят. Там никто ничего не знает. У тебя одна задача: вспомнить, что это всего лишь сон.

Кирилл Берендеев

«БРОСИТЬ КУРИТЬ»

Сидоров решил бросить курить. Сразу, без таблеток, пластырей, иглоукалывания, гипноза, заговора и прочего, что он перепробовал за последние четыре года. Тем более, предпосылки имелись: во-первых, развёлся с женой, считай, половина поводов к стрессу ушла, во-вторых, устроился на новую работу, где пепельница только в кабинете директора. Ну, и в третьих, завтра понедельник, первое число. Вечером выбрасывал все пачки, посмотрел «Секретные материалы», посмеялся и в приподнятом настроении пошёл спать.

Утро благоволило. Проснулся за двадцать минут до будильника — впервые со школьной скамьи. Пришёл на службу пешком, весьма кстати сломался автобус. До обеденного перерыва не поднимал головы, а после вплотную занялся «Весёлой фермой», где за одиннадцать лет неустанной работы дорос до кормильца обоих галактик. Съездил на склад, встретился с курьером — и вечером домой снова через парк и лесополосу.

Правда, ноги не донесли. Устал. Сел в маршрутку, водитель дымил нещадно. Сидоров поймал себя на том, как жадно принюхивается и старается подсесть поближе. Переборол, вышел, дождался автобуса, для отвлечения стал пересчитывать ручки в кармане пиджака. С изумлением вынул. Никогда не грыз, а вот поди ж ты, будто хомяка вёз.

Дома стало ещё хуже. Пока готовил «Доширак», пытался скуричь две спички, а попутно барабанил пальцами по стене, пока соседи не застучали. Хлопнул пятьдесят холодненькой для отвлечения. Раньше помогало, но сейчас пошла колом и застряла на середине. В который раз спросил, зачем вооб-

Авторы иллюстрации: Кирилл Берендеев, группа OpenClipart Vectors

ще начал? Как-то взял сигарету, табаком из которой супруга посыпала герань против этих противных горшечных мушек, и сам не понял, как закурил. Не то, чтобы понравилось, — и запах тошный и вкус ядовитый — но пять лет без остановок. Даже секта не помогла. Сидорова выгнали оттуда с позором, да ещё на прощание обозвали Ахурамаздой.

«Доширак» он тоже пытался курить, пока ел.

Ему говорили, что первые три дня будет особенно плохо, если сразу бросать, поэтому Сидоров решил выпить женин тазепам, оставшийся у него после раздела имущества, и пораньше завалиться, предварительно убрав из тумбочки всё, что может спросонья быть принято за сигарету.

Снилась какая-то муть про бычки. Потом стало холодно. Сидоров открыл глаза, обнаружив себя в трусах и куртке, шлёпающим в нетерпении по железному полу лифта, стремительно вывозящего его с этажа. Казалось, это дурной сон, Сидоров

выскочил на улицу, не понимая, на каком свете пребывает. Стал шариться по бачкам, по кустам, под скамейками: все курят, везде бросают.

Пытался прекратить поиски, но не мог, желание давило невыносимо. Таджик, в ночи шаркающий метлой, милостиво подал сигарету. Бело-голубая молния пронзила его, обратив в горстку пепла, бесхозная метла повалилась в кусты. Сидоров всхлипнул, убеждая себя, что это всё лишь бред воспалённого воображения, и бросился к людям. Выскочив на проспект, наткнулся на даму, жадно курившую в ожидании клиента — нос даже не почувствовал запах табака, только озона от новой вспышки. Опрометью кинулся прочь, по улице шли люди, в темноте видневшиеся красными точками, а затем исчезающие в столпах небесного пламени. С воем он перебежал до рогу и метнулся в парк.

Дыхание перехватило, перхая, остановился у берёзки. И получил по затылку. Когда поднялся и обернулся, увидел нечто запредельное — огромная, шириной метров в двадцать и высотой в два этажа, летающая тарелка, шипя и испуская пары, величаво садилась на тропку, сминая вековые дубы и кроша туалетные кабинки. Последнее «пш-ш» — сквозь пар он увидел сияние в брюхе неведомого судна, от которого прямо к нему скатилась поблескивающая ртутью дорожка. По ней кубарем скатилось два существа: яйцеголовые, серокожие, с громадными глазами, длинными руками с уймой пальцев на каждой, ростом метр с кепкой от силы. Один одет в белый халат, второй в полосатый свитер. Не дойдя до Сидорова метра, второй инопланетянин пригнулся, так что первый сразу запрыгнул тому на плечи, оказавшись лицом к лицу с землянином, и заорал на чистом русском:

— Ты что, подлец, вытворяешь! — рука с двумя большими пальцами легко сгребла куртку в охапку, Сидоров даже поше-

велиться не мог. — У меня больше сорока монографий, шесть учебников, я почётный член двенадцати академий, а ты... Как ты это вообще проделываешь? Я навязывал и снимал героиную, метадоновую, ацетатную зависимость; из любой ломки, любого запоя выводил навсегда, я считался недостижимым авторитетом по земным зависимостям, мои дети гордились мной. А ты... ты, — он не выдержал и вдарил по лбу Сидорова свободной рукой, — ты всё запорол! Пять лет и никакого толку.

— Профессор, осторожнее, вы повредите подопытного. И не кричите так, умоляю, нас обнаружат, — пискнул ассистент внизу. Профессор ухватил Сидорова за грудки и затряс, как половик.

— На следующей неделе будет слушаться дело о моём отстранении от проекта. Проекта, который я создал и... Если ты не бросишь, я... да я испепелю тебя, как... нет, я испепелю тебя медленно! Ты меня понял? Понял, я спрашиваю? — Сидоров так болтался в крепких руках учёного, что и без того кивал, точно китайский болванчик. — А раз так — пошёл вон, и чтоб мои сенсоры тебя больше не ощущали!

Пришелец спрыгнул наземь и помчался к кораблю. Сияние померкло, тарелка несколько раз оглушительно ухнула и с рёвом взмыла в небеса. А Сидоров ещё долго не мог прийти в себя. Пришёл домой и заперся в квартире недели на две. Пусть он потерял перспективную работу, подхватил бронхит, невралгию и тремор, но зато обрёл главное — уверенность в своих силах. Ибо наконец-то смог бросить курить!

Кристина Чайка

«ПО ТУ СТОРОНУ СКАМЕЙКИ»

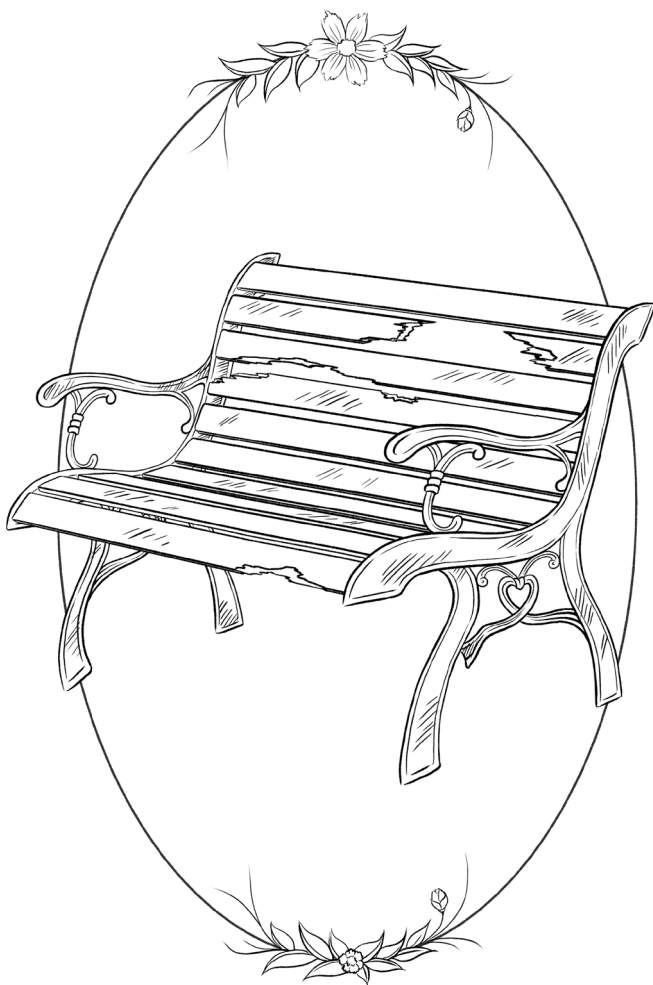
Во дворе старого обветшалого дома, повидавшего много зим и пережившего старых владельцев, с незапамятных времён стояла такая же дряхлая скамейка. Краска на ней давно облупилась и стало сложно определить, какого она была цвета. Когда-то красивые металлические перила заржавели, старые доски прогнулись, а некоторые и вовсе отсутствовали.

Местные жители в сторону этого печального зрелища даже не смотрели. Подростки выбирали другие места для своих развлечений, взрослые вовсе старались обходить стороной. Старушки — любители посидеть на скамеечке у подъезда, предпочитали дойти до соседнего дома. Там всё было не так ужасно, и открывался обзор на детскую площадку, где весело играли во что-то малыши.

А вот Руби считала иначе. Красивой скамейку не могла назвать даже она, но девочка точно знала, что есть у этого предмета и другая сторона. Когда-то очень давно она, вместе с мамой, проходила мимо дряхлого дома. И вот тут-то и произошло кое-что интересное.

Будучи ещё совсем маленькой, девочка развлекала себя тем, что шагала по тонкому бордюру у пустынной дороги. Мама держала её за руку, но это не помешало Руби оступиться: нога опустилась ниже нужного уровня, прямо на край проезжей части. Машины тут появлялись редко, поэтому сбить девчонку никто не мог, но детская лодыжка ненадолго согнулась под неправильным углом, что заставило её владелицу ойкнуть от боли.

Заботливая мама сразу взяла девочку на руки и усадила на ближайшую скамейку.

Автор иллюстрации предпочел остаться анонимным

– Сильно болит? – встревоженно спросила она, но не получила ответа. Лицо дочери отчего-то приобрело восхищённо-удивлённое выражение.

Руби увидела другой мир. По-другому это назвать было нельзя. Пустынный серый двор дряхлого дома вмиг пре-

вратился в чудесную поляну с травой изумрудного цвета и различными цветами. Вдалеке просматривалось не менее прекрасное озеро: его поверхность блестела под яркими солнечными лучами. Сзади зачарованная девочка увидела высокий лес с вековыми деревьями.

В подробностях рассмотреть завораживающий мир не удалось: мама снова подняла малышку на руки, и видение тут же исчезло.

Но эмоции остались. Руби навсегда запомнила чудесную скамейку и, как только мама начала отпускать повзрослевшую дочь гулять в одиночестве, отправилась туда.

– О, смотрите, глухая Руби снова тут! – выкрикнул местный задира Фред.

– А ты, я смотрю, прямо жить без меня не можешь? – поинтересовалось в свою очередь девчонка. – Стоит только увидеть, так сразу ко мне бежишь?

Не то, чтобы хрупкая и ранимая по своей натуре маленькая леди умела давать отпор противным мальчишкам, но вести дела с этим выскочкой давно научилась. В общем, больше Руби никто и не трогал. Только тихонько посмеивались вдалеке и всё.

А вот Фред вёл себя совершенно иначе. Всё время называл девочку глухой, будто не мог придумать что-нибудь более оригинальное. Ясно же, что он ничем не задевает свою «жертву». Всё-таки прозвище взято не с потолка. Когда Руби переносилась в другой мир, она переставала слышать то, что происходит здесь. Докричаться до неё можно было только в том случае, если поднять с любимой скамейки.

А девочке было всё равно, как обзывают её местные задиры. Прекрасная природа по другую сторону манила куда

сильнее. Не смотря даже на то, что стоит только встать — она исчезнет. А значит, изучить волшебство того чудесного места Руби никак не могла. Оставалось только любоваться на один и тот же, никогда не надоедающий, пейзаж.

Девочка прошла мимо надоевших мальчишек и уселась на свою любимую скамейку. Теперь она хоть не будет слышать противного Фреда. И пусть он думает, что Руби его просто игнорирует. Возможно, не попади она в другой мир, поступила бы именно так.

Перед глазами в очередной раз замелькала знакомая картина. Звук осеннего ветра и скрип ржавых качелей, ранее слышимые в реальном мире, мгновенно перешли в тихий шелест травы. Здесь, в этом месте, всегда было прекрасное тёплое лето, что не могло не радовать. Руби не хотела увидеть, как опадают с вековых деревьев жёлто-красные листья. Такое зрелище было бы слишком печальным, словно жизнь тихонько уходит из волшебного мира.

Лето летом, но связь с реальностью оставалась. Осенний холод, несмотря на то что здесь была чудесная погода, пробирал до костей. Это совсем не вязалось с радостной картиной вдалеке. Хотелось встать и подойти к тому красивому большому озеру, что радовало глаз, или к огромным деревьям позади. Но сделать этого было нельзя.

Руби уже давно успела погрузиться в свои мысли, когда прямо рядом с ней оказался Фред. Девчонка подпрыгнула от неожиданности: рука надоедливого мальчишки лежала на её плече, а сам он удивлённо оглядывался по сторонам. Очевидно, тоже увидел скрытый от чужих глаз мир.

Раньше никто из компании не садился на скамейку рядом с Руби, считая, что это ниже их достоинства. А вот тут неожиданно что-то изменилось. Девочка, поморщившись, скинула руку своего врага и встала с любимого места. Она ожидала

снова оказаться в своём мире, но этого не произошло. Даже наоборот: волшебная долина стала гораздо ярче, словно пелена тумана вдруг резко исчезла.

Раньше Руби не замечала, что пейзаж, который она постоянно рассматривала, был нечётким. После серых многоэтажек города не возникало даже малейшего сомнения, что этот мир может быть ещё ярче. Он и так казался ослепляющим и невероятным. Но как оказалось, это не всё, на что способна природа.

Немного отойдя от первого изумления и привыкнув к новым возможностям солнечного света, девчонка обернулась к незваному гостю этой долины. Он тоже немного оправился, и, открыв рот, резко встал. Очевидно, Фред собирался что-то сказать, но вместо этого исчез. Вместе со скамейкой.

Руби на мгновение задумалась, как она теперь попадёт обратно домой, но вдруг поняла, что в данный момент её это не волнует. Радостное возбуждение от того, что волшебный мир, наконец, позволил ей остаться, затмило все тревоги.

Девчонка уже начала составлять мысленный план, с чего стоит начать и чем закончить исследование чудесной долины, как Фред и скамейка снова появились рядом с ней. Мальчишка быстро схватил Руби за руку и, не отпуская, встал на ноги. Портал в реальность снова исчез, но ненавистная компания как ни в чём не бывало осталась на месте.

Девочка несколько секунд смотрела на Фреда с осуждением и презрением, а тот, в свою очередь, нагло улыбался. Как же это бесило! Вечно чем-то довольный надоедливый мальчишка, который слишком часто находится где-то рядом. Теперь даже в волшебной долине. В любимом месте Руби оказался самый противный, по её мнению, человек.

Девчонка могла вытерпеть рядом с собой почти всех, но не Фреда. Он всегда раздражал.

– Так вот, значит, почему ты вечно проводишь время на этой скамейке, – оглядевшись по сторонам, протянул мальчишка. – Это многое объясняет.

– Может, тогда объяснишь, как мне вернуться домой? – зло поинтересовалась Руби.

– Тебе? А как же я? – несколько опешил Фред.

– А ты можешь оставаться здесь. Я готова подарить тебе даже эту чудесную долину, лишь бы не видеть такого, как ты, рядом с собой.

– Даже так? – как-то странно усмехнулся мальчик. – Очень жаль. Я против твоего общества ничего не имею.

– Ага, больше доставать некого? – фыркнула Руби. – Уверена, ты найдёшь себе другую жертву.

– А мне другая не нужна, – серьёзно проговорил Фред.

Ответа он не услышал и решил сменить тему:

– А что касается возвращения домой... Тебе виднее. Не я провожу здесь столько времени.

– Я никогда не вставала со скамейки, – призналась Руби, – иначе выкидывало в наш мир.

Вот тут Фред задумался. Очевидно, понял, что у них действительно появилась небольшая проблемка.

– Может, наша скамеечка просто перенеслась в другое место этой долины? – неуверенно спросил он.

– Она никогда так раньше не делала.

– Но проверить-то стоит. Если будем вечно стоять тут – домой точно не попадём.

Руби на это только кивнула.

Надо сказать, скитаться по волшебной долине в обществе надоедливого Фреда – занятие не настолько ужасное, как думала Руби. Приятного, конечно, тоже мало, но мальчишка стал

значительно тише и спокойней. Видимо, перспектива остаться в другом мире навсегда его не очень радовала.

Впрочем, девочка словила себя на мысли, что ей это тоже не по душе. Сколько лет она мечтала о подобном путешествии, а теперь хочет вернуться домой. Судя по всему, каким бы бледным и невзрачным ни был город, он всё равно роднее чудесной долины.

Хотя, может, не будь тут сейчас Фреда, всё было бы иначе. В реальном мире от него хоть уйти подальше можно, а тут спрятаться от надоедливой компании проблематично. Да и остаться совершенно одной тоже не хотелось.

Жара здесь была невыносимая. Стоило только встать со скамейки, как осенний холод мгновенно испарился, сменившись летним зноем. Куртку Руби сняла сразу, а вот с кофтой возникли проблемы. Остаться при мальчишке в одной только майке, которую сложно было назвать приличной, нельзя. Вот и приходится теперь мучиться.

А вот Фред, который был хорошо закалённым и почти никогда не мёрз, как был в футболке, так в ней и остался. Повезло, что тут ещё сказать. Хотя, судя по всему, жара его тоже мучала.

Первым делом ребята отправились к озеру. Оно манило своей красотой и возможной прохладой. Весь путь был проделан в тишине: Руби не собиралась разговаривать с неприятным ей человеком, а Фред, очевидно, решил её не доставать. Может, тоже не хотел остаться тут в одиночестве, а такая вероятность была, стоило только чем-то обидеть свою спутницу.

— Вау, — восхищённо выдохнул мальчишка, оказавшись около воды. Он, в отличие от Руби, не рассматривал озеро ча-сами, а по дороге сюда не глазел по сторонам. Так что сейчас прекрасный вид сильно его поразил.

А девочка, не рассматривая окружающую обстановку, прямо в одежде зашла в долгожданную прохладу. Правда, это

стоило назвать по-другому. Скорее, в долгожданное тепло после невыносимой жары. Вода давно нагрелась до достаточно большой температуры.

Фред последовал примеру девчонки, и они некоторое время наслаждались купанием. Даже немного побрызгались. Начал это, конечно, мальчишка, и Руби была страшно недовольна, но вскоре расслабилась и приняла вызов на шуточный бой.

— Куда пойдём дальше? — спросил Фред через некоторое время. Было очевидно, что здесь пути домой нет, а значит, стоит продолжить поиски в другом месте.

Руби ответа на вопрос не знала и просто начала крутить головой по сторонам. В основном вокруг было бескрайнее поле, на котором не было абсолютно ничего, кроме разнообразных цветочков. Маловероятно, что там можно было найти путь домой. Зато прямо позади красовался огромный лес, который давно манил Руби своей красотой.

Взгляд девчонки задержался, и Фред мгновенно это заметил. Ребята уставились на огромные деревья и оба, не сговариваясь, подумали, что было бы неплохо оказаться там.

И желание сбылось. Только что дети стояли по колено в озере, и вдруг оказались около большого леса, на большом расстоянии от воды.

Фред сразу состроил из себя совершенно невозмутимого человека, делая вид, что такое перемещение в порядке вещей, но Руби успела заметить изумление на его лице. Впрочем, сама девочка даже не пыталась скрыть эмоций и восторженно переводила взгляд с озера на огромные деревья.

А были они именно такими. Конечно, их немаленький размер был виден и с волшебной скамеечки, но теперь Руби наконец увидела всё это великолепие вблизи. Казалось, стволы самых молоденьких деревьев не смогут обнять три человека, а что касается старичков — здесь не справился бы и десяток.

– Так и будем стоять? – понаблюдав несколько минут за забавным изумлением спутницы, поинтересовался мистер невозмутимость.

Руби сразу нахмурилась и задрала нос, вспомнив о присутствии надоедливого мальчишки. Гордо повернувшись в сторону леса, девчонка сделала несколько шагов вперёд.

Пройденное расстояние было совсем маленьким и, казалось, ничего не должно было измениться, но свет неожиданно погас, закрытый ветвями и листьями деревьев, которые теперь были повсюду. Сзади должно было быть огромное поле с яркими цветами, но вместо этого остался только бесконечный лес.

Рядом не было даже надоедливого Фреда, от общества которого Руби сейчас бы не отказалась. Девочка вообще нечасто оказывалась в подобном месте, где всё вокруг кажется одинаковым, но раньше с ней рядом хотя бы кто-то был.

Признаваться в этом не хотелось даже самой себе, но вот тут впервые появился страх. Как оказалось, находиться в темноте среди бесконечных деревьев – не самое приятное ощущение. Руби, почти в отчаянии, сделала несколько шагов назад, – вдруг она снова окажется в бескрайнем поле? – но этого не произошло. Был ещё вариант, что Фред последует за девочкой и окажется рядом с ней, но приходилось признать, что он должен был так поступить уже несколько минут назад. А раз мальчишки рядом не было, значит, он либо бросил свою спутницу, либо оказался в какой-то другой части этого бескрайнего леса.

Можно было бы подождать ещё, но Руби уже поняла, что Фред здесь не появится. Значит, оставалось только два варианта: либо бросить всё, усесться на землю и заплакать, либо просто пойти в любом направлении. Так как первый способ был максимально непродуктивным, пришлось задействовать второй.

Ветки противно хрустели под ногами, земля кое-где пружинила от сырости и грязи, но Руби продолжала упрямо идти вперёд, раздвигая руками тонкие сучки деревьев и пролезая под толстыми. Было ощущение, что с каждым шагом становиться только темнее, будто девочка забредает всё глубже в чашу, но разворачиваться и выбирать другое направление было поздно. К тому же совершенно не факт, что это могло бы помочь. Мир-то явно не простой. Кто знает, какие сюрпризы он приготовил для незваных гостей?

Руби не знала точно, как долго шла сквозь этот непроходимый лес, но через некоторое время оказалась на каком-то подобии поляны. Цветов здесь в помине не было, вся земля была занята сухими ветками огромных деревьев. Они, кстати, все ещё были повсюду, но именно здесь немного расступились, пропуская девочку вперёд.

Поляна стояла на небольшом возвышении над землёй и, ступив на неё, Руби поняла одну простую истину. Здесь не было никаких растений, потому что всё свободное пространство – большой пенёк.

Походив немного взад-вперёд по остаткам когда-то гигантского дерева, девочка зачем-то встала в самый центр и... провалилась.

По-другому это было назвать нельзя. Просто в один момент Руби находилась на старом пне, а в другой поняла, что падает в кромешной темноте.

– Так и будем стоять? – создавая впечатление спокойного и невозмутимого человека, спросил Фред у взбудораженной неожиданным перемещением Руби.

Девочка, как и ожидалось, сразу скорчила презрительную рожицу. Она всегда так делала, стоило только мальчику

открыть рот. Впрочем, вполне ожидаемая реакция на многолетние шутки, которые обидчивая Руби принимала слишком близко к сердцу. А ведь Фред просто искал повод для начала разговора. Впрочем, он и сам понимал, что получается у него очень плохо, но ничего не мог с этим поделать.

Девочка, видимо, согласилась, что стоит двигаться дальше, и сделала несколько шагов. Фред сразу последовал за ней, готовый к далёкому путешествию, но Руби вдруг резко остановилась.

— Что, испугалась идти в лес? — сразу нашёл очередную «тему для разговора» мальчишка.

Руби, видимо, решила его игнорировать, что тоже было вполне ожидаемо. Но тут произошло что-то странное: вместо того, чтобы снова соорудить презрительное выражение лица, как происходило обычно, девочка, наоборот, чего-то испугалась.

— Ты чего? — удивился Фред. Можно было подумать, что Руби проверяет его бесстрашие, но эмоция на её лице была слишком искренней, что заставило насторожиться.

Отвечать девочка опять не стала, вместо этого сделав несколько шагов обратно к полю. И всё бы ничего, но на её пути стоял Фред, и Руби не пыталась его обойти. Она просто прошла мальчишку насквозь, заставив того вздрогнуть.

Вот тут-то и появилось предположение, что молчание спутницы вызвано вовсе не обидой.

— Руби, ты меня слышишь? — проверяя теорию, спросил Фред.

Никакой реакции. Мальчишка подошёл и помахал рукой перед лицом напуганной чем-то девочки, пытаясь понять, видит она его или нет.

— Интересно, — задумчиво сказал сам себе Фред.

Когда стало ясно, что Руби не видит и не слышит его, всё напускное веселье и равнодушие мгновенно испарилось. Теперь не было смысла играть эту роль: единственный возможный зритель не обращал на актёра никакого внимания.

А девчонка тем временем, потоптавшись какое-то время на одном месте, отправилась в путь. Фред отставать не собирался: видит она его или нет, всё-таки Руби единственное живое существо в этой долине. Во всяком случае, на пути больше никто не встретился.

Шаг за шагом девочка пробиралась сквозь огромный лес, удаляясь всё дальше от безопасного, по мнению Фреда, поля. Становилось всё темней, и это, надо сказать, совсем не радовало. Мальчишка несколько раз предлагал Руби развернуться, но это, конечно, ни к чему не приводило. Один раз он даже попробовал схватить спутницу за руку, но ничего не вышло.

Ворча и громко возмущаясь на царапающие лицо маленькие веточки, которые летели прямо на Фреда из рук предусмотрительной Руби, ребята продвигались все дальше. Надо сказать, девчонка справлялась со сложным перемещением по лесу гораздо лучше. Мальчик уже успел окончательно выбиться из сил, когда его спутница, наконец, решила остановиться на большом пне.

Фред хотел уже благодарить судьбу за этот замечательный подарок, как вдруг вокруг стало совершенно темно, а дыхание перехватило от резкого падения.

Руби поражено оглядывалась по сторонам. После нескольких минут падения в кромешной темноте, она снова оказалась в поле, посередине которого гордо красовалось большое тёплое озеро. И рядом ни одного дерева, только где-то вдалеке просматривался густой лес.

Посадка, кстати, оказалась мягкой. Руби ожидала сильного удара, но вместо этого спокойно и без боли приземлилась на ноги. Сейчас о необычном падении напоминало только учащённое от страха сердцебиение.

Фред, как ни странно, тоже оказался рядом. Он смешно оглядывался по сторонам, пытаясь оправиться от шока. Руби, наверное, выглядела так же всего минуту назад. Видимо, мальчишка тоже пережил падение, а значит, не бросил её. Просто ребята каким-то таинственным образом разделились.

— Ну что, теперь ты меня видишь? — заметив изучающий взгляд спутницы, насмешливо поинтересовался Фред.

Руби на это только задрала нос. Было желание расспросить мальчика, что, собственно, означает этот его вопрос, но показывать своё недоумение не хотелось. Вот ещё!

— Явился, не запылится, — вместо этого презрительно бросила девчонка, решив озадачить и Фреда тоже. Не одной же Руби ничего не понимать? А что-то девочке подсказывало, что мальчишка тоже толком ничего не знает о том, что она видела в лесу.

Впрочем, его это, судя по всему, не особо волновало.

— Ну, путь домой, я полагаю, мы так и не нашли, — став немного серьёзней, проговорил Фред.

Руби, принимая временное перемирие, тоже сбросила с себя маску гордого безразличия и кивнула.

— В таком случае у нас проблема, — озвучил мальчишка давно известный факт.

Мог бы сказать что-нибудь более оригинальное, вместо озвучивания и без того очевидных вещей. Лучше бы выдал мотивирующую речь. Ну, например: «Мы ещё не осмотрели всю долину, шансы пока есть!»

Хотя Руби и сама понимала, что это совсем не так. В озере ребята уже искупались, в поле оказалось пусто, а лес всего

лишь выводил обратно. Всё. Больше здесь не было абсолютно ничего.

Да тут даже выжить было нереально. Вода, конечно, имелась, а вот с едой возникали серьёзные проблемы. Птиц тут не летало, животных не водилось. Даже рыбы, и те отсутствовали. Деревьев, вроде яблони, со съедобными плодами, также видеть не приходилось.

А есть-то хотелось. Руби только сейчас поняла, насколько сильно. Ребята тут провели уже много времени, часов пять определённо прошло. А девчонка к тому же ушла из дома, не пообедав.

Фред тоже удручённо молчал: радостные мысли или гениальные идеи ему в голову никак не приходили.

– Пойдём, что ли, искупаемся? – увидев на лице спутницы отчаяние, без энтузиазма спросил Фред.

Идти никуда не хотелось, но предложение было неплохим. Жара всё ещё стояла невыносимая. Время суток, очевидно, тут не менялось так же, как и сезоны. Всегда лето, всегда день, всегда жара. Навеки замерший в прекрасном моменте мир. Красивая ловушка, из которой, очевидно, не было выхода.

Иронично, конечно, получалось: Руби так долго мечтала походить по этому месту, узнать его секреты, а теперь застряла здесь навечно. Как говорится, будь осторожен в своих желаниях.

Девчонка встала, отвечая на заданный вопрос, и ребята молча поплелись в сторону озера.

Озеро, очевидно, было самым дружелюбным и гостеприимным местом в этой долине. Острые растения в поле так и норовили расцарапать ноги, солнце старалось зажарить бедных

путников, а лес норовил оставить множество ссадин в самых разных местах с помощью веток.

Тёплая ласковая вода после стольких приключений казалась самой прекрасной на свете. Руби была согласна не вылезать из неё никогда, но слишком быстро поняла, что ужасно хочет спать. Глаза закрывались сами собой, пришлось выйти на берег, чтобы не закончить жизнь, утонув в этом самом озере.

Хотя перспективы в любом случае не были очень радостными. Может, утонуть менее мучительно, чем умереть с голоду, но проверять пока не хотелось. Удобно устроившись на берегу, Руби мгновенно провалилась в сон, не заметив странного поведения Фреда.

Мальчик стоял по колено в воде и о чём-то размышлял с серьёзным выражением лица. Несколько минут он оставался в этой позе, а потом повернулся к своей спутнице, собираясь что-то сказать.

Увидев, что девочка крепко спит, Фред решил проверить свою теорию самостоятельно. Всего мгновение спустя мальчишка исчез с тихим щелчком, который, впрочем, не услышал никто, кроме Руби.

Девочка вздрогнула, услышав звук, и мгновенно проснулась. Мысли все ещё были вялыми и несвязными, но не заметить отсутствие Фреда было невозможно.

Руби огляделась по сторонам, пытаясь найти мальчишку, но безуспешно. В пределах видимости не было ни единой живой души.

— Фред? — тихонько позвала девочка.

Ответа не последовало. Сердцебиение начало быстро учащаться, когда стало ясно, что никого вокруг больше нет.

Вариантов было не много, и ни один из них Руби не нравился: либо мальчишка по неосторожности утонул, либо на-

шёл путь домой. Второй вариант подтверждал прозвучавший недавно хлопок.

Значит, Фред её бросил.

Фред стоял по колени в озере, обдумывая сложившуюся ситуацию. Очевидно, что выбраться из этого мира-ловушки было невозможно, но верить в это совсем не хотелось. По своей натуре мальчишка был оптимистом. Всегда пытался найти положительные стороны, даже сейчас. Хотя в данный момент у него это плохо получалось и оставалось, чтобы не впасть в отчаяние, пытаться найти выход.

Фред упрямо прокручивал в голове всё сегодняшнее путешествие, пытаясь найти хоть что-то. Вывод напрашивался один: произошло много странных и непонятных вещей. Только это ничем не помогало, и понимание безысходности положения приходило всё больше, предлагая поселиться в душе отчаянию.

Впускать это противное чувство совсем не хотелось, но оно и не спрашивало, медленно просачиваясь сквозь разрастающую щель в шаткой защите.

И вот, когда отчаяние почти сделало своё дело, в голову, наконец, пришла идея.

Сегодня, когда Фред с Руби захотели оказаться около леса, желание сбылось. И перенесло их туда это самое озеро.

Мальчишка обернулся и посмотрел на безмятежно спящую спутницу. Будить её не хотелось, давать ложную надежду — тоже. Немного постояв так, Фред мысленно пожелал перенестись к старой покосившейся скамейке.

Он не успел даже моргнуть, как оказался в нужном месте. Значит, путь домой всё же существует. Осталось только позвать с собой Руби, и можно, наконец, вернуться в реальный мир.

К сожалению, перемещение в обратном направлении не работает, поэтому за девчонкой Фреду пришлось бежать. Нет, ну, можно было, конечно, пойти спокойно, но домой хотелось сильнее.

— Руби, я нашёл! — закричал мальчишка, заметив маленькую фигурку.

Девочка подняла заплаканные глаза и удивлённо на него уставилась. Видимо, думала, что её бросили. Такое недоверие несколько обидело Фреда. Кажется, теперь придётся найти другой способ начинать беседу. Как оказалось, многочисленные шутки убивают все положительные эмоции к человеку.

О том, что Фред догадался о причине расстроенного состояния Руби, он говорить не стал. Вместо этого, просто протянул девочке руку, помогая встать.

Вместе ребята зашли по колено в озеро и мальчишка, все ещё сжимая маленькую ладошку, представил себе нужное место.

Старая покосившаяся скамейка, наверное, ни в каком другом случае не смогла бы вызвать столько радости. Родной мир был уже совсем близко.

Когда ребята, наконец, вернулись домой, было уже совсем темно. Руби досталось за позднее возвращение, а родители Фреда, к его счастью, ещё не вернулись с работы.

Несколько месяцев ребята старались обходить старую скамейку стороной, как и все остальные люди. Только причин для этого у них было больше: не хотелось опять застрять в странном мире.

Впрочем, любопытство всё равно победило. Руби было очень интересно, почему долина разрешила им остаться, хотя раньше и не думала о подобном. Впрочем, предположение у девчонки было.

Когда она в тот раз встала со скамейки, Фред всё ещё оставался на ней. Зато его волшебный мир пропустил только со второго раза, когда он схватил за руку уже находящуюся там Руби. Видимо, чтобы попасть в долину, нужно было либо поддерживать с ней связь, хватаясь за какой-то предмет, либо положить что-то на скамейку, чтобы она не исчезла.

Странная, конечно, получалась система, но девочка решила проверить. Она взяла с собой небольшой кусочек ленточки и отправилась к своему когда-то любимому месту. Стоило только сесть на скамейку, как знакомая картина сразу предстала перед глазами.

На мгновение задумавшись, девчонка аккуратно привязала принесённую ленту вокруг тонкой ножки скамейки, и попробовала встать.

Долина милостиво пропустила гостью, а старенький портал и не думал исчезать. Немного погуляв по волшебному миру, Руби снова уселась на покосившуюся скамеечку, отвязала маленький бантик и, встав, снова оказалась в своей реальности.

Теперь хотя бы было ясно, что к чему. Можно будет иногда приходить сюда, когда захочется лета и тепла. Осталось только рассказать обо всём Фреду. Он тоже должен об этом знать. Всё-таки мальчишка оказался не таким плохим, как думала когда-то Руби.

Макарова Алёна

«ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ»

Чудеса случаются, только с теми, кто в них верит. И Вероника верила. Только чудо почему-то к ней не спешило. Она была прикована к инвалидной коляске вот уже два года. Ноги почти не слушались. Врачи сказали, что спинной мозг повреждён и нормально ходить она не сможет уже никогда.

Вероника мысленно часто возвращалась в тот страшный день, когда её сбила машина. За несколько дней до этого она похоронила свою бабушку. Это был её единственный родной человек. Вероника думала о ней постоянно, и как-то вечером, выйдя в продуктовый через дорогу, на обратном пути, вспомнила, как они с бабушкой здесь ходили, когда она была ещё маленькой. Задумавшись, Вероника переходила дорогу, а дальше — она помнила только слепящие фары машины, удар, и вот, она очнулась уже в больничной палате.

На следующее утро, водитель той машины, мялся в дверях, бормоча извинения. Говорил, что не успел вовремя затормозить, и готов взять все расходы по лечению на себя. Вероника знала, что сама виновата, до светофора было триста метров. А она переходила здесь, да ещё и невнимательно.

Операция прошла неудачно. Заключение врачей было однозначным — нормально ходить она не будет.

Пока Вероника была в больнице, Миша, водитель сбившей её машины, не отходил от неё. Договорился с врачом, и даже оставался ночевать в палате. Уходил только на работу. А на выписку пришёл с букетом и... инвалидной коляской.

— Буду тебе помогать, — заявил он. — И не спорь даже. Ничего не хочу слушать.

Автор иллюстрации Екатерина Никонова

Вероника и не спорила. Жила она одна, родственников нет, и без помощи ей было никак не обойтись.

Прошло два года. Миша с Вероникой переехали жить к нему. Его дом был совсем рядом с центром реабилитации, где Вероника проходила лечение. Она немного стала ходить по квартире, но очень недолго, ноги быстро уставали, а каменная спина не давала стоять. Миша всё это время был рядом, поддерживал во всём. Сначала, Вероника думала, что Миша помогает ей из-за чувства вины. Но, нет. Оказалось, что он, действительно, её любит. Вот такую, какая она есть, такую и любит.

«Неужели, я больше никогда не смогу нормально ходить?» — думала Вероника и днём и ночью, просыпаясь и засыпая с этой мыслью вот уже третий год.

То утро было самым обычным. Вероника проснулась, встала, пошла на кухню. Стоп! Как так?! Ещё вчера, она еле-еле передвигала ноги, а сегодня шла намного увереннее. Что это? Чудо? Но как? Что такого волшебного произошло, пока она спала?

Вероника стала звонить Мише.

— Мишка, — кричала она в трубку, — я хожу, представляешь?! Намного лучше. Хромаю только.

Спать Вероника не ложилась до глубокой ночи. Она боялась, что вдруг эта способность ходить как возникла ниоткуда, так и пропадёт в никуда.

Этим вечером они гуляли с Мишей в парке. Впервые, за два года, Вероника гуляла на улице без инвалидной коляски.

Ночью, когда Миша уже крепко спал, Вероника вдруг проснулась от ощущения, что кто-то пристально смотрит на неё. Это была девушка, неземной красоты, похожая на ангела.

– Здравствуй, Вероника, – сказала незнакомка. – Как тебе твои новые, такие забытые ощущения? Хочешь оставить их навсегда?

– Я..., хочу, конечно, хочу. – Вероника приходила в себя то ли ото сна, то ли от шока. – А ты кто?

– Я – твой ангел, – улыбалась девушка. – Ты же верила в чудо? Вот оно и случилось. Но взамен ты должна отдать кое-что или кое-кого, – она кивнула на спящего Мишу.

– Но, почему? – не понимала Вероника. – При чём здесь Миша?

– Это же он сбил тебя тогда на дороге?

Вероника кивнула.

– Ну вот. Если откажешься от него, то и здоровье вернётся, – объяснил «ангел». – Это такой баланс, понимаешь. – Чем меньше любовь, тем больше здоровье. Ты должна выбрать. Я приду за ответом завтра в полночь.

Остаток ночи Вероника не могла сомкнуть глаз.

«Ну как, как я могу выбрать? – спрашивала она себя. – Мишка или ноги? Ноги или Мишка?»

Уснула она только под утро, а проснулась к обеду от запаха её любимых жёлтых роз. У кровати стоял Миша с букетом и кольцом.

– Вероничка, выходи за меня замуж! – торжественно произнёс он, немного смущаясь.

Ком встал в горле у Вероники. Конечно же, она ждала этого предложения. Но сейчас изменились обстоятельства. Сильно изменились.

Она закрылась в ванной и плакала навзрыд. А ничего не понимающий Миша сидел под дверью.

– Вероничка, что случилось? Я не понимаю, объясни в чём дело? – попытался он.

И Вероника решила всё рассказать. Вот как есть, так и рассказать — и будь что будет.

Но, такой реакции, она уж точно не ожидала. Миша смеялся так, что начал заикаться.

— А как она выглядела? — наконец спросил он. — Блондинка с ангельской внешностью?

— Да..., а откуда ты знаешь?

— Да это Лялька, моя одноклассница, — продолжал смеяться Миша. — Доверчивая ты моя. Неужели ты поверила?

— Поверила, Миш, представляешь, — обиделась Вероника. — И испугалась тоже. Кто она такая, вообще? Давай рассказывай.

И Миша рассказал эту историю подробно.

«Моя мама и мама Ляльки — лучшие подруги. Сколько себя помню, всегда слышал от мамы, что когда мы с Лялькой вырастем, то обязательно поженимся. А они с тётёй Любой, станут ещё и родственниками. Меня, конечно, никто не спрашивал. А я как раз терпеть не мог Ляльку за её противный характер — ябеда, плакса, жадина, вредина — ужас. Потом мы учились в одном классе. Друг друга терпеть не могли. А в старших классах, Лялька, вдруг сменила гнев на милость, прохода мне не давала. Но, я-то знал, какая она на самом деле. Ничего в ней нет, красивая только, и на этом всё. Но Лялька не унималась. После школы, в институт за мной поступать попёрлась, на тот же факультет. Тупая, как пробка. Слава богу, её не взяли. Так она в театральный поступила. Вот теперь, видишь, «ангелов» играет».

— А, давай, мы её тоже разыграем, — предложил Миша. — Когда она придёт?

— Сегодня, в полночь, сказала. А как она вошла, кстати? — спохватилась Вероника.

— У её мамы ключи наши остались, наверное. Я и забыл про них. Теперь заберу, конечно.

И Вероника с Мишей стали придумывать розыгрыш. Они решили, что Миша спрячется в шкаф, а Вероника скажет Ляльке, что он выбросился с балкона. Не смог пережить, что Вероника его бросила. Придумать финал розыгрыша они не успели. Щёлкнул дверной замок, и Миша быстренько залез в шкаф. А Вероника тёрла глаза, чтобы заплакать.

— Ну, вот я и вернулась, — вошла в комнату Лялька. — Что ты решила?

Вероника плакала.

— Миши больше нет, — всхлипывала она. — Он выбросился с балкона. Скорая приехала, но он был уже мёртв.

Лялька не ожидала такого поворота. Она была уверена, что её план сработает. Вчера она видела, как Миша с Вероникой гуляли в парке. И Вероника была уже без коляски. А дома мама рассказала ей новости, услышанные от подруги. План созрел мгновенно. Актриса, может, из Ляльки была и не очень, но психолог, как выяснилось, неплохой. Шок от внезапного улучшения, эйфория и внушаемость, сделали своё дело на отлично. Вероника ей поверила.

А сейчас Лялька была в шоке от услышанного.

— Как мёртв?! Не может быть! — Лялька села на кровать и закрыла лицо руками. — Я этого не хотела, видит бог, не хотела. Это всё ты виновата, — накинулась Лялька на Веронику. — И откуда ты взялась только?!

Она схватила Веронику за косу и стала искать глазами ножницы. Схватила их со стола, но воспользоваться, слава богу, не успела. Миша, наблюдавший за ними из шкафа, решил, что комедию, пока она не переросла в трагедию, пора заканчивать.

— Руки вверх! Брось оружие, — с этими словами Миша вывалился из шкафа. — И ключи отдай, дура.

— Мишка, ты живой, — обрадовалась Лялька.

– Ключи, – повторил Миша. – И не смей сюда больше являться.

Лялька захлопала глазами. Щёки её пылали.

– Вы придурки, – выпалила она. – Ну, и оставайся со своей хромоногой. – Лялька кинула ключи и убежала, хлопнув дверью.

Осенью Миша и Вероника сыграли свадьбу. Вероника ходит, как прежде, до аварии. Что это? Чудо? Может, корешки спинного мозга встали на место, может, операция всё-таки помогла, а может просто любовь? Кто знает? Да и какая теперь разница...

Марат Валеев

«СТАЛИНСКИЙ ПАЛЕЦ»

Сколько Кешка помнил себя, всегда в небольшом и единственном скверике у отделенческой конторы их села годами стоял на своём постаменте аккуратно выбеленный Сталин.

Был он сравнительно небольшой, может быть, двухметрового роста, в незастёгнутой шинели, сжимающий в левой руке, прижатой к бедру, какую-то свёрнутую папку или тетрадку, а указательным пальцем правой вытянутой руки показывал куда-то вдаль. Хотя, что значит: куда-то? Стопроцентно — в светлое будущее.

Постамент Сталина был не особенно высокий. И если один пацан подсаживал другого, тот запросто мог взобраться к «отцу народов» и пообщаться с ним более тесно. Но мечта каждого из пацанов — вскарабкаться на распростёртую «отцовскую» длань и посидеть на ней, была совершенно неосуществимой.

Во-первых, высоко, и без специальных приспособлений типа лестницы или хотя бы длинной доски и думать об этом было нечего. Во-вторых, их всегда нещадно гоняли из этого сквера немногочисленные, но бдительные конторские служащие, начиная с одноглазого управляющего (со зловещей чёрной, как у пирата, нашлёпкой на отсутствующем зрительном органе) Копелева и кончая ворчливой техничкой бабой Лидой.

В сквере этом, огороженном штакетником, росли старые раскидистые клёны, гремящие сухими стручками колючие акации и густо разросшиеся кудрявые кусты крыжовника с крупными, похожими на миниатюрные полосатые арбузики, ягодами.

Вот полакомиться ими пацаны и лазали сюда, а ещё поиграть в прятки и в войнушку. Сквер тогда казался большим (это сейчас от него даже и пеньков не осталось), и в нём можно было затаиться как «партизанам», так и «немцам».

Ну и, само собой, обязательно залезть на постамент к Сталину и поплевать с высоты этого положения на остальных.

Пацаны воспринимали его не как олицетворение вождя и соратника Ленина, Верховного Главнокомандующего, и прочая, и прочая (хотя при этом и знали, что он когда-то был главным в стране), а просто как единственного в деревне каменного дядьку, и потому относились к нему без какого-либо пиетета, что не нравилось взрослым, и за что ребятню нещадно гоняли из сквера.

И вот в один прекрасный день, а вернее, утро, обнаружилось, что сквер очень изменился. Там чего-то явно не хватало, и от этого излюбленный пацанами скверик казался пугающе незнакомым.

Кешка как раз проезжал мимо на велосипеде по каким-то своим неотложным делам и, когда, приглядевшись, понял, чего не хватает, упал вместе с велосипедом.

А среди скверных зарослей клёнов и акации не хватало его белоснежной фигуры с указывающим в светлое будущее (или на того, кого надо арестовать?) – Сталина. От него остался один постамент с двумя торчащими изогнутыми кусками арматуры.

Каменный Сталин, многолетний, хотя и статический, соучастник мальчишеских игр, куда-то исчез. Как будто ему надоело днём и ночью, зимой и летом годами торчать на одном месте, сносить детские невинные, но, всё же, издевательства над ним, и он, с огромным усилием отодрав ноги в сапогах от своего постамента, сошёл с него и утонул куда-то. Может, в Кремль?

На самом же деле (сейчас это, конечно, все знают, а тогда — лишь единицы), решение о сносе памятников Сталину по всей стране было спущено свыше после выступления Никиты Хрущёва на XXII съезде КПСС с разоблачительной речью о злодеяниях отца народов за годы его правления в СССР.

И о том, что Сталин «ушёл» не сам, свидетельствовали оставленные ночью следы. Из ограждения сквера был выбит и затем снова наспех, кривовато, приколочен большой, метра на два шириной, фрагмент штакетника. А на земле остались следы волочения Сталина гусеничным трактором.

Они вели от сквера к главной деревенской (Центральной!) улице, через квартал сворачивали в переулок и вели дальше за село, переползали через неасфальтированную ещё тогда автотрассу Павлодар — Омск и исчезали где-то в степи.

Позже говорили, что то, что осталось от Сталина после того, как его сдёрнули с постамента трактором при помощи троса, закопали в заранее заготовленной траншее где-то далеко-далеко за селом.

Проходящий мимо конторы народ внезапно останавливался и во все глаза смотрел на осиротевший сквер, на торчащие из постамента гнутые прутья. Ошеломлены и напуганы были многие. Кто-то плакал, предрекал едва ли не конец света — как будто Сталин умер повторно.

А кто-то и злорадствовал, хотя таких было совсем немного. Сталин и сегодня, грубо говоря, в фаворе ещё у значительной части населения. А в те годы — и подавно.

Но оставим эту лирику в стороне, а вернёмся к нашему герою.

Кешка, прислонив велосипед к забору и забравшись в сквер, подошёл к опустевшему постаменту (пустовал он, правда, недолго: на нём потом установили примитивный такой, пирамидальный обелиск памяти погибших односельчан в годы вой-

ны. И он, конечно, ни в какое сравнение не шёл с памятником Сталину).

Вокруг валялись бетонные крошки от сверженного монумента. Куски покрупнее были собраны в два цинковых ведра, которые стояли с тыльной стороны постамента. Кешка сообразил, что это их собрала конторская техничка баба Лида, чтобы затем отнести и ссыпать где-нибудь на задах, а сама зачем-то отошла.

И что-то подтолкнуло Кешку, чтобы он поочерёдно заглянул в оба ведра, и увидел торчащий из одного знакомый бетонный, со стёртой побелкой, палец.

Кешка потянул и выволок из этого ведра кусок отколовшейся при падении сталинской кисти. Впрочем, кисти как таковой не было. Был кусок ладони, расколовшейся как-то по диагонали и сохранившей в целости оттопыренный большой и вытянутый указательный пальцы. Остальной части руки не было – наверное, осталась при туловище и была отбуксирована далеко за село.

Кусок сталинской руки был хоть и небольшой, но очень увесистый. Кешка стоял у постамента и с любопытством вертел в руках обломок этой каменной ладони с торчащим указательным пальцем.

– Ах ты, фулюган! Житья от вас нет! – услышал он вдруг визгливый голос. Это из конторы спешила в скверик, с метлой в одной и руке и совком в другой, техничка баба Лида. Она уже открыла входную калитку и семенила по утопанной тропинке к постаменту.

– А ну, положи обратно, чего взял из ведра-то! А то вот я тебя щас метёлкой-то по заднице отхожу! И чё вас сюда, охламонов, тянет-то, а?

Кешка хотел было сигануть через забор и удрать из сквера. Но вместо этого почему-то пошёл Бабе Лиде навстречу, грозя

ей на ходу сталинским пальцем. А ещё он, как-то помимо своей воли, сказал с заметным грузинским акцентом:

— Э, женщина! Знай своё место, да?

Баба Лида захлопнула рот и, посторонившись, испуганно смотрела на мотающийся перед её носом каменный палец.

Не успев даже удивиться своему удивительному перевоплощению, Кешка спокойно вышел через калитку в основной проход к конторе, а оттуда — к прислонённому к забору велосипеду.

Баба Лида безмолвно смотрела ему вслед, согнутым в колечко указательным пальцем утирая уголки слезящихся глаз...

А Кешка со сталинским пальцем решил не расставаться, смутно подозревая наличие в нём какой-то необъяснимой мистической силы.

Дома он отколол молотком от уцелевших на каменной ладони большого и указательного пальцев ненужные, на его взгляд, выступы (ну, как скульптор, который отсекает всё лишнее от своей будущей скульптуры), протёр следы сколов наждачкой и стал повсюду таскать с собой этот одновременно указующий и грозящий перст.

И вскоре вторым человеком, кто испытал на себе его неведомую силу, оказался Кешкин отец.

Уже начался учебный год, и Кешка, расслабившись за летние каникулы, что-то никак не мог включиться в учебный процесс в полную силу. И в итоге схлопотал жирную двойку по арифметике.

Мать её увидела, расстроилась и пожаловалась пришедшему с работы отцу. Ну, а тот, решил, что, видимо, лучшего стимула по отношению к ученическим способностям наследника, чем родительского ремня, быть не может.

И только он стал подступать к сыну, азартно размахивая сложенным вдвое выдернутым из своих штанов кожаным ре-

мешком, как Кешка сноровисто нырнул в портфель и вытащил оттуда свой амулет.

– Но-но, нэ смэй! – гортанно сказал кто-то из Кешки, а сам он внушительно погрозил отцу сталинским пальцем. – Это нэ-правылный мэтод васпытания!

Отец чуть не сел на пол. Но удержался на ногах и, опустив ремень, обескуражено сказал:

– А как же с ним ещё... Двойка же...

– Всё равно нэ бэй! – назидательно сказал Кешка чужим глуховатым голосом. – Пагавары просто, папрасы исправить двойку...

– И он просто так исправит? – недоверчиво спросил отец, сам не зная кого.

– Исправлю, исправлю, вот увидишь! – заторопился Кешка, пока отец не отошёл от силы внушения, исходящего от каменного пальца, который Кешка всё ещё держал перед собой.

– Это чей? – наконец спросил отец, глазами указывая на то, что сынишка держал в руке. – Неужели ЕГО?

Указующий сталинский перст парил над конторским сквером не один год и хорошо запомнился всем.

– Ну, – солидно подтвердил Кешка, пряча палец обратно в портфель.

Удивительно, но батяня не только не предпринял попытки отнять его у Кешки, а вообще больше ничего не сказал. Кроме одного:

– Ладно, ты погуляй немного, да садись за арифметику, а Зорьку я сам встречу (то есть – корову, с пастбища, что было кешкиной святой обязанностью)...

В третий раз палец проявил себя очень своеобразно. Он заступился за Кешку в школе, когда уже после уроков на улице Колька Скосырев, не только на класс старше Кешки, но и на го-

лову выше, просто так, от нечего делать, подставил ему ножку, и Кешка упал и здорово расквасил нос.

Колька стоял надо Кешкой и ржал, довольный его плачевным видом. Он явно ждал, как Кешка отреагирует на его «шутку».

Конечно, надо было давать сдачи этому придурку, хотя Колька и здоровее. «Вот сейчас, только подберу выпавший из портфеля палец, и если не побью, то хотя бы укушу эту сволочь Кольку Скосырева», — ожесточённо думал Кешка, ползая по земле.

Размазывая кровь и слёзы злости по лицу, он вскочил с зажатым в руке сталинским пальцем. И неожиданно рука его сделала стремительный выпад и так долбанула этим самым каменным пальцем по лбу Кольки Скосырева, что тот, взмахнув руками, попятился-попятился назад, а потом и вовсе рухнул на спину, глухо ударившись затылком о землю.

От этого удара палец вырвался у Кешки из руки и тоже упал куда-то под ноги набежавших школяров и даже двух учительниц — Любви Викторовны и Тамары Николаевны, кинувшихся спасать лежащего молчком на земле, с закатившимися глазами и тут же взбурившимся от вспухшей шишки лбом, Кольку Скосырева.

— Кто это его так? — запричитала завуч Любовь Викторовна.

— Вот он! — пискнула известная на всю школу ябеда Тоська Копенкина, и показала на Кешку.

— Ты? — недоверчиво спросила Любовь Викторовна. — Чем же это ты его так сильно стукнул? И за что?

— Было за что, — буркнул Кешка. — А стукнул я его... Стукнул я его... Кулаком, вот! Пусть сам не лезет!

Колька уже начал приходить в себя, завозился, чихнул и сел. А Кешка продолжал искать глазами выпавший из руки сталинский палец. Но его нигде не было. Как сквозь землю провалился.

Может, кто подобрал в этой толчее? А может, он сам решил исчезнуть, от греха подальше, чтобы больше не искушать своими таинственными возможностями безгрешного ещё пацана?

– Ну, гад! – сказал Колька, все ещё сидя на земле и щупая вспухший лоб. – Теперь берегись!

Но Кешка уже развернулся и понуро побрёл домой.

– Куда? – крикнула ему в спину Любовь Викторовна. – Я тебя ещё не отпускала!

Кешка махнул рукой не оборачиваясь.

– Придётся завтра с родителями! – продолжала голосить завуч.

Но Кешке было уже всё равно. С родителями, так с родителями. Он чувствовал, что перестал бояться чего-либо или кого. Теперь даже и без сталинского пальца...

Марина Шубина

«ЗНАКИ ВСЕЛЕННОЙ»

Сколько раз во время службы в армии Серёга мечтал об этом сладком моменте: вернуться домой, хорошенько выспаться, завалиться в бар с друзьями... Да просто прогуляться по улице неспешным шагом. В гражданском. Не в форме! Форму Серёга терпеть не мог.

И вот он — долгожданный дембель! Исполнив всё, о чём мечтал в армии, Серёга через некоторое время ощутил некоторое беспокойство. Матушка исправно пекла пирожки и ни на что не намекала, но повзрослевший в армии Серёга решил, что пора уже начинать гражданскую жизнь. И стал искать работу.

В институте восстанавливаться он категорически не хотел. Серёга и до армии не горел желанием становиться экономистом, а за время службы и вовсе к этой профессии остыл. Для начала он перешерстил интернет, но везде требовался то опыт работы, то диплом. Ни того ни другого у Серёги не было. И он пошёл разносить листовки. Чтоб как-то осмотреться и немножко заработать.

Матушка хихикала и называла его спамером. Однако Серёга решил не спешить, тем более было понятно — это работа для школяров, а не для серьёзных людей, к коим он себя причислял. Но ничего более подходящего не подворачивалось.

— Что ты маешься, — сказала однажды матушка, оторвавшись от очередной эзотерической книжки, — слушай голос вселенной, она подскажет.

— Опять ты со своей мистикой, — отмахнулся Серёга, — а это как?

– Читай знаки, – буркнула матушка и снова уткнулась в книжку.

«Дорожные, что ли? – подумал Серёга, – вот чушь собачья». Но мысль была интересной. И на следующий день он поехал на работу на трамвае, изо всех сил таращась по сторонам.

«О, кирпич, – заметил он, – нет. В строители я точно не пойду!» Игра ему понравилась. Вселенная приняла вызов и явно предлагала выбор. Следующим был знак «Дети!» – и Серёга немедленно отверг карьеру школьного учителя. Вселенная развлекалась, предлагая ему то «дорожные работы», то «стоянку такси», то «место для отдыха» – с кривой ёлкой. Особенный восторг у Серёги вызвал знак «Подача звукового сигнала запрещена» – перечёркнутая дудка. Ещё свежи были в памяти армейские побудки, да и неудачный опыт музыкальной школы иногда вспоминался.

«Ладно, хватит уже развлекаться, – подумал Серёга, – работа сама себя не сделает, листовки сами себя не разнесут». Он вышел из трамвая и пошёл вершить своё чёрное дело – кидать в почтовые ящики граждан никому не нужные, как ему казалось, бумажки. О том, чтоб просто выбросить их на помойку, не могло быть и речи – в армии Серёге крепко-накрепко внушили, что даже самая мелкая и незначительная работа должна быть выполнена.

Переходя улицу, он увидел голубя, крутившегося на переходе. Голубь был какой-то мелкий, с жёлтым пушком на голове. И бестолково суетился, будто потеряв ориентацию. «Дуррак», – подумал Серёга. Зелёный для пешеходов уже мигал, а бестолковая птица никак не могла сообразить, что надо уже убираться с опасного участка. Серёга недовольно скривился, подхватил голубя и бегом перебежал на мигающий зелёный.

– Я не гуманный, – сказал Серёга голубю, – не хватало ещё на размазанную по дороге птичку любоваться, а ну кыш, скотина!

Он посадил птицу на газон подальше от проезжей части. Голубь потряс головой и искоса уставился на парня янтарным глазом. Затем коротко курлыкнул, расправил крылья и полетел.

Серёга покачал головой и отправился работать. Он добросовестно разнёс листовки по трём подъездам и, подходя к следующему, услышал яростное рычание и истошный мяв. Парочка крупных дворовых шавок с двух сторон атаковала кота, отрезав ему все пути к отступлению. Добежать до ближайшего дерева кот не мог, и потому распушился и яростно орал.

– А ну кыш, твари! – злобно сказал Серёга и запустил в псов сумкой с листовками, – Двое на одного – нечестно, – пояснил он мгновенно отступившим собакам, поднимая своё имущество.

Спасённый кот внимательно посмотрел на избавителя и подошёл к ближайшему подъезду.

– Мяу, – сказал он с достоинством.

«Дверь открой, домой хочу, – читалось в его прозрачных глазах, – повинуйся мне, раб!»

– Вот ещё, – буркнул Серёга, – я тут котам в швейцары не нанимался!

Но собаки были близко и ждали, пока этот двуногий уйдёт.

Серёга вздохнул, вынул из кармана электронный ключ, выданный на работе, и приложил к домофону.

– Входите, ваше величество, – сказал Серёга, открывая перед котом дверь. Тот ещё раз внимательно глянул и, не теряя достоинства, вальяжно вошёл в подъезд.

– Повезло дураку, что у меня такая работа идиотская, – проворчал Серёга. И пошёл разносить свои листовки дальше.

Он уже обошёл весь свой район и направлялся к трамваю, когда увидел щупленького старика, который шёл, пошатываясь, и вероятно, собирался прилечь на тротуар. Вид у него был

не ахти — посеревшее лицо и остекленевший взгляд Серёге очень не понравились. Бывший военный быстрой подхватил падающего бедолагу и потащил к трамвайной остановке. «Вот ещё, делать мне нечего, — раздражённо подумал Серёга, — падают тут всякие». Он вызвал скорую и сдал хворого медикам с рук на руки. Старик вовсе не был пьян, но в подробности диагноза Серёга вдаваться не стал, а решил более не искушать судьбу и воспользоваться подземным транспортом.

Спустившись в метро, он первым делом огляделся по сторонам. Не обнаружив ничего подозрительного, он облегчённо выдохнул и вошёл в вагон подошедшей электрички. Серёга устало плюхнулся на сиденье. Несмотря на полдень, вагон был полупустой. Какая-то девчонка, уткнувшись в телефон. Двое дядек, явно гастарбайтеры. Старушка в шляпке-таблетке и кружевной шали. Всё очень чинно, и Серёга совсем успокоился.

На следующей станции в вагон вошёл парень в форме с золотистым лабрадором на поводке.

Поезд тронулся. Пёс огляделся, будто сканируя пространство. Внезапно он кинулся к Серёге и поставил передние лапы ему на колени. Хозяин даже не успел застопорить поводок. Пёс поскуливал, радостно вилял хвостом и пытался вылизать Серёге лицо, поминутно оглядываясь на хозяина.

— Свой? — засмеялся тот.

— Кыш, — ворчал Серёга, безуспешно уворачиваясь, — вот ещё, телячьи нежности. И чего вы все ко мне сегодня пристали?!

— Свой, — утвердительно кивнул парень в форме. Он повернулся, подзывая пса, и Сергей увидел знак МЧС у него на рукаве, — нам на следующей выходить, — обратился служивый к собаке.

Серёге надо было проехать ещё четыре станции. На раздумья оставалось две минуты.

Мария Клименко

«ЗЕМЛЯ-612»

1

Корабль снова потрянуло. Я снова замер с непривычки, но сигнализация молчала, значит, всё в порядке. Нет, совсем не так я представлял себе первое путешествие в космосе!

Когда я ступал на борт «Сицилии», я, наверное, был слишком озабочен судьбой Сэма, и тогда до меня не сильно доходило, куда именно я лечу. Но стоило крейсеру преодолеть Горизонт Атмосфер – сто с небольшим километров над Землёй – и я в полной мере ощутил, что такое открытый космос.

Я смотрел в окно иллюминатора, наблюдая, как огромная и родная планета, на которой я прожил двадцать семь лет, не отрываясь от неё выше, чем летит обычный пассажирский лайнер, удаляется с каждой секундой. Сверхскорости я не замечал, но ощущение ужаса, что там, за стеной, царствуют абсолютный холод, тьма и вакуум, запечаталось где-то под желудком.

Приходилось постоянно делать глубокий вдох, чтобы хоть ненадолго унять тревогу. Она не отступала, несмотря на то, что мои новые работодатели пообещали, что на корабле со мной ничего не случится. Я ведь даже не член экипажа, так, чернорабочий, который присматривает за живым грузом.

Корабль потрянуло снова. Я ускорил шаг – бедняга Сэм, ему, должно быть, ещё страшнее, чем мне!

Спустя пару тёмных лестничных пролётов я спустился на нижний ярус, где стояли клетки с собаками, кошками, рептилиями и ещё несколько – с живностью внеземной породы. Тут были чёрные, похожие на пушистые угольки, зва-

ки с Сириуса, существа, отдалённо напоминающие красных панд — греморы, завезённые много лет назад из какой-то галактики контрабандой. Всех их роднило одно — каждый был брошен хозяевами на произвол судьбы. Теперь они, собранные со всего города, летели в свой новый дом.

Признаться, я никогда не задумывался о том, куда деваются бездомные звери. Раньше это были только собаки и кошки. Потом, с освоением космоса улицы стали заполнять все новые и новые виды. Правительство забило тревогу — приюты, которых и так не хватало, были переполнены. Я слышал даже, в отдельных районах Республики, да и в других странах тоже говорили об угрозе эпидемии, вызванной таким обилием бесхозных животных. Впрочем, это было ещё до меня.

Потом всё успокоилось, а звери стали исчезать из дворов — их отлавливали и увозили. Куда — я недавно узнал сам, когда переступил порог компании «Хардис Индастриз». Они занимались перевозками. В том числе и живого груза.

«Сицилию» вновь потрянуло — должно быть, попали под действие гравитационного поля какой-нибудь небольшой звезды.

— Вот ты где, дружок.

Я открыл клетку, и Сэм, мой лохматый серый брат, ошалело бросился мне на грудь, стал тыкаться чёрным влажным носом в поисках моего лица, попутно забрызгивая всё вокруг слюнями.

— Ничего, мы с тобой скоро вернёмся домой, — я погладил его по голове.

Я уткнулся носом в тёплую собачью шерсть, всё ещё пахнущую моей квартирой.

И вдруг завывла сирена.

— Что за...

В грузовом отсеке поднялся гвалт. Собаки, кошки и прочая живность с перепугу голосила, издавая жалобный рёв, лай,

писк и вой, который не перекрывала даже неумолкающая сирена.

— Срочная эвакуация! Экипаж просим пройти к запасным выходам! Срочная эвакуация! Экипаж...

У меня замерло сердце. Что произошло? Может, метеоритный поток?

Корабль снова тряхнуло, да так сильно, что мне показалось, что в него ударилось что-то очень большое и тяжёлое. А через мгновение удар повторился с новой силой. Мне даже показалось, что он был сильнее предыдущего.

Да нас же обстреливают!

Я с ужасом прижимал к себе пса, стараясь придумать, что же делать дальше. Остаться тут нельзя, нужно быстрее бежать к аварийным выходам! Вот только что делать с животными?

Звери продолжали голосить от ужаса, а у меня стало закладывать уши не то от громких звуков, не то — от давления. Возможно, из корабля уже выходит воздух. В любую минуту может отключиться искусственная гравитация. Никого из членов экипажа не было и в помине — на помощь никто не спешил. Я ещё раз оглядел зверинец. Но что я мог? Сопроводить их всех к спасательным капсулам? Места там обычно рассчитаны только на людей, не на живой груз.

Сэм упёрся мне в шею носом и глубоко дышал.

— Идём, — я подхватил собаку на руки и, стараясь не оглядываться на беснующийся зверинец, которому было суждено встретить страшную смерть в глубинах космоса, кинулся к выходу.

И тут же обнаружил, что герметичную дверь наглухо заблокировала система безопасности. Открыть её без капитанского ключа просто невозможно.

— Кажется, Сэм, домой мы не вернёмся, — прохрипел я собаке.

Раздался ещё один взрыв, уже где-то совсем рядом. И последнее, что я увидел перед тем, как отключиться — вспышка ослепительного алого света.

2

Под щекой обнаружилось что-то холодное. Настолько холодное, что мне показалось, что к лицу прижали лёд. Голова гудела, а тошнило так, будто я вчера хорошенько выпил. С трудом пересилив себя, я открыл глаза и, стараясь вспомнить, что же всё-таки случилось, сел, как оказалось, на ледяной металлический пол. Огляделся.

Я находился в огромной шахте — над головой простиралось пространство, уходящее куда-то в пустоту. Потолка видно не было. В ушах стоял гул, похожий на шум работающего двигателя. Вокруг — серый гладкий металл и ни одного намёка на дверь.

Я попробовал встать на ноги и тут же выяснил, что на мне из одежды осталась только рубашка и джинсы, в которых я вышел из дома утром, чтобы вернуть Сэма.

Чёрт возьми, Сэм!

— Сэм! — точно обезумев, закричал я в пустоту. — Сэм, мальчик, где ты!

Я понятия не имел, где нахожусь, но мысли о том, что могло стать с моим псом, причиняли физическую боль. Если бы не чёртова Ани с её ревностью — подумать только, она ревновала меня к слепой собаке! — мы бы все втроём сидели дома, живые и невредимые.

— Сэм! Сэм! — я забарабанил кулаком в стены своей железной камеры, стал бешено оглядываться вокруг в поисках хоть какого-нибудь выхода.

Яркая вспышка света из внезапно возникшего проёма ослепила привыкшие к темноте глаза.

– Чёрт! – крикнул я отворачиваясь.

– Заткнись, – коротко сказал мне женский голос на чистом Всеобщем Земном.

Закрываясь рукой от белых светодиодных ламп из коридора – или что там было за спиной у женщины? – я повернул голову в её сторону.

– Где я? Что происходит? Где Сэм?

– Бороздит просторы космоса вместе с остальными твоими друзьями, – злобно бросила женщина.

Я осел на пол. Картины того, что происходит с живым существом в вакууме, нам показывали в школе ещё с начальных классов. Сначала – осторожно, но чем взрослее мы были, тем правдивее становились эти картинки. И ужаснее.

Наверное, поэтому я так и не рискнул стать космотуристом. Все мои друзья уже давно хотя бы раз были на Марсе – всё равно что съездить, скажем, в соседнюю страну на море. А я не мог даже подумать о том, чтобы выбраться за пределы Земли.

Слёзы душили. Я проклинал всё и вся, и в первую очередь Ани, которой вздумалось бросить мою собаку на произвол судьбы.

Когда я немного пришёл в себя, я стал думать. Итак, «Сицилия», на которой мы летели, разбита, а экипаж, судя по всему, даже не смог спастись. Где же в таком случае я? Что случилось там, в грузовом отсеке, когда герметичная дверь расплавилась от выстрела, а меня взрывной волной отбросило назад?

Я попытался вновь пройтись по шахте – сидеть на ледяном полу было совсем не полезно. До меня только потом стало доходить, что это, вероятно, один из способов замучить пленников до смерти.

Часы, минуты, может, дни – я понятия не имел, сколько времени прошло с тех пор, как я попал на этот корабль. Мысли бе-

гали одна за другой, но все останавливались на Сэме. Я вспомнил, как нашёл его ещё щенком. Он попал ко мне, наверно, в самую трудную минуту моей жизни. Это не я его спас тогда, а он меня. А я не смог его сберечь.

Самобичевание прервала новая вспышка света. В дверном проёме вновь показалась женщина. Она постояла немного, потом хмыкнула. В контровом свете я не могу различить её лица.

– Где я? – Снова спросил я на Всеобщем. – Кто вы и чего от меня хотите?

Она не ответила.

Я сделал шаг, привыкая к свету. Даже мог различить её зачёсанные в хвост волосы. По бокам на голове спадали какие-то верёвки.

– Там были животные, – вдруг не выдержал я. – Собаки, кошки – куча живности. Они целы?

Я подошёл ближе и услышал, как щёлкает затвор.

Я остановился и примирительно поднял руки.

– Чёрт, я просто хочу знать! – Чуть громче, чем нужно выпалил я. – Там была собака. Большой, лохматый серый пёс! Мой пёс! Он жив?

– Твой? – В голосе женщины вдруг проскользнули нотки непонимания.

– Мой! Сейчас... – Я вспомнил, что у меня в кармане был маленький кошель с карточками – паспорт, страховой полис, чип для оплаты, на котором хранились все мои последние сбережения. А ещё – потёртая и выцветшая фотография полароид. Я и Сэм.

Я похлопал себя по карманам, но кошелька не обнаружил. Видимо, меня обчистили, стащив рабочую робу. Я зарычал от отчаяния. Впрочем, женщина не уходила, только пристально смотрела на меня.

– В кошельке есть фото. Я и мой пёс. Если он у вас, посмотрите, убедитесь.

Я выдохнул.

– Послушайте, я вообще не должен тут находиться. Я полетел, только чтобы вернуть домой своего пса.

Женщина ещё немного постояла, а потом развернулась и исчезла за внезапно закрывшейся дверью, оставив меня в абсолютной темноте.

Я вздохнул и со злости пнул железную стену.

– Я хочу поговорить с начальством! – Гаркнул я ей вслед. Грохот гулом отозвался в черноте наверху.

И вновь шли томительные часы ожидания. Мне было холодно. Я понял, что долго так не протяну. Видимо, это какая-то вентиляционная шахта. Я бы не удивился, если бы узнал, что подо мной – открытый космос, оттого и металл холодный как лёд. Я был убеждён, что лечу на корабле – сосущее чувство страха не отпускало.

Когда дверь открылась вновь, я, прислонившийся к стене, даже не повернул голову. Какой смысл?

– Идём, – вдруг бросил мне знакомый голос. – Капитан хочет тебя видеть.

Я некоторое время оторопело смотрел в темноту.

– Живее! – Скомандовала она.

На негнущихся ногах (главным образом потому, что всё это время я практически не садился, а если садился, то только на колени – до тех пор, пока они не заледенеют) двинулся за ней следом.

Меня встретил ослепительно белый блеск светодиодов, яркой лентой простирающихся по потолку длинного коридора. Когда я привык к свету и перестал моргать, мой конвоир ткнул меня в спину чем-то тяжёлым. Я ни на мгновение не сомневался, что это оружие.

– Иди вперёд, – скомандовала она. – Говорить будешь, только когда капитан разрешит. И советую тебе не врать: в каюте стоят датчики. Если поймают на лжи, пристрелят сразу же, – оскалилась она, произнося это с нескрываемым наслаждением. Я даже понял, кто именно меня пристрелит.

Путь оказался недолгим, а вид белого светодиодного коридора, в котором мне попала только одна герметичная дверь, сменился только на лестничном марше. Мы поднялись по крайне опасной железной лестнице практически без перил, уходящей вниз метров на пять, и столько же – вверх, свернули в какой-то закуток, шагнули за раздвижные двери, которые автоматически разъехались в стороны, стоило нам подойти, и очутились в просторном коридоре.

Он отличался от тех, что были в «Сицилии», «офисных», холодных, покрытых металлическим сайдингом и блестящим хромом. Здесь же всё было из материала, походившего на дерево. Пахло так, как обычно пахнет в жилых домах: людьми, жизнью. И немного – едой. И тут я понял, что очень давно не ел. От страха организм, наверно, перешёл в режим энергосбережения.

– Направо, – рявкнула мой конвоир, и я заметил металлическую дверь.

Продолжая упирать мне в спину оружие, девушка подошла ближе и прислонила к обшарпанной панели в виде синего круга тыльную сторону запястья, обвешанную немыслимым количеством браслетов и фенечек.

Панель пикнула, дверь отъехала в сторону, и я после очередного тычка в спину зашёл в капитанскую каюту.

А в следующую секунду почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Впрочем, как знать, может, мы с Сэмом и так на нём были.

3

– Собака вас узнала, – проговорила женщина, которая отпустила пса, едва я зашёл в каюту.

Сэм тут же кинулся ко мне, точно забыв, что он, вообще-то, слепой. Такой прыти я никогда не видал – он немного промахнулся, но я поймал пса и с радостными воплями и рычанием зарылся в его шерсть. Теперь от неё пахло машинным маслом.

Сэм непрерывно махал хвостом, да так, что мне казалось, будто это он силой своей радости тащит корабль сквозь звёзды.

Я всё обнимал его, повторяя: «Сэм! Сэм, мальчик мой! Живой, ты моё мохнатое чудовище!». Я даже забыл, что мне в спину было нацелено оружие.

Благо, сейчас я уже сидел в кресле, немного продавленном, но обычном домашнем кресле чуть поодаль от капитанского стола.

– Ещё бы, – сказал я, почёсывая пса. Я никак не мог оторвать от него руку.

– Вы его хозяин, надо полагать, – сказала капитан. Она была довольно рослой, крепкой женщиной лет тридцати пяти с немного темноватой кожей, но вполне себе европеоидными чертами лица. Женщина была с Земли, в этом сомнений не было.

Я кивнул.

Она подняла брови, которые сильно выдавались вперёд над серыми глазами – их блеск я различил даже в таком странном освещении, которое было в комнате. Что-то среднее между лампой накаливания и светодиодом.

– И вы любите свою собаку, – снова проговорила она, – кинув на стол какой-то кожаный квадратик. – Ваши документы, Алекс Рой, – пояснила она, поймав мой взгляд. – Милое фото. Не думала, что кто-то ещё пользуется поляроидами на Терре.

– От деда оставалась пара кадров, – пояснил я. – Сейчас такое старьё уже не найдёшь.

– Таковую породу собак тоже, – прищурилась женщина.

Я посмотрел на пса.

– Это пастушья собака, – пояснил я. – Раньше они...

– Мистер Рой, я знаю, что это за порода, – оборвала меня женщина. – Я видела бобтейлов. Объясните, что вы оба делали на «Сицилии»?

Мне очень не хотелось говорить про Ани – в конце концов, это личное, но сил изворачиваться у меня не было, а лгать мне запретили под страхом смерти. Поэтому я выложил всё, как на духу. Рассказал о том, что моя девушка невзлюбила мою слепую собаку, собака, в свою очередь, совсем не прониклась к Ани. И в конце концов, Ани поставила мне условие: либо она, либо «псина». Пока я шлялся по беседам в попытках устроиться хоть на какую-нибудь работу и попутно думая, как научить Сэма уму-разуму и сдружить этих непримиримых врагов, Ани просто увела собаку в центр приёма бездомных животных в «Хардис Индастриз». Оттуда их должны были перевезти на одну из карликовых планет – куда конкретно, мне не сообщали. Там, как я понял, находился приют для беспризорников. Узнав о поступке своей благоверной, я кинулся за Сэмом. Мне заявили, что собака уже числится в приюте, а я должен оплатить неустойку – траты на переоформление документов и, соответственно, простой корабля. Суммы вышли огромные. Но тут выяснилось, что экипаж недосчитался кого-то из техперсонала перед самым отлётом. «Мистер Рой, предлагаем вам, как говорят, услуга за услугу», – сказал мне Винх Довэ, как представился исполнительный директор нашего филиала «Хардис Индастриз». – «Слетаете туда и обратно, последите за животными в дороге, что вам, разумеется, даже оплатят. Более того, не придётся тратить баснословные суммы

на неустойку. Долетите до приюта, переоформите ваши бумаги прямо на месте, на Землю вернётесь со своим псом.

Ну как тут не согласиться, учитывая, что та несчастная сотня тысяч токенов, которая лежала на моём чипе – это всё, что у меня осталось, а работы пока не предвиделось. А дальше...

– А дальше вы и сами знаете лучше меня, – буркнул я. – Это вы сбили «Сицилию»?

Женщина кивнула.

– Но зачем?

– Мистер Рой, – после некоторой паузы сказала она. – Вы и вправду не знали, куда летите?

– Отчего же, – сказал я, не переставая гладить собаку. – Хотя, впрочем, точного маршрута мне не сообщили. Я слышал только, что это где-то в созвездии Кита. Там небольшая планета, куда свозят...

– Мусор.

– Что?

– Туда свозят мусор, – жёстко ответила она. – Отходы. Самые разные – от фантиков до радиоактивных соединений.

Я замер и тупо уставился на капитана. Женщина и та, вторая, что была моим конвоиром и теперь маячившая рядом с барной стойкой у окна, одарили меня жёсткими взглядами. Они упивались эффектом, а я пытался сообразить, что же значат их слова.

– Т-то есть? Они говорили, что там...

– Да, большой приют, просто рай для домашних любимцев, – кивнула капитан. – Идите сюда.

Она подошла к стене, на которой расположилась приборная панель – сверхкомпьютер. Я такие видел один раз в жизни и то на картинке. Как зачарованный я наблюдал, как она управляется с сенсором, открывая и закрывая вкладки, вбивая

какие-то пароли – всё было на разных языках. Всеобщего – Терра Лингва – на котором общалось межгалактическое сообщество, практически не фигурировало.

– Смотрите, – сказала она. И по экрану поползли кадры. А у меня от них – мурашки, потому что эти картинки разительно отличались от того, что я видел на Земле. Планета Н-А3 была обитаема. Ещё во времена Интеграции, когда космос только начинали осваивать, там жила гуманоидная раса. На людей они были похожи отдалённо, но в контакт вступили с большой охотой. Дальше мои познания об этой планете были равны нулю.

– Полвека назад люди стали им платить за каждый гектар земли. Платили сущие копейки, – рассказывала тем временем капитан. – А на землю эту свозили отходы. Сначала – только с Терры, потом – Марс, Луна, Титан, Проксима.

Передо мной раскинулись грязные безжизненные ландшафты. Среди бесконечных гор мусора где-то пробивались причудливые растения, которые умудрились выжить в этом аду. Вероятно, когда-то они были красивыми, но на этих кадрах передо мной была разлагающаяся в мусоре растительность.

Капитан меж тем безжалостно продолжала:

– Сами понимаете, что стало происходить с планетой. Они закапывали радиоактивные отходы, а местные не могли понять, почему живого на их земле становится меньше.

Она показала мне жуткие изображения тех самых гуманоидов. У них была серебряная кожа, но у кого-то она была покрыта сизыми, точно синяками, пятнами, у других эти пятна трансформировались в уродливые наросты на самых разных частях тела и даже – на лице.

Я понял, что моё собственное искажено от омерзения и жалости.

– Вскоре там даже вода исчезла. Во всяком случае, та, которая способна поддерживать жизнь. Народ был вынужден

бежать, но бежать было некуда, — сказала капитан. — Они согласились работать на землян — сортировать и перерабатывать этот самый мусор, делать из него вторсырьё и продавать планетам второго мира.

— Но при чём тут бездомные животные? — Я чуть не перешёл на ультразвук.

— Притом. Вы не представляете, сколько интересного можно сотворить из вашей собачки.

Я сглотнул.

— Особенно их интересует фермент лизоцим. Ну, знаете, заживляющее действие. Я знаю парочку планет, где за лекарство из лизоцима готовы отдать неплохие деньги. А вот так его производят.

Она перелистнула кадр, и я тут же отвернулся. Не то чтобы я был сильно впечатлительным, но это даже для меня было слишком.

— А рядом есть маленький спутник, — продолжала тем временем капитан. — Смотрите-смотрите, у него даже названия толком нет. Здесь на животных — самых разных — тестируют... Да в принципе, всё, что можно. Косметику, лекарства, синтетические продукты. А вот — результат.

Я молча взглянул на Сэма. Пёс спокойно лежал там, где его оставил — возле кресла, и спокойно смотрел в мою сторону своими белёсыми, незрячими глазами.

Мой Сэм мог превратиться в лекарство для омоложения какой-нибудь инопланетянки.

— Я думал, опыты на животных запрещены Межгалактической Конституционной поправкой...

Капитан не дала мне договорить. Она фыркнула.

— Ты человек. С Земли. Ты правда веришь в то, что все сразу начали этот закон соблюдать? После его принятия и всеобщего ликования верхи тут же реализовали заранее продуман-

манную схему, как этот закон обойти. На тот момент Н-А3 ещё не была обозначена, как обитаемая, а значит, ни под один из документов, каким-то образом регламентирующих межгалактические отношения, права и обязанности живых существ, не попадала. Гуманоиды, которые там были вместо трудовой единицы, вообще не совсем представляли, что делают, не знали даже, что их права нарушают. А теперь планета необитаема официально.

– То есть?

– То есть, там не осталось коренного населения. Только искусственный интеллект. Ах да, и ещё гурдоны. Но этим – что радиация, что биохимические отходы – наплевать.

Я вспомнил странную и страшную инопланетную расу. Они редко прилетали на землю, потому что на Терре их, мягко говоря, не жаловали за отвратительный вид и соответствующее поведение. Для меня они походили на Игора – помощника доктора Франкенштейна, горбатого, а иногда – в зависимости от фантазии киноделов – уродливо сшитого из разных частей тела.

– Вот они и занимаются пробами, экспериментами и прочей дрянью. Подкупить почти невозможно, разжалобить – тем более, – сказала капитан.

У меня, казалось, сейчас взорвётся голова.

– А вы откуда всё это знаете? И почему этого не знают остальные?! – Спросил я.

Женщина вздохнула.

– Вы даже не знаете, что творится в вашем городе, чего говорить о других планетах. Всё держится в строжайшем секрете, кроме того, даже если бы вы захотели попасть в этот чёрный уголок вселенной, вы бы не смогли даже приблизиться к Н-А3. Там всё охраняется. Доказательства я вам предоставила. Держитесь подальше от «Хардис Индастриз» и прочих подобных организаций. Они собирают все, что непригодно

для Терры и захламляют этим космос. А что касается бездомных животных... Ресурс, которого всегда будет много. И которого никто никогда не хватится.

В моём мозгу начали происходить какие-то смутные подвижки.

– А вы... Вы... Вы спасли тех животных, верно? – Спросил я. Женщина кивнула.

– Вы напали на корабль, чтобы забрать зверей.

Снова кивок.

– И вы убили всех, кто там был.

– Некоторым удалось удрать раньше, – нехотя проговорила капитан. – Кто успел забраться в спасательные капсулы.

Наступила тишина. Я нахмурился,

– Быть может, половина экипажа даже понятия не имела, куда летит, как и я. В чём же они виноваты? Они просто делают свою работу. Зачем казнить рядовых за проступки генерала?

Капитан и девушка обменялись взглядами.

– Мы подумаем об этом, мистер Рой, – сказала она после недолгого молчания.

– Почему вы не убили меня? – Спросил я.

– Это легко исправить, – фыркнула девушка. Капитан же ответила понятнее:

– Вы единственный, кто не побежал эвакуироваться. Рона, – она кивнула на девушку, – обнаружила вас без сознания в грузовом отсеке с животными. Пёс вился рядом и скулил. Это показалось нам странным. Что вы там делали?

– Пошёл проверить Сэма, когда корабль начало трясти, – признался я. – И... С ним мне спокойнее.

Капитан изобразила натянутую улыбку, которая тут же исчезла.

Я вновь подошёл к Сэму, который при моём приближении завил хвостом.

– Мы когда-нибудь попадём домой? – Спросил я ни к кому из двоих женщин конкретно не обращаясь.

Капитан приподняла бровь.

– Отвезём животных, а потом высадим вас на Петре рядом с Арктуром. Оттуда улетите любым кораблём. А пока добро пожаловать на борт.

4

Я стоял на верхней палубе и смотрел сквозь панорамное окно в бесконечную чёрную даль космоса, наполненную сиянием крошечных точек – далёких звёзд.

Я понятия не имел, куда держал путь «Люпен-17», на борту которого я застрял. Впрочем, меня сейчас это мало беспокоило. Главное, что мы с Сэмом каким-то чудом уцелели.

Подумать только, я, человек, который не выезжал даже за пределы собственного города, сейчас нахожусь в нескольких сотнях, а то и тысячах световых лет от Земли и покоряю космические просторы на астролёте контрабандистов.

Когда я читал книги про космических пиратов, мне казалось, они должны быть вроде тех, что несколько веков назад бороздили моря Терры – серёжки в ушах, шляпы-треуголки. Не знаю почему.

А эти были больше похожи на панков. В команде «Люпен-17» насчитывалось, по моим наблюдениям, порядка двадцати человек. Простите, существ разумной формы. Кроме семерых землян, в число которых входила капитан этой банды Малейя, на корабле я обнаружил троих ихтитропов откуда-то из Рукава Ориона. Это были низкорослые, человекоподобные существа, которые, оказываясь под водой, внезапно отращивали какое-то подобие жабр. Были снуки, наполовину бесплотные формы жизни с эластичными конечностями. Они могли превращаться в кого угодно. Я с ужасом рассматривал

жуткую, точно из воска, копию себя, пока проходившая мимо Рона не сообщила мне, это что — местная шутка Нуи, молодого снука, с которым я довольно быстро нашёл контакт.

Кстати, Рона, оказавшаяся практически моей землячкой, тоже оказалась вполне контактной. За исключением, пожалуй, одной вещи.

Я пытался узнать у Роны, как она попала на корабль, но девушка молчала как партизан, и я оставил попытки.

С капитаном Малейей или Мали, как её все звали, я предпочитал держаться на расстоянии. Она была из тех, о ком говорят: с ней лучше не связываться. Мали всегда хмурилась, что было следствием, как мне казалось, напряжённой умственной работы, нежели плохого настроения и недовольства. Хотя и это тоже — Мали постоянно на кого-нибудь рывкала.

Они промышляли контрабандой. Контрабандой всего. Незаконно перевозили грузы, даже — пассажиров. За небольшой процент для себя они помогали мелким предприятиям и планетам Второго мира избегать крупных торговых пошлин. Ведь часть товаров, чаще всего, какие-нибудь редкие породы дерева, драгоценные металлы, кристаллы, оборудование с отдалённых планет и многое другое, даже добывалась незаконным путём.

«Люпен-17» был объявлен в розыск уже много лет назад, но корабль, способный совершать квантовые скачки и нырять в червоточины, чтобы появиться за миллионы световых лет от точки прыжка, был Межгалактическому Сообществу не по зубам. Не чета неповоротливым крейсерам, «Люпен-17» выдерживал огромные нагрузки, развивая немыслимые скорости. Половина из того, что присутствовало в начинке, обшивке — да даже внутреннем убранстве салона — была изготовлена из непонятных материалов.

Вот они, настоящие покорители вселенной, думал я.

– Видами любишься? – Спросила вдруг подкравшаяся Рона. Даже несмотря на ужас, который до сих пор не покидал моего желудка, и фактически парализовавший какую-то часть моего мозга, я понимал, что она ко мне неровно дышит. Наверно потому, что остальные земные члены экипажа годились двадцатилетней Роне либо в отцы, либо в дедушки. А межвидовых отношений она не признавала. Но одно дело – понимать, другое – быть способным хоть как-то ответить ей. На это я пока не был способен.

– Пока только пытаюсь привыкнуть, – я пожал плечами.

– К этому быстро привыкаешь, – улыбнулась она.

– Да как-то не очень. Сколько мы уже путешествуем? Если по земному?

– Пару недель.

– А куда вообще летим? Куда вы хотите деть этих бедных зверей?

– Ты увидишь, – Рона расплылась в загадочной улыбке. – Ты знаешь, – она подошла почти к краю окна. Я туда даже смотреть боялся: там комкалось пространство-время из-за скоростей. – Здесь довольно классно. Я имею в виду, в космосе.

– Давно ты летаешь?

– Лет с пятнадцати, – улыбнулась она. – Первый раз тоже было страшно. Потом – ничего, привыкла. А сейчас даже нравится.

Мы помолчали.

– Это – астероид Б-81, – вдруг сказала она, указав на гигантское чёрное небесное тело – Там бриллианты и ещё какая-то радиоактивная фигня. Говорят, через несколько миллионов лет он доберётся до Земли и врежется в неё. Как Тунгуска, помнишь?

– Это вряд ли, меня ещё тогда на свете не было.

– Эх...

Мы снова замолчали. Я с обрывающимся периодически сердцем смотрел в космос.

– Слушай, – прервала она молчание первой. – А как там, на Терре?

– Ну... Как обычно.

– Я так давно не была на Земле, – сказала Рона. – Я иногда очень скучаю по её воздуху, небу. По нашему Солнцу.

Я молчал. Честно говоря, глядя в эту черноту, я уже тоже истосковался по небесам. Небесам, которые я предпочитал наблюдать с земли.

– Что мешает тебе бросить всё это и вернуться? – Спросил я, впервые посмотрев на неё внимательно.

В целом, она была даже очень ничего. Только выглядела старше своих лет. Годков, эдак, на пять – семь.

Рона задумалась над моим вопросом.

– Наверное, мысль, что я когда-то сбежала оттуда, бросив всё, – грустно ответила она. – Мне настолько осточертело там жить, что я даже не пожалела, когда улетела.

Судя по её остекленевшим глазам, она предалась воспоминаниям.

– Одно плохо, – вдруг сказала она. – Когда ты бежишь – неважно куда. В другой город, на другую планету, в другую ли галактику, мир, ты везде берёшь с собой себя. А вернуться на Землю – всё равно что признать собственную ошибку, – она улыбнулась. – Кстати, об ошибках. Что будешь делать со своей Ани?

Я старательно избегал этих мыслей. Я любил Ани, она была моей единственной семьёй. Но именно из-за неё Сэма едва не пустили на химикаты, я чуть не задохнулся в космосе, и только волей случая сейчас стою на палубе корабля, в сотне тысяч световых лет от Земли, не то похищенный, не то спасённый космическими пиратами.

– Не знаю. Буду думать об этом на Земле, – честно ответил я. – А что бы сделала ты?

Рона что-то хотела сказать, но тут из динамиков раздался голос Мали.

– Всему экипажу приготовиться к Скачку. Впереди червоточина. Повторяю. Всему экипажу приготовиться к Скачку. Впереди червоточина.

– Что это за...

– Сейчас будем прыгать, – сказала Рона.

Я сидел на средней палубе. Это помещение напоминало мне актовый зал с амфитеатром. Только вместо сцены был пульт управления, а за ним – такое же панорамное окно. Только оно было темнее, чем на верхней палубе. Я, кстати, так и не понял, из какого материала сделана эта прозрачная броня.

Экипаж, который мне теперь можно было разглядывать сколь угодно, занял свои места. Каждый пристегнулся. Я не стал выделяться и тоже щёлкнул ремнём безопасности, если так можно назвать конструкцию, напоминающую альпинистский страховочный пояс, намертво фиксирующий человека в кресле.

Мали уже сидела за пультом.

– Приготовиться к Скачку! – Скомандовала она.

– Гляди в оба, тебе понравится, – усмехнулась сидевшая рядом Рона.

Я уставился вперёд и разглядел её.

Она напоминала сливную трубу в ванной, куда воронкой затягивало воду. Только здесь вокруг огромной дыры вращались небесные тела. И если бы не скорость этого вращения, я бы подумал, что нас несёт к чёрной дыре. Звёзды, вокруг которых я уже различал какие-то крохотные планетки, космический мусор: астероиды и прочая мелочь, не спеша, плы-

ли по кругу, ждали своей очереди нырнуть в огромный тубус, который... Как можно описать это? Будто кто-то взял трубу и обернул её космическим пространством!

– Внимание! – Прогремела Мали.

Я вжался в сиденье.

– Следующая остановка – через пятьдесят миллионов световых лет, – хихикнула Рона, её голос потонул в нарастающем гуле. А затем...

А затем я просто отключился.

5

Когда я пришёл в себя, «Люпен-17» уже, оказывается, стоял на твёрдой поверхности. А я выяснил, что теперь не могу идти. Ноги подкашивались, точно ватные, я терял равновесие, координацию как будто отключили. И всё было бы совсем печально, если бы меня не нашёл Нуи. Он помог мне выбраться из зала, где я так и остался без сознания после Скачка.

Он предложил полежать, потом напоил какой-то синей жидкостью, заверяя, что она поможет мне прийти в себя. К счастью, у меня отключились вкусовые рецепторы. Нуи успокоил: у вас, землян, такое случается с непривычки.

Наконец, я смог выйти из корабля и ступить на твёрдую землю. Сэм, который перенёс Скачок в специальном отсеке для животных, выглядел куда лучше меня и, виляя хвостом, расхаживал по земле.

Надо мной было голубое небо. Под ногами – каменистая почва. Из чего конкретно – я не понял, но выглядела она как обычный сухой грунт. Щебень плюс земля.

– Это Земля? – Тупо спросил я.

Нуи улыбнулся.

– Точнее, Земля-612.

– Чего?

Я впервые слышал о такой планете. Или спутнике?

– Земля-612, – повторил Нуи. – Спутник Алькардана в Галактике Большого лиса.

Я впервые в жизни слышал о такой галактике! Куда меня занесло? Как далеко я от Земли? На меня накатила самая настоящая паника. Сэм, точно чуя моё состояние, ткнулся носом мне в ладонь. Наверно, его присутствие вернуло меня к реальности. Я ощутил под пальцами тёплую шерсть, присел и уткнулся в собаку. Ужас начал потихоньку отступать. В конце концов, мы больше не в холодном и безжизненном космосе: мои ноги касаются привычной почвы.

– Идём, покажу кое-что, – улыбнулся Нуи.

Он провёл меня вперёд, и я понял, что наш корабль сел прямо на крыше огромного здания. Оно напоминало многоярусную пирамиду, какие строили инки. В этом здании было шесть ярусов, а по площади пирамида была с два огромных футбольных стадиона. А то и больше.

У парапета стояли уже знакомые мне Мали и Рона, а рядом...

Его серебряная кожа переливалась на солнце. Кое-где были видны следы от сизых пятен – белёсые пятна-шрамы. Гуманоид с вымершей, загаженной людьми планеты, окинул меня пристальным взглядом и улыбнулся.

– Приветствую, – с небольшим акцентом сказал он на Всеобщем.

– Ну вот, гляди, как должен выглядеть настоящий приют, – позвала Мали.

Я подошёл к парапету, и потерял дар речи. Передо мной раскинулись мои родные земные пейзажи. Деревья, луга, холмы, горы, даже – пески. Здесь было всё. Я не сразу понял, что передо мной – некое подобие голограммы.

– Что это? Где мы? – Тупо повторил я вопрос, который утонул даже меня самого.

– Знакомься, это – Коэ-Ри. – представила меня Мали. – Он – один из последних представителей расы хлали. И он заведует заповедником.

Я смог только вопросительно взглянуть на Коэ-Ри.

– Вся планета – один большой заповедник для вымерших или вымирающих видов со всех концов изведанной Вселенной, – пояснил мой новый знакомый. – В том числе с Терры.

– А... Э...

Рона захихикала.

– Лет десять назад мы столкнулись с земным звездолётом, сели ему на хвост и попали на Н-А3, – объяснила мне Мали. – Чудом проскочили мимо постов. Там мы увидели весь ужас, который сотворили земляне, и вывезли тех, кого могли спасти. Долго пришлось плутать, чтобы найти это место. До нас здесь были только леса, планета была практически необитаемой. Потом местные с соседней планеты согласились помочь сначала с реабилитацией хлали, а потом поддержали идею со спасением видов. За десять земных лет обустроили тут заповедник и свозим всех, кто нуждается в помощи.

– Когда мы узнали, что делают с животными в созвездии Кита, мы тут же развернули операции с похищением. Проблема в том, что корабли уходят в разное время, и мы не всегда можем отследить маршруты, – объяснила Мали.

– А если вас поймают?

– Пусть попробуют, – фыркнула Рона. – В Галактику Лиса не доберётся ни один из существующих кораблей Сообщества. Технологии пока не те. Преодолеть Скачок может только «Люпен-17».

– А откуда...

Я хотел, наконец, поинтересоваться, как пиратам удалось выстроить такое чудо техники, но Рона меня перебила:

– Глянь, чего тут есть! – Она ткнула в голограмму, оказавшуюся подобием интерактивной карты. Можно было выбрать

любую локацию и посмотреть, что в ней делается на данный момент за сотни километров от нас.

По поляне разгуливал пятнистый олень. Он неспешно сдирал листву и лениво пожёвывал.

— У нас их уже давно нет, — проговорил я, зачарованно наблюдая за настоящим, живым оленем.

— У вас и собак скоро не останется, — проговорила Мали.

— А собак вы тоже сюда привозите? — спросил я, и рука автоматически потянулась к Сэму.

— Да, — кивнул Коэ-Ри. — Лечим их и оставляем доживать свой век. Он у них не так долог. Как и у всех землян, впрочем. наступило молчание.

— Что с вашей собакой? — Спросил Коэ-Ри.

— Сэм? А, он слепой. Я его таким нашёл, — сказал я. — Может, что-то можно сделать?

Коэ-Ри присел рядом с псом, и у меня возникло щемящее чувство: я представил, что сейчас мой мальчик меня, наконец, увидит.

— Боюсь, что нет, — со вздохом сказал хлали. — Если бы раньше, сразу после травмы. Что случилось?

Я опустил голову и погладил пса по загривку. Он точно всё понял, даже перестал махать хвостом.

— Он не понравился, — проговорил я, — хозяевам. А потом — местным мальчишкам. Они никогда такой породы не видели. И решили... Поиграть.

Я шмыгнул носом, вспоминая нашу с Сэмом первую встречу.

— Три года назад, по земным меркам, конечно, шёл по улице, услышал писк. Мальчишки мучили щенка в подворотне. Тыкали палкой, подбрасывали в воздух и смотрели, как он падает. Я их прогнал, а Сэма выходил. Только видеть он не начал. Но это ведь не повод его усыплять.

Я поднял голову и встретился взглядом с синими глазами хлали. Коэ-Ри кивнул.

– Любопытная порода, – заметил хлали. – Редкая.
– Ага. Раньше их много было. А сейчас Сэм один.
– Я думаю, нет, – проговорил Коэ-Ри. – Они всегда находят пару. Все всегда находят пару.
Я улыбнулся. И вспомнил Ани.

6

Все животные, что находились на борту злополучной «Сицилии», выжили. Хлали забрали их, а я, вновь поднимаясь в космическое пространство на борту «Люпена-13», с грустью смотрел на удаляющуюся Землю-612. А в голове у меня вертелись картинки того ужаса, что показывала Мали. Ведь сколько кораблей, гружённых животными, приходит на Н-А3! И в каждом – вот такой несчастный сэм, который погибнет страшной смертью только потому, что кому-то надоела живая игрушка.

– Ну, бывай, – сказала мне Рона, когда они высадили меня на Петру. Отсюда до Земли рукой подать.

– Тогда уж прощай, – проговорил я. – Вряд ли я ещё раз поднимусь в космос.

Мы посмотрели друг на друга, прекрасно понимая, что это правда. Сэм вилял хвостом, как сумасшедший: он чувствовал: скоро будем дома.

– Всё, хватит. Нам пора, а не то нас заметят, – проговорила Мали. – Береги себя. Своего пса тоже. И не забывай перечислять деньги в фонд. Не то спишем сами. Я подключила твой чип к системе.

Я усмехнулся.

– Сначала найду работу.

– Прощай.

Рона вдруг крепко и беззастенчиво обняла меня, и я почувствовал, как её рука скользнула мне в задний карман. Я хотел

возмутиться, но она подмигнула и побежала вслед за удаляющейся Мали.

Наш с Сэмом корабль отходил через двадцать минут.

7

Я смотрел в окно и пил кофе. Всё никак не мог привыкнуть к пейзажу за окном. Каждую ночь после возвращения мне снились звёзды. Мне снился космос. Загадочный, непостижимый. Мне снились Мали, Рона, Нуи. Я просыпался, грустил, а потом принимался искать работу.

Так продолжалось около недели.

Ани не появлялась, даже не давала о себе знать, да и мне было всё равно.

– Ничего, Сэм. Как там сказал Коэ-Ри? Все находят пару. И мы найдём. Ты и я. Обещаю. Я же обещал, что мы вернёмся, – сказал я ему.

И тут запищал коммуникатор.

– Мистер Рой?

– Он самый. Кто его спрашивает? – Да уж, кому понадобился безработный неудачник?

– Винх Дове, исполнительный директор «Хардис Индастриз».

У меня замерло сердце. Ровно так же, как тогда, месяц назад, когда я понял, что лечу в открытый космос. Неужто они узнали, что мне известно об их проделках?

– С-слушаю вас.

– Нам стало известно, что вы выжили после варварского нападения пиратов. Мы должны вам заплатить, мистер Рой! – Радостно возвестил Дове.

«С чего такая щедрость?».

– Э, да, наверно, – сказал я вслух.

– Более того, мистер Рой, – продолжил Дове, – мы готовы предложить вам работу!

У меня глаза на лоб полезли.

– Снова в космос чернорабочим?

– Нет, мистер Рой. У нас есть место как раз по вашей специальности, – всё тем же бодрым голосом проговорил Дове. – Вы ведь программист, насколько я помню? Мы видели вашу анкету.

Так вот как они меня нашли! Анкету я обновил сразу по прилёту. Борясь с желанием выкрикнуть Дове в трубку всё, что я о нём думаю, я спросил:

– А какие условия?

8

Работа у меня была простая. Я следил за системами. Я отправлял координаты, согласовывал даты и время вылета. Оказалось, что «Хардис Индастриз» по большей части занимается простыми грузоперевозками. Ни один корабль ни из одного космопорта не вылетал на Н-А3.

Но я ждал.

И ожидания мои оправдались.

Я смотрел на карту маршрута очередного рейса смерти. Перед глазами вновь возникли картинки с экрана Мали. Шрамы Коэ-Ри. Сэм.

Я нажал пару комбинаций, воткнул шнур своего коммуникатора – так безопаснее – и карта полетела на сторонний носитель.

Уже дома я достал из шкафа книгу. В ней – измятая полоска бумаги, та, что сунула мне в карман Рона.

Я забил координаты, пароль и, поймав сигнал пиратского спутника, прикрепил шифр лётной карты и напечатал на хлальском: «Груз отправляется. Земля-612, ответьте».

Я ждал. Но ответа не было. Ни через час, ни через два. Отправить сообщение заново я побоялся.

В окно светили далёкие звёзды. Я засыпал медленно, вспоминая Рону.

И вдруг подскочил на месте. Коммуникатор заверещал пронзительно и громко.

На экране высветилось одно лишь слово:
«Вылетаем».

Мария Воскресенская

«НИЧЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОСПОДИН»

В старом домике с покосившейся крышей пахло смертью.

Запах этот стоял здесь уже полгода — с тех пор, как в мир иной отошла прежняя хозяйка, старушка Лукерья Филипповна. Какой она была фамилии, из какого города или всю жизнь в Липовом прожила — никто не помнил уже тогда, когда бабка своё девяностолетие отмечала. Долго жила, две зимы ей бы ещё прожить, да век бы целый справила.

Не дождалась Филипповна. Уснула ночью да так и не проснулась.

Детей у неё не было — все померли раньше неё. Только кот был да петух — как в сказке, но им наследство не оставишь.

«Петуха и кота заберу», — прошептала, перекрестившись, соседка Елена Михайловна. — «Пропадут ведь».

Только кота и след простыл — не было чёрно-белого нигде, точно вслед за бабкой ушёл.

В день похорон, когда простой деревянный гроб с Филипповной вынесли за дверь, прошёл по дому сквозняк, окна с хлипкими, но аккуратными ставнями раскрыл и давай гулять по горнице. Упала тогда хрустальная ваза со стола с накрахмаленной белой салфеточкой. Упала и вдребезги об пол разбилась.

Да и вообще, говорят люди, что ужас какой-то творился у бабки Филипповны в доме в ночь после похорон.

Помнил, хорошо помнил Тишка, как пнул эту вазу со стола, помнил, как заслонку от печи прямо в окно бросил, помнил,

как салфеточку эту беленькую по ветру пустил. И выл. Выл всю ночь до самого рассвета. И даже волки молчали, хоть и была луна полная: когда домовой горюет, ему сородичи дань уважения отдают и вместе с ним тоскуют.

Умерла бабка Филипповна, оставив в доме своего Тишку, негодного, косматого проказника, который за ночь крынку молока за милую душу выпьет, зато где надо, всегда на помощь придёт.

А бывало, сядет в кресло, головой покачает и, чаёк попивая, глядит на кота и говорит:

«Придут другие, Тишенька, ты их не обижай. Как меня охраняй, береги».

«Ну а как не придёт никто? Одному скитаться?», – спрашивал Тишка. По-своему спрашивал, во снах к бабке приходил – нельзя ведь им, домовым, напрямую к человеку обращаться. Только если за ухо поймают, да вопрос зададут.

«А коли не придут, сам уходи», – отвечала Филипповна.

«Куда ж идти-то? Тут в округе во всех деревнях свои хозяйева есть. Гоже ли скитаться да побираться?».

«Да в город иди! Там, поверь, такие как ты всегда нужны, хоть и по-другому всё – дома большие, лошадей нет, зато люди те же, тоже в заботе нуждаются, особенно, когда сами друг другу её дать не могут. Таких ищи, Тишка, они тебя пуще всех любить будут, да добрым словом поминать».

Полгода ждал Тишка. Ответшал дом, покосилась крыша, полы скрипели и трескались, мебель всю – как ни старался домовой отпугивать незваных гостей – растащили. Красный угол только остался – полочка под потолком, а на ней за белой салфеточкой – образ остался Богородицы. Часто слушал Тишка, как бабка перед ним крестилась. Не любил он это дело – жуть как не любил, но хозяйку уважал. И перед тем, как бросить остывший и опостылевший дом, страсть как хотел

икону с собой забрать — в память о бабке, но даже на локоть не смог приблизиться к бабкиному алтарю. Да и какие вещи могут быть у домового? Борода, усы, да кафтан — вот и все пожитки. Вышел за калитку — не как обычно, спиной вперёд, а как люди ходят. Навсегда ушёл. Пока он в доме жил, ещё держалась изба, а без хозяина быстро рухнет да зарастёт травой.

Тишка старался об этом не думать: обернулся котом и пошёл сам по себе, туда, куда бабка посылала.

«Посмотрим, как изменился ты за сотню лет», — подумал домовый.

О том, что прежняя жизнь осталась позади, Тишка понял по запаху. Поля и леса кончились, последнее село, куда он забрёл в поисках чего-нибудь съестного, он покинул дня четыре назад. В маленькой деревне его встретили с охотой, но остаться было негде: два хозяина в доме — к большой беде да склокам. Хоть и надеялся Тихон осесть где-нибудь в деревянной избе, ничего не вышло. Везде были уже свои домовые, да такие, что ещё царей видали. Где тут с ними тягаться? Да и не хотел Тишка себе место силой выбивать, по-доброму хотел, как бабка Филипповна. От воспоминаний чуть слёзы на глаза не навернулись, но дальше надо идти, город уже совсем близко был.

Серый, большой, пахнущий бензином и людьми, с такой мощной энергией, что способна горы двигать — вот таким представился Тихону Петербург.

Петляя в толпе, он разглядывал улицы, людей с хмурыми и грустными лицами, а над головами у них было такое же грустное и серое небо.

Куда идти и что делать, Тишка совершенно не представлял. Он остановился и в растерянности сел на дорогу.

«Куда меня бабка послала? В какие дали? Какие домовые в таком месте? Городские уже и знать не знают, что мы рядом с ними живём, кому я здесь сдался?», — в отчаянии подумал домовый, понимая, что даже назад, в Липовое, пути уже нет.

Резкий автомобильный гудок заставил подскочить и броситься в сторону. Ещё один сигнал! Прямо на Тишку неслось чёрное металлическое чудовище, оно испускало противный дым и оглушительно ревело. Домовой прыгнул в последнее мгновение, прямо перед колёсами чудища и, оттолкнувшись лапами от капота, приземлился на тротуар.

Нужно было срочно найти дом! Где ему, такому маленькому, на этих улицах выжить? Раздавят и не заметят! Впрочем, и так исчезнет сам по себе на, коли не найдёт хозяев, тех, кто его в квартиру трижды пригласит до следующего полнолуния. Ровно месяц был у бездомного домового.

К вечеру народу стало чуть меньше, да и забрёл Тихон в какой-то квартал. Тихий, уютный, с деревьями кругом. В палисаднике — осенние цветы ещё и не думали вянуть, клумбы ухоженные, окна нарядные, словом — красота!

Дверь оказалась с секретом. Люди к ней кругляш подносят, и она им открывается. Сквозь стены ходить Тишка только в своём доме мог, здесь дом такой хитрости не простит, потому и не стал рисковать.

Ждал он дотемна, а потом хлынул дождь — мокрый, неприятный, не как в родном Липовом — прохладный и свежий, но тяжёлый, с грузными, толстыми каплями. Они барабанили по макушке, даже когда Тишка спрятался в кустах шиповника. Не в подвал же лезть, в самом деле — там хмыри загрызут за милую душу.

«Бабка, миленькая!», — думал Тишка. — «На кого ж ты меня? Филипповна, что делать-то дальше? Чего не сказала мне, окаянная?!»

— Ого, какой котяра! Дашка, смори!

Тишка своим кошачьим взглядом осмотрел мальчика лет девяти. В красной осенней куртке с капюшоном, натянутым почти до бровей, и выбивающимися из-под него чёрными лохматыми волосами он был похож на лешего. Тот тоже свои панамки чуть ли не до подбородка натягивал.

– Чего там у тебя, Антошка? – к нему подбежала девчонка в резиновых сапогах почти до колен. – Ух, какой красивый!

Тишка про себя улыбнулся – да, кот у него получался что надо.

Дашка протянула руку и погладила его по мокрой голове.

– Как думаешь, он чей-то? – спросила девочка.

– Мне кажется, да. Смотри, какой толстый.

Тишка недовольно зарычал.

– Он тебя понял! – засмеялась девочка. – Давай его в подъезд запустим? А то он мокрый...

Девочка достала из кармана волшебный кругляш и поднесла к двери. Подоспевшего Тишку окатило сквозняком, пахнущим сырым бетоном. Домовой взбежал по лестнице и оказался на просторной лестничной площадке. По бокам – двери. Тишка подошёл к одной из них и прислушался: тишина.

Знал он о больших каменных домах, давным-давно, ещё до революции случилось ему жить в одной такой квартире. Большая была, красивая. И жила в ней семья – муж с женой, да дочь их. А как пришли большевики, тут же хозяев выгнали. Покидали вещи и переехали поспешно в деревню – одну, вторую, третью. И никогда не забывали с собой Тишку позвать. Да только раз пришли к хозяину в дом люди и увели незнамо куда. Жена только с дочерью остались – убивалась она по мужу, а потом взяла котомку, дочь и уехала, только её и видели. А Тишка так и остался в доме в Липовом. Но тут, откуда ни возьмись, приехала Филипповна. Девчонка почти была, молодая, с двумя косичками. И, точно глаз у неё намё-

танный был, сразу признала, что дом-то не пустой. «Оставайся со мной, говорит, дружочек!». Тишка и остался. А там — и война была, и голод был, и люди страшные с автоматами, и взрывы... Все они с бабкой пережили вместе.

Тишка поднялся ещё выше по этажам и на последнем нашёл большое круглое окно. Подоконник был уставлен цветами. Домовой снова принял свой привычный облик и задумался: одному в чужом городе ему не выжить. Сколько он так будет по квартирам блуждать? Долго думал Тихон, сам не заметил, как уснул.

Проснулся от тычка в бок — кто-то настойчиво будил его, точно щекотал по рёбрам.

Тихон вскочил и мигом превратился в кота.

— Да не бойся ты, свои, — прохрипел низенький худой человечек в ярком оранжевом жилете. Он точно отражал весь свет, что падал на одежду.

— Ты кто? — спросил Тишка, оглядывая коротко стриженные волосы, спортивные трико, свитер и яркую жилетку.

— Управляющий местный, — прохрипел человечек. Он говорил так, будто простудился. Тишка сразу понял: это — домовый, только он какой-то... другой, не такой, как обычный, скажем, деревенский. Взгляд хитрый, пронзительный, глаза серые, точно небо зимой, и зрачок как у кошки — в темноте, поди, тоже светится.

— Тихон, — домовый протянул руку, и «местный управляющий», предварительно оглядев гостя, пожал ему руку.

— Сипляк, — представился он. — Подъездных дел мастер, ничейного пространства господин.

— Это как? — Удивился Тишка.

— Эх, вы, деревенские... — протянул Сипляк с ухмылкой. — Ниче не знаете.

Он вдруг достал из кармана жилета складную линейку, свернул её буквой «П» и прислонил к стене. И, к удивлению

Тишки, начал залезать по ней, точно по лестнице. А та и вправду себе ступеньки надстраивала.

– Чудо техники, зырь, – хмыкнул Сипляк, а затем достал из кармана лампочку и вкрутил её в пустой патрон на стене. – Вот так это. Слежу за порядком в подъезде как вы, домовые, – в квартире. Чужих не пускаю, цветы поливаю, перила чиню. Иногда ломаю. Сам, – гордо сказал он. – Сейчас в каждом подъезде свой сипляк есть, – он гоготнул. – Народу много, а за этой общей территорией кому-то следить нужно. Даром что ничьё – живут-то все.

Сипляк спустился вниз.

– А ты, никак, дом себе подыскиваешь? Сам-то откуда будешь?

– Из Липового, – сказал Тишка.

Сипляк задумался.

– Понятия не имею, где это, но вот что я тебе скажу... Ты в этом доме ни шиша не найдёшь. Зырь, покажу, – он подвёл его к окну. – Вон тама крыши видишь? Старые это дома. Как ты прям, – Сипляк гоготнул и снова хлопнул Тишку по плечу. – У них там вечно, как говорится, недобор. Сходи посмотри, глядишь, и тебе место найдётся.

Тихон кивнул.

– Спасибо за помощь.

– Да пожалуйста, – усмехнулся Сипляк. – Куды пошёл? Темно ж там и холодно! – Крикнул он, глядя, как Тихон начал спускаться вниз.

– Не могу ждать, время поджидает. А там, глядишь, и пригреет кто, – улыбнулся на прощание Тихон.

Хлопнула подъездная дверь, и Сипляк, наблюдая, как чёрно-белый толстый кот побежал прочь.

– Ага, пригреет-пригреет, – задумчиво проговорил Сипляк. И принялся вытирать натёкшие с потолка лужи.

Дома с большими красивыми крышами Тишка узнал сразу. Окна выходили на большой проспект, дворики были закрыты – видно, запирались на ночь. Сквозь прутья виднелся красивый дверной проём с барельефами. Когда-то в таких домах жили люди богатые. Теперь живут люди бедные. Об этом Тишка подумал, глядя на пыльные деревянные окна, заставленные всякого рода мелочами – книги, мягкие игрушки, растения...

Домовой пролез сквозь прутья и, приняв свой обычный облик, дёрнул за ручку. Дверь с удивительным аппаратом, к которой люди прислоняли кругляши, тут же отворилась. «Неисправно», – догадался Тихон, глядя на домофон с разболтанным магнитом.

Он шмыгнул в парадную и, прежде чем бежать наверх, осмотрелся на тёмной лестничной клетке.

– Вечер добрый, хозяйева! – крикнул он, желая поговорить с подъездных дел мастером. Но в ответ ему прозвенело эхо.

Видно, начальника у этих стен не было. Домовой огляделся: роскошная лепнина на потолке поражала сложностью своих узоров, но наполовину обвалилась, разрушилась и пожелтела. Краска на стенах потрескалась. В самом углу Тихон, к своей радости, обнаружил телефонный аппарат. «Неужто работает?», – подумал он. Но конструкция на стене была пережитком прошлого. Почему её до сих пор не сняли – загадка.

– Кто таков? Чего надо?

Тихон аж подпрыгнул от неожиданности. Перед ним стоял обыкновенный домовой – ростом низенький, с остреньким носом, только какой-то... Про таких бабка Филипповна говорила: «холёный». Борода стриженная, аккуратная, чёрная шевелюра собрана в хвост. Вместо кафтана – шаровары и белая рубаха.

– Квартиры бесхозные, говорят, есть в вашем доме.

Домовой пристально оглядел незваного гостя.

– И правда, имеется одна, – протянул он. – Хочешь под крыло взять?

– Хочу, – кивнул Тихон.

Собрат усмехнулся.

– На третьем этаже дверь зелёная. Не ошибёшься. Глядишь, тебе удастся там порядок навести. Давненько там твёрдой руки не было.

Тихон кивнул.

– Постараюсь. А ты сам откуда будешь?

– Я-то? Я отсюда, – домовой деловито указал большим пальцем на дверь, которая терялась во мраке подъезда. – Меня свои Лавром кличут.

– Тихон, – представился Тишка. – А чего у вас подъездных дел мастера нет?

Лавр фыркнул.

– Нет, таких не держим. Они только там появляются, где всё ничьё общим становится, где нет понятия «свое-чужое». Там и чисто всегда, и потолок не течёт. А у нас в основном за частную собственность держатся. А парадная... Ну и что, что штукатурка сыпется? Мы ж не в парадной живём... Ладно, бывай, – проговорил Лавр. – Я ненадолго вышел. Хозяйкино колечко посмотреть – обронила где-то, переживает. Обручальное...

И домовой скрылся в тени.

А Тишка направился на третий этаж к зелёной двери.

Нашёл её Тихон без труда – железная, обшарпанная, с резной деревянной ручкой.

«Пройти-то туда как? Придётся ждать, пока хозяйева дверь откроют», – подумал он. И для верности обратился в кота – не мог он как вор проскочить. Пусть видят, кто к ним в гости зашёл.

Шли минуты, часы – никто не появился. Впрочем, ночь была глубокая, спали все, оттого и дверь не открывали. Тиш-

ка оглядывал лестничный пролёт. Как же всё-таки здесь было красиво! Росписи на стенах, лепнина, большие окна, богатые перила, высокие потолки — всё это создавало впечатление, что здесь когда-то замок королевский был, не иначе. Портили эту красоту время и людское равнодушие. Отмыть бы да подкрасить! Красота бы была неопиcуемая!..

Вдруг на лестнице раздались шаркающие шаги, а затем — непонятное бормотание, напоминающее мелодию. Кто-то пытался петь.

— Туманы над рекой... проплывали! Вы-ыходила... на берег... Оп-па!

Тишка посмотрел на покачивающегося мужика. Один в один — деревенский! Под тёмной старой курткой виделась полосатая майка, на голове — фуражка.

— Это хто к нам пришёл?

Мужик увидел кота и нагнулся, чтобы погладить, но не удержал равновесие и шлёпнулся рядом прямо на бетонный пол.

Тишка понял: перебрал дядя, да так, что на всю лестничную клетку запах успел разойтись.

Мужик, меж тем поднялся на четвереньки и, приложив палец к губам, прошипел:

— Тс-с-с! Усатый... Ты это... Тихо... А то придёт баба и...

Он порылся в карманах, нашёл ключ и — правда, не первой попытки — вставил его в замок под резной ручкой.

— Ну, чё... Заходи...

Мужик сел на колени, отпер дверь и жестом пригласил Тихона.

Маленькое сердечко забилось от радости, домового недолго думая бросился в новую квартиру. Но стоило ему переступить порог, как он замер в замешательстве.

Большой коридор уходил вдаль. По стенам расставлена мебель, стопки книг, мешки, пакеты, старый шкаф с оторван-

ной ручкой был доверху забит какими-то газетами и журналами, в углу – потрёпанный маленький диван, рядом – стол с ящиками, из которых торчали крохотные ростки – рассада.

И двери, двери, двери...

«Какая же из них – моя?», – подумал Тихон.

Мужик же позади осторожно пытался вползти в квартиру, хватался за дверную ручку, но сил на то, чтобы встать, у него не хватало.

Внезапно дверь прямо по коридору, где рядом стояла рассада, отворилась. Тихон юркнул под шкаф.

– Приполз, несчастный! На коленях приполз! – громким шёпотом возмутилась показавшаяся в дверном проёме женщина.

Вспыхнул тусклый жёлтый свет настенной лампы. Женщине было около шестидесяти, может, чуть больше. Тёмные волосы почти седые, собраны в узелок на затылке. Тишке показалось, что лицо у этой женщины было крайне неприятное.

– Валерьна... – пробормотал мужик, каким-то чудом всё же поднявшийся на ноги.

– Я те покажу, Валерьна! Спать людям не даёшь, шатаешься тут по ночам, пьянь несчастная!

– За языком следи, ж-женщина! – покачнулся выпивший жилец.

– Вот напишу на тебя заявление, будешь знать!

– Да пиши сколько хочешь! Сказку пиши... Книгу! Р-роман пиши, карга старая!

– Да как ты...

Пенсионерка рванулась в бой. В этот момент из соседней двери высунулась голова. Принадлежала она мужчине, уже немолодому, но весьма приятному. Морщины у него на лбу говорили о том, что он очень много думает. На носу – круглые

очки. Судя по его виду, мужчина либо уже проснулся, либо так и не ложился в кровать.

– Вы не могли бы потише, время позднее, – проговорил он негромко.

– Время уже раннее! – не сдержавшись выкрикнула его соседка. – Погляди, опять пришёл, полдома перебудил!

– Да это ты, ведьма проклятая, всех разбудила! – ответил выпивший.

– Алексей, иди спать, – нахмурился мужчина. – Пошли, провожу.

– Ага, проводит он, как же. Алкашам всяким помогает, а как в доме порядок навести, так это он – шиш!

– О чём вы, Ада Валерьевна? – спросил он.

– Кран капает уже две недели! Я его тряпкой заматываю, а тебе хоть бы хны! Ерундой занимается, физика у него, видите ли! Лучше б свою голову к делу подключил!

– Вы чего кричите так, Ада Валерьевна? Ребёнок спит! – Ещё одна дверь открылась, и к балагану в коридоре присоединилась женщина лет тридцати.

– А вас, милая, никто не спрашивал. Не лезьте, – ответила Ада Валерьевна.

– Что значит, не спрашивал? – вскинулась та.

– То и значит. Уже шесть утра, между прочим, будний день. Я никаких законов не нарушаю. В отличие вот от него, – она ткнула пальцем в Алексея. – И от вас тоже.

– А мы-то тут при чём? – удивилась женщина.

– А при том, – упёрла руки в бока Ада Валерьевна. – Кто на инструменте играет в тихий час?

– Ребёнку заниматься надо! Она в свободное время играет! И не с утра пораньше!

Тишка слушал и диву давался: ссорились в семьях, но так, чтобы пилить друг друга с раннего утра... Такого не было. Об

этом, может, и говорил Лавр — руки нет на них твёрдой. Да и бабушка сказывала, мол, такие больше всего в заботе нуждаются. Идти ему, Тишке, всё равно некуда. Значит, надо здесь жизнь налаживать. И начать прямо сейчас.

Прокрался Тишка в соседнюю дверь, спрятался за косяком, а потом сверкнул глазами да в ладоши хлопнул.

Свет погас. Люди затихли.

— Отлично, ещё и лампочка перегорела! — Крикнула Ада Валерьевна. — А менять кто будет? Я буду! На свои, между прочим, деньги! А у меня пенсия знаете какая? Я что, вас всех тут обслуживать должна?!

И спор продолжился с новой силой. Да только домовый не выдержал — смел ладонью пыль с пола да дунул в сторону жильцов. На миг наступила тишина. Жильцы смотрели друг на друга, точно переводя дыхание.

— Спокойной ночи, Ада Валерьевна, — сказала молодая женщина, устав спорить.

Мужчина в очках молча открыл одну из дверей и завёл туда Алексея.

— Вот все вы так, убегаете от ответственности! Я на вас напишу! Вы у меня попляшете! — не унималась Ада Валерьевна. Но и она закрыла за собой дверь.

«Тяжело с ней будет», — подумал Тишка.

Близился рассвет.

Через неделю Тихон в полной мере ощутил все прелести коммунальной квартиры. В его голове не укладывалось, как это возможно? Кто хозяином-то числится? Неужто, та бабушка жуткая?

Ада Валерьевна была коренной жительницей. Поговаривают, вообще в родстве с бывшими владельцами квартиры, когда

все пять комнат принадлежали одной семье. И на двенадцати метрах они оказались после большевиков, которые заставили потесниться буржуев. А сейчас — во всяком случае, слухи такие ходили по дому — бабка твёрдо решила эту квартиру к рукам прибрать. По юристам бегала, мол, доказать, что жильё ей и только ей принадлежит, и что все договоры купли-продажи недействительны. А до той поры выживала она своих жильцов всеми возможными способами. Валерьевна тут всем и заправляла: решала, кому сколько в ванной мыться, а если нарушали этот режим, она просто стояла и барабанила в дверь, громко ругаясь на всю квартиру; она крутилась на кухне, рассыпаясь в проклятиях, если ей под руку попадалось что-то чужое и стоящее не на своём месте. Хотя сама не брезговала этим чужим воспользоваться будь то сахар или шоколадка, оставленная Кирой — маленькой дочкой Евгении, той самой тридцатилетней женщины.

Женя работала в конторе по установке пластиковых окон. Переехала в большой город почти без гроша в кармане из глубинки — сбежала от бывшего мужа и забрала дочь, невзирая на предстоящие сложности. Кира училась в музыкальной школе — осваивала гитару и играла, в общем-то, неплохо. Тишка не раз пробирался к ним в комнату, чтобы послушать, как девочка перебирает струны.

Второй жилец — мужчина в очках, с волосами с проседью и болезненным цветом лица оказался профессором физики. Звали его Максимом Сергеевичем Листьевым. Он работал в местном университете, преподавал студентам. Тоже приезжий, комнату купил давно, ещё когда сам был в институте. Семьи у него не было, детей тоже. Только физика — любимое дело.

Ещё был Алексей или, как его все звали, Игнатыч. Бывший моряк и спортсмен, он имел неосторожность ввязаться в не-

удачный брак. Жена его Ксения оказалась женщиной хитрой и подлой, отобрала у него квартиру. Машину, правда, не смогла. Её-то он и продал, чтобы приобрести свои десять метров в коммуналке. Устроился на стройку, а там – как по накатанной и наклонной. Сначала за компанию на праздниках рюмочку опрокидывал, чтобы уважить коллектив, потом зарплату обмывал, потом в гости стал ходить. Так и пристрастился к алкоголю. Было это лет пять, а то и шесть назад. Впрочем, Игнатыч был мужик не буйный, напьётся, придёт и ляжет спать. А если не спится, сидит ночью за столом, да молча смотрит в окно. Тишка, бывало, рядом с ним усядется и тоже смотрит – то в окно, то на Игнатыча. Мужа бабкиного он ей напомнил. Тот не пил, но тоже вот такими глазами на мир смотрел – грустными, какими-то отрешёнными. Но стоило Филипповне зайти в дверь, тут же счастье в них искрилось. А у Игнатыча счастья не было. Была только водка.

В комнату к Листьеву Тишка особо не заходил, к Валерьевне – тем более. Больше любил у Киры отираться. В комнате было чисто, светло. На подоконнике – книги разные, а в углу – чудо техники! – ноутбук. Тишка однажды дождался, когда Кира с Женей уйдут, да попробовал сам кнопки нажимать. Шайтанова машина издала громкий звук и посинела. Тишка испугался, выдернул из розетки и больше к ней не подходил. Но однажды увидел, как Кира там движущиеся картинки смотрит. Мультяшки. Тишке мультяшки нравились, но не все.

А вот то, что смотрела Ада Валерьевна, ему ох как надоедало! Ровно в девять вечера включала пенсионерка телевизор, звук добавляла так, что, наверно, этажом выше было слышно, и смотрела о всяких политиках и австралиях. Новости.

Игнатыч тоже телевизор смотрел, нравились ему передачи про пришельцев из космоса, снежных человек и... домовых. Вот тут-то Тихон не на шутку рассердился. Так, что аж телеви-

зор выключил. Игнатыч посмотрел на тёмный экран, почесал голову и пробормотал: «Пробки, что ли, выбило?».

И всё бы ничего, если бы каждый вечер не превращался в хаос. То чай кто-нибудь найти не может, то ящик с рассадой на сантиметр передвинули, то шампунь в ванной кто-то забыл... Словом, ссоры и склоки из-за каждой ерунды.

Но главным предметом споров для четырёх соседей была, конечно, общая территория. Гостиная – тот самый коридор, напичканный разного рода хламом, который не влезал в маленькие комнатки, и кухня, в которой постоянно что-то ломалось.

Дому, в котором проживал теперь Тишка, было лет сто пятьдесят, не меньше. В кухне, как и во всём доме, ещё были видны следы былого великолепия – лепнина, столетний кафель, даже плита с задвижками как на русской печке. Однако всё это было погребено под слоями пыли и копоти. На когда-то белых стенах – сажа, местами – плесень. Всё густо заставлено мебелью, которая для кухни не предназначена вовсе. Например, книжный шкаф со стеклянными дверцами, в котором хранили посуду, или письменный стол, который использовали вместо столешницы... И кругом – мешки, пакеты, коробки вразнобой. А ещё здесь стояла большая сушилка для одежды, которая всегда была завешана носками, трусами, брюками, рубашками и халатами в аляпистый цветочек. Здесь только Женя не развешивала одежду после стирки – в их с Кирой комнате был балкон.

Всё вразнобой, всё – поперёк, всё криво и косо. Всё в этом доме говорило о том, что никакого согласия между жильцами не было.

Но самое страшное, что в этой квартире жильцов оказалось куда больше, чем казалось.

Тишка обустроил себе «кочевальню» – как он и бабка Филипповна называли его место в избе – прямо в той старинной духовке. Она никогда не работала, использовалась как подставка под цветы. А внутри было тепло из-за центрального отопления и свободно. Домовой натаскал сюда вещей, которые ему понравились в доме – Женин старый свитер, подушка Максима Сергеевича, старый советский будильник, толстая книга с картинками (читать Тишка не умел, но ему нравилось разглядывать картинки). Собственно, так жил уже вторую неделю. И с каждым днём нервничал всё сильнее. Ведь чтобы ему домовым остаться, ещё дважды его должны были хозяева позвать в дом, но никак не получалось ситуацию подходящую найти. Выбегал и котом у двери ходил. Евгения оба раза молока выносила да за ушком чесала. А один раз пьяный Игнатыч об него и вовсе споткнулся и бранным словом послал туда, куда Макар телят не гонял. Обиделся на него Тишка, пульт от телевизора к себе в печку утащил.

Время шло, новых хозяев в таком городе сыскать было трудно – с остальными домовыми из дома говорил. Здесь все за своих держатся, мало кто уходит. Только от таких, как Тишке попались. «Уже трое от них сбежало. Или сгнуло, кто ж их разберёт», – сказал уже знакомый Тихону Лавр. У него в квартире было пять хозяев. Жили все душа в душу – тишина и покой! На кухне вся посуда перемыта, ванна белая, блестит!

Разозлился тогда Тихон на своих хозяев – как так можно? Ведь, даже если кухня общая, живут-то на ней все! Её ведь тоже в уюте содержать надо! Вот как в деревне было: пойдёт, к примеру, снег, так все разом и пошли его чистить. А кто кроме нас? Ведь всё общее, всё – наше. В родной деревне чужого нет. А в городе?

Поднялся Тихон к себе в квартиру, а на душе – тоска. Обратился в ката и стал ждать. Из магазина вернулась Ада Ва-

лерьевна. От неё он приглашение получить и не чаял, просто пробежал следом. Но бабка глазастая оказалась.

– Эй, ну-ка, куда побежал? – крикнула она ему. – Кто кота в подъезд впустил?!

Тишка шмыгнул под печку, но Валерьевна не сдавалась – начала тыкать в него шваброй. Уклоняться Тишка уже не мог, выскочил, но пенсионерка ловко подхватила его за шиворот.

– Нечего тут ходить, убирайся отсюда!

Она вынесла Тихона на улицу и захлопнула дверь.

Две недели осталось у Тихона, чтобы дом найти. Он уже чувствовал, как стареет, тает с каждой секундой, точно все прожитые годы на него грузом начинают наваливаться. Сентябрь заканчивался, скоро наступят холода. Не видать ему, видно, уже белого снега и городской зимы...

– Котя! – раздался вдруг шёпот.

Тихон обернулся.

Кира! Миленькая! Маленькие ручки тянулись к нему. Девочка увидела, как Валерьевна ловит кота. Помешать побоялась, а за ним всё-таки вышла.

– Идём, котя, со мной, кис-кис-кис! – Позвала Кира.

Тишку уговаривать не пришлось.

Кира спрятала его, уже не такого красивого и толстого, худалого и щуплого, под розовое пальтишко, и пошла в дом. Возле двери в квартиру он выпрыгнул и выжидающе посмотрел на неё.

– Идём, идём со мной! Молочка дам, – сюсюкала Кира шёпотом.

Тишка вбежал в квартиру и помчался к печке.

– Ну нет, там тебя Валерьевна найдёт, – прошептала девочка. – Пойдём ко мне!

Кира захлопнула дверь ровно в ту секунду, когда гроза коммуналки решила проверить, что за шум стоит в коридоре.

«Со стаканом у двери бабка стоит, что ли?», – подумал Тихон.

– А сейчас я буду играть, – сообщила Кира. И взяла гитару. Тихон приготовился слушать.

Солнце село, на улице стояла ночь. В щелях деревянных окон, заклеенных малярным скотчем, завывал ветер, а в стекло забарабанили крупные капли – пошёл дождь. А девочка играла на гитаре медленную, но красивую мелодию. Она никогда не пела – стеснялась. О чём непременно сообщила коту. Тишка же подумал, что у неё могло бы хорошо получиться.

Спустя пару часов вернулась Евгения.

– Это что? – спросила она, глядя на кота.

– Кот, – просто ответила Кира.

Женя покачала головой, точно отгоняя морок.

– Я вижу, что это кот, почему он сидит на моей кровати?

– Тс-с-с! – Кира приложила палец к губам. – Mamочка, можно он сегодня со мной побудет, ну пожалуйста! Его Валерьевна на улицу выгнала, ну пожалуйста-пожалуйста! Одну ночку!

– А если он царапаться будет и орать? Нет, Кира, животных мы не потянем. Ты же видишь, и без того Валерьевна кричит.

Женя открыла дверь и аккуратно вынесла кота.

– Mamочка, давай хотя бы тут его оставим? – прошептала Кира.

– Кира, нет! Я...

Но не успела Женя договорить: как подкошенная рухнула вниз и, не сдержавшись вскрикнула от боли.

– Мама! – завопила Кира.

Дверь Ады Валерьевны тут же распахнулась. Вспыхнул свет.

– Что за вопли ночью?! Я полицию...

– Маме плохо! – заливаясь слезами кричала Кира.

– Я нормально... – пробормотала бледная Женя.

– Что случилось? – в гостиную выскочил Максим. Он был немного растрёпан, видимо, спал, и не совсем понимал, что происходит.

– Мама упала! – крикнула Кира.

Профессор недолго думая бросился к Жене.

– Вы как? Что случилось?

– Нога... – прошептала Женья. – Болит сильно... Споткнулась, что ли?

Тишка в этот момент снова занял наблюдательный пост. Он единственный, кто видел, что произошло на самом деле, и это напугало его так, что шерсть дыбом встала. Интересно, почему он не заметил их раньше? Может, притаились, завидев потенциального хозяина дома?

Скорая приехала минут через десять.

– Случайно... – объясняла Женья, старательно избегая упоминания о коте. – Вышла в коридор и упала, как будто за ногу кто схватил...

– Надо в больницу, на рентген. Я не хирург, но подозрение на перелом, – заявил фельдшер.

– У меня дочь маленькая, – испуганно проговорила Женья. – Я не могу...

– Женья, я присмотрю, – сказал профессор. – Не беспокойся, правда. И в школу завтра отведу.

Женщина посмотрела на соседа. Максим Сергеевич всё это время обнимал испуганную Киру, говорил, что всё будет хорошо...

– Кир, ты как? – спросила она.

– Мамочка, а ты в порядке? Я боюсь, – ответила она.

– Да всё нормально, от перелома ноги никто не умирал, – сказал врач. – Ну что, едемте или как? У меня время.

– Едем, – сказал Максим.

– Так, носилки сейчас принесём, – сказал фельдшер.

– Давайте, может, я помогу, так быстрее будет, – сказал Максим Сергеевич. – Жень, вы позволите?

Она кивнула.

– Кира, иди в комнату и ложись спать, мне гипс наложат, и я вернусь, – скомандовала ей мама.

Девочка кивнула, размазывая по щекам ещё не высохшие слёзы.

Профессор осторожно взял Женю на руки, и вместе с фельдшерской бригадой ушёл вниз.

Тишка насторожился, когда Кира переступала порог комнаты, а потом чёрно-белой молнией нырнул следом.

– Кира, у тебя всё в порядке? – спросил из-за двери вернувшийся спустя десять минут Максим Сергеевич.

– Да, – пропищала она.

– Ложись спать и если что, зови, хорошо? Ничего не бойся, ладно? Мама скоро вернётся.

– Угу, – отозвалась девочка.

Повышались шаги: профессор удалился к себе. А Кира неслышно заплакала.

Тихон вылез из-под кровати и запрыгнул на кровать.

От страха девочка пискнула.

И тут Тишка сделал то, чего не делал никогда, будучи в облике кота: он мяукнул.

– А, это ты, дружок, – дрожащим голосом сказала Кира. – Нет, дружок, это не ты виноват, ты хороший...

Она гладила кота, не подозревая, что с каждым взмахом руки ей всё сильнее хочется спать. В конце концов, девочка уснула. А Тихон, приняв свой обычный облик, сидел на кровати рядом и думал. Теперь он просто не имеет права уйти. Он должен защитить свою семью. Он должен как-то им сказать, что у них в доме завелись хмыри.

Перелом оказался серьёзным. Женя провела ночь в больнице, а вернулась наутро. От такси её снова нёс на руках Максим Сергеевич. Он пропустил занятия, чтобы встретить её из больницы.

Кира ушла в школу, Ада Валерьевна отправилась в паломничество в супермаркет.

Игнатыч, Максим Сергеевич и Женя сидели на кухне за столом и пили кофе. Тишка взгромоздился на холодильник и слушал. Днём хмырей можно не опасаться, света они боятся.

– А знаете, что я думаю, – сказал вдруг Игнатыч.

Профессор и Женя посмотрели на него с удивлением.

Прежде чем ответить, Игнатыч почесал грудь в полосатой майке и снова задал вопрос:

– У вас из комнат ничего не пропадало?

– Да вроде, нет, – с удивлением сказала Женя. Максим покачал головой.

– А у меня пропало. Будильник старый и пульт от телевизора. Третью неделю найти не могу.

– Ты это к чему, Лёш? – спросил Максим.

– Да к тому, – Игнатыч отхлебнул ещё кофе и снова почесал грудь. – За последние две недели в квартире раза четыре гас свет. Хотя у соседей всё нормально, я спрашивал. У меня телевизор выключается сам по себе, вещи пропали. Женя вот упала ни с того ни с сего, а намедни, помните, Валерьевна орала, что у неё холоднющая вода из крана полилась?

– И что? – спросила Женя. Да, было дело: горячую будто разом перекрыли именно в тот момент, когда Ада Валерьевна собиралась смыть шампунь.

– Да то, что у нас завёлся домовый.

Тишка чуть с холодильника не упал.

Максим Сергеевич усмехнулся, Женя просто улыбнулась.

– Вы пересмотрели своих передач, дядь Лёш, – сказала она.

– Кстати! Я когда передачу про них смотрел, телевизор отключился! Не хочет он, чтобы про него знали! А когда отключился телек, я перед этим тень такую видел, маленькую такую. Как ребёнок. Чесслово! Вот те крест! – Игнатыч перекрестился и Тишка вдруг непроизвольно зашипел.

Все замерли.

– Вы слышали? – спросил Игнатыч. – Это ж для них смерть. Надо ещё молитву...

– Лёша. Какая молитва? Это ненаучно. Не бывает их! Глюки у тебя с похмелья, – попытался вразумить его профессор.

– Макс, врать не буду. Докажу тебе. Смотрите внимательно. Женя с Максимом переглянулись, а Игнат, к Тишкиному ужасу, направился к печи и раскрыл створку.

Наступила тишина.

– Да. Сажа. Столетней давности, – поговорил Максим. – Закрой, а то разнесёт по кухне.

– Почистить бы, – сказала Женя.

– Ага. И кафель – тоже, – ответил Максим, оглядывая кухню. – Давно уже об этом думаю, как бы там женщина из преисподней ни кричала.

Женя хихикнула.

– Эй, я не то хочу показать! А ну, смотрите!

Игнатыч сунул руку прямо в тишкину «кочевальню».

– Будильник! – Он выудил часы.

Следом пошёл свитер и подушка.

– Там ещё книга какая-то, но не могу вытащить, – сказал Игнатыч, оттирая руку от сажи.

Максим Сергеевич и Женя взирали на вещи, изъятые из недр печки.

– Может, Кира?.. – Наконец, предположила женщина.

– Ты правда думаешь, что она бы стала такой ерундой заниматься? – Уточнил профессор.

– Не знаю, – пожалала она плечами.

– Может, это твоих рук дело? Ну, спяну? – Извиняющимся тоном сказал Максим, обращаясь к Игнатычу.

– Свитер-то я откуда взял?! Хочешь сказать, что я по пьяни по чужим комнатам лазаю?

– Ладно-ладно, прости, – примирительным тоном сказал профессор.

Игнатыч отмахнулся – мол, не страшно.

– Я вот спяну этот тайник нашёл, – объяснил он. – За чекушкой полез, думал, осталось чего. Обычно тут храню... – Игнатыч хлопнул по маленькой дверце. – А в этот раз сунул руку, а там...

– Давно? – спросила Женя.

– Да вот, дня два назад, – он почесал затылок.

– Странно это всё, конечно, – проговорила женщина.

И тут в замке повернулся ключ.

– О, нарисовалась, Ада Валерьевна, – проскрипел Игнатыч.

Она вплыла в кухню, точно каравелла. На лице у Ады Валерьевны была самодовольная улыбка.

– Готовьтесь, голубчики, – сказала она.

– К чему? Очередному всплеску ваших эмоций? – Спросил Максим Сергеевич.

– Не хаами. А ещё профессор! – пристыдила его женщина. – К переезду, дорогие мои, к переезду.

– Какому переезду? – Спросила Женя.

Тишка напрягся.

– Моя это квартира. Целиком и полностью. Все бумаги есть, подписи есть.

– Так и у нас тоже, – оторопело сказал Максим Сергеевич. – Я лично комнату покупал, у меня «зелёнка»...

– Да хоть перманганат калия, – фыркнула бабка. – Недействительны они.

– Да быть не может, – побледнела Женя.

– Может-может. У меня самый лучший юрист, всё мне нашёл, все договоры. Хотите – с копиями ознакомитесь. Там в девяностых ошибка в документах по приватизации была. И вся квартира на меня оформлена, – самодовольно заявила Валерьевна.

– Но это нечестно, – сказала Женя.

– Честно. Она всегда моя была, – рявкнула бабка. – Семье моей принадлежала. А то, что отобрали – вот это нечестно! Так что сворачивайте свои вещички и улепётывайте отсюда!

– Так куда мы пойдём? Я без копейки, у меня ребёнок на руках...

– А нечего рожать было, раз прокормить не можешь. Думала, дал бог зайку, даст и лужайку? Ничего подобного. Ещё месяц тут поживёте, так и быть, а потом проваливайте, чтобы пьяного духу вашего здесь не было!

Она развернулась и ушла. Хлопнула дверь.

В кухне наступила тишина.

– Вот это номер, – проговорил Максим.

Женя расплакалась.

Игнатыч молча наблюдал из-под нахмуренных густых бровей.

Тишка был в панике. Он был обязан что-то предпринять.

– Мам, а куда мы переедем? – спросила Кира.

– Не знаю пока, может, где-нибудь квартиру снимем. Без соседей. Со своей ванной, – улыбнулась Женя, поглаживая Киру по голове. День выдался беспокойным, но перед дочерью она пасовать не хотела, не хотела ещё больше пугать ребёнка.

– Мам, а котика заберём? – спросила девочка.

– Какого котика?

– А того, чёрно-белого.

Женя вздохнула.

– Кир, ну мы с тобой уже об этом говорили...

– Он со мной сидел, – сказала девочка. – Когда ты в больницу уехала, я плакала. А потом он ко мне пришёл и меня охранял на кровати. А потом...

Кира вдруг привстала и заговорщически проговорила:

– Мама, потом мне приснилось, что это и не кот вовсе, а человек. Маленький такой, лохматый такой. Он вон туда сел, ножки поджал и охранял меня.

У Жени по спине поползли мурашки.

– Кира, а ты, случайно, в печку мой свитер и будильник дяди Лёши не засовывала?

Глаза у девочки расширились.

– Нет, конечно. Мам?

– Что?

– А это правда?

– Что именно?

– Игна... То есть, дядя Лёша сказал, что у нас в доме завёлся домовой!

– Ну вот, ребёнка напугал... – пробормотала Женя. – Да слушай ты его больше. Боишься?

Кира задумалась.

– Да нет. Если это он был, то я его видела, он совсем не страшный и хороший. Мам, а что если, кот – это и есть домовой?

– Давай спать, домовой, а то завтра в школу не встанешь, – пробормотала Женя, заканчивая разговор.

Девочка закрыла глаза.

Она заснула быстро, как засыпают только дети. И снилось ей, что бежит она по полянке, по лесу, впереди как будто сто-

ят дядя Лёша, Максим Сергеевич и мама, и вот они машут ей руками. Она бежит, задыхается, дышать тяжело... Ей вдруг стало страшно... И вдруг откуда ни возьмись появляется кот. Тот самый, чёрно-белый. Он бросается ей под ноги, Кира падает, в ногах – тяжесть, она переворачивается на спину, на грудь тут же прыгает кот и как крикнет ей человеческим голосом, таким густым, немножечко старческим: «Кира! Вставай! Вставай, Кира! Беда!».

Кира вскрикнула и проснулась.

Вся комната была затянута белым едким дымом.

– Скорая у нас была. Теперь вот пожарная приехала, – удручённо проговорил Максим Сергеевич. – Завтра ещё и юрист придёт.

– Для полного счастья, – пробормотала Женя. Она дышала через кислородную маску – надышалась дыма и потеряла сознание во сне. Если бы не Кира, которая на всю квартиру закричала: «Помогите, пожар!», а потом выскочила и стала барабанить в дверь Максиму Сергеевичу, никто бы и не заметил, что на кухне всё полыхает огнём.

Когда приехали пожарные, Игнатыч и Максим Сергеевич уже всю тушили старый сервант. Мужчины уже тоже были на грани обморока, хоть и замотали лица полотенцами.

Как после сказали пожарные, пламя пошло от старой духовки. Там нашли обгоревшую бутылку водки. «Или искра, или проводка, и вспыхнула ваша заначка», – сказал пожарный Игнатычу. Тот мрачно смотрел на сотрудников полиции и МЧС.

– Он! Это он! Специально поджёт, когда узнал, что я их выселяю! Арестуйте его, он убийца, он меня убить хотел! – Кричала Ада Валерьевна, которая до этого с периодичностью в пару минут воспроизводила обмороки.

К счастью, большого ущерба квартире огонь не нанёс. Сгорел шкаф, какие-то пластиковые пакеты, старые газеты, что-то из еды – словом, мусор. Жалко было испорченную огнём посуду, которая ютилась в серванте, но это малые потери.

Когда пожарные уехали, жильцы, наконец, поднялись в дом. Запах был ужасный. Всё было залито пеной.

Максим, Женя и Игнатыч оглядывали кухню. Кира, до сих пор закутанная в куртку профессора, стояла и шлёпала сандалией по воде.

– Сейчас начнём убираться или до утра подождём? – первой нарушила тишину Женя.

– То есть, два часа? – спросил Максим. – Время четыре утра...

– Ровно в четыре часа, без объявления войны... – проговорил Игнатыч.

Все молча уставились на него.

– Это ты сделал? – спросил негромко Максим.

Игнатыч покрутил пальцем у виска.

– Я хоть и пьяный, но не дурак. Тут же ребёнок... Но каюсь, бутылка моя. Больше – ни капли! Вот те крест! Кто сделал – не знаю, хоть убей. Домовой, наверно. Не нравимся мы ему.

Тишка, стоявший позади, едва сдержался, чтобы не взвыть. Не от креста – от несправедливости! Не он это был, знал он, видел, что произошло!

Ночью, когда все пошли спать, собрались снова хмыри в кучу. Склока с бабкой их силой напитала. Они ведь где появляются, твари эти, тени без роду без племени? Там, где постоянно скандалы и споры, где грязь кругом, а первый признак появления хмырей – плесень на стенах. А потом начинается: то кран открытым оказался и соседей затопил, то падает люстра ни с того, ни с сего, то пожар... Негатив это, злоба людская, которая своей жизнью жить начинает. А борется с ней

кто? Домовые! Оттого и не любят склок и ссор в доме. А иной раз, если много хмырей, так бой неравный получается, и пропадает домовой...

Ещё бабка его Филипповна говорила, что живут хмыри в углах тёмных, питаются гневом и обидами, грязь любят — без неё не выживут, тощие будут, тонкие, а потому первое, что нужно делать — мыть и убирать.

И в ту ночь Тишка видел, как тёмные тени по кухне да по коридору кружились, занавески колыхали, стулья двигали — вот это силища у них! А потом добрались до спичек и ну резвиться с ними. Первым Тишка проснулся — под кроватью у Киры дремал, учуял дым и ну будить сначала Женю, но та не проснулась. Домовой не на шутку перепугался и одну из запретных вещей сделал: не была ему Кира хозяйкой, но решил он с ней сквозь сон поговорить, как с бабкой Филипповной. Ох, нельзя так делать! Половину тех сил, что у него оставались, за это отдал, зато спас всех.

А тут ему вдруг, видите ли, предъявляют обвинения!

В сердцах пнул Тишка ведро. Стоящая в нём швабра упала под ноги Жене.

Она вскрикнула от неожиданности.

— Ладно. Сейчас так сейчас. Давайте убираться, что ли? — отдышавшись, сказала она.

Тишка за процессом уборки следил лично. Хмыри попрятались к утру, и все их излюбленные места Тихон знал. И если пропускали, не помыли, давал понять, где надо подтереть.

Женя со сломанной ногой особо не помощница была, но всё равно мыла то, до чего могла дотянуться. Даже Кира, несмотря на приказ старших идти спать, старательно драила кухню. «Во-первых, я не усну — так страшно было! А во-вто-

рых, я помочь хочу! Я не ребёнок!», — заявила она. Максим рассмеялся, Женя улыбнулась и махнула рукой — пусть моет, пока не устанет.

Отмывали копоть, а вместе с нею и многолетнюю грязь несколько часов, но когда Игнатыч, наконец, бросил тряпку и закурил уже, наверное, седьмую сигарку, все поняли: закончили.

— Как будто в другом месте оказался, — проговорил Максим.

— Красота, — сказала Женя, оглядывая отмытую кухню.

— Будет, когда уголок новый купим. И ванну отмоем. Ой, хоть бы в коридоре это барахло сгорело... — проговорил Игнатыч. Все засмеялись.

— Спать надо, — сказала Кира. — Всем.

— Согласен, — ответил профессор.

Но только собрались они расходиться, ключ в замке повернулся.

Ада Валерьевна, решившая переночевать в гостинице, вернулась, и вернулась не одна.

— Проходите, Егор Михайлович! — Ворковала она.

И вскоре показалась на кухне, где всё ещё пахло гарью, вместе с нескладным коренастым мужчиной непонятного возраста, с тёмными строгими глазами и такими же тёмными, но стриженными под ноль волосами.

— О, вы все здесь, замечательно! Друзья мои, это — Егор Михайлович Миронов. Он — юрист и мой хороший друг и защитник, правда, Егор Михайлович? Он вам сейчас предъявит все документы, после чего вы должны будете расписаться в документиках и съехать отсюда в течение месяца.

Максим нахмурился.

— Я ничего подписывать не буду, — он сложил руки на груди. — И Женя — тоже.

Евгения вопросительно посмотрела на мужчину, но тот только взял её за руку.

– Мы будем подавать в суд.

– Сколько угодно, – ответил Егор Михайлович, – но сейчас вы подпишите, что вы с документами ознакомлены. Давайте сядем, я всё поясню.

Он разложил на столе бумажки.

– Ознакомьтесь...

Тишка смотрел на испуганное лицо Жени, на Киру, которая едва не плакала, на угрюмого Игнатыча и бледного профессора... Эти люди уже были семьёй, а их выгоняли из собственного дома. Тошно стало Тишке. И подумал он: пусть он нарушит ещё одно страшное правило, пусть всего себя отдаст, всю силу свою, но этим людям он поможет, потому что признал он их своими, и дом этот признал. Пусть и не позвали его, не пригласили в дом трижды, как положено. Срок всё равно уходит, не успеет уже – всего ничего до конца месяца осталось, так напоследок хоть доброе дело сделает. Хотя это с чьей стороны посмотреть...

Сначала захлопнулась дверь, заперев всех на кухне. Закачалась закопчённая люстра, вода из кранов – фонтаном.

Кира закричала, но подошёл Тишка к ней, дёрнул за кофточку и гаркнул:

– Не бойся, Кира, не бойся!

Девочка услышала его точно издалека, но узнала – ведь он же её ночью спас!

И на глазах у изумлённых жильцов бумажки, договоры, словом, все доказательства, весь триумф Ады Валерьевны поднялся в воздух.

Тишка рвал документы на мелкие кусочки, под вопли Валерьевны. Юрист покрылся потом и точно в трансе наблюдал за происходящим – зачаровал его Тишка, чтобы не мешал. А Женья, Кира, Максим и Игнат забились в угол и с ужасом наблюдали за происходящим.

– Это домовой, не бойтесь, он нас не тронет, – шептала Кира. – Он хороший. Он с нами. Он за нас.

Чиркнул Тишка спичкой.

– Опять?! – взревел Игнатыч, но загорелись только клочки бумаг.

– Бесы, ну вас к чёрту! – Юрист выбежал из подъезда, сел в машину. – Разбирайтесь сами со своим домом! – крикнул он, заводя мотор.

Когда всё кончилось, четверо жильцов перевели дух.

– Ну и... Где он? – спросил Максим у Игнатыча.

– Да кто его знает? Тут где-то...

– Домовёнок, миленький? – позвала Кира. – Покажись. Мы тебя не обидим, честно-честно! Спасибо тебе!

Женя улыбнулась.

– Теперь готов поверить во что угодно, – сказал профессор. – Смотрите, кот.

На пороге сидел чёрно-белый тощий-тощий кот. Он устало смотрел на собравшихся.

– Это не кот, – прошептала Кира. – Иди к нам, домовой!

Кот сделал пару нетвёрдых шагов к девочке и мяукнул. Он уже почти не помнил, что был Тишкой, домовым.

– Хозяин, защитник наш, – проговорил Игнатыч, почесав кота за ушком. – Оставайся, что ли?

Наступила зима. Наступила быстро, будто внезапно. В Питере она не такая, как по всей России. То дождь, то снег, ветер промозглый.

– Ждётся себе её ждётся, – пробормотал Тишка, заворачиваясь в огромный свитер, пожертвованный Максимом Сергеевичем.

– А ты думал, тебе тут зимняя сказка будет? – хихикнул Лавр. Ему свитеры не давали, он с некоторой завистью смотрел на Тишкины обновки.

Домовой фыркнул.

– Ладно, хоть Женька окна пластиковые поставила в квартире. А то холодища бы сейчас была...

– Хмырей-то нет? – поинтересовался Лавр.

– Не-а, – довольно ответил Тихон. – С тех пор как уехала бабка, тишь да гладь. Мои ремонт большой сделали, до сих пор вон корячатся, переделывают там всё. Игнатыч даже почти не пьёт. Ну так, раз в неделю.

– Слышал я, – хихикнул Лавр, – что профессор твой жениться собрался.

Тишка улыбнулся.

– Собрался. На Женьке.

– А Игнатыч?

– А что – Игнатыч? Нормальный мужик. Киру в зоопарк водит. На пенсию ему скоро.

Лавр почесал голову.

– Ну и дела...

– Ладно, хватит языками чесать. У нас подъезд недомытый. Надо придумать, что с этим телефоном делать, и решать, кто лепнину чинить будет.

– А чего тут решать? – удивился Лавр.

– Ну как же... Надо понять, чья, за кем закреплена.

– Здесь всё – наше, – буркнул Лавр, глядя, как за окном падают на землю крупные хлопья снега.

Тишка довольно улыбнулся.

Мария Воскресенская

«ЧУДОДЕЛЫ, ИЛИ О ЧЁМ МЕЧТАЕТ САНТА-КЛАУС»

– М-да, – проговорил эльф, потирая подбородок.

– Спорим, на пять новогодних дежурств, что такого точно никто не ожидал? – вторил коллеге по праздничному цеху другой чудодел.

Они смотрели на загадочную машину, похожую на огромный снежный шар, внутри которого среди снежных барханов раскинулся маленький городок. Над ним искрился снег, каждый дом был украшен праздничными венками и гирляндами.

Пятеро эльфов из Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты задумчиво наблюдали, как по городу гуляют дети, ходят в поисках рождественских подарков взрослые.

– Нет, ну есть в этом и плюсы, – после некоторого молчания сказал третий эльф, тот, что пониже.

Остальные уставились на него со смесью ужаса, непонимания и сочувствия. И хором спросили:

– Какие?

– Машина работает. Она ведь должна считывать желания, верно?

– Да, но не заточать в них самого мечтателя, – хмуро проговорил эльф в ответ. – Особенно если этот мечтатель – Санта-Клаус!

Миссис Клаус суетилась вокруг огромного кресла у камина. Кресло было простым, деревянным, но было красивее любо-

го трона, особенно с вырезанными на подлокотниках и спинке древними рунами. Правда, сейчас эта красота скрывалась за могучим телом седовласого старика. Он мирно посапывал, точно прикорнул у очага за чтением книги.

— И это — в канун Рождества! — причитал худенький эльф. — Как они могли? Эти дурни-изобретатели угробили праздник! Всё, каюк, бай-бай!

Он всплеснул руками для пущей убедительности.

— Ну-ну, Этлби, — урезонила его миссис Клаус, укрывая сопящего мужа покрывалом. — Никто не думал, что так получится. В конце концов, это вышло случайно, верно, Пиклс?

Другой эльф, который всё это время стоял в углу уютной комнаты и мрачно наблюдал за печальным результатом работы его отдела, кивнул.

— Мы попытаемся всё исправить, — пообещал он.

— Хорошо бы, — ответила миссис Клаус. — Иначе, боюсь, Этлби окажется прав — Рождества не будет.

— Не будет подарков, — поправил её Пиклс. — Сам праздник состоится так или иначе. Никто не может отменить Рождество. Просто оно пройдёт без Санты. Ведь верно? — неуверенно спросил он.

— Ага, щас, мечтай больше, — скорчил рожу Этлби. — Будь оно так, стал бы мистер Клаус работать в праздничную ночь вместо того, чтобы побыть с семьёй? Рождество без Санты — всё равно что день — без солнца. Ты хоть раз видел день без солнца?!

— Видел, за окном, — приподняв бровь, Пиклз указал на окно, где чёрное небо переливалось огнями полярного сияния.

— Аа! Но в остальных уголках планеты оно есть! — завопил Этлби. — Если Санта не проснётся к Рождеству, солнце не взойдёт и там!

– Поберегись!

Мистер Ирвинг едва успел отпрыгнуть с дороги – мимо него, как принято говорить среди ребятни, со скоростью ветра пронеслись деревянные санки, а следом, с визгом и хохотом – краснощёкая толпа мальчишек и девчонок.

– Простите, мистер Ирвинг! – крикнул бегущий позади мальчуган. Он остановился и широко улыбнулся во весь рот, где не хватало двух передних зубов.

– Здравствуй, Брайан, – улыбнулся мистер Ирвинг. – Как твои дела? Я вижу, у тебя опять побывала зубная фея?

Мальчуган заулыбался ещё шире и вытер варежкой мокрый сопливый нос.

– Ага! Мне подарили целых два пенса!

Он поманил мистера Ирвинга, а когда тот наклонился, заговорщически сообщил:

– Я специально расшатал последний! Сам! Он выпал бы только через неделю, но мне очень нужны были два пенса – мне не хватало на деревянную лошадку! Только не говорите никому, договорились?

Серые глазёнки Брайана сверкнули.

– Ни слова! – положив руку на грудь, сказал мистер Ирвинг. Брайан хлюпнул носом.

– А как ваша книга? Вы ещё пишете? – спросил он.

– Пишу, – кивнул мистер Ирвинг.

– А о чём она?

Мистер Ирвинг немного помялся.

– Я... Ещё не решил до конца, – улыбнулся он. – Но в ней точно должен быть такой хороший мальчуган, как ты. А ещё там точно будет что-нибудь про это замечательное Рождество.

Лицо мальчишки просияло.

– А вы дадите мне почитать? Ну, то есть, когда я научусь читать, – спохватился он.

– Разумеется, – улыбнулся мистер Ирвинг.

– Ну, тогда... Тогда удачи вам! А побегу!

Он помахал на прощание и поспешил догонять друзей, которые вновь с громким смехом поднимались к началу Виллоу-стрит, которое находилось на вершине такого весёлого холма.

Мистер Ирвинг улыбнулся и направился дальше, на Ривер-авеню.

Старый Нортберг утопал в огоньках, на каждой двери – то листья омелы, то рождественские венки. Люди приветствовали друг друга, теряя из-за рукопожатий цветные коробочки с подарками, поднимали их с белоснежного, только что выпавшего снега, что уже третий день укрывал улицы пушистым зимним покрывалом.

Мистер Ирвинг остановился, и, прежде чем войти в дом, ещё несколько минут смотрел на улицу, а затем, смахнув снежинки с коричневого пальто и пепельных волос, уже тронутых серебром, взглянул в небо.

Брайан заглянул под кровать – вдруг на этот раз ему повезёт и он найдёт там хотя бы самого маленького монстра. Но монстра не оказалось, и Брайан, разочарованно вздохнув, забрался на кровать. Разочарование его длилось долго – целых двадцать секунд. А потом мальчик посмотрел на календарь, который изрядно похудел. Собственно, на нём оставалась пара листков, и ощущение приближающегося Рождества было способно развеять любую тоску.

По крайней мере, если тебе было шесть.

– Мам, а Санта точно придёт? – спросил он.

– А как же? – улыбнулась миссис Тимвик. – Но только если ты ляжешь вовремя, ты же помнишь, что Санта любит только хороших мальчиков?

Брайан насупился.

– А мистер Ирвинг сказал, что Санта любит всех детей, – пробурчал Брайан.

– Всех, кто хорошо себя ведёт. Остальные получают в подарок уголёк, – подмигнула миссис Тимвик. – А теперь засыпай!

Брайан зарылся поглубже в одеяло, а миссис Тимвик подошла к стене и сорвала ещё один лист с цифрой «23».

Взгляд женщины упал на книжную полку.

– Откуда это взялось? – спросила она вполголоса, разглядывая стеклянный шар, в котором среди снежных барханов стоял крошечный деревянный дом с резными балюстрадами.

– То есть, мы должны отправиться туда? – спросил эльф.

– Так точно.

– И найти Санту?

– Ага.

– И вытащить его из мира грёз?

– Верно.

– До того, как город засыплет снегом?

– Соображаешь.

Пятеро эльфов из Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты разглядывали городок, в котором по-прежнему шли осадки. До Рождества оставался один день.

– Эээ, сэр? – спросил один из эльфов, обращаясь к Пиклзу. – А, предположим, ну, чисто гипотетически, что случится, если мы его не отыщем до Рождества?

Пиклз одарил чудодела мрачным взглядом.

– Что ж, тогда вам придётся искать новую работу, потому что Рождеству придёт конец, – сообщил он. – Солнце не взойдёт, Санта исчезнет, а вместе с ним – и рождественская магия.

Эльфы испуганно переглянулись.

– Поэтому ваша задача – отправиться в Старый Нортберг, отыскать мистера Клауса, сообщить ему, что он находится в собственной мечте и убедить проснуться.

– А как мы его отыщем? – спросил другой чудодел.

– На этот вопрос у меня нет ответа, – сказал Пиклз. – Он может находиться где угодно. Санта никогда не говорил, о чём он мечтает, поэтому мне даже сложно сказать, почему эта машина желаний показывает этот городок. Но другого выхода нет.

– А вы, сэр?

– А я, – Пиклз вздохнул. – А я останусь здесь и попробую остановить машину отсюда. И разбудить Санту.

Эльфы кивнули.

– Тогда удачи вам.

Пиклз подошёл к пульту управления машиной желаний, нажал на несколько кнопок. Завертелись леденцовые шестерёнки, закрутились сахарные вертушки, зазвенели рождественские колокольчики, и огромный шар посреди Лаборатории Чудес засиял звёздным светом.

И пятеро эльфов шагнули в самую заветную мечту Санты-Клауса.

Этлби поглаживал Рэнди по короткой коричневой шёрстке. Северный олень точно чувствовал, что хозяина нет рядом. Как только Санта заснул, Рэнди потерял голос – первый тревожный звоночек, который дал понять, что происходит что-то неладное.

Два дня назад мистер Клаус зашёл в Лабораторию Чудес – посмотреть, что же сочинили его добросовестные и продвинутые работнички. Чтоб их снеговик загрыз с их современными технологиями!

«Эта машина будет считывать желания детишек, сэр! Она будет сама генерировать вам их мечты, просчитывать количество мечтателей, соотносить с числом подарков, создавать список и передавать в Цех исполнения желаний. Когда эльф смастерит нужный подарок, машина желаний сама материализует его в рождественском носке прямо в праздничную ночь! Ошибки быть не может, часы сверены с Полярной звездой!», – сказал Пиклз. – «Хотите посмотреть, как она работает?». «Но для чего тогда нужен я?», – спросил Санта. – «Если всё это будет делать машина». «А вы сможете отпраздновать Рождество дома, с семьёй!». Мистер Клаус вздохнул: «Но я же должен появляться у детишек, класть подарки, пить херес... Это ведь разрушит саму суть Рождества...». «Мистер Клаус, вы можете прийти в два – три дома, совсем необязательно облетать весь мир!», – заверил Пиклз. – «Это сэкономит вам кучу времени, только представьте: только пара часов работы, остальная ночь – в вашем распоряжении. Кроме того, не надо будет лазить через дымоходы. Помните, как в прошлом году вы застряли в трубе, которую решили заколотить? Они, видите ли, купили электрический...». Пиклза передёрнуло. Санта улыбнулся. «Хорошо, покажи, как оно работает».

Это были последние слова, которые они услышали от Санты. Когда машина включилась, мистер Клаус уснул крепким и беспробудным сном. А в шаре посреди Лаборатории появился городок. И как бы ни старались эльфы, подключая к машине даже собственное сознание, картина не менялась – или машина была неисправна или желание Санты было настолько велико, что ни одно другое не могло его прервать.

– Надеюсь, у них получится, – вздохнул Этлби, скармливая Рэнди морковку. Он грустно посмотрел на сани. Там, на сиденье, где в это Рождество полагалось сидеть ему и мистеру Клаусу, сиротливо стоял красный бархатный мешок с подарками.

– Не толкайся ты... Что происходит? Где мы?

– Ай!

– Не кричи!

– Я наступил на что-то! Во имя северного сияния, как больно! Мне как будто ногу отгрызли!

– Дай подсвечу...

Слабый свет упал на пол. В руках у эльфа была маленькая деталька от детского конструктора.

– Получилось?

– Вроде да. Мы в детской комнате, судя по количеству игрушек.

Внезапно в комнате вспыхнул свет.

Пятеро эльфов из Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты замерли, глядя на шестилетнего мальчика, который сонными глазами рассматривал ночных гостей.

– А...а...

Четыре ладони закрыли рот коллеги, который пытался запаниковать.

–...пчхи, – шёпотом закончил эльф.

– Будь здоров, – сказал мальчик, с интересом наблюдая за эльфами. – Вы кто, зубные феи? Или подкроватные монстры? – Спросил он.

– Ага, пасхальные кролики, – буркнул один из эльфов.

Мальчик недоумённо посмотрел на них.

– Тогда... Тогда признавайтесь, кто вы, иначе я позову маму, – предупредил он угрожающе. – Ма...

- Тсссс! – эльфы подскочили к нему.
- Хорошо, хорошо, парень, – шёпотом сказал один из эльфов. – Тут такое дело... Ты веришь в Санту-Клауса?
- Серые глаза мальчишки расширились от восторга.
- Конечно! – с благоговейным трепетом сказал он.
- Тогда слушай: мы – рождественские эльфы. Следи – справа налево: тот, что пониже – Тини, тот, что потолще – Бруми, тот, что в очках – Юм, тот, что с большими ушами – Люпен, а я – Аристотель.
- Э? – спросил мальчик.
- Эльф отмахнулся:
- Я родился во времена древних греков...А, неважно. Кстати, тебя как зовут?
- Брайан, – всё с тем же трепетом сказал Брайан. – А я уж было подумал, что вы – подкроватные монстры. Это даже хорошо, что вы не монстры, а то я бы разочаровался.
- Эльфы переглянулись.
- В общем, слушай, парень, – сказал Аристотель, – мы тут с секретной миссией. Хочешь помочь?
- Шутишь?! – всплеснул руками мальчик. – Конечно! Что мне нужно делать? Разносить подарки?
- Не совсем. Тебе нужно нам сказать, где в этом городе можно найти Санту-Клауса.
- Э?

Санта-Клаус мирно посапывал в кресле. Миссис Клаус уже устала беспокоиться и просто вязала, сидя рядом с ним – в любимой качалке – и вязала. В её вязание вплетались блики солнечного света на снегу, пойманные ранним утром, что пришло после долгой полярной ночи. Вились узоры из детского смеха, что звучал на всех концах земли в аккурат перед Рож-

деством. Нити, сотканые из радости и тепла, вились под ловкими пальцами, создавая полотно для следующего года. Миссис Клаус очень надеялась, что её работа не напрасна.

Она посмотрела на мужа, мирно сопящего под тёплым пледом, и глубоко вздохнула.

– Что ж, может быть, на этот раз у тебя получится... – проговорила она, но закончить не успела: в гостиную вошёл Пиклз.

– Миссис Клаус? Он всё ещё... – но, бросив взгляд на кресло, Пиклз тоже замер на полуслове.

– К сожалению, – ответила миссис Клаус.

Пиклз сел на софу, что стояла у больших дедушкиных часов, отмеряющих время от Рождества до Рождества, и грустно опустил голову.

– Я пытаюсь, – сказал он. – Перепробовал уже всё. Даже попытался подключиться к сознанию Рэнди. Ничто не может прервать его мечту. Может, если я сумею понять, о чём он мечтает, мне будет проще прервать эту волну. Миссис Клаус, как думаете, о чём мечтал ваш муж?

Женщина задумалась: задачка сложная. Ведь говорил мистер Клаус о многом, многого хотел, но всё это – не для себя. Он хотел сделать счастливыми всех детей этого мира. Хотел, чтобы у всех них был дом, а там непременно бы висел рождественский носок, в который бы можно было положить сколь угодно подарков. Хотел, чтобы у каждого были мама и папа, которые бы смогли поцеловать малыша в ночь перед Рождеством. В конце концов, он хотел, чтобы все дети были добрыми и чуткими, и никогда не теряли веру в чудо, даже когда повзрослели бы... Многого хотел мистер Клаус, но что из этого проникло в машину желаний?

– Будем пробовать, – сказал Пиклз, выслушав миссис Клаус. – Будем пробовать.

Он вздохнул и вышел из гостиной.

А миссис Клаус снова посмотрела на мужа: он так постарел за этот год! Это происходило постоянно, каждый год, но именно сейчас отчего-то он казался ей стариком, который никогда уже не помолодеет. Впрочем, так оно и будет, если эльфы не справятся.

Ночь была беспокойной. Хотя бы потому, что за сегодня он не написал ни строчки.

Мистер Ирвинг выкинул через плечо ещё один смятый комок бумаги – на полу уже скопилась целая куча. Они лежали под кроватью, у стола, у книжного шкафа – было впору играть в снежки. Если бы на улице не было снега. Но он шёл, шёл и шёл уже четвёртые сутки подряд.

Мистер Ирвинг вздохнул и налил себе воды из графина. Внезапно он услышал негромкий стук в дверь.

– Кого это принесло к нам, дружок? – спросил он у пса, который до этого дремал на койке.

– Брайан? Какой сюрприз, – улыбнулся мистер Ирвинг, отворяя дверь. – Что тебе нужно? Маме что-нибудь понадобилось?

Брайан покачал головой.

– Мистер Ирвинг, – серьёзно сказал Брайан. – Нам надо поговорить.

Мужчина удивился, но серьёзный тон мальчугана его насмешил.

– Что ж, проходи. Давай-ка налью тебе чаю...

Пока мистер Ирвинг суетился на кухне, Брайан рассматривал обстановку в гостиной.

– У вас много книг, – сообщил он.

– Ага, – отозвался мистер Ирвинг.

– Вы любите читать?

– Кто любит писать, должен уметь читать, – ответил мистер Ирвинг. – Иначе никак.

Он загремел посудой.

– У вас красивый пёсик.

– Точно! – засмеялся мистер Ирвинг.

Маламут ответил радостным лаем и завилал хвостом.

– Понял, мохнатый, – засмеялся мистер Ирвинг. – Тебе сахар? Ватрушку? Есть леденцы, но они прошлогодние...

– Ватрушку и леденцы, – сказал Брайан.

Мистер Ирвинг рассмеялся и положил на тарелку четыре ватрушки, леденцы и поставил на поднос сахарницу.

– А почему у вас нет ёлки? У всех должна быть ёлка в Рождество!

На этот раз мистер Ирвинг помедлил с ответом.

– Я не праздную Рождество, – сказал он. – К тому же, Рудольф всё равно бы её повалил.

Мальчик задумался и продолжил осмотр.

– А этот мальчик на фото очень похож на вас, – сообщил Брайан, остановившись у комода.

Мистер Ирвинг на мгновение замер в дверном проёме, но быстро опомнился и поставил поднос на кофейный столик у старенькой, накрытой пледом софы.

– Это мой сын, – сказал он с улыбкой.

– А почему мы его никогда не видели? – спросил Брайан, садясь на диван.

– Потому что он никогда не был в этом городе, и мы с ним давно не встречались, – улыбнулся мистер Ирвинг, но даже шестилетний мальчик смог уловить нотки грусти в его голосе. Грусти, которая разливалась по округе звенящим холодом, морозными узорами на окне, когда даже тёплое одеяло не спасает.

– Но на этот раз он придет ко мне, – улыбнулся мистер Ирвинг с какой-то неколебимой твёрдостью. – И быть может, я даже поставлю ёлку для него.

– И тогда мы сможем с ним поиграть? – спросил Брайан. Мистер Ирвинг рассмеялся.

– Он уже совсем взрослый. Наверное...

Брайан отхлебнул чаю и осмотрел комнату.

– Ух ты, у вас такой же домик в шаре, как у меня! – вдруг возвестил он.

– Домик?.. – мистер Ирвинг удивлённо оглядел гостиную. – Ах, этот... Честно говоря, не знаю, откуда он взялся. Брайан, ты хотел о чём-то со мной поговорить?

Мальчик кивнул. Он поставил на стол чашку, дождался последний кусочек ватрушки и, придвинувшись ближе к мистериру Ирвингу, заговорщически прошептал:

– Мистер Ирвинг, вчера ко мне приходили эльфы.

– Тут точно никого нет?

– Точно.

– Тогда выходим, только медленно...

Аристотель толкнул дверь из детской и вошёл в маленький коридорчик. В конце было две двери. Судя по звукам, одна вела в душевую, потому что оттуда доносился звук льющейся воды.

Эльфы спустились в гостиную и осмотрелись: на праздничной ели сияла гирлянда, на камине висели сразу пять праздничных носков.

– Опять этот шар, – проговорил толстячок Тини, разглядывая домик посреди снегопада. – Странно, его не трясли, а снег всё идёт.

– Хватит любоваться интерьером, – прервал его Юм, поправив очки. – Это всё потому, что мы перемещаемся. Послу-

шайте, я больше, чем уверен, что мистера Клауса здесь тоже нет. Взгляните на эти фото.

Эльфы рассматривали снимки на стене – счастливые улыбки детей, несколько взрослых, на одном из фото – подпись: «МакХаузены – навсегда МакХаузены! С любовью, из Гавайи».

– Вы заметили, что во всех домах, в которых мы были, есть дети? А у всех детей есть родители? – спросил Бруми.

– Ну и что? – отозвался Аристотель.

– В том, обычном мире мы доставляли подарки в сиротские приюты. Вы видели здесь хоть один сиротский приют?

– Ну, это небольшой город, верно? – неуверенно проговорил Люпен.

– Это одно из его желаний, – задумчиво проговорил Аристотель. – Ведь это его мир.

– Но ведь город – настоящий! Он просто перенёс его в свою мечту, – сообщил Бруми. – Или... Нет?

Эльфы задумались.

– Как бы там ни было, времени у нас всё меньше, – сказал Аристотель, глядя в окно. Снегопад засыпал дома почти до подоконников. – Рождество уже сегодня ночью.

– Хитёр? Это ты? – раздался голос сверху. На ступенях слышались шаги.

Эльфы заметались по комнате, сталкиваясь друг с другом.

– Шар, бегите к шару! – шёпотом проговорил Аристотель.

Шаги стали ближе, а шар был на другом конце комнаты.

– За дверь, скорее!

И пятеро эльфов из Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты, что до этого момента перемещались только по комнатам, разыскивая в домах Санту-Клауса, шмыгнули в заснеженный городок.

Этлби вошёл в гостиную. Как сообщить миссис Клаус о случившемся, когда она и без того взволнована, хоть и старается это скрыть?

– Этлби? – она радостно улыбнулась.

Плохи дела, подумал главный помощник Санты, глядя на хозяйку дома. Миссис Клаус постарела в одночасье. Так должно быть, конечно, но с восходом солнца в рождественское утро она и её муж должны снова стать молодыми. На этот раз, если Санта не проснётся и в эту ночь не проедет по небу в своих санях, этого утра просто не будет. А значит, они оба исчезнут. Таково правило, таково условие. Иначе он не придёт.

– Миссис Клаус. Как мистер Клаус? – спросил Этлби.

Она вздохнула.

– Всё так же, безмятежно спит, – сказала она. – Но ты ведь пришёл не за этим?

Миссис Клаус улыбнулась. Что ж, она всегда всё знает сама.

– Фабрика игрушек встала... Строго говоря...

Этлби запнулся.

– Магия... Она начинает утекать.

– Да, я это чувствую, – миссис Клаус кивнула на вязание.

– Я не думаю, что они успеют.

Неожиданно миссис Клаус улыбнулась.

– Этлби, ты живёшь здесь всю жизнь. Неужели работа тебя ничему не научила?

Этлби непонимающе уставился на неё.

– Э, ну... Я стал пунктуальным.

– А ещё? – подмигнула она. – Самое главное?

Эльф задумался. Что такого главного могло быть в этой работе?

– Мой муж всегда говорит об этом, – подсказала она. – Его любимая фраза. То, что он говорит после любой неудачи и лю-

бой победы? Вспомни, когда ты думал, что сани невозможно починить после встречи с дирижаблем?

Этлби усмехнулся, смахнув слезинку: смешной случай был. Сани отказали прямо в воздухе — генератор волшебной пыли дал сбой, потому что пассажиры воздушного судна отказывались верить в существование Санта Клауса. Но потом они сели прямо на пароход, внезапно оказавшийся под ними прямо в этот момент.

— Главное — вера, — проговорил Этлби.

— И мы будем верить, вздохнула миссис Клаус.

Пятеро эльфов из Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты бежали по городу. Делать это было не так-то просто — дороги были в снегу почти по пояс, но эта неприятность вдруг стала на руку: на улицах не было людей. И это помогало эльфийской команде избегать встреч со взрослыми. Одно из тех немногих табу, которого все — даже сам мистер Клаус — должны были придерживаться. Вера — хрупкая штука и исчезает в тот момент, когда слово «верю» превращается в «знаю». А знание, как известно, огромная сила. И далеко не всегда — добрая.

Сумерки наступали на пятки, времени было в обрез.

— Стой, Аристотель! — Бруми остановился. — Признай, нам не успеть. Мы даже не знаем, где он и как выглядит.

— Тот мальчуган, — задыхаясь от сражения с сугробами, проговорил Люпен. — Он сказал, что знает человека, который знает, как выглядит Санта.

— Уже столько времени прошло, а их всё нет. Думаете, он не обманул? Он же только мальчик, кто верит детям? — спросил Бруми.

— Санта верит, — строго сказал Аристотель. — Значит, и мы должны.

Эльфы замолчали.

— Что мы будем делать дальше? Нам нельзя встречаться со взрослыми, нельзя заходить в дома. Мы даже не можем связаться с Пиклзом, чтобы вернуться обратно. Кстати, — вдруг сказал Юм, — а что будет, если мы не найдём Санту, рождества не будет, солнце не взойдёт, а что в этом случае, случится с нами, если мы останемся здесь?

Эльфы подняли головы в небо.

— Полагаю, нас завалит снегом.

И вдруг в них врехался мальчуган.

— Это вы! — выкрикнул Брайан. — Мы вас нашли! Мистер Ирвинг, я их нашёл! Я нашёл эльфов!

— Брайан, — Аристотель радостно оглядел коллег по цеху. — Что я вам говорил, а?

Эльфы потупились. И тут Бруми спросил:

— А кто это — мы?

— Брайан! Брайан, где ты?

К ним, пробираясь сквозь сугробы, бежал мистер Ирвинг.

Эльфы в ужасе вскрикнули и прижались друг к другу. Они даже не успели сбежать.

— Он же взрослый! — с трепетом проговорил Аристотель. — Ты не говорил, что он — взрослый!

— Но... — Брайан растерянно посмотрел на мистера Ирвинга. — Он знает про Санту, точно вам говорю!

Наконец, мистер Ирвинг поравнялся с эльфами и мальчуганом. Несколько мгновений он внимательно разглядывал помощников Санта Клауса, а потом с улыбкой сказал:

— Я всегда считал, что колпачки с бубенчиками — это чья-то фантазия.

Эльфы переглянулись.

— Э, униформа сменилась давным-давно. Теперь в моде халаты, свитеры и джинсы. Аристотель, — представился Аристо-

тель и протянул руку мистеру Ирвингу. Тот пожал узкую и тёплую ладошку.

– Очень приятно, Ник Ирвинг.

– Взаимно. Мистер Ирвинг, ваш юный друг сказал, что вы в курсе, где искать Санту-Клауса. Полагаю, вы в курсе всей истории?

– Да, признаюсь, мне было непросто в это поверить, – улыбнулся мистер Ирвинг. – Но вот вы здесь. Признаться, это впечатляет.

Аристотель стал вдруг серьёзен.

– Мистер Ирвинг, откуда у вас сведения о Санте-Клаусе? Ведь это не та информация, которую можно добыть в ближайшей библиотеке.

Ник рассмеялся.

– Вот тут-то вы ошибаетесь, господа. Как раз там, а ещё – в интернете, и вот от этих сорванцов, – он показал на Брайана. – Спросите любого – каждый расскажет, кто такой Санта-Клаус и как выглядит.

– Но... Это же совсем другое, – возразил Юм. – То – мифы и истории, которые... эээ... Поддерживают существование Санты-Клауса как такового, а я говорю...

Он тут же получил тычок локтем от Аристотеля.

– Ты что, это же секрет!

Юм прикусил язык.

– Я клянусь вам, что никогда и никому не скажу, – улыбнулся мистер Ирвинг. – Что ж, вам, кажется, нужна помощь в поисках?

– Вы знаете, где искать его? – спросил Аристотель.

– Боюсь, что нет, – сказал Ник. – Но готов предложить вам любую помощь. Будет очень грустно, если он не появится к Рождеству.

Эльфы переглянулись.

– Мистер Ирвинг, у вас дома есть снежный шар? – спросил Аристотель.

Миссис Клаус почти бежала вслед за Пиклзом. Эльф ворвался в гостиную, с трудом дыша. Он толком не мог ничего объяснить и одними лишь жестами попросил миссис Клаус последовать вслед за ним. Времени у них почти не оставалось: стрелки на часах в гостиной приближались к полуночи.

Они вбежали в Лабораторию чудес. Машина желаний работала на полную мощность.

– Я перепробовал всё! – сообщил Пиклз. – Но ничто не может прервать заветную мечту Санты – его магия слишком сильна, потому что подпитывается верой детей всего мира. Единственное, что может хоть как-то сравниться с ней – ваша магия, миссис Клаус. И ваше желание найти мистера Клауса очень сильно. Я попробую подключить машину желаний к вам, а вы должны сосредоточиться только на этой цели – спасти Рождество и найти мистера Клауса.

Миссис Клаус вздохнула на мгновение.

– Я сделаю всё, что смогу, Пиклз, – кивнула она.

– Желайте, а потом коснитесь шара, – дал указание Пиклз.

Миссис Клаус снова вздохнула, задумалась и прикоснулась к сфере.

Сотни лет пронеслись перед ней – все те века, что они с Сантой пережили, и те, что ещё переживут. Закаты и восходы сменяли друг друга, уходили куда-то в глубь веков, туда, где солнце всходило само по себе. О да, такое было, но только не было на земле людей. Лишь они сумели связать свою жизнь с могучей силой, которая, родившись в сердцах, смогла дать жизнь неувядающим даже спустя века легендам. Легенды никогда не умирают – их невозможно уничтожить, они будут жить,

пока живы люди, и будут существовать по тем правилам, которые для них установили. Но что если легенда больше не хочет жить по этим правилам? Что если, легенда вообще больше не хочет жить? Ведь тогда, если она исчезнет, включится обратная взаимосвязь: явление, которое эту легенду породило, вдруг перестанет быть.

Нет, он это знал, и он не мог так поступить. Не здесь и не сейчас.

Миссис Клаус взгляделась в космос, что развернулся перед ней. Маленькая планетка в глуби времён – совсем прозрачная, точно снежный шар. И там, в глубине она увидела.

И убрала руку.

– Пиклз, – сказала она спокойно. – Я не знаю, о чём мечтает мистер Клаус, но я знаю, где можно его найти.

Этлби вышел из денника и посмотрел на дом. Он как будто бы стал темнее, стал... Обычным. Руны, вырезанные на дверных косяках, балясинах и арочных профилях, почти совсем исчезли.

Внезапно Этлби почувствовал странное покалывание в кончиках пальцев. Он замер на мгновение, а потом вдруг бросился в денник.

Сани были полностью готовы к полёту. Этлби изо всех следовал совету миссис Клаус – он верил, поэтому запряг оленей с Рэнди во главе упряжки, и был даже готов отправиться в путь без мистера Клауса. Дети должны получить подарки!

Он прыгнул на мягкую скамью.

– Пошли! – крикнул он.

Олени помедлили, но всё же неспешно выбежали на улицу.

Этлби вытащил из кармана мешочек с волшебной пылью и высыпал содержимое в маленькую печку прямо в санях. Генератор проглотил топливо, пару раз пыхнул.

– Вперёд, ребятаки! – скомандовал Этлби. – Мы летим спасать Рождество!

Олени дёрнулись было вверх, по старой привычке, но упряжка прошла лишь пару метров вперёд.

Генератор волшебной пыли пыхнул ещё раз и...погас.

– Ой-ёй, – проговорил Этлби.

– Всё сломалось, – констатировал Бруми.

Эльфы передавали шар из рук в руки, тёрли его, трясли, сжимали, Юм даже попробовал лизнуть, но переместиться не получалось – ни в какой-либо другой дом, ни обратно в Лабораторию чудес.

– Это тебе не велосипед, он не может сломаться! – произнёс Аристотель с отчаянием в голосе. И запустил в рот очередной прошлогодний леденец. Их запас в доме мистера Ирвинга стремительно таял.

– Я могу чем-то помочь? – спросил он.

Они с Брайаном сидели на диване. Мальчуган рассматривал папку с листами, где мистер Ирвинг писал своё произведение. Здесь были рисунки – рождественская ель, Санта-Клаус, миссис Клаус, даже олени. Мистер Ирвинг заверил, что всех нарисовал сам – такими, какие ему приснились во сне.

Аристотель опустил шар на кофейный столик и, сев на диван, понуро опустил голову.

– Честно говоря, не представляю, чем вы можете помочь. До Рождества – четыре часа.

Эльф вздохнул.

– А после мы все превратимся в леденцы.

– В леденцы? – переспросил Брайан.

– Ага. В маленькие засохшие леденцы, – повторил Юм. – И это – лучший из вариантов.

Все семеро на несколько мгновений затихли.

Как вдруг шар на столе начал сиять.

— Что такое? — мистер Ирвинг вскочил с дивана, не забыв подхватить Брайана. Все листочки с произведением посыпались на пол.

Эльфы сгруппировались, наблюдая за происходящим.

— Я не знаю, что это! — взволнованно сказал Аристотель. — Неужели...

Но в этот момент комната озарилась ярким искрящимся светом, а через мгновение в гостиной появился Пиклз.

— Мистер Пиклз, сэр! — радостно вскрикнул Аристотель. — Мистер Ирвинг, Брайан, это — наш руководитель, мистер Пиклз.

Мистер Ирвинг опустил мальчика.

— Очень приятно, но... неожиданно, — улыбнулся он, принимаясь собирать листы.

Аристотель между тем, насторожился.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

Глава Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты вздохнул и огляделся. Взгляд его задержался на шаре, затем — на разбросанных рисунках, потом — на мальчике.

— Пришёл вам помочь, — сказал Пиклз. — Но, вижу, вы уже сами справились.

Глаза Аристотеля стали круглыми как монетки.

— Мы даже не знаем, где искать Санту, не говоря уже о том, чтобы уговорить его вернуться! — сказал он.

Пиклз ещё раз посмотрел на всех семерых, на чайные приборы на столике.

— Я принесу ещё одну кружку, — сказал мистер Ирвинг, прижимая к груди собранные листы.

— Вам бы лучше вернуться домой, мистер Клаус, — вдруг тихо проговорил Пиклз.

В комнате наступила тишина.

Мистер Ирвинг замер на несколько мгновений, а затем оглянулся с улыбкой.

– Я понял, – сказал он. – Это розыгрыш такой? Кто-то заказал для меня подарок к Рождеству?

Он задержался взглядом на недоумённом лице Брайана и не менее ошарашенных лицах пяти эльфов. Только Пиклз был спокоен.

– Нет, это не шутка, – продолжил Пиклз. – Вы – мистер Клаус. Санта-Клаус. Святой Николас, если угодно. И вы попали в ловушку собственной мечты. Она оказалась настолько сильна, что не хочет выпускать вас из нашей машины желаний. Отчасти в этом есть и наша вина.

Мистер Ирвинг усмехнулся и попятился.

– Это какая-то...

– Вы не помните, – Пиклз сделал шаг вперёд. – Не помните, потому что это – ваша мечта: не быть Сантой-Клаусом.

– Я не понимаю. Нет, этого быть не может, – он снова улыбнулся, неровно дыша. – Я – Ник Ирвинг, писатель...

– О чём вы пишете, мистер Ирвинг? – спросил Пиклз.

Мистер Ирвинг промолчал.

– Сколько книг вы написали? – продолжил Пиклз.

– Я просто...

– Чем вы занимались три дня назад? – не унимался эльф.

– Я не...

– Вы не помните, потому что всё это – реальность, которая была создана вами, когда вы попали в машину желаний три дня назад. Но сейчас, я вижу, вы начинаете вспоминать.

– Хотите сказать, что всего этого, – мистер Ирвинг обвёл рукой, – не существует? И Брайана?

– Существуют, – сказал Пиклз. – Но не здесь. Это место – ваше представление об идеальной жизни. Вы создали город

и вписали в него то, что хотели бы видеть. Неужели вам не кажется странным, что люди здесь одеваются так, точно прибыли из прошлого века? А домики?

— Хватит...

— Дома здесь маленькие, как с картинок, а люди... Люди здесь добрые, и никто даже не высказал недовольства из-за того количества снега, что выпало на улице. Все так любят друг друга. Это прекрасно, но оно не настоящее, а потому не сможет существовать долго. Поэтому на улице уже почти не осталось людей.

— Перестаньте, пожалуйста, — сказал мистер Ирвинг спокойно. И после недолгой паузы продолжил:

— Я не хочу. Не хочу возвращаться. Мне нравится здесь. Я не могу уйти, не сейчас, не сегодня.

— Мистер Клаус...

— Не надо меня так называть, — попросил он. — Здесь этого имени нет. И обязательств нет. А Рождество пройдёт и без меня.

Пиклз вздохнул.

— Вы знаете, что нет. Его не будет.

— То есть как это — Рождества не будет? — вдруг спросил Брайан, про которого, казалось, все забыли. А он, подобно всем мальчишкам и девчонкам, ставшими случайными свидетелями взрослых разговоров, стоял и слушал. И всё понимал. И его светлые глаза вдруг обратились к мистеру Ирвингу.

Тот поглядел на мальчугана.

— И подарков? И ёлки? Тоже не будет?

— Брайан, — мистер Ирвинг подошёл к мальчику и погладил по голове. — Никто не в силах отменить Рождество. У нас оно будет — здесь, в Старом Нортберге.

— И это будет ваше последнее Рождество, мистер Клаус. А потом Старый Нортберг засыплет снегом и время для него остановится. Вы сотворили прекрасную мечту, мистер Клаус,

прекрасную, но недолговечную, хрупкую, как этот снежный шар, потому что мечты не могут жить вечно, а люди не могут жить в своих мечтах, – сказал Пиклз.

Он поднял с пола рисунок, который мистер Ирвинг не увидел под столиком.

– Ваша жена скучает по вам, – он показал портрет миссис Клаус.

Мистер Ирвинг вздохнул.

– Если вы не придёте к детям сегодня, то всё оставшееся время люди будут думать, что их планету освящает горячая звезда. И этот мальчик, – Пиклз указал на Брайана, – и остальные дети навсегда забудут о Рождестве.

– Нет, мистер Ирвинг, пожалуйста! – Воскликнул Брайан. – Я не хочу забывать о Рождестве! Если вы и правда – мистер Санта-Клаус, сделайте так, чтобы Рождество было всегда! Неужели вы правда не хотите быть Сантой-Клаусом? – он чуть не плакал. – Тогда я буду им вместо вас! Это – моё желание!

Мистер Ирвинг замер на мгновение, а потом вдруг рассмеялся – громко, радостно – и взъерошил мальчугану волосы.

– Конечно, я хочу быть Сантой-Клаусом. Ты ведь хочешь оставаться Брайаном?

Мальчишка кивнул.

– И ты совсем не устал быть Брайаном, верно?

Он покачал головой.

– Что ж, – мистер Ирвинг, точнее, уже мистер Клаус, вздохнул и, поднявшись, проговорил:

– Мистер Пиклз, мы идём домой. У нас очень, очень много работы.

Эльфы просияли.

– Минутку... – Пиклз взял со стола снежный шар.

– Мы ещё встретимся? – спросил Брайан.

Мистер Ирвинг, волосы которого уже совсем стали серебристыми, улыбнулся и проговорил:

— Конечно, Брайан, мы обязательно встретимся. Каждое Рождество, каждый год, пока ты будешь ждать и...верить.

— Мистер Ир... То есть, мистер Клаус? А о чём бы вы попросили самого себя на Рождество? — спросил Брайан.

— Скорее! — вдруг крикнул Пиклз. — Его магии может не хватить, чтобы перенести нас всех! Мистер Клаус!

Мистер Ирвинг бросился было к эльфам, но тут...

— Фотография! Брайан, дай мне фотографию!

Мальчик кинулся к комоду, но комнату озарило сияние, Пиклз потряс снежный шар, раздался громкий звон колокольчиков, и шестеро эльфов вместе с мистером Ирвингом исчезли.

Брайана разбудил громкий лай. Мальчик открыл глаза, поднял голову и тут же уткнулся во что-то колючее.

— Вот он, Майк! Уснул под ёлкой! — рассмеялась вошедшая в комнату миссис Тимвик.

Большой мохнатый пёс вбежал следом и, виляя от радости хвостом, начал лизать розовые щёки.

— Рудольф! — засмеялся Брайан. — Отста-ань!

Мальчик огляделся. Он был дома. В гостиной стояла рождественская ель, пахло печёной индейкой, над камином висели пока ещё пустые носки для подарков, а на календаре ещё только двадцать четвёртое декабря.

Брайан вскочил, подбежал к окну: город почти целиком завалило снегом, будто кто-то непрерывно тряс снежный шар. Нью-Йорк будто сам себя украшал к празднику.

— Это не старый Старый Нортберг, — проговорил мальчик изумлённо.

– Старый – что? – переспросила мама.

– Старый Нортберг, наш город! – ответил мальчуган. – Мы там живём, а на соседней улице – мистер Ирвинг! Он – писатель, он пишет книгу про Рождество. Но на самом деле, он не писатель, а...

Брайан поманил маму поближе и заговорщически произнёс:

– Он – Санта-Клаус!

Миссис Тимвик рассмеялась и взъерошила мальчугану волосы.

– Тебе это приснилось, малыш!

– Нет! – заверил Брайан. – У него нет никакой бороды, и толстого живота нет! И седеет и стареет он только к концу года, а потом, когда все подарки розданы, к ним приходит их сын – Новый год и возвращает всем – и мистеру Клаусу, и миссис Клаус молодость, он обновляет мир с первым восходом солнца!

– Ну и фантазия у тебя, малыш, – усмехнулся Майк Тимвик и по совместительству папа Брайана, – он вошёл в комнату, пыхтя трубкой. На голове у него был красный праздничный колпак.

Брайан наморщился.

– Таких колпаков мистер Ирвинг, то есть, Санта, тоже не носит.

– Вот как? А во что же он одет?

– В пальто, – сказал Брайан, немного подумав. – В тёплое, коричневое пальто. И он курит трубку. Только не при детях. Но я видел, что он курит трубку.

Папа рассмеялся.

– А ещё, – Брайан вдруг стал грустным. – Он не празднует Рождество.

– Ясное дело, – ответил мистер Тимвик, садясь в кресло. Пёс Рудольф тут же подбежал и положил голову ему на коле-

ни, требуя ласки. — Ведь Рождество для него — рабочее время. Я бы на его месте тоже не праздновал. Ни тебе ужина, ни тебе подарков.

Мистер Тимвик подмигнул миссис Тимвик.

Брайан задумался.

— А ещё он никак не может встретиться со своим сыном, — сказал он.

Родители удивлённо взглянули на мальчика.

— Он приходит в полночь, когда мистер Клаус на работе, и уходит с первыми лучами солнца. Он так хотел отпраздновать Рождество с ним, что был даже готов... не быть Сантой-Клаусом.

Мистер и миссис Тимвик уже смотрели на Брайана обеспокоенно.

— Малыш, откуда ты это взял? Неужели всё это тебе приснилось?

— Может, по телевизору увидел? — предположил папа, глядя, как Брайан смотрит в окно, точно стараясь что-то рассмотреть в небе.

Мистер Тимвик вздохнул и посмотрел на миссис Тимвик.

— Нехорошо грустить в Рождество, — сказал он. — Но, пока до визита мистера Клауса, то есть, Ирвинга, ещё далеко, я тебе подарю подарок от себя. Он маленький, но, быть может, тебя развеселит.

Папа встал с кресла, порылся в комод под заинтересованным взглядом сына, а затем отдал ему небольшую коробочку.

— Это — машина желаний, — улыбнулся мистер Тимвик, пока Брайан распаковывал презент. — Потряси и загадай. И всё сбудется!

Брайан вытащил из коробочки снежный шар. Там, среди снежных барханов стоял крошечный деревянный дом с резными балюстрадами.

Брайан широко улыбнулся во все свои двадцать зубов, а затем крепко зажмурился и под радостные взгляды родителей потряс шар. Сотни маленьких снежинок взвились вверх и закружились в крошечном вихре, а затем стали укрывать домик внутри, подобно тому, как укрывал снег улицы Нью-Йорка.

До Рождества оставалась пара часов.

– Так, Торнад, Дэнсер, Фюри, Виксен, Комет, Купидон, Тоннер, Эклер, Соке, и Рудольф – он же Рэнди. Все на месте. Упряжка готова, сэр! – отрапортовал Этлби, который прямо-таки светился от счастья, ведь наконец, всё шло своим чередом.

– Ты молодец, Этлби, – похвалил его Николас. – Рэнди, ты как?

– Порядок, – кивнул олень. – Немота мне не идёт.

Николас кивнул и улыбнулся, вложив в эту улыбку своё сожаление по поводу случившегося.

– Мешок с подарками? Волшебная пыль? – спросила миссис Клаус.

Николас кивнул.

– Всё на месте.

– Тогда по коням... То есть, по оленям, – сконфуженно поправил Этлби, поймав на себе взгляды всех десятирх оленей.

Николас сел в сани, эльф примостился рядом, предварительно проверив, надёжно ли привязан мешок с подарками.

– Давайте, ребята, вперёд! – сказал Николас весело, и упряжка, гремя бубенцами, взмыла в небеса, оставляя за собой яркий след, подобный огням полярного сияния.

– Мистер Пиклз?

– Что такое?

Глава Отдела чудодейственных рождественских изобретений Санты вынырнул из-за пульта управления. И то, что он увидел, ему не понравилось.

— Она светится, — констатировал он. — Почему она светится?!

Машина желаний испускала странный свет, который не был заложен в программе.

— Я же просил отключить её!

— Мы ничего не трогали, честное слово! — простонал Аристотель.

Машина продолжала испускать сияние, которое с каждым мгновением становилось всё сильнее.

— Нет, только не это! — Пиклз натянул на голову шляпу. — Только не сейчас!

— Две минуты, мистер Клаус! — крикнул Этлби, придерживая шляпу, чтобы её не унесло ветром. — Ух, как быстро!

Николас рассмеялся.

— Это ещё не предел, да ребята?

Олени рванули вперёд так, будто хотели обогнать звёздный свет.

— А ещё быстрее, Рэнди? — крикнул он.

— Перегруз! — сообщил олень.

— Какой... Что ты несёшь, рогатый? — крикнул Этлби. — У меня всё до коробочки посчитано!

— А нечего было есть столько пирогов, — усмехнулся Фьюри.

— Между прочим, набор веса при поедании пирогов входит в погрешность!

— Ага, есть тут кое за кем один грешок...

И олени засмеялись.

И пока Этлби перепирался с ними, часы по всему миру пробили полночь.

О нет, это были не те часы, что считают время у вас в гостиной — ведь каждый живёт по своему времени, причём, порой даже не глядя на стрелки.

Но сейчас
время
вдруг
остановилось.

Не замерли снежинки — они все так же падали на землю, не перестали сверкать под упряжкой мириады огней больших городов, и жизнь в них продолжалась, как и прежде. Но где-то там, в механизмах вселенной незримая стрелка замедлила ход, застыв за мгновение до следующего дня.

До Нового года оставалась секунда вечности.

Николас оглянулся.

Нежданный пассажир, примостившийся рядом с мешком подарков, улыбнулся.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга так, как смотрят люди, когда все понимают без слов.

— У тебя сложная работа, — сказал, наконец, пассажир.

— Твоя — не легче, — отозвался Николас. — Как вышло, что ты здесь?

Юноша с серебряными как снег волосами вздохнул и огляделся.

— Строго говоря, я сейчас везде, почему бы мне не быть здесь? Тем более что тот милый мальчик загадал твоё желание.

Николас улыбнулся и отвернулся от пассажира — в конце концов, крайне важно следить за дорогой, и не только когда летишь почти со скоростью света.

Этлби молчал. Он скрестил пальцы и наморщил нос, загадывая желание.

– Останешься? – спросил Николас.
– До первых лучей, как всегда.
– А до тех пор?
– А до тех пор у нас с тобой ещё много работы, а впереди –
вся рождественская ночь.

И олени понеслись во весь опор, оставляя за собой след, подобный северному сиянию. Колокольчики звенели так громко как никогда, и все – и хмурый писатель в комнатке, и радостная актриса в театре, и полицейский, что дежурил на смене, и ребята, что не спала в кроватях, ожидая праздничного чуда – все в эту ночь замерли на мгновение и посмотрели в небеса.

Утром Брайан первым делом побежал к ёлке. Он спал, сжимая в ладонке отцовский подарок – снежный шар, и даже сейчас, когда он отправился разглядывать подарки, не оставил свою машину желаний.

Но чтобы открыть коробки, понадобились обе руки. Что тут было! Вернее сказать, чего там только не было – и машинки, и солдатики, и новенькие коньки!

Брайан тут же побежал наверх, чтобы скорее выйти во двор, и тут увидел на столе небольшой свёрток. Он был запечатан не как остальные подарки – в пергамент, подвязан верёвочкой, закреплённой восковой печатью.

Брайан с интересом открыл его и увидел синюю папку – ту самую, в которой мистер Ирвинг хранил свою недописанную повесть. Мальчишка улыбнулся во все свои двадцать зубов и бережно спрятал папку среди своих самых ценных сокровищ – в большом сундуке.

Позже, когда Брайан научится читать, он вновь вытащит эту папку. Там будет повесть – о Рождестве и маленьком мальчи-

ке, который так сильно его любил. Там будут красивые картинки с оленями, эльфами, которых Брайан смог узнать по именам, миссис Клаус, Санта и тот самый мальчик с фотографии мистера Ирвинга. Не будет у этой повести только названия.

Его Брайан напишет позже, когда станет старше. И, сидя за столом в ожидании рождественского ужина, он погладит собаку, улыбнётся своему сынишке и допишет последние строки своего письма:

«...Я долго думал, как назвать вашу повесть, мистер Ирвинг. Сначала мне казалось, что она — о Рождестве. Потом — что о мальчике, который спас Рождество. Думал даже, что она — о том, что даже Санте порой хочется уйти на заслуженный отдых. Я перебирал сотни вариантов, и все они не могли отобразить того, что я понял, пока читал её. А потом понял: эта повесть — о времени. Особом времени, которое приходит не с боем часов — собственно говоря, стрелки тут совсем ни при чём... Это то самое особое время, единое для всех, когда приходит конец старому, и прошлое уступает время будущему. Вы не видите этого, но ощущаете чем-то, что живёт глубоко внутри, будучи уверенными: вот сейчас, сейчас всё непременно случится, вот сейчас всё будет совсем по-другому — иначе стали бы вы так сильно ждать Рождество или Новый год?

Ведь это как зайти в душ после долгой дороги: в памяти живы воспоминания, но теперь на тебе нет дорожной пыли, усталости и ты можешь обсудить своё бывшее приключение с друзьями, а завтра — уже планировать новое. Этого одного-единственного момента, мгновения чуда ждёт каждый из нас — мгновения, которое приходит в то время, когда мы сидим в тепле, в кругу близких, друзей и благодарим вселенную за всё, что у нас есть — будь то маленький мальчик,

писатель или даже сам Санта-Клаус. Всем в это мгновение хочется почувствовать капельку волшебства. А уж тем, кто его творит – тем более. И главное волшебство этого мгновения в том, что именно тогда мы сильнее всего понимаем, что такое настоящее чудо. И тогда мы не просто готовы, мы можем его творить. Ведь каждый из нас по-своему Чудодел, верно?

Искренне ваш, Брайан».

Мария Ковязина

«ДЕРЕВО ЖЕЛАНИЙ»

Вы любите осень? Небо плачет серебристым дождём, оставляя на асфальте лужи-зеркала. Деревья переодеваются в праздничные золотые одежды, как будто собираются на бал к самой Осени. Под ногами шуршат сухие листочки, и в каждом шаге ты слышишь сказку о прошедшем лете. Небо с каждым днём становится тяжелее, солнце – тусклее, а облака больше не похожи на собак и дельфинов. Теперь над головой спешащих на работу прохожих висит холст ленивого художника, который размазал кисточкой белую краску по серо-голубому фону.

Автор иллюстрации Галина Колесникова

Три пары глаз с грустью смотрят на этот осенний карнавал красок через окно больницы. А три носа прижимаются к холодному стеклу, пытаясь уловить запах жухлой травы и мокрого асфальта. Три очень смелых мальчика провожают лето, не выходя из стен больницы.

Они попали сюда, когда ещё грело солнышко, летали бабочки, а вода в речке была тёплая, как парное молоко. Первым в больницу поступил Максимка – худощавый долговязый блондин десяти лет. Вместе с Максимкой в палату переехала его библиотека, в основном это были книжки со сказками. Вы скажете, что такому взрослому мальчику стыдно верить в сказки. Но в них много житейской мудрости, и Максимка уже не раз убеждался, что «сказка – ложь, да в ней намёк».

Через два дня в палату вошёл Виктор. Именно так его и звали, иногда даже добавляя отчество – Сергеевич. В свои 9 лет Виктор умело руководил даже кошками – их у него было три штуки дома и пять во дворе. А уж какие игры он придумывал и во дворе, и дома! Когда Виктор начинал усиленно чесать полноватой рукой свои чёрные кудри, все понимали – в его голове родилась интересная идея.

– В шахматы играешь? – спросил Виктор Максимку, едва разобрал свои вещи.

– Нет. Научишь? – с готовностью ответил Максимка.

– А то! Перебирайся ко мне на кровать, – Виктор оживился впервые за последнюю неделю.

Так началась их дружба.

Ещё через неделю пришёл Кирилл. Он был совсем взрослый – летом ему исполнилось 12 лет. Мальчикам Кирилл понравился сразу: вроде тихий и задумчивый, а в разговор включился сразу.

– В шахматы играть умеешь? – встретил его вопросом Виктор.

– Нет. Я художник, – Кирилл достал из сумки блокнот и цветные ручки. Виктор и Максимка присели на его кровать, открыли первую страницу – и их дыхание замерло. В блокноте была нарисована Свобода – серый конь мчался галопом по полю, его ноздри раздувались и шумно выдыхали воздух, а мускулы дрожали от напряжения.

Мальчики листали страницы молча, как будто рассматривали картины в художественной галерее. В блокноте распускались цветы, сходились в битве фантастические звери и храбрые рыцари, а в высоком небе парили гордые орлы. Каждая страница дышала жизнью и будоражила воображение.

– Ребята! Я придумал! Давайте представим, что это не больница, а замок. Волшебный заброшенный замок, – у Виктора даже пальцы на руках задрожали от возбуждения. – Я Король этого замка – Виктор Бесстрашный. Максим – Чародей. Он столько книг про магию прочитал, что если поднатужится, сам сможет что-нибудь наколдовать.

– А Кирилл? – включился в игру Максимка.

– А Кирилл... Кирилл – Рыцарь, который рисует всё, что видит во время своих странствий, – Виктор огляделся по сторонам, расчёсывая голову чуть не до дыр. – Врачи и медсестры – это волшебные феи. А выйти мы не можем из замка, потому что его окружили страшные тролли.

– А мама? – Максимка покосился на дремлющую маму.

– А мамы – это плачущие ангелы.

Мальчики задумчиво переглянулись. Мамы жили вместе с ними в палате, держали за руку во время болезненных процедур, вполголоса говорили с докторами и натужно улыбались, когда мальчикам было особенно больно. Они плакали, когда думали, что дети их не видят. Но мальчики знали про эти слёзы и понимали, что причина маминых страданий – их болезнь. Мамы были бледными от переживаний, и походили

больше на призраков, чем на людей. Или на ангелов, которые оберегают детей, но иногда даже они не могут спасти.

Виктор, Максимка и Кирилл дружно кивнули в знак согласия. Так их палата превратилась в замок Короля Виктора Бесстрашного.

И теперь каждый день стал Приключением. Когда мальчики шли на процедуры, это был Поход к Волшебной фее за эликсиром храбрости или оживляющим камнем. Столовая превратилась в пещеру Тролля, где в битве с монстрами ребята добывали себе провизию.

– Надеваем доспехи! – командовал Виктор, – Скоморохи приехали!

И мальчики понимали – приехали артисты, а выходить к ним положено в медицинских масках.

Король, Чародей и Рыцарь сделали мальчиков сильнее и храбрее. Ведь Король не может плакать от укола, а Рыцаря, который вступил в схватку с драконом, не испугаешь катетером. Чародей, во власти которого подчинить себе все стихии, не станет паниковать перед приёмом новых лекарств, даже если они горькие и трудно глотаются.

Однажды во время послеобеденного отдыха, когда Виктор тщетно пытался научить Кирилла играть в шахматы, Максимка с задумчивым видом закрыл новую книгу, посмотрел на мальчиков и негромко спросил:

– Вы когда-нибудь слышали про Дерево Желаний?

Мальчики подняли взгляды от шахматной доски, переглянулись и пожали плечами. Максимка тихонько, чтобы не скрипнуть и не разбудить мам, встал с кровати и на цыпочках подошёл к ним:

– Я сейчас про него прочитал. Очень интересно. Вот послушайте.

Кирилл обрадовался возможности отложить обучение, а Виктор насторожил уши — он почувствовал запах нового приключения.

— В далёкой-далёкой стране — как наша, но немного волшебнее — есть белоснежная долина Познания, — начал рассказывать Максимка. — Белоснежная она от соли, которая осталась от горьких слёз тех, кто шёл по ней. А шли по ней и короли, и кузнецы, и дети малые, и волшебники, и даже животные. Все они искали Дерево Желаний, которое росло где-то в долине, но никто не мог сказать, где именно.

— Почему? — вполголоса спросил Виктор.

— Потому что те, кто его находил, бесследно исчезали. Но перед этим у них сбывалось их самое сильное желание. Возможно, они попадали в другой мир — никто не знает, и никого это не пугает. Потому что ради исполнения своих желаний люди и животные были готовы даже исчезнуть и никогда больше не увидеть своих родных.

— Прямо все-все желания дерево исполняет? — Кирилл недоверчиво прищурил глаза.

— Все-все, даже самые нелепые и странные. Например, девочки просили, чтобы их шкафы были наполнены каждый день новыми нарядами, а кошки хотели научиться летать, чтобы на птиц охотиться. А один король очень хотел себе хвост, чтобы с его помощью по ночам аккуратно перебираться по крышам и за своими подданными подслушивать.

Кирилл хмыкнул — он представил себе короля, который висит вниз головой, зацепившись хвостом за водосточную трубу, а рукой придерживает на голове корону. Мальчик схватил блокнот и принялся это рисовать, продолжая беззвучно смеяться.

— Подожди-ка, — встрепенулся Виктор. — Если дерево исполняет все желания, почему тогда долина залита слезами?

– Я ж говорю: никто не знает, где это дерево растёт. Некоторые его месяцами ищут.

– Дерево Желаний – это легенда, – не отрываясь от наброска, пробурчал Кирилл. – То есть может оказаться, что его и нет, и ты просто так по долине ползаешь месяцами. Тут не только заплачешь, но и поседеешь.

– Значит, будем искать! – заключил Виктор.

Так началась новая игра: Король, Чародей и Рыцарь отправились на поиски Дерева Желаний, не покидая стен больницы. В своём воображении они бродили по белоснежной долине, попутно знакомясь с остальными путниками. А за окном и вправду уже было белым-бело: наступила зима, и снег, как соль от слёз голодных птиц, покрыл деревья и дома. Метель кружила снег и кидала его в лица прохожих. Люди ёжились и недовольно прятали носы в шарфы.

В один такой ненастный день Кириллу стало очень плохо. Весь день мама не отходила от него, врачи приходили группами и что-то долго обсуждали между собой. Вечером Кирилла куда-то увезли на каталке. Мальчики долго не могли уснуть: им во всех углах мерещились тени фантастических зверей, которых рисовал Кирилл.

А ночью по коридору с шипением и грохотом пролетел трёхглавый дракон в белой одежде. Сердце Максимки сжалось: в сказках дракон приходил не просто так, он забирал кого-нибудь с собой в пещеру – и больше никто этого человека не видел.

Утром к мальчикам в палату пришла феечка Варя. Каким-то чужим голосом она сказала, что Кирилл уже не вернётся в замок – дракон унёс его на небо. Мальчики как будто окаменели.

– Теперь я действительно хочу найти Дерево Желаний, – потухшим голосом сказал Виктор.

– Мы играли в поиск, и это было нечестно, – догадался Максимка.

Мальчики нарисовали карту, где отметили все коридоры, кабинеты и палаты больницы. Они поместили крестиком места, где они ещё не были. Таких мест оказалось слишком много. С этого дня Максимка и Виктор, озираясь как воришки, проникли в кабинеты врачей, изучали растения на полках, но Дерева Желаний среди них не было.

Когда они изучали цветы в одном из кабинетов, туда зашёл Врач. Мальчики его раньше не видели и немного испугались, что их отругают. Но Врач посмотрел на них по-доброму и очень мягко спросил, что они делают в его кабинете. Мальчики рассказали правду: про Дерево Желаний, про замок, про Кирилла.

Автор иллюстрации Галина Колесникова

– Пойдёмте, я вам кое-что покажу, – Врач взял их за руки и повёл по коридору туда, куда обычно ходят только врачи. Они пришли в закуток, где на стене были полки с книгами, а на подоконнике стояло маленькое дерево.

– Вот она, долина Познаний, – Врач провёл рукой по книгам.

– А это, значит, Дерево Желаний! – прошептал Виктор, не отрывая глаз от растения на подоконнике. Взявшись за руки, мальчики подошли к дереву. О чём они просили у него, Врач не стал подслушивать: у детей в больнице было одно желание – выздороветь.

Настоящее это было Дерево Желаний или нет, никто не знает. Но уже весной Максимка и Виктор уехали домой – злые тролли расступились перед смелыми мальчиками. И замок Короля Виктора Бесстрашного опустел.

Наталья Кадомцева

«ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ»

Ванька Воробьёв, четвероклассник из сорок шестой школы, был во всех смыслах гордостью своих родителей. Круглый отличник, чемпион среди своих сверстников по шахматам, «математический гений», как любила называть его мама. Но вот одна беда – был он хрупким, слабеньким, самым маленьким в классе, часто болел, из-за чего Ольге Сергеевне пришлось уйти с работы и посвятить себя заботе о сыне. Алексей Андреевич утешал жену, говорил, что с возрастом мальчонка окрепнет, вытянется, что сам он в младших классах был маленьким и слабым, а теперь вон метр восемьдесят и сплошные мышцы. Ольга Сергеевна кивала, соглашалась с мужем, но в глубине души беспокоилась, глядя на бледную прозрачную кожу мальчика, на синие прожилки вен, которые было видно «невооружённым глазом», на тонкие руки и ноги. Бабушка удивлялась, говорила, как в таком теле душа держится, и часто Ольга Сергеевна думала точно так же.

Ванька о родительском беспокойстве не знал, бабушкины слова о душе не понимал и рос вполне себе обычным ребёнком. Был он спокойным и рассудительным мальчишкой, в хулиганских выходках участия не принимал, по школе сломя голову не бегал. Чаще сидел с книжкой за партой. Одноклассники не то чтобы не любили его, а скорее не совсем понимали, хотя на контрольных неизменно просили помочь. Ванька не отказывался. Ему, отличнику, учёба давалась очень легко. Знания он схватывал на лету, и пока остальные пытались вникнуть в объяснения учителя, мальчик выполнял дополнительные задания. Своими успехами он не хвастался, со всеми

был неизменно вежлив, за что одноклассники прощали ему его непохожесть. И даже на уроках физкультуры, где он особо не блистал, над ним не смеялись. Физрук с натяжкой ставил ему пятёрки, чтобы не портить общую картину, несколько раз беседовал с мамой о необходимости закаливания и общеукрепляющих упражнений. Ольга Сергеевна соглашалась, говорила, что они стараются, но Ванька продолжал болеть.

Однажды в конце ноября Ванька возвращался из школы домой. Шёл он, как всегда, не спеша, на ходу раздумывая над очередным заданием по математике, которое дал ему преподаватель. Мальчик любил разные головоломки, поэтому учитель всегда подбрасывал ему что-нибудь посложнее.

Ноябрь в этом году выдался ветреным и промозглым. Снега не было, а в воздухе постоянно висела морось, от которой мгновенно пропитывались влагой одежда и обувь. Ванька остановился, поплотнее запахнул курточку, поправил шапку и вдруг из подворотни услышал какой-то нечеловеческий визг, а следом мальчишеский хохот. Ванька похолодел и замер. Визг оборвался, сменившись подвыванием. Люди, проходившие мимо, озирались на звук, но никто не остановился, чтобы посмотреть, что же происходит. Мальчик решил было тоже пойти восвояси, но вдруг снова раздался этот ужасающий визг. Ванька не выдержал и побежал в сторону звука.

Завернув за угол, он увидел Витьку Лютова и Олега Старостина, двух местных хулиганов и учеников седьмого класса сорок шестой школы. Они что-то разглядывали на крышке мусорного бака и громко ржали. Ваньке за их спинами ничего не было видно, но он отчётливо слышал жалобный плач, который доносился оттуда.

— Что тут происходит? — вдруг услышал Ванька свой собственный голос и не узнал его, таким низким и хриплым он оказался.

Подростки обернулись, и перед Ванькой открылась картина, от которой кровь замерла у него в жилах, а перед глазами поплыла красная пелена. На крышке бака лежал щенок. Обычная маленькая дворняжка, которых много бегают по улицам города. Шёрстка вроде тёмно-коричневая сейчас была залита кровью. Одного уха не было. Задние лапы неестественно вывернуты. Щенок смотрел на Ваньку одним глазом, второй был закрыт. Вся мордочка в рваных ранах. Щенок уже не скулил, а тихо стонал. Из оставшегося глаза текли крупные слёзы.

— Смотри-ка, воробей прилетел, — поигрывая складным ножом, проговорил Витька. — А ну, катись отсюда, пока пинками не погнали!

Он угрожающе надвинулся на Ваньку. Старостин глупо заржал и ткнул острым концом ножа в окровавленное тельце щенка. Малыш взвизгнул и попытался отползти от мучителя, но не смог.

И тут Ванька, это слабенький мальчик, который в своей маленькой жизни не обидел даже мухи, схватил первую попавшуюся палку, замахнувшись, шагнул к мучителю и закричал:

— Не трогай его!

— А то что? Что ты нам сделаешь? — глумились подростки. — Ой, как страшно!

Ванька разговаривать больше не стал. Он набрал в грудь побольше воздуха, крепче взял палку и пошёл на живодёров. Мальчик не видел больше ничего и никого, кроме двоих обидчиков щенка. В ушах грохотало. Ему показалось, что он стал просто огромным, заполнив собой всё пространство подворотни. Он ещё видел их ухмыляющиеся рожи, когда вдруг произошла разительная перемена. Два здоровенных семиклассника, которые были выше Ваньки на три головы и гораздо сильнее, вдруг начали пятиться от него всё быстрее и быстрее. Мальчик не слышал, как он кричал, замахиваясь палкой. Он ударил,

вложив в это действие всё отчаяние и ужас, которые сейчас испытывал. И только услышал, как хрустнула кость, как завыл один из мучителей. Наверное, было сейчас в его облике что-то такое, что смертельно напугало Лютова и Старостина. Ведь, по сути, они были трусами и могли глумиться только над теми, кто слабее. Когда же они встречали отпор, их гонор мгновенно улетучивался, обнажая их истинную никчёмную суть.

Ванька снова закричал, поднимая палку для ещё одного удара, и только тут понял, что остался один. Подростки позорно убежали, оставив маленького, ни в чём не повинного щенка умирать на крышке мусорного бака. Ванька бросил палку и подбежал к малышу. Собачий ребёнок был ещё жив, но жизнь едва теплилась в израненном и измученном тельце. Ванька сорвал с себя куртку, осторожно переложил на неё щенка, мягко поднял на руки и что было сил побежал домой. О том, что в подворотне он оставил свой школьный рюкзак и мешок с обувью, мальчик даже не вспомнил.

До дома было недалеко. Ванька не стал ждать лифт, влетел на пятый этаж и нажал на звонок. Звонок трезвонил, не умолкая, и через минуту перепуганная мама открыла дверь.

— Что случилось? — только и успела спросить она, когда увидела сына без куртки, чей школьный костюм был весь в грязи и в кровавых пятнах. Заметив, кого держал мальчик на руках, мама побледнела и едва не упала в обморок.

— Мама, быстрее! Ему нужно помочь! Они его мучили! — Ванька почти кричал. — Быстрее, мама! Сделай что-нибудь!

Ольга Сергеевна попыталась взять себя в руки. Она хотела забрать щенка у сына, но Ванька только крепче прижал его к себе. Тогда она позвонила подруге, выяснив, где находится лучшая ветеринарная клиника в городе, вызвала такси и стала уговаривать мальчика переодеться. Но всё было напрасно. Её сын, обычно такой послушный и покладистый, сейчас

ни на что не реагировал. Он стоял всё так же у двери и только повторял:

– Мама, скорее! Ему надо помочь!

Он не плакал, не жаловался, и это пугало Ольгу Сергеевну ещё больше. Через пять минут подъехало такси. Мама прихватила запасную куртку, и они вместе с Ванькой и малышом поехали в клинику.

В лечебнице им повезло. Народу было мало, в основном хозяева привезли питомцев на профилактические прививки и осмотры. Поэтому лучший травматолог города был свободен. Он бережно принял тельце щенка и положил его на стол. Беглый осмотр был неутешителен. Сергей Аркадьевич мягко сказал Ваньке, который упорно не уходил из кабинета:

– Малыш, посиди пока в коридоре. Я сейчас поговорю с твоей мамой, а потом сделаю всё, что нужно.

– Вы поможете ему? – впервые в глазах у Ваньки заблестели предательские слёзы.

– Я сделаю всё, что в моих силах. Будем надеяться, что у него крепкий организм, и он справится. Выйди посиди в коридоре.

Ванька нерешительно кивнул, бросил последний взгляд на щенка, осторожно прикоснулся к коричневой шёрстке, прошептал: «Держись!» и вышел в коридор.

Сергей Аркадьевич посмотрел маме прямо в глаза и произнёс:

– Должен вам сказать, что травмы очень серьёзные. Потребуется операция, а, возможно, и не одна. Никаких прогнозов я дать вам не могу. Перенесёт ли щенок первую операцию, неизвестно. Я говорю это вам сейчас для того, чтобы вы приняли решение. Может быть, лучше будет отпустить щенка.

Мама вскинула глаза на врача.

– Отпустить? Вы хотите сказать, усыпить?

Сергей Аркадьевич кивнул.

Ольга Сергеевна оглянулась на дверь, представив, как сообщит эту новость своему сыну. И приняла решение:

– Нет, давайте попробуем. Вы же сами сказали, что надежда есть. Пусть даже и очень слабая.

– Хорошо, – ответил доктор. – Я забираю щенка. Вам придётся подождать. Потом я дам вам все рекомендации.

Ольга Сергеевна вышла в коридор. На стуле прямой, как палка, сидел Ванька и не сводил глаз с двери. Он с надеждой посмотрел маме в глаза, и она сказала:

– Щенка забрали на операцию. Врач сказал, есть надежда. Будем ждать.

И тут Ваньку прорвало. Он уткнулся в мамино плечо и расплакался. Всхлипывая, он поведал, как он увидел, что его мучают, как отбил щенка у живодёров, как бежал домой, всё время повторяя малышу, что сейчас ему помогут. Мама слушала рассказ сына, гладила его по голове и плакала сама. Оглянувшись, она с удивлением заметила, что плакали все, кто сейчас сидел в коридоре и ждал своей очереди. Хозяйева прижимали своих питомцев к себе и вытирали слёзы. Администратор принесла Ваньке стакан воды и конфет, но он их даже не заметил.

Через два часа в клинику с работы приехал Алексей Андреевич. Папа обнял сына и сказал, что он – настоящий герой. Ванька только мотнул головой. Он ждал.

Вскоре к ним вышел Сергей Аркадьевич, и Ванька понял, что перестал дышать.

– Операция прошла успешно, – сказал врач, – мы поставили пластины на сломанные лапы. Вправили суставы, зашили и обработали раны. К сожалению, один глаз нам спасти не удалось. И как вы понимаете, одного уха у щенка тоже нет. В остальном это здоровый щенок, который сейчас очень ослаблен. Но я надеюсь, что его организм справится. Вам придётся

строго выполнять все рекомендации, ездить на капельницы, обрабатывать раны, делать уколы. Сможете?

Семейство Воробьёвых дружно закивало головами. Ассистент осторожно вынес малыша из операционной и передал его маме.

Ванька всё порывался взять щенка на руки, но врач сказал:

- Потерпи, малыш, ещё успеешь. Как ты хочешь его назвать?
- Я назову его Рекс.
- Очень хорошее имя, – улыбнулся Сергей Аркадьевич.

Воробьёвы вернулись домой к вечеру, бережно неся спящего щенка на руках. Папа с Ванькой сбегали в подворотню за рюкзаком, который так и остался валяться около мусорного бака. Здесь мальчик обстоятельно рассказал отцу обо всех событиях, после чего Алексей Андреевич принял решение обратиться в полицию. Они пришли в отделение и попросили встречи с инспектором.

Молодой лейтенант принял их в своём кабинете, внимательно выслушал мальчика, попутно задавая ему уточняющие вопросы, записал что-то у себя в блокноте и сказал:

– Да, знаем мы Старостина и Лютова. Не первый раз на них жалобы поступают. Вот только в вашем случае вряд ли мы что-то можем сделать.

Алексей Андреевич с удивлением посмотрел на инспектора.

– Почему? Разве можно так обходиться с животными? Если они уже сейчас себе такое позволяют, что же дальше от них ждать?

– Понимаю вас, но у нас даже нет статьи, по которой мы могли бы их задержать. И потом они несовершеннолетние. Максимум, что мы можем, провести с ними беседу.

Папа нервно поднялся и заходил по кабинету.

– Что же получается? Живодёры преспокойно ходят у нас по улицам, а полиция ничего не может сделать? А если завтра

они нападут на ребёнка или старика? Тогда вы тоже ничего делать не будете? Или вы ждёте, чтобы они совершили преступление и только тогда начнёте действовать?

– Успокойтесь, пожалуйста! Я понимаю, как вы расстроены. Мы постараемся сделать всё, что от нас зависит. Скорее всего, этих ребят поставят на учёт и будут за ними внимательно следить. Я сегодня же передам дело инспектору по делам несовершеннолетних. А ваш сын – настоящий маленький герой, – поворачиваясь в сторону Ваньки, сказал лейтенант. – Молодец! Ты храбрый мальчик.

Ванька к разговору особо не прислушивался, беспокоясь о щенке и все порываясь бежать домой. Но по поведению папы понял, что в полицию они сходили напрасно и мучителей никто не накажет. Тут мальчик крепко призадумался, но мыслями своими делиться с отцом пока не стал.

Когда папа с Ванькой пришли домой, они увидели улыбающуюся маму.

– Он начал просыпаться, – сказала она на безмолвный вопрос сына.

Мальчик забежал к себе в комнату и увидел Рекса, который лежал на одеялке рядом с его кроватью. Рекс поглядывал единственным глазом на Ваньку и слабо шевелил хвостом. Мальчик лёг рядом со щенком, осторожно погладил его по голове, поцеловал в нос и немедленно уснул прямо на собачьей подстилке. Позже папа аккуратно переложил сына на кровать.

Ванька больше никому не рассказывал о своём поступке. Но как говорится, слухами земля полнится. И когда в понедельник мальчик пришёл в школу, все обо всём уже знали. Одноклассники смотрели на Ваньку с нескрываемым уважением. Старшие ребята подходили и хлопали его по плечу.

Мальчика такое внимание очень смущало, он только кивал головой на похвалу и приветствия. Старостина и Лютова в школе не было. Кто-то сказал, что Витька сломал руку и сидит дома на больничном, а про Олега никто ничего не знал. Вроде как к ним домой приходила полиция, а потом Олегу крепко досталось от отца.

Ваньку это мало волновало. В нём произошла какая-то неуловимая перемена, которую он и сам ещё не осознал. Не осознали это и одноклассники, но чувствовали, что мальчик изменился. Он остался таким же очкастым отличником, который на переменках читал книжки, а после школы немедленно летел домой, потому что там был Рекс. В его облике появилась какая-то внутренняя сила. Неважно, что он был такой же маленький и худенький, эта сила была не в мышцах или в росте. Она была в том внутреннем спокойствии и уверенности, которые отличают по-настоящему храбрых и мужественных людей.

Однажды на большой перемене Ванька шёл из столовой, когда увидел, что крупный мальчик-второклашка бьёт учебником по голове девочку из своего класса. Ванька не закричал, а спокойно подошёл, взял мальчика за руку, отобрал учебники и молча положил их на парту. А потом также молча посмотрел второклашке прямо в глаза. Озорник смутился, покраснел, торопливо извинился и убежал в туалет. Ванька только спросил у девочки: «Ты в порядке?» и, получив утвердительный ответ, пошёл в свой класс.

Вечером в тот же день Ванька подошёл к отцу и сказал:

— Папа, запиши меня в секцию тхэквондо.

Мама выронила тарелку из рук, и она со звоном раскололась на две половинки.

— Ванечка, ты серьёзно? — спросила она, тяжело опускаясь на стул. Она сразу в красках представила, как её маленький

мальчик будет возвращаться домой с тренировок, весь в синяках и кровоподтёках.

– Да, мама, я серьёзно, – ответил сын.

К этому Ваньке Ольга Сергеевна никак не могла привыкнуть. Вроде всё тот же мальчишка, но и совсем другой. Более жёсткий, что ли. Папа только улыбался, радуясь, что в сыне проснулась мужественность. На следующий день они нашли хорошего тренера, и Ванька принялся обучаться восточным единоборствам. Мамины страхи вполне оправдались. Но Ваньке было наплевать на синяки и ссадины. Он упорно тренировался.

А Рекс тем временем медленно, но верно шёл на поправку. Всё-таки прав был Сергей Аркадьевич, когда говорил, что организм щенка справится с травмами. Воробьёвы соблюдали все предписания, стоически вынесли многочасовое сидение на капельницах. Мама научилась делать уколы и перевязки, а Ванька ей помогал. Он сам носил малыша на руках на улицу, сам поднимал его на пятый этаж. Это была Его собака, и Ваньке не надо было напоминать о необходимых прогулках или кормлении. Он всё делал сам.

К концу учебного года Рекс вымахал во вполне себе приличного кобеля, чья голова доставала Ваньке до пояса. Его морда была обезображена шрамами, одноухий, одноглазый и хромой – это был самый красивый и самый любимый пёс на свете.

Ольга Сергеевна выглянула в окно и посмотрела, как сын выводит Рекса на прогулку. Вот они пошли рядом. Маленький мальчик, который не пожалеет своей жизни, чтобы защитить свою собаку. И грозный пёс, который отдаст свою жизнь за Ваньку. Женщина вытерла вдруг набежавшие слёзы.

Наталья Малёванная

«ДОМ ОБРАЗЦОВОГО СОДЕРЖАНИЯ»

Лёша Пяткин воровато семенил по пустой аллее. Полуденные лучи зимнего солнца пробивались сквозь огромные ели, падали на расчищенную дорожку, посыпанную песком, но мальчик старался держаться в тени, поближе к кустам. Пушистый снег укоризненно скрипел под тоненькими ножками, напоминая Лёше недовольный голос мамы. Ух, как она разозлится, если узнает, что он прогулял математику!

Позади Лёши вышагивал его детсадовский друг Витька. Ему не было дела до Лешиной мамы. Разве может пароход волно-

Автор иллюстрации Наталья Малёванная

вать, что его застукают за прогулом школы? Конечно, нет! А Витька сейчас был натурально военный пароход. Он шумно втягивал морозный воздух ртом, пыхтел и выпускал облачка пара. В широком чёрном пуховике он плыл по замёрзшим клумбам, пиная снег ногами, бил палкой еловые ветки и уворачивался от снега, падающего сверху. Но одну из вражеских атак Витька пропустил. Снег коварно залез за шиворот, шапка предательски сползла на глаза, и Витька влетел в Лешину спину. Мальчики повалились в сугроб на клумбе.

– Эй! Ты чего?! – возмутился Витька, с досадой осматривая сломанную палку.

– Показалось... мама... – прерывисто дыша оправдывался Лёша.

– Фу-ты ну-ты!

Витька выкинул палку и встал. Сверху Лёша напоминал ему нескладного жёлтого жучка с тоненькими ножками, который перевернулся на спину-портфель и никак не может подняться. Витька протянул другу руку.

Мальчики пошли дальше, но настроение было уже не паровозное. Отряхивая пуховик от снега, Витька пробурчал:

– Расскажи ещё про бабку.

– Придём – увидишь...

– Ну, расскажи! – не унимался Витька.

Лёша шмыгнул носом и сунул заледеневшие руки в карманы куртки. Он жалел, что поддался на нелепые уговоры Витьки и сбежал с уроков. Тем не менее делать было нечего: дал обещание – выполняй.

– Ладно, – протянул Лёша. – Только пойдём через дома.

Они свернули с аллеи и попали во двор старых пятиэтажек. На втором этаже женщина энергично развешивала на балконе постельное бельё. Из какого-то окна затрещало «Ретро FM» с «миллионом алых роз», и Лёша снова поёжился, вспоминая

маму. До дома оставалось совсем немного. Зачем он рассказал Витьке про бабушку? Сидел бы сейчас спокойно на математике...

— В общем... — понижая голос, начал Лёша, — неделю назад в подъезде стало вонять какой-то тухлятиной...

Он скривился, глядя, как Витька оторвал от оранжевой трубы длинную сосульку и принялся облизывать её словно леденец.

— Запфолею, пфуду дома фаляца, — пояснил друг, не вынимая изо рта ледяную конфету. — Ну рафказывай!

— Долго не могли понять, почему воняет. Папа с другими жильцами весь дом излазили, даже в подвал ходили.

— И фто?

— Да ты же знаешь! Я уже говорил! — рассердился Лёша. — Что-что? Поняли, что запах на нашем этаже, из соседней квартиры, где бабушка живёт. Папа стал стучать, а никто не открывал. Тогда он вызвал полицию, и они сломали дверь. А там — мёртвая бабушка!

— Фу-ты ну-ты! — восхищённо присвистнул Витька. — Наверное, месяца два там лежала.

— Не знаю, мне не дали посмотреть. Мама загнала домой, — раздражённо ответил Лёша, не представляя, как другу может нравиться подобная жуть. — Папа говорит, нашли её на кухне. Она так и сидела на стуле. Папа сказал, что плакал наш дом образцового содержания.

Лёша прислонился к стенке старого подъезда и стал искать в портфеле ключи. Воодушевлённый историей, Витька отгрыз от сосульки кусок побольше и зашвырнул остатки в тую, но промахнулся и попал в дверь серебристой машины. Из-за колеса тут же вылетело рыжее пятно и устремилось к гаражам.

— Барсик! Барсик! — выронил портфель Лёша и побежал вслед за котом.

Он звал его, уговаривая вернуться, но кот бесследно скрылся за гаражами. Лёша зашмыгал носом.

– Это не Барсик, – авторитетно заключил Витька.

Он поднял портфель с земли и отдал Лёше.

– Не переживай. Он вернётся. Погуляет по своим котовым делам и вернётся!

Лёша недоверчиво посмотрел на Витьку, однако промолчал.

Мальчики зашли в тёплый подъезд и поднялись на третий этаж. Тусклая лампочка на лестничной клетке освещала на стенах трещины, замазанные шпаклёвкой. Витька принохивался:

– Что-то не воняет... Хотя, кажется, чувствую.

Он почти вплотную подошёл к обшарпанной двери и вдохнул изо всех сил. Впрочем, Лёше казалось, что его друг всегда всё делает изо всех сил.

– Фу! – высунул язык Витька и отпрянул от двери.

Лёша поморщился. Он не хотел рассказывать Витьке про бабу, не хотел из-за этого прогуливать школу и, тем более, не хотел нюхать дверь. Его больше интересовал шоколадно-банановый торт, который стоял в холодильнике, и как бы не мама не поймала на прогуле. И всё же, почему-то, всегда получалось так, как хотел Витька.

Лёша зашёл домой и кинул куртку с портфелем на банкетку. Витька не торопился.

– Давай позвоним, – предложил друг.

– Куда? – отозвался Лёша из прихожей. – Давай лучше торт есть.

– Бабке в звонок.

Лёша скорчил рожицу самому себе в зеркале и переобулся в тапочки с медведями. Откуда у Витьки всё время появляются такие идеи?

– Не хочу, – отказался Лёша.

– Ну, давай. Или я расскажу твоей маме, что ты прогулял, – канючил Витька.

– Вот ты как?!

– Не скажу, конечно, – пошёл на попятную Витька, понимая, что перегнул. – Ну давай позвоним, а?

Лёша задумался. Бывало, Витьке придёт в голову какая-то идея, и он с ней носится, пока не выполнит. Всех вокруг замучает, но сделает. Похоже, с дверью именно такой случай. Лёша нехотя согласился. Пришлось переобуться и выйти на площадку.

Красный звонок висел выше обычного. Видимо, бабка ждала только высоких гостей. Лёша попросил Витьку подсадить и нажал на упругую кнопку. Раздалась унылая мелодия, которая имитировала то ли пение птиц, то ли обрывок классического произведения.

– Круто! – Витька затряс друга. – Давай ещё раз.

Лёша вздохнул и позвонил. За дверью послышалось шуршание. От неожиданности Лёша съехал на пол прямо по Витьке. Путаюсь друг в друге, мальчишки ринулись домой. Не успели они спрятаться, как дверь распахнулась и площадку заполнил едкий запах. У Лёши выступили слёзы, идти стало непривычно трудно – словно ноги попали в вязкую кашу. Всему виной был молочный туман, который вытекал из бабкиной квартиры. Он клубился в дверном проёме, расползлся по полу и становился всё выше. Витька противостоял каше в ритме марша: поднимал согнутую ногу до груди, а потом резко выкидывал её вперёд, чтобы сделать шаг пошире.

– Эй, несносные мальчишки! Я вам сейчас задам! – задрезжал голос из квартиры.

Витька закричал и прибавил ходу, но густой туман поднялся до пояса, сковывая движения мальчика. От напряжения круглое лицо Витьки покраснело, глаза выпучились, а чёл-

ка прилипла ко лбу. Лёша пятился спиной к дому, не отводя взгляд от проёма. Он почувствовал, как дверная ручка упёрлась в ребро, и ухватился за неё.

– Мальчики, заходите. Я угощу вас пирогом, – голос стал ласковее.

– Пирогом? – замешкался Витька.

– Витька, ты что?! Иди сюда! – махнул Лёша рукой.

Витька очнулся и зашагал в сторону друга. Туман поднялся практически до плеч, поэтому мальчик загребал руками, как будто плыл брассом.

– Угощу пирогом. Пирогом с мясом! – заревел голос.

Из дверного проёма выскочили две морщинистые руки с жёлтыми ногтями и устремились к Витьке. Они пытались поймать мальчика, но тот ловко запрыгнул в коридор. Лёша тут же захлопнул дверь и закрыл её на щеколду. Тяжело дыша, он опустился на пол и уставился на друга. Витька валялся среди разбросанной обуви и выглядел так, будто бежал за последним автобусом, потом упал, и автобус ушёл без него.

За дверью скреблись руки. Мальчики молча переглянулись и отползли ближе к комнатам. Обоих мучил вопрос: «Что это было?», и никто не решался задать его первым. Лёша не сводил глаз с входной двери: лязг почти пропал. Сколько прошло времени? Пять минут или час? Когда наступила тишина, Витька снял верхнюю одежду и вполне обыденно произнёс:

– Фу-ты ну-ты, кажется, ушли. Но я не понял... Ты же говорил, что там никого нет, что бабка умерла.

– Не понял он! – не выдержал Лёша и замахал руками. – Всегда ты со своими дурацкими идеями! То давай прогуляем, то позвоним. Да, я чуть не умер!

– Подумаешь... Не хотел звонить, так и не звонил бы. Подумаешь, испугался какой-то бабки, – храбрился Витька.

– А ты, значит, не испугался?

– Нет.

Лёша сурово посмотрел на Витьку. Он бы с радостью запустил в друга маминым сапогом, но передумал.

– Ну, может, совсем капельку, когда ты заорал, – пасанул Витька.

– Я? Я не орал.

– А кто же орал? – с неподдельным удивлением спросил Витька.

– Да ты и орал, – Лёша поднялся с пола. – А, вообще, если ты такой смелый, собирайся и выходи. У тебя же сегодня плавание.

Лёша сделал вид, что хочет открыть дверь, и Витька тут же подскочил:

– А я не могу идти!

– Почему это? Ты же не боишься, – Лёша сощурился и схватил дверную ручку.

– А я ещё... Я ещё торт не ел! Вот! Не зря же я пришёл, ну...

– Ну да, ну да... – пробубнил Лёша и закрыл дверь на ключ.

«В конце концов, Витька не мог знать, что у бабки будет такое», – подумал Лёша. Он вытер высокий лоб рукавом свитера, зашёл на кухню и поставил блестящий чайник на плиту. Витька уселся за стол на любимое место у стенки и стал бурно рассуждать, кто же на них напал. Очевидно, что бабка. Но кем она была? Приведением, демоном? Он полез в телефон, откопал какое-то видео и твёрдо решил: бабка – зомби.

Лёша молча смотрел в окно. Витькино любопытство ко всему мистическому было ему чуждо, поэтому поддерживать разговор о бабке он не желал. Наоборот, Лёше хотелось, чтобы всё это оказалось сказкой или безумным воображением друга. Он даже перестал беспокоиться, что родители отругают за прогул. Лишь бы кто-нибудь из взрослых поскорее вернулся домой.

Засвистел чайник. Лёша разлил кипяток по цветастым кружкам и достал из холодильника картонную коробку с тортом, перевязанную золотой ленточкой. Он поставил десерт в центр стола и снял крышку – кухня наполнилась дразнящим запахом шоколада. Сверху красовались кусочки банана, залитые прозрачным желе. От такого великолепия у Витьки заурчало в животе, и Лёша понял, что тоже проголодался.

– Надо бы позвонить папе, – сказал Лёша и положил Витьке солидный кусок торта.

– Ты что! Знаешь, как мне влетит за прогул в школе? А за плавание? Если позвонишь, можно сразу к зомби-бабке идти. Мама мне такое устроит!

– А что тогда?

Витька фыркнул и задумался. Вероятно, ему пришла какая-то важная мысль, и он даже открыл рот, чтобы её сказать, но вдруг кто-то постучал в дверь.

– Это бабка! – вздрогнул Лёша, и кусок торта вместо тарелки шлёпнулся на стол.

Мальчики замерли, сделав вид, что дома никого нет. В дверь постучали ещё раз.

– Какая настойчивая, – прошептал Витька. – Пойду посмотрю.

Он начал вылезать из-за стола, но Лёша схватил друга за рукав:

– Не надо – вдруг бабка...

Витька отмахнулся. На цыпочках он подкрался к двери, практически бесшумно забрался на стул, который прихватил с кухни, и припал к глазку. На площадке стоял незнакомый мужчина с сумкой, полной листовок.

– Кто там? Бабка? – раздался осторожный голос за спиной у Витьки.

– Не... Какой-то мужик.

Лёша облегчённо выдохнул и услышал стук в другую квартиру.

— Дай посмотреть, — вытеснил он Витьку с наблюдательного пункта.

Лёша прижался щекой к двери и, чтобы сохранить равновесие, опёрся рукой о деревянную спинку стула. Мужчина с листовками позвонил в бабкину квартиру. «Нет!» — хотел закричать Лёша, но не успел. Дверь распахнулась, и незнакомец почти мгновенно исчез в тумане. В этот раз бабка не церемонилась с уговорами.

— Она его сцапала, — догадался Витька по дрожащему другу.

Лёша сполз на стул и обессилено опёрся подбородком на спинку. Что теперь делать? Как противостоять тому, с чем никогда не сталкивался? Лёша не знал. Очень хотелось позвонить папе.

— Это ничего, — Витька похлопал друга по плечу. — Вызовем пожарных, и они нас быстренько снимут из окна. И все — будем на воле!

— Ну да, ну да... — согласился Лёша и зашмыгал носом.

В дверь снова заколотили. Правда, не так, как раньше, а механически: будто кто-то включил станок, штампующий детали. Едва не перевернув стул, Лёша отпрянул от двери. Витька полез к глазу. Это был мужчина с листовками. Он остервенело бил в дверь руками и ногами. Его белёсые глаза смотрели в никуда — вряд ли незнакомец понимал, чем занимается.

— Теперь нам точно конец... — запричитал Лёша и бросился к гардеробной.

Пока он пытался спрятаться среди курток, Витька мысленно готовился к бою и жалел, что мама отдала его на плавание, а не на борьбу.

– Не порти дверь. Заканчивай шуметь и уходи, – сказал новый голос учительским тоном.

Стук прекратился. Лёша вылез из укрытия и забрался на стул к Витьке. Толкая друг друга, мальчики следили за происходящим. На площадку поднялся старичок в синем костюме, и мужчина с листовками уставился на него. Витька приготовился к худшему. Лёша зажмурился.

– Соблюдай порядок. Это дом образцового содержания. Иди домой и проспись, – старичок пригрозил мужику пальцем.

Вопреки ожиданиям мальчиков, мужика странно передёрнуло. Он очнулся, собрал рассыпавшиеся листовки и виновато побрёл вниз по лестнице к выходу.

– Фу-ты ну-ты! Послушался, – не поверил своим глазам Витька.

– Надо попросить его помочь с бабкой! – обрадовался Лёша.

Пока он возился с замком и щеколдой, старичок вернулся в центральную квартиру. Выходить на площадку Лёша не решился.

– Ну вот... – выдохнул мальчик.

Вместе с Витькой он поплёлся на кухню к тарту и остывшему чаю. Выковыривая вилкой бананы из желе, Лёша думал, почему же мужик послушался старичка? И что это за старичок? Раньше Лёша не видел его в подъезде. Витьку же подобные размышления, казалось, не беспокоили. Он радостно уплетал торт и, громко сёрбая, прихлёбывал чай. Счастливое чаепитие прервало настойчивое жужжание. Витька потянулся в карман брюк за телефоном и вздохнул:

– Опять влетит...

–...беспокоюсь! ...быстро домой! – вырывались обрывки фраз из телефона.

Уши Витьки стали похожи на два красных яблока, которые, того и гляди, свалятся с ветки. Он виновато обрисовывал вил-

кой цветочки на скатерти, что-то мекал и бекал маме в ответ. Не мог же он сказать правду!

Чтобы не смущать друга ещё сильнее, Лёша прошмыгнул в коридор. Одинокое стоящий у двери стул манил к себе. Не в силах справиться с любопытством, Лёша снова стал следить за площадкой – никаких намёков на бабу. Разве что на ступенях мелькнуло рыжее пятно.

– Ба-а-арсик! – закричал Лёша и кинулся открывать двери.

Он осторожно высунул голову в приоткрытую дверь и позвал кота. Похудевший Барсик вальяжно развалился посреди площадки и обстоятельно выкусывал комки грязи, прилипшие к задней лапе. Никакие «кис-кисы» его не впечатляли. За две недели кот успел распробовать свободу, поэтому не спешил возвращаться домой.

– Ты это чего?.. – пришёл на шум пунцовый Витька.

– Да вот, – махнул Лёша, не повернув головы, – Барсик домой не идёт.

Витька оттеснил друга, высунулся наружу, чтобы поглядеть на кота, и краем глаза заметил, что дверь в бабкину квартиру приоткрылась. Из тумана вылезла серая рука и поставила у порога блюдце с молоком. Барсик тут же перестал вылизываться и, задрвав хвост трубой, рванул к молоку.

– Глупый кот! – бросился следом Витька.

Не успел Лёша сообразить, что случилось, как Витька подхватил кота и, круто развернувшись, побежал назад. Одна из летающих рук вцепилась в капюшон Витькиной толстовки и потащила мальчика в туман. Испуганный кот свалился на пол и юркнул в родную квартиру, едва не сбив Лёшу с ног.

Витька вилял из стороны в сторону. Тяжело пыхтя, он пытался снять толстовку и вывернуться. Руки беспорядочно мелькали в воздухе. Они жаждали цапнуть Лёшу и не давали Витьке вырваться, хотя тот отбрыкивался ногами и хватался за двер-

ной проём бабкиной квартиры. В конце концов руки утащили добычу в туман, и дверь с грохотом захлопнулась.

Лёша ревел до икоты и никак не мог остановиться. Отчаянно прижимая кота к груди, он выскочил на площадку и застучал в центральную квартиру. Дверь открыл старичок в синем костюме.

— Пом... о-о-о-оги... те, дедушка, — икая, всхлипнул Лёша.

Добрые глаза старичка некоторое время внимательно изучали зарёванного мальчика и апельсинового кота.

— Что же, — сказал он, поглаживая пышные усы, — заходите.

Лёша переступил порог и замер. Крошечный коридор был так сильно завален всякими вещами, что и шагнуть-то было некуда. Со стен свисали новогодние костюмы, бусы из сушёных грибов и трав, на полу стояли бесчисленные баночки с вареньем, корзинки с мандаринами и яблоками и ваза с павлиньими перьями. Лёше сразу подумалось, как было бы здорово играть с Витькой в индейцев, будь у них такие красивые перья. Ребята во дворе уж точно обзавидовались. Потом внимание Лёши привлекли расписная гитара, притаившаяся в углу, и круглый аквариум с золотыми рыбками, стоящий на высоком столике с коваными ножками.

— Ну, рассказывай, — ласково попросил старичок.

И Лёша вдруг стал рассказывать обо всём, что произошло. И про бабу, и про Витьку, и про кота. Незаметно для самого себя мальчик перестал плакать и успокоился. Возможно, дело было в запахе вишнёвого пирога или, может, в странном тепле, которое волнами исходило от старичка.

— Вот оно что, — хмыкнул дедушка. — Я и сам по молодости любил пошутить. Только с мёртвыми лучше не играть.

— С м...мёртвыми? Она что? Съест Витьку?! — у Лёши опять началась икота.

Старичок усмехнулся:

– Съест? Это вряд ли. Разве что напугает. Но ты не бойся. Это всё ещё твоя соседка, которая... Как бы тебе объяснить? Понимаешь, иногда это случается с теми, кто умер в одиночестве. При жизни до них никому нет дела, поэтому после они стараются наверстать упущенное. Вы с Витей просто попали под горячую руку.

Лёша хотел заплакать, но передумал. Чтобы спасти Витьку, нужно быть храбрым.

– Что же мне делать? – спросил он, прижимая мурчащего кота.

– Извиниться, конечно, – ответил старичок, как будто речь шла о совершенно обычном деле. – Зачем было звонить, напрашиваться в гости, а потом сбегать?

Лёша промолчал. Уж очень ему не хотелось идти к бабке.

– А Барсика можно с собой взять?

– Кота? – дедушка снова погладил усы. – Пожалуй, можно. Пойдём втроём.

Старичок ободряюще похлопал мальчика по плечу и распахнул дверь. Лёша мысленно попрощался с павлиньими перьями и вышел на площадку. Через домашние тапочки отчётливо ощущался холодный пол.

– Почему вы не боитесь бабку? – поинтересовался Лёша, переминаясь с ноги на ногу.

– А что мне её бояться? – дедушка постучался в бабкину квартиру. – Я слежу за порядком во всём доме. И за живыми, и за мёртвыми. Видел на фасаде табличку «Дом образцового содержания»? Так это я его таким делаю. Пока жильцы на работе, присматриваю за квартирами. Слежу, чтобы домовая нечисть не шалила. Но времена сейчас, знаешь, такие, что иногда нечисть саму нужно защищать от людей.

Лёша крепко сжал руку старичка. Он с ужасом прокручивал, как откроется дверь и покажется безобразное лицо ста-

рухи. От ожидания Лёша беззвучно шевелил губами, напевая мелодию собственного сочинения, — «тара па ту! пара пи пу». Как будто это заклинание могло разогнать чудовищ.

Едва троица переступила порог, дверь захлопнулась. Вместо бабки их встретили затхлый запах и глухая стена тумана. Лёша почувствовал, как что-то похожее на крупного щенка коснулось ноги, и тут же отдёргнул её.

— Здравствуйте, Варвара Петровна, — поздоровался дедушка.

— Какие гости! Проходите на кухню. Чаю налью, — прошамкала бабка.

В глубине квартиры послышалась возня. Туман постепенно рассеивался. Одна из летающих рук подхватила пальто дедушки и повесила его на крючок, вторая убрала туфли в обувницу. Лёша со старичком сели на стулья в кухне. Бабка стояла спиной к ним и возилась у плиты. Витьки нигде не было. «Неужели съела?» — подумал Лёша.

Мальчик старался не смотреть на бабку. Но взгляд сам собою скользил по ужасным рукам, застиранному фартуку и цветастому платью, какие любят старухи. Бабка поставила чашки и налила чай. Лёша не притронулся.

— Спасибо, Варвара Петровна, — поблагодарил старичок и, прихлебнув чай, как бы между делом, спросил. — А что это вы детей пугаете, да ещё поговаривают, и воруете?

— Это кто это поговаривает? Этот, что ли? — бабка ткнула пальцем в Лёшу. — Так заслужили. Целыми днями только и хулиганят бездельники. Думала, после смерти оставят в покое, так нет же. Я их пирогом хотела угостить, а они звонят, стучат, издеваются! А вы, между прочим, за порядком должны следить, чтобы такого не было. Понимаете?

— Понимаю. Но думаю, они не со зла.

Лёша потянулся за чаем, но дедушка толкнул мальчика ногой под столом.

– Не-не... не со зла, – заикаясь, тоненьким голоском выдавил Лёша. – Я не хотел.

Дедушка одобрительно похлопал мальчика по плечу.

– Вот видите, Варвара Петровна, он извиняется.

– Очень, очень извиняюсь, – подхватил Лёша и заёрзал на стуле. – Честное слово, я не хотел.

Он вытер мокрые от пота ладони об кота, стыдясь посмотреть на старуху.

– Варвара Петровна, чай у вас, конечно... Феноменальный. Но можно ли нам поглядеть на Виктора? – старичок поставил кружку на стол и пригладил волосы.

Старуха замолчала, и, хотя Лёша не видел выражения её лица, почувствовал, что идея бабке не понравилась. Внезапно на стол запрыгнула рука и утащила печенье.

– Пошла вон! Пошла! – старуха ударила по руке подолом фартука. – Вот черти... А Виктор ваш наказан. Я заперла его в шкафу за мерзкое поведение. Он-то и не подумал извиниться.

– Уверен, он уже раскаялся, Варвара Петровна. Бывало, я и сам по молодости...

– Наверное, – прервала старичка бабка, – только я всё равно не хочу его отдавать. Во всяком случае пока.

– Почему? – вмешался Лёша. – Он обязательно извинится, хоть сейчас!

Бабка развернулась к дедушке и наклонилась ближе:

– Вы же знаете, что я не могу отсюда уйти. И посетителей, как видите, тоже немного. Если я отпущу мальчика, то останусь совсем одна. С этими разве поговоришь? – она махнула на руку.

Старичок молчал. В соседней комнате кто-то скрёбся. Может, это Витька пытается выбраться из шкафа? Лёша крепко

обнял кота и наконец осмелился посмотреть бабке в лицо. Оно оказалось застывшим, высушенным, но не таким страшным, как представлялось. Напротив, было в нём что-то уставшее и отчаянное.

– Варвара Петровна, давайте я вам оставлю Барсика, а вы отпустите Витьку? – предложил Лёша совсем по-взрослому.

Старуха снова задумалась и приложила морщинистую руку к месту, где должны находиться губы. Мальчик заметил, что один глаз у неё не двигался.

– Посмотрите... Это же самый лучший кот. Он как апельсин! С таким не будет скучно, – настаивал Лёша, шмыгая носом.

Барсик утвердительно мяукнул, спрыгнул на пол и потёрся о ноги бабки. Она машинально его погладила.

– Ладно, давайте вашего кота. Только быстро, а то переделаю, – согласилась старуха. – Всё лучше, чем мальчишка в шкафу.

Она отыскала на полке, висевшей над раковиной, красную жестяную банку в белый горошек и достала оттуда ключ от платяного шкафа. Бабка заковыляла в зал. Минут через пять, ухватив Витьку за левое ухо, она вывела его к гостям. Несмотря на потрёпанный вид, Витька довольно жевал печенье.

– Лёшка! – кинулся к другу Витька.

– Витька!!!

– Встреча на Эльбе, – прокомментировала старуха.

– Что же, Варвара Петровна, – старичок поднялся и направился к выходу, – на этом откланиваюсь. Спасибо за чай, но надо идти.

– Идите, идите... – бросила старуха вслед уходящим гостям, и Лёше показалось, что её голос стал мягче.

Перед выходом он обернулся, чтобы последний раз посмотреть на апельсиновый клубок, свернувшийся у ног бабушки, и понял, что больше не боится старушку. На площадке

Витька уже всюду обещал старичку никогда в жизни не шутить со звонками и, вообще, никогда не шутить, а стать таким же серьёзным юристом, как мама.

— А что это вы тут делаете, пацанва? — бодро спросил Лешин папа, показавшийся на лестнице. — Ещё и в домашних тапочках. Идите быстрее домой, пока мама не отругала.

— Папа! — бросился к нему на шею Лёша.

Он хотел познакомить папу со старичком, но тот словно растворился в доме.

— Ну и что? — выпытывал Лёша.

— А ничего. Никто мне дома не поверил. Ещё и влетело, что плавание пропустил, — отозвался Витька.

— Да уж... Вот так и рассказывай правду.

После домашнего ареста Витьки, впервые за неделю, мальчики пришли в Лешин двор на качели. Снега выпало по колёно и можно было побросаться снежками, но как-то не хотелось. «Значит ли это, что я вырос?» — подумал Лёша, всё выше и выше раскачиваясь на качелях. И синее безоблачное небо мелькало у него перед глазами.

— Смотри! — Витька показал пальцем на знакомого старичка и спрыгнул на землю.

Лёша слез с качелей и вслед за Витькой побежал к дедушке. Тот придерживал ворот пальто, щурился от солнца и при свете дня выглядел гораздо моложе, чем в подъезде.

— Здравствуйте! — сказали мальчики почти хором.

— Здравствуйте, ребятня. Как поживаете? Надеюсь, не шалите? — старичок задорно улыбнулся.

— Не... — ответил Витька.

— Бросили это гиблое дело, — поддержал Лёша.

– Молодцы! – похвалил старичок. – Там вам бабушка привет передавала.

– Д-да? И мы ей тогда тоже, – неуверенно ответил Лёша.

– Не получится уже. Переехала бабушка, – старичок запахнул воротник поплотнее.

– Куда? – удивился Витька.

– Кто знает... Куда определили, туда и переехала. Она и так задержалась в этом доме. Кстати, бабушка просила вам ещё кое-что передать. Говорит, ей там надобности не будет.

Дедушка расстегнул верхние пуговицы пальто и вытащил спящего Барсика.

Никита Селезнев

«ДЫРЫ»

Когда я был маленьким, у меня была пятнашка. Знаете, такая игрушка. Там квадратики в коробочке, которые надо передвигать, чтоб картинка получилась. Вот у меня была с солнышком. Первые два дня, как мне её купили, я из рук её не выпускал, всё передвигал и передвигал эти квадратики, смотрел на улыбающееся личико солнышка и радовался.

А на третий день она пропала. Просто исчезла. Перед сном я положил её на тумбочку рядом с кроватью, а когда проснулся, пятнашки там уже не было. Я перерыл весь дом, насколько это было в моих силах — пять лет всё-таки не особо много, но нигде не было ни следа. Я спросил у мамы с папой, но они лишь недоумённо пожали плечами. Тогда мне хотелось плакать. Через неделю я лишь изредка вспоминал о ней, а через месяц и вовсе забыл. До поры до времени.

Через несколько лет мне вспомнился этот случай. Когда я полез за одним из своих любимых дисков, чтоб пересмотреть его в сотый раз, но в коробке было пусто. Чёрт, да я даже не давал его никому, куда он мог подеваться? Я его так и не нашёл, а коробка до сих пор где-то валяется. Оставил себе, как напоминание.

Потом пропала стопка журналов. Тогда все коллекционировали журналы о супергероях. С ними ещё продавали карточки, в которые мы обожали играть. И как-то мы сидели на улице, разглядывали новые выпуски. Тут нас позвали родители, буквально на минуту. Ну мы и оставили журналы на лавочке. А когда вернулись — ничего. Пусто. С тех пор мне их больше не покупали...

Когда я повзрослел, я начал внушать себе, что это просто ложные воспоминания, что ничего этого не было, всего лишь

фантазии моего больного мозга. И я ведь правда начал в это верить. Это было самым логичным объяснением.

Я закончил школу, универ, нашёл работу. И всё вроде как хорошо, обычная, спокойная жизнь. А потом я прихожу домой и вижу посреди кухни... сапог. Чёртов левый сапог! Чёрный такой, с грязью, присохшей к подошве. Стоит на моём ковре. Так, как будто всю жизнь тут стоял. И откуда он только мог взяться? Я проверил — окна закрыты, задняя дверь тоже. Сел на стул рядом с ним. Буравил его взглядом в надежде, что он ответит мне, с какого перепугу он здесь очутился. Конечно же, он молчал. Ну я и отнёс его на помойку, от греха подальше.

Тогда я ещё не подумал, что сапог может быть как-то связан с пятнашкой или с журналами. Ну действительно — какая тут может быть связь? А наутро мне это уже казалось просто сном. Может, так оно и было?

На несколько месяцев моя жизнь вновь стала обычной. Как-то во время отпуска я сидел и скучал, глядя в окно. Живу я немного поодаль от других домов нашего небольшого городка, сразу за моим домом начинается лес. Да и вокруг деревьев полно. Люблю я природу, что с меня взять. Вот и во дворе всякого насажал: цветочков, кустов и деревьев. Даже названий их всех не знаю, да и какая разница, главное, что красиво. Сижу я, значит, смотрю на всю эту красоту у меня во дворе, а тут на горизонте появляется почтальон. Идёт, ясное дело, к моему ящику и кладёт в него ворох квитанций и, кажется, ещё письмо там было. Скрывается он потом за поворотом, я и выхожу, чтоб забрать всё это дело. Открываю ящик. И что же вы думаете? Пустой! Абсолютно пустой. Ни листочка там нет. Но я же своими глазами видел, что почтальон только что их сюда положил. Подумал я, что это чья-то глупая шутка, начал искать в ящике что-то типа двойного дна. Но нет, самый обычный ящик. Почесал я голову, да так и ушёл домой в непонятках.

А через месяц квитанции пришли, а в них долг. Значит, были всё-таки, это уж точно ни почудиться, ни присниться не могло.

Стало быть, разыгрывает меня кто-то.

Поэтому решил я себе поставить камеры по углам дома. В комнате своей монитор поставил ещё один, чтоб круглосуточно на него транслировалось всё. Шесть недель всё было тихо. Я уже думал, что зря потратился на всякое это видеонаблюдение, а оно, между прочим, не такое уж и дешёвое.

Но тут выхожу из дома как-то и чувствую, что что-то не так. Смотрю под ноги — и правда. Коврик пропал! Я бегом в дом, включаю запись и смотрю. И знаете что? Он просто исчез. Лежал, лежал — хлоп! — и нет его. Я глазам своим не поверил. Пересмотрел. Вижу то же самое: есть коврик, следующий кадр — нет коврика.

Я плюхнулся в кресло и закрыл глаза. Кажется, я схожу с ума. Помассировал виски. Надо сходить к доктору.

Рассказал ему всё, значит. И про сапог, и про коврик, и про ящик почтовый. Кажется, он странно на меня посмотрел. Но ничего не сказал, что я какой-то ненормальный или что-то типа того. Прописал успокоительное. И снотворное. Зачем? Со сном-то у меня всё в порядке. Но я спрашивать не стал. Он доктор, ему виднее.

На работе отгул взял на несколько дней. Мысли в порядок привести. Может, это у меня от нервов. Сидел, смотрел телек с утра до ночи. Да и заснул разок перед ним. Просыпаюсь, протираю глаза — нет телека. Пустая полка. Тут меня в жар бросило, голова разболелась. Кажется, и правда с ума схожу. Так недолго и в психушке оказаться.

Пошёл я на кухню, водички попить. Отвлечёлся. Может, я всё ещё сплю. Пока воду наливал, так себя успокаивал. Подношу, значит, стакан ко рту — хлоп! — а его нет! Нет в руке ничего. А тут раз — ложка со стола пропала. Раз — и чайник с плиты

исчез. Хлоп — и на месте холодильника только пыльное пятно осталось.

Тут-то я и понял, что свихнулся. Попятился, наткнулся на стенку, да так и сполз по ней. Плюхнулся — и упал. Не было за спиной больше стенки. Я повернул голову и не увидел ничего. Пустота. Чёрное ничто. Кажется, теперь я исчез.

— О-о-о-о-о, о-о-о-о-о! — тут я услышал ошарашенный возглас. — Кто вы?

Я обернулся на голос и увидел, что здесь всё-таки не совсем ничто. Здесь были горы. Я пригляделся — они состояли из всевозможных вещей. Книги, бутылки, стулья, вешалки — что угодно. Я от удивления даже рот раскрыл и забыл, что ко мне обращались. Но тут я услышал покашливание и наконец посмотрел на того, кто ко мне обращался. Человечек. Невысокий такой. Может, метра полтора. В нелепой одежде, как будто детский комбинезон. У него была аккуратная борода и тонкие усики. А на носу сидели здоровенные очки. Пока я разглядывал его, он уже подошёл вплотную, глядя на меня снизу вверх. Он начал говорить какую-то тарабарщину, я ни одного слова не понял.

— Чего?

— А. Всё-таки правильно я язык определил сначала. Чего же тогда молчали? Так кто вы?

— Ну Алекс.

— Алекс. Чудненко. Я Вандерганггер. Будем знакомы.

— Вандер...

— Ах да, лучше просто Вандер. Так будет удобнее.

— Где я?

— В сингулярности.

— Где?

— Как бы попроще объяснить. Это такое место, куда ведут все дыры во всех вселенных. Ну, знаете, вселенная соткана из материи, она похожа на ткань, а ткань имеет свойство рвать-

ся. Так и вселенная рвётся, причём очень часто. Правда, разрывы эти крайне малы, но через них всё же умудряются иногда проскакать предметы. А бывает, что они пролетают сквозь сингулярность, если открываются две дыры одновременно. И так предмет может переместиться в другую вселенную.

– Как сапог...

– Что, простите?

– У меня посреди кухни как-то раз из ниоткуда появился сапог.

– Вот, да, возможно, это и было сквозное пролетание. Так вот. Обычно эти дыры малых размеров, но в последнее время творится что-то странное. Вселенные страдают. Не знаю, чем это вызвано, но разрывы участились. Стали больше. Вы тому прямое доказательство. Ещё никогда здесь не было живых существ из какой бы то ни было вселенной. Вы первый.

– Ничего не понимаю.

– Не переживайте, вам это и не нужно. Теперь необходимо узнать, каким образом вы здесь оказались.

Человечек повёл меня куда-то. Шёл он быстро, буквально летел, поэтому мне пришлось чуть ли не бежать за ним. Мы оказались рядом с какой-то металлической коробкой метра три высотой.

– Вот мы и пришли. Залезайте.

– Зачем?

– Будем вас сканировать.

– А это безопасно?

– Не переживайте. Всё будет хорошо.

Ну я и полез. В ней было абсолютно темно. Как только она закрылась, раздался щелчок, потом гудение, немного затрясло. Мне стало щекотно. Секунд через тридцать всё это прекратилось и коробка освободила меня.

– Поразительно. Это многое объясняет.

Человечек был возбуждён, его глаза блеснули. Он начал рисовать руками в воздухе какие-то фигуры. Выглядело это крайне забавно.

– Удивительно. В вашей ДНК есть изостеринисфер. Все предметы, попадающие сюда, имеют его остаточный внешний след. Именно из-за него, по нашей теории, открываются дыры. Мы понятия не имели, откуда он появился, думали, что это одно из веществ, разлетевшихся по вселенным после Взрыва. Но вы, вы опровергаете это! Он у вас внутри, и его очень много. Значит, он может синтезироваться в живых организмах. А уже от них его получают предметы. Прикосновения, выделения. О, эта теория может изменить всё!

– Что всё, Вандер?

– Если мы обнаружим источники, мы сможем их ликвидировать. У нас есть вещество, которое нейтрализует изостеринисфер. С его помощью мы закрываем дыры. Если использовать его на носителях, то они не смогут больше рвать полотно вселенных. Не бойся, это абсолютно безопасно. По крайней мере, я так думаю. Расскажи мне, было ли в твоей жизни такое, что пропадали предметы, окружавшие тебя?

– О, много раз. Так много, что мне казалось, что я сошёл с ума. Правда, сейчас кажется ещё больше. Видимо, я действительно свихнулся.

– Нет, ты не свихнулся, ты спас вселенные! Если бы ты не попал сюда, кто знает, что бы происходило дальше. Конечно, рано или поздно сюда бы попал другой носитель, но лучше рано, чем поздно, верно?

– Наверное. Но что теперь будет со мной? Я могу вернуться домой?

– Вернуться? Что ж, это можно. Но для этого тебе нужно найти здесь что-то своё, какой-нибудь предмет, – Вандер показал рукой на огромные горы вокруг.

– О, чёрт...

– Не переживай, у тебя есть всё время мира. Оно здесь течёт совсем не так, как ты привык.

Человечек хлопнул в ладоши и исчез. Оставил меня одного, наедине с этими залежами потерянных вещей. Я вздохнул и отправился на поиски.

Не знаю, сколько времени прошло, но в очередной яме, которую я разрыл в, кажется, десятой, а, может, и одиннадцатой – я сбился со счёту – горе, под полотенцами, пакетами, расчёсками и прочим хламом я увидел знакомую улыбку. Как безумный, я начал раскидывать вещи и наконец извлёк на свет ту самую пятнашку, которая исчезла много лет назад. Солнышко улыбалось мне, а я улыбался в ответ. От счастья я закричал:

– Вандер!!! Я нашёл её!!!

Не знаю, как, но Вандер моментально оказался рядом со мной.

– Ого, замечательно. Теперь ты можешь отправиться домой.

Вандер пожал мне руку, взглянул в глаза, а потом легонько толкнул в грудь.

– Счастливого пути!

Я открыл глаза. Начал шарить рукой по тумбочке в поисках телефона. Но нашёл другое. Пятнашку. Было воскресное утро, и скоро должны были начаться мультики. Я почувствовал, что голоден. Вскочил с кровати и выбежал на кухню.

– Ма-ам, я кушать хочу.

– Завтрак на столе, мой руки и садись.

Когда я уселся, в моей голове вдруг мелькнуло несколько картинок. Кажется, из того длинного сна, который мне снился. Я мотнул головой. Всё равно его уже не вспомнить.

Было воскресное утро. Мне было пять. А на моей тумбочке лежала пятнашка, купленная три дня назад.

Никита Селезнев

«ОБЫКНОВЕННЫЕ БОГИ»

Уже который день Даник лежал и смотрел в потолок. Каникулы. Как он ждал их! И зачем? Месяца не прошло, а ему уже так осточертело это ничегонеделание, что хоть на стену лезь. Или в школу иди. Он уже на всё готов. Но до школы ещё долго. Да уж, безвыходная ситуация.

От отчаяния Даник даже читать начал. Откопал где-то у отца древнюю бумажную книгу, такие сейчас только в музеях встретишь. На полустертой обложке были едва видны буквы названия — Мифы Древней Греции. Их проходили только по программе углублённой литературы на спецкурсе древнейших памятников фэнтезийной культуры.

Он прочитал книжку от корки до корки за один вечер. Интересно, но мало. Эх, вот им там, древним грекам, весело было! Вечно что-то придумывали. А сейчас... Все уже нашли, все уже придумали. И чем заниматься юным умам, жаждущим открытий? Только в потолок плевать...

В дверь постучали. Даник нехотя встал и пошёл открывать. На пороге стоял Тёма, его одноклассник и лучший друг. Они всю жизнь прожили в одном дворе и знали друг друга с пелёнок. Но в последнее время Тёма устроился на подработку в лабораторию к своему папе, поэтому целыми днями пропадал там, оставляя Даника в одиночестве.

— Ты тут ещё со скуки не загнулся? — Тёма шагнул в просторную квартиру. — Да, вид у тебя, конечно... Что, совсем-совсем заняться нечем?

Даник отрицательно мотнул головой.

– Эх, ты, хоть бы сходил куда-нибудь, весь день дома сидишь.

– Да куда? Днём жара, а вечером... Чего одному ходить? Мне и дома хорошо.

– Ну-ну.

– А ты чего пришёл? Ты разве не должен у папы сейчас быть?

– У меня выходной. Сегодня же воскресенье.

– А, да? Я и не заметил. Вроде вот только оно было... Может, тогда в приставку покатаем?

– Есть идея получше, – Тёма усмехнулся. – Смотри, что я достал у отца в лаборатории.

Он достал из кармана какой-то сенсорный прибор, похожий на диск.

– Что это?

– Машина времени! – торжественно заявил Тёма. Даник рассмеялся:

– Ага, да, конечно!

– Не веришь? В вечный двигатель тоже никто не верил, а сейчас! На чём вот твой гиротрон работает?

– Одно дело гиротрон, а другое – машина времени.

– Это рабочий экземпляр! Давай я тебе докажу! Выбирай, куда отправимся.

Даник задумался. А вдруг правда работает? Тогда куда бы он хотел попасть? Он окинул взглядом комнату. Ему на глаза попались «Мифы».

– В Древнюю Грецию хочу.

– Да пожалуйста! – Тёма начал водить пальцами по диску, что-то набирать и стирать. Потом вдруг металлический голос сказал: «23 июня 373 года до нашей эры, Стагир, Древняя Греция». И тут квартира Даника превратилась в одно большое

разноцветное пятно. Закружилась голова. Вокруг мелькали красные, жёлтые, серые вспышки. Даник зажмурился.

Вдруг кто-то коснулся его плеча.

– Прилетели. Вот тебе и Древняя Греция.

Даник огляделся. Под ногами у них была каменная дорога, а вокруг только холмы и деревья. Где-то вдалеке по дороге шли люди.

– И куда теперь?

– Сейчас спросим!

Тёма направился навстречу прохожим. Они выглядели очень важными людьми, в тогах они были похожи на древнегреческие статуи, которые мальчики видели в музее. Впрочем, ничего удивительного.

– Давай спросим у того мальчика, – Даник показал рукой на маленького паренька, маневрирующего между неторопливых взрослых.

– Модулятор! Язык конвертации – древнегреческий, – Даник повторил за Тёмой.

– Эй, мальчик! Иди сюда!

Он испуганно вскинул голову и посмотрел на пришельцев. Только сейчас они заметили, что и другие люди косились на них с подозрением.

– Одежда, – шепнул Тёма.

– Предоставь это мне, – Даник протянул руку испуганному мальчику. – Ну-ну, не бойся иди сюда. Как тебя зовут?

– Ари, – он всё ещё не решался подойти к ним поближе.

– Здравствуй, Ари. А не подскажешь нам, далеко ли отсюда до Сагира?

– Стагира...

– Ах да, Стагира, прошу прощения.

– А кто спрашивает?

– Мы – посланники Зевса!

– Посланники Зевса? – мальчик завопил, и прохожие с подозрением посмотрели на пришельцев.

– Тише, тише! Да, они самые. И мы будем очень благодарны, если ты отведёшь нас в город.

– Да, конечно, пойдёмте! – Ари пустился вприпрыжку по вымощенной дороге. Мальчики переглянулись и пошли следом.

– И зачем ты это ляпнул? – сердито шепнул Тёма.

– Зато теперь мы не вызовем подозрений.

– Ты серьёзно? Не вызовем подозрений?! Посланники Зевса – что может быть незаметнее?

– Успокойся. Видишь, всё же хорошо. Сейчас посмотрим на город и отправимся домой.

Очертания города становились всё ближе, пока наконец путники не оказались перед городскими воротами, которые охраняли стражники.

– Стой, что за шуты идут в наш город?

– Мы...

– Это посланники Зевса! – Ари перебил Даника и бойко ответил на вопрос. Стражники рассмеялись.

– Раз так, отведём их к господину Хилаю, пусть покажут, что умеют. Что шуты, что посланники – всё равно, кто его развлечёт.

Четыре стражника вышли к мальчикам и взяли их под руки.

– Всё хорошо, говоришь? – Тёма злобно посмотрел на Даника. Тот не нашёл, что ответить.

Их вели куда-то в глубь города, по широким улицам и узким переулкам. Ари бежал рядом, прося отпустить пленников, но ему в ответ сыпались только ругательства.

Наконец они вышли к высокому дому, стоящему на широкой площади. Его богатое убранство сразу говорило о том, что в нём живёт важный человек.

– А кто он, этот ваш господин Хилай?

– Он тут главный, мальчик. Всё, что ты видишь, принадлежит ему.

Их ввели в огромную залу, в глубине которой стояло что-то, похожее на трон. На нём восседал высокий худой человек с огромным орлиным носом и глубоко посаженными глазами. Он молча смотрел на вошедших.

– Вот, господин Хилай, схватили у городских ворот. Говорят, что от Зевса пришли, – стражник презрительно усмехнулся.

– Самое время отсюда выбираться. Вытаскивай нас отсюда! – дело принимало серьёзный оборот, поэтому Даник испугался.

– Я... Я пытаюсь. Но она не работает! Машина времени сломалась!

– Вы двое, подойдите сюда. Так-так, значит, посланники Зевса? Что ж, докажите нам, покажите силу богов нам, простым смертным!

Мальчики переглянулись и опустили глаза в пол. Где-то позади из-за колонны Ари молча наблюдал за происходящим. На его глазах блестели слёзы. Ведь он поверил им! А они... Да как они могли!

– В темницу их. На закате они всё-таки смогут пообщаться с богами. Мы организуем им встречу. Стража! Готовьте жертвенные столы!

Мальчиков привели в сырое подвальное помещение и посадили за решётку.

– Что будем делать?

– Не знаю.

Они молча сидели и смотрели в узкое окошко, где солнце стремительно приближалось к горизонту. Наконец к ним снова пришли и вытащили на главную площадь.

Здесь собралось много народу. Всем хотелось посмотреть на самозванцев. В первых рядах стоял Ари и тоже, как и все, наблюдал за происходящим.

Мальчиков подвели к столам. Около них стоял жрец, который размахивал руками и говорил непонятные заклинания.

— Это конец, — Даник закрыл глаза.

Вдруг где-то над ними из ниоткуда появилась туча и ударила молния. Толпа зевак начала испуганно озираться, многие побежали. И тут раздался громopodobный голос:

— Как вы, смертные, посмели сомневаться в моих избранниках? Я послал их, чтобы они посмотрели на вашу земную жизнь, принесли мне благие вести о вас. А вы! Вы разочаровали меня!

Снова ударила молния, потом раздался громкий хлопок, и туча пропала. А вместе с ней пропали и мальчики.

Снова пространство вокруг них поплыло, закружилась голова. Потом через разноцветные пятна начали проступать знакомые силуэты, пока, наконец, мальчики совсем не оказались в Димкиной квартире. Рядом с ними стоял Тёмин папа.

— Папа! — Тёма бросился его обнимать. — Но как ты узнал?

— Ваши перемещения оставляют след заряженных частиц, поэтому это было несложно. Но если ты ещё раз возьмёшь без спроса машину времени, то я спасти вас не буду. Хоть бы посмотрел перед тем, как хватать, что зарядки вам хватить должно было только туда. А что, если бы я опоздал?

— Прости, прости, мы больше не будем!

— Да, извините нас. Мы больше не будем, правда!

— Эх, вы, горе-путешественники. Будете, но только в сопровождении старших, чтобы опять чего-нибудь не натворить.

— Па-ап.

— Да?

— А как ты это сделал?

— Что?

— Ну, тучи, молнии, голос.

– Сынок, голографическое устройство и динамик, ничего сложного.

– Ааа, ну да, – Тёма рассмеялся.

А где-то там, в Древней Греции, домой прибежал маленький мальчик.

– Мама, мама, представляешь, там, на площади, только что был сам Зевс! Он забрал двух мальчиков, которые были его посланниками, но никто им не верил, кроме меня. Я знал, я знал!..

– Ну глупи, Аристотель, ну какие боги в нашем захолустье могут быть? Тебе, наверное, показалось. Лучше займись уроками!

– Да, мама...

Автор иллюстрации Полина Самородская

Николай Кадыков

«ДИКАРИ»

– Дело пошло, – Пирс удовлетворённо потёр руки. – Как я и думал, на этой планете не знают антигравитации. Я уже продал один наш двигатель.

– Продал? – Ворт удивлённо посмотрел на партнёра. – А как мы улетим отсюда?

– Для отлёта нам нужно шесть антигравов, а их у нас восемь. И ещё у нас есть динамики. Улетим богачами)

– Для динамиков нужен родий, а его у нас нет, – напомнил Ворт.

– Не бойся, я всё проверил. Родия тут как грязи, буквально все склады забиты. Кстати, за один антиграв я взял восемьсот местных золотых монет! Четыре кило золота! – Пирс выложил на стол увесистый мешок.

– Увесистые у них тут деньги. Может, продадим ещё один двигатель? – Ворт заглянул в мешок. – Нам хватит оставшихся, а на золото сможем купить дома новый звездолёт.

– Попробую продать антиграв за платину, видел я тут и такие монеты, – усмехнулся Пирс. – Платина у нас ценится дороже.

Вечером Пирс просто ворвался в рубку.

– Эти дикари не знают цены на платину! Я продал все наши оставшиеся антигравы, по тысяче за штуку. Платиной! Тридцать пять кило платины – этого хватит на пять звездолётов!

– Улетаем на динамиках? – Ворт понимающе улыбнулся. – Лететь придётся в два раза дольше, но оно того стоит!

– Пошёл покупать родий. Он тут по три серебряные монеты, десяти килограмм нам хватит. Возьму пару золотых монет. И того много будет.

– До чего дошло, – Ворт с любовью посмотрел на столбики платиновых монет на столе. – Раньше продавали дикарям зеркала и бусы – а сейчас пошли в ход антигравитационные двигатели и лазеры.

– Смысл от этого не поменялся. У кого лучше технологии – тот всегда побеждает. Ладно, я за родием. Пора убираться с этой несчастной планеты.

Пирс вернулся только через сутки. Он тяжело ввалился в рубку, на нём не было лица.

– Представляешь, родий нельзя купить за золото. И за платину нельзя. И за алмазы, если бы они у нас были. Только за серебро. А ничего из того, что у нас есть, за серебро продать нельзя.

– И где мы возьмём серебро? – Ворт приподнялся с сиденья.

– Серебро тут можно только заработать. Мне уже предложили пару мест, из них самое приемлемое – родиевые рудники.

– И долго нам придётся работать?

– Десять лет, – Пирс устало вытер пот. – Кажется, я знаю, из кого состоит здешнее население. Нужно хорошо отдохнуть, про выходные на этой планете не слыхали.

– Дикари, – согласился Ворт.

Николай Кадыков

«ТАРАКАНЫ»

– Не нравится мне это, – сказал Ворт, мрачно глядя на огромную сверкающую гору. – Раньше мы находили алмазы по одному, а тут сразу – такая куча. Да ещё они, кажется, огранённые.

– Да, странно. Впрочем, и сама планета странная, – Пирс медленно огляделся. – Вроде необитаемая, но всё время кажется, что кто-то на нас смотрит.

– Давай не будем их брать? – Ворт направил на гору алмазов луч фонарика, и они засверкали нестерпимо ярким светом.

– У меня есть идея! – Пирс осторожно подобрался к горе и кинул в неё свой фонарик.

Друзья услышали негромкий хлопок, и алмазы окутались жёлтым облаком, которое стало быстро расти во всех направлениях.

– Это яд! – Пирс глянул на панель анализатора. – Бежим!

Через некоторое время, когда оба уже заперлись в своём звездолёте и немного отдышались, Ворт задумчиво спросил друга:

– Напомни мне, Пирс, почему мы ходим искать алмазы по ночам?

– Потому что днём на нас пару раз падали каменные глыбы, – охотно ответил Пирс. – Вероятно, это какой-то местный геологический феномен. По ночам тут тихо. Да и нет тут никого, за неделю мы не встретили ничего живого.

– Если мы никого не встретили, то это ещё не значит, что тут никого нет, – Ворт приподнялся с кресла, чтобы плес-

нуть себе в стакан немного виски. — Я тут вдруг вспомнил... Когда я был маленьким, бабушка мне рассказывала, что когда-то на Земле жили такие вредные насекомые — тараканы. Они портили продукты, разносили заразу и вообще были мерзкими на вид. Обычно тараканы выползали только ночью, днём — только иногда. Люди боролись с ними, как могли. Травили химией, клали отравленные приманки. А когда видели тараканов днём — кидали в них тапками, молотками и вообще всем, что под руку попадётся.

— Что-то подобное и я припоминаю, — согласился Пирс. — Только про тараканов мне рассказывал дедушка. Но я не помню точно, что он говорил.

Полчаса они сидели и думали, потягивая виски и смотря в стену. Вдруг, не сговариваясь, посмотрели друг на друга.

— Нужно отсюда улетать, — медленно проговорил Ворт. — Нам тут не рады.

— Согласен. Тем более что я вспомнил, что мне рассказывал дедушка. — Пирс встал с кресла и нажал кнопку пуска двигателей. — Он рассказывал мне про тараканьи бега.

Николай Кадыков

«ПРОТИВОПОЖАРНАЯ ПЛАНЕТА»

– Не горят, – Ворт в сердцах плюнул на землю, где вокруг груды веток валялись сломанные спички и четыре зажигалки. – Спички не горят, зажигалки не работают.

– И электричества нет. Ни искорки, – перемазанный Пирс вылез из машинного отделения звездолёта. – Аккумуляторы заряжены под завязку, а электричества нет.

– Хорошо, что оно пропало метрах в двадцати от поверхности и падать было невысоко. – Ворт махнул рукой и бросил попытки разжечь костёр. – Электричества нет, огня нет. Опять сухой паёк доставать. Вокруг целый лес огромных деревьев – а костра не развести.

– Что-то тут в воздухе есть такое, что не даёт гореть огню и глушит электричество, – Пирс пытался грязной тряпкой вытереть чуть более грязные руки. – А что это – не определить, анализаторы не работают.

– Пошёл за галетами, – Ворт отправился к звездолёту и вдруг остановился. – А как мы отсюда улетим, раз нет электричества?

Утром друзья сидели в рубке, жевали печенье и думали, что делать.

– При посадке двигатели отказали у самой планеты, – задумчиво проговорил Пирс. – Значит, до этого электричество было. И пропало у самой планеты. Непонятный запрет на огонь действует только у поверхности.

– Да, нам бы поднять звездолёт на пару десятков метров – и мы бы улетели. Но как? – Ворт крутил в руках чайную ложку, которой помешивал в чашке холодный рас-

творимый кофе. – Не ждать же, пока под нами произойдёт извержение вулкана.

Пирс глядел на друга, на мелькавшую в его руках ложку и вдруг спросил:

– А топоры и пила у нас же есть? Они же без электричества работают? И верёвки тоже должны где-то быть.

– Ну да, ручной инструмент, тросы всякие – все ещё входят в аварийный комплект. По традиции, со времён парусного флота. Но как нам это поможет?

– Сделаем катапульту. Деревьев тут много, они огромные и крепкие. Заведём катапульту под звездолёт и запустим его в небо, двадцати метров должно хватить. А там и двигатели, глядишь, запустятся.

– А ты умеешь работать топором? – Ворт посмотрел на собственные руки. – А то я даже не представляю, с какой стороны за него берутся.

– Научимся, и быстро. Запасов галет у нас на месяц, успеет. – Пирс с воодушевлением поднялся с кресла. – Где-то у нас был старый военный справочник, там есть что-то про осаду замка. Там должна быть и схема катапульты.

– Катапульты – какое забытое слово... – Ворт со вздохом поднялся. – И нам придётся вспомнить и ещё одно старое слово – мозоли.

Николай Кадыков

«НЕВЕЗЕНИЕ»

– Это уже совсем никуда не годится, – Пирс стукнул кулаком по столу и опрокинул чашку кофе на пол. – Третий порт на этой планете – и ничего не продали.

– Ну кто же знал, что в первом городе будет фестиваль, при котором ничего вообще покупать нельзя? – Ворт осторожно отодвинул свою чашку подальше от края стола. – Во втором месте случилась забастовка таможенников, понятно, что наш звездолёт попросили убрать.

– Ну а тут-то почему случился какой-то карнавал, и все покупатели, вместо того, чтобы радостно покупать наши товары, вдруг ходят себе в масках, пьют и поют песни? Нет, мы можем подождать неделю, но я уверен – потом случится что-то ещё, что помешает аборигенам принести нам хоть какую-нибудь прибыль.

– Не горячись, всё будет хорошо, – Пирс повернулся в кресле, чтобы посмотреть в иллюминатор. Кресло хрустнуло, спинка его отвалилась, и Пирс оказался на полу.

– Кажется, я начинаю понимать, – сказал Пирс, потирая ушибленный зад. – Мне сразу показалось странным местное всеобщее счастье. Даже забастовки тут какие-то ненормальные, больше похожие на внеочередные выходные.

– Что тут понимать! Просто нам в этом рейсе не везёт, – Ворт встал, чтобы помочь другу подняться, но поскользнулся на пролитом кофе и упал рядом. – Не везёт, и всё! Пора отсюда убираться! Пока у нас остались целые кости.

Прошла неделя. Друзья сидели за столом и подсчитывали прибыль.

– Как ты догадался, что нужно не продавать, а дарить товары? – Ворт умиротворённо смотрел на ряды цифр. – Как ты мог знать, что после подарков нам вдруг посыпятся пожертвования от местных богачей?

– Всё просто, – Пирс медленно, с осторожностью подошёл к иллюминатору и показал в него на горящий огнями косморт. – Если нам не везёт – значит, кому-то должно везти? И я подумал, что эта счастливая планета живёт за счёт несчастья приезжих, таких, как мы с тобой. Нам же не везло с самого первого дня здесь!

– Это точно, – что-то вспомнив, Ворт потёр спину и чуть понижее.

– Ну вот! Значит, чтобы получить желаемое – надо было делать совсем не то, что мы хотели. Вместо того чтобы продавать – нужно было дарить!

– Отличная мысль! Однако, пора отсюда убираться, – Ворт нажал кнопку старта. Двигатель рыкнул и заглох.

– Не так же! – вскричал Пирс. – Мы же хотим ещё погостить тут? Насладиться местным гостеприимством? Остаёмся! – и нажал кнопку старта. Двигатели взревели, и звездолёт оторвался от поверхности планеты.

Николай Кадыков

«ДИПЛОМАТИЯ»

– Ты знал, что на эту планету нельзя ввозить ничего печатающее? – Ворт зло откинул пачку листов со списком запрещённых товаров. – Даже резиновые штампики для печати звёздочек и ромашек?

– Конечно, нет, – Пирс аккуратно подобрал список и положил на край стола. – Нам же просто сообщили, что всё это пользуется тут бешеным спросом.

– Конечно, пользуется, как и любая другая контрабанда. – Ворт схватился за голову. – И мы, как идиоты, везём сюда лизианскую типографию, лучшую в галактике! На которой можно напечатать хоть местные деньги! И стоящую, как ратуша в этом порту! А пронести её через таможню не можем, даже беглый досмотр покажет, что это контрабанда.

– Досмотр... – Пирс задумался. – Значит, нужно не допустить досмотра... У меня есть идея!

Через час Ворт с интересом рассматривал пачку документов, лежащих на столе.

– Оказывается, мы дипломаты с планеты Аззаран? А ты так вообще посол этой планеты, прибывший с секретной миссией? Отличная работа, даже водяные знаки есть и голограммы. Лизианская типография – вещь! Но зачем это нам?

– Дипломатический багаж не досматривается, – подошедший Пирс бросил на стол свёрток ткани. – Ты умеешь шить? Нужно сделать два церемониальных наряда для высоких слов нашей родной планеты Аззаран.

– Из розовой ткани в голубой горошек? – Ворт удивлённо глянул на друга.

– Я не виноват, что у нас нет других простыней. И сделай что-нибудь попроще, балахоны какие-нибудь. Нам они всё равно больше не пригодятся.

– А если таможенники нам не поверят и не пустят на планету? Или что ещё хуже, досмотрят багаж?

– Ну и пусть. В случае подозрений они должны сделать запрос на Аззаран, а я сомневаюсь, что такую планету они смогут найти в атласе. – Пирс сел в кресло, достал иголку с ниткой и пододвинул к себе свёрток. – Пока будут искать, мы продадим типографию и долетим до дома. Лучше скажи – у тебя есть напёрсток?

Николай Кадыков

«РЕДКИЙ ЗВЕРЬ»

– Долетели, – сказал Пирс, глядя на экран перед собой. – Три месяца полёта – и мы у цели!

– Три месяца блужданий, куча затраченных денег, тонны сожжённого топлива и нервов, – проворчал Ворт, посмотрев в бортовой журнал. – Четыре раза мы сталкивались с астероидами, помяли обшивку в двух местах, один раз чуть не упали в чёрную дыру. Интересно, оно того стоило?

– Оно – самое редкое животное в галактике. По крайней мере, если верить слухам. А я им верю, мне это рассказал главный биолог зоопарка на Гелене. А больше и богаче того зоопарка не найти. – Пирс достал затёртый до дыр рекламный проспект. – Видишь, тут написано, что лилианская маара обитает именно тут, на этой планете. Представляешь, за сколько мы продадим маару на Гелене? Там такого зверя нет.

– Давно ты стал доверять рекламе туристических компаний? Вдруг последняя маара давно издохла, и мы сможем продать в зоопарк только записи бесед с теми, кто её видел?

– На этой планете маары есть. Я уже связался с портом и узнал, что тут их множество. Самое главное – они нам достанутся бесплатно и в любом количестве, если мы подпишем бумагу у местного нотариуса, что будем их кормить до тех пор, пока не передадим их новому владельцу.

– Берём три пары! – Ворт потёр руки. – Трёх самцов и трёх самок. Продадим их в разные зоопарки. Больше брать не будем, это снизит редкость этих зверей и их цену. Если что – мы знаем, где они водятся, ещё раз слетаем. Беги к нотариусу, я пока приготовлю клетки.

— Проще одну пару оставить себе и разводить маар дома, — проговорил Пирс на бегу.

Утром друзья сидели в рубке и с нетерпением ждали, когда к ним приедет транспортный робот и привезёт клетки с маарами. Наконец грузовой люк открылся, и манипулятор аккуратно поставил на пол шесть клеток, закрытых плотной тканью. Пирс нажал кнопку, люк закрылся, и Ворт бегом кинулся к клеткам и отдёнул ткань. После чего медленно нагнулся, внимательно оглядел содержимое и повернулся к Пирсу.

— Кажется, я знаю, почему этих зверей нет ни в одном зоопарке, — сказал он печально.

Пирс подошёл поближе и присмотрелся. Из всех клеток на него смотрели наглые зелёные глаза обыкновенных рыжих кошек.

Николай Кадыков

«СНОВА В ШКОЛУ»

– Сколько мы тут наторговали в итоге? – спросил Ворт вошедшего в рубку друга.

– Тридцать три и семь болов, семнадцать и восемь в степени одна четырнадцатая кралов и сколько-то ещё чего-то там... – Пирс поморщился и глянул в блокнот. – Знаешь же, что на этой планете не используют нормальные цифры и единицы измерения. Местные даже для подсчёта денег логарифмы применяют. Давай я тебе по-нашему лучше скажу? Почти семнадцать кило платины!

– Интересно, как это получилось тут? Почему они используют такой нелепый счёт? – Ворт взял у Пирса блокнот и с интересом стал просматривать записи об успешной торговле.

– Инопланетяне, – Пирс пожал плечами. – Как хотят, так и считают. Говорят, что так проще проводить какие-то особо важные для этой планеты вычисления. А всё остальное – труднее, и намного. Базовый курс местной математики занимает... ну... лет пять – шесть наших, короче.

– наших, – усмехнулся Ворт. – Тут даже время считают с тангенсами и корнями нецелых степеней. Ужасная планета, от неё у меня болит голова. Пора отсюда убираться, и как можно быстрее.

– Согласен, – Пирс коснулся пульта управления. Двигатели негромко загудели в ожидании команды на взлёт. – Минут через десять отбываем.

При этих словах Ворт оторвался от записей и медленно поднял голову. Глаза его стали настолько круглыми, что Пирс забеспокоился:

– Что случилось? Нашёл ошибку в товарной ведомости?

– Мы взлетаем через каких десять минут? наших или местных? – Ворт стремительно подошёл к пульту управления и пристально взглянул на него. – Надеюсь, ты отключил автоматический перевод бортового компьютера на местное время?

– Конечно, нет. Я никогда его не отключаю, так удобнее.

– Удобнее, да, – согласился Ворт, на негнувшихся ногах подошёл к своему креслу и медленно опустился в него. – На нормальных планетах. Где нормальные цифры. А тут? Как ты думаешь ввести программу отлёта на пульте?

Пирс осторожно глянул на пульт. Привычных цифр не было, из знакомых символов были только знаки сложения и вычитания.

– Значит, для того, чтобы перейти на местное время – бортовой компьютер перешёл и на местную математику? – Пирс в отчаянии откинулся на спинку кресла. – Что будем делать?

– Сколько, говоришь, тут учат математике? Пять лет? – Ворт достал носовой платок и вытер лоб. – Если будем стараться, то справимся с базовым курсом за четыре года. Давно же я не сидел за партой!

Николай Кадыков

«СЛИШКОМ МНОГО РОБОТОВ»

– Всё совсем плохо, – Пирс влетел в рубку. – На этой планете у нас сплошные убытки! Мы даже топливо не окупим, а про прибыль глупо и мечтать.

– Неужели? – Ворт отложил торговый отчёт, который внимательно просматривал. – Судя по цифрам, мы в небольшом плюсе.

– В плюсе. Но настолько небольшом, что это просто неприлично! Я никак не могу ничего продать с привычной наценкой. У меня начал развиваться комплекс неполноценности!

Ворт вздохнул и задумчиво поглядел в иллюминатор. В нём отчётливо был виден огромный космопорт, залитый неоновым светом рекламы любых товаров, что только можно найти в этой части Галактики.

– Ну кто мог знать, что на этой захолустной планетке так развита робототехника? – сказал Ворт успокаивающим тоном. – И что местные без торговых роботов не ходят даже за хлебом. И что эти проклятые роботы жёстко запрограммированы!

– Да тут роботы с обеих сторон – и покупают, и продают! Я сам сегодня видел, как местный житель покупал на рынке фрукты. Он просто достал из кармана торгового робота и выложил на прилавок. Продавец выложил второго робота, они между собой о чём-то быстро договорились, и местные ударили по рукам! – От негодования лицо Пирса стало багровым. – И допустимые скидки и наценки тут регулируются законом, все требования которого ещё на заводе записываются в память роботов!

– Да, тут уж никак не применишь наши обычные уловки. Ни обмануть, ни обвесить, – Ворт понимающе глянул на друга.

– Это не уловки, а просто умение торговать! – запротестовал Пирс. – Я всю жизнь этому учился. И что – напрасно?

– А где местные берут столько роботов? Похоже, тут у каждого их по десятку.

– Их тут бесплатно раздают всем в любых количествах. Они просто лежат в контейнерах на каждом шагу. Вот, смотри, – Пирс выложил на стол небольшую плоскую коробочку со святащимся экраном. – Они не требуют даже подзарядки, аккумуляторов хватит на тысячи лет. И программировать их несложно. Я думал настроить его на прибыль побольше, но тут подошёл полицейский и настойчиво порекомендовал мне не нарушать закон.

– Лежат вокруг, много и бесплатно? А что, если забить ими трюм и продать на другой планете?

– Это мысль! – Пирс оживился. – Выгоняй погрузчик из ракеты! Тонн сто, думаю, легко увезём.

– Только продавать этих роботов будем на самых дальних планетах, – решительно сказал Ворт. – И только на тех, куда второй раз прилетать никогда не соберёмся.

Автор иллюстрации Полина Самородская

Николай Хрипков

«ВАРЕНЬЕ»

После первого курса поехали мы на фольклорную практику на Алтай. Записывали у местных жителей песни, частушки, былички. А четверокурсники рыскали в поисках старинных книг и икон. Стояли знойные июльские дни. Благо, что неподалёку от интерната, в который нас поселили, была речка. А как-то мы отправились побродить по холмам, которые начинались неподалёку от села. Из-за валуна вспугнутый нашим появлением вспорхнул орёл. Студенты, среди которых по большей части были горожане, видели таких птичек только в зоопарке. Мы долго поднимались вверх, пока не устали. На альпинистские рекорды мы не претендовали, а потому решили отдохнуть на поляне и топать назад. Но какой уж тут отдых! Никогда ещё мы не видели такого ягодного изобилия. Некуда было присесть: везде была сочная клубника, млевшая под жарким солнцем. Став на четвереньки, мы набросились на ягоду. Не нужно было даже работать челюстями. Брошенная в рот ягода таяла, как мороженое. С полчаса были слышны только стоны да сопенье. Потом у кого-то прорезался голос:

– Всё! Не могу больше!

– Пойдёмте, ребята! Иначе я лопну!

– А может, наберём на варенье! – предложил я.

Никто возражать не стал, потому что все были сыты, но подвигаться минут десять – пятнадцать по поляне ещё могли. У нас были баклажки, банки из-под воды, которые мы вскоре и заполнили под завязку. В интернате у тех, кто валялся у речки, не пожелав отправиться на прогулку, сразу разгорелись глазки на наше сокровище, которое они возжелали поглотить

в сыром виде. Но я с порога отвергла эти гнусные попытки воспользоваться плодами чужих трудов. А то день-деньской валялись у речки, а теперь в тенёчке, полёживая на постельках, будут забрасывать ягодку за ягодкой в рот!

– Да испортится же! – захныкали они.

– Не испортится! Будем варить варенье!

– Ну-ну! Вольному воля!

Тут же лежебоки утратили всякий интерес к ягоде и занялись своими делами. Я ссыпала всю ягоду в таз и невольно залюбовалась этой душистой красной горкой с зеленью плодоножек и листиков. Сбросила несколько жучков. С чего же начать? Всё-таки кое-какой опыт у меня был. В детстве я видела, как бабушка и мама варили варенье, и самоуверенно считала, что этого опыта будет для меня вполне достаточно. Подумаешь, какое великое дело сварить варенье! С чего же всё-таки начать? Первым делом нужно обобрать ягоду, то есть очистить её от листиков. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы сразу не понять, что это дело весьма долгое и кропотливое. Лучше всего было бы взяться всем вместе. Но на тех, кто был со мной на поляне рассчитывать не приходилось. Они решительно заявили, что больше никогда в жизни не взглянут на эту ягоду, что их тошнит только от одного вида её. Да и вообще, никакого варенья им не нужно, они его даже в рот не возьмут. Тех же, кто сегодня целый день валялся у речки, а потом на кровати, к ягоде ни в коем случае допускать было нельзя. Но совсем уже по другой причине.

Вздыхая и охая, я принялась в полном одиночестве обирать ягоду. Через часа полтора каторжного труда я с прискорбием оглядела тонкий слой чистеньких ягодок, едва прикрывавших дно тазика. При таких темпах я была обречена до самого конца практики на обирание ягоды, и это в то время, когда все будут вести нормальную человеческую жизнь: купаться

на речке, травить анекдоты, ходить в сельский клуб на танцы и влюбляться в очередной раз.

Я высыпала назад очищенные ягодки в таз в общую кучу и решительно направилась со всем этим добром на кухню. Та-а-ак! Но как же всё-таки варят это чёртово варенье? И зачем я только связалась с ним? Лежала бы сейчас, как все, на кровати, почитывала книжечку да болтала бы с остальными однопалатниками. Спрашивать же было неудобно, все бы сразу поняли, что я всего-навсего самозванка.

Так! Так! Так! Кажется, первым делом нужно сварить сироп. Ну, это дело нехитрое! Я налила в кастрюлю воды и бухнула в неё весь собранный у товарищей сахар. Теперь стой себе да помешивай, пока сироп не загустеет.

– Это что же... варенье?– спрашивали зеваки, то и дело заходившие на кухню и заглядывавшие через моё плечо.

– Это сироп!– торжественно отвечала я.

После чего спрашивавшие в задумчивости отходили прочь.

И вот наступил самый ответственный момент. Я высыпала в кипящий сироп всю имевшуюся в наличии ягоду вместе с листиками, веточками, плодоножками и разными жучками-паучками. Пан или пропал! Куча ягод вначале легла пирамидой Хеопса, но постепенно стала расползаться и растекаться по посуде. Я принялась с остервенением всю эту кучу перемешивать, то и дело меняя руку. А что мне ещё оставалось делать?

Вскоре от кастрюли стал подниматься запах. Он становился всё сильнее и распространялся всё дальше. В кухне то и дело стали появляться любопытные. Вначале они расплывались в подобострастной улыбке:

– Какой запах! Знатное варенье!

Но после взгляда на варево их энтузиазм мгновенно улетучивался.

– Да ты чего же ягоду вместе с травой варишь?

– Много вы понимаете! – отмахивалась я от наседавших.– В листиках, между прочим, дополнительные витамины. Плодоножки же придают варенью специфический вкус. Я вот думаю, не добавить ли сюда ещё цветочков!

– Ну, ты вообще!

Любопытствующие отходили и по гримасам на их лицах мне было ясно, что даже под страхом смертной казни они не возьмут ЭТОГО в рот.

Конечно, самым разумным было пойти и вывалить всё ЭТО на улицу на съедение курицам и мухам.

Но из-за упрямства я решила бороться до конца. А вдруг? Мало ли что! Затем немалую роль, наверно, здесь сыграло и желание оттянуть момент расплаты за сахар, все запасы которого я пустила на это проклятое варево.

В кастрюле была уже желеобразная кипящая масса. Я набралась смелости и решилась попробовать. В конце концов, скоропостижная смерть могла бы спасти меня от неминуемой расправы. М-м-м! вроде бы вкусно! По крайней мере, в горячем виде. Я сняла кастрюлю с плиты. Пусть остынет! Потом разолью по банкам. А дальше уж будет видно.

Я возвратилась в палату, чувствуя смертельную усталость.

На меня в упор глядело несколько пар глаз.

– Ну?

– Что ну? – дерзко спросила я.

– ЭТО готово?

– ЭТО остывает.

– Ну-ну!

Вероятно, сказалось пережитое. Стоило мне упасть на постель, как я мгновенно заснула. До сих пор помню эти сны, яркие, цветные, какие-то киношные. Очнулась я поздним вечером, когда за окном уже синело и в глазах интернатовской

палаты сгущалась тьма. «Куда же это все, интересно, подевались?— подумала я, оглядывая пустую палату.— Очередной культпоход в кино? Или посиделки на завалинке? Могли бы и меня разбудить! Не по-товарищески как-то получается».

Позёвывая и почёсываясь, я сползла с железной панцирной кровати и вышла в пустынный коридор, в конце которого тускло светилась лампочка. Не слышалось обычных визгов и хихиканья из комнаты, где поселились наши девушки. Я пробормотала себе под нос: «Позабыта, позаброшена». Но, чу! Я услышала голоса. И чем дальше я продвигалась по коридору, тем они становились явственнее и громче. Так вот вы где, голубчики! На кухне! Никак уминаете какую-нибудь деревенскую снедь. Я дёрнула на себя дверь и... Немая сцена! На меня смотрело более десятка человек. У каждого в руках ложка. Щёки моих товарищей были перемазаны вареньем.

Да-да! Тем самым вареньем, которое ещё совсем недавно они все дружно хаяли и клялись, что никогда в жизни не возьмут в рот этой гадости. Теперь же в середине кружка у их ног сиротливо стояла совершенно пустая кастрюля. Я застала их за последним актом, когда они жадно доскрёбывали последние остатки со стен и дна кастрюли.

— Ты уж извини!— наконец-то проговорил один из верных друзей. — О тебе мы как-то и не подумали.

С тех времён минуло уже немало лет. Порой откроешь баночку варенья, которое сварила сама. Съешь ложечку, другую. Вкусно, конечно. Но что-то больше не тянет. И до сих пор жалко, что мне так и не удалось попробовать того варенья, с листиками, веточками, плодоножками. Уж у него-то, несомненно, вкус был совершенно особый!

Нэлли Стрежнева

«РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ»

Антикварную лавку Алима местные жители обходили стороной. Много дурных слухов ходило вокруг неё. Даже поговаривали, что хозяин лавки водит дружбу с шайтаном, который тайком подворовывает молодые годы покупателей.

Из уст в уста передавалась удивительная история о том, как юный Хабиб, купивший кольцо для невесты, резко постарел, а дряхлая Гульнар, принёсшая антиквару часы с руки умершего мужа, преобразилась так, что стала краше, чем была смолоду. Сам же хозяин лавки застыл на пороге сорокалетия, когда его ровесники давно перебрались на тот свет или топтали этот, сгорбившись под грузом лет.

Крайне редко Алим оказывался по ту сторону двери, где под палящим солнцем бурлила жизнь. Его дни неспешно текли в тишине среди старинных предметов, непосредственных «свидетелей» смерти бывших владельцев. Лишь известие о кончине зажиточного горожанина могло заставить антиквара покинуть место добровольного затворничества, в надежде приобрести редкую старинную вещицу.

Дверной колокольчик оповестил о посетителе. Алим отхлебнул из пиалы остывший жасминовый чай, вытер вспотевшие руки о широкие шаровары, но прежде чем выйти навстречу гостю, некоторое время наблюдал за ним сквозь прореху в ширме, отделяющую торговый зал от реставрационной зоны.

Холёный, круглолицый мужчина в пёстрой рубаше осматривался по сторонам, привыкая к царившему в зале полумраку.

— Есть кто? — подчиняясь тишине лавки, едва слышно спросил он.

– Что господин желает? – безошибочно угадав в нём потенциального покупателя, а не убивающего время туриста, Алим вышел из укрытия и в почтении склонился, обнажая ряд идеально белых зубов.

– Подарок для прекрасной дамы, – мужчина вздёрнул круглый подбородок и втянул живот, – Сложно удивить женщину, которая разбирается в ценности раритетных украшений.

Понимающе кивнув, Алим достал из ящика стола чёрный бархатный мешочек и вытряхнул на ладонь ящерку с двумя хвостами. – Старинная брошь ручной работы. Чернёное серебро, рубины, – он подал гостю монокуляр часовщика, щёлкнул включателем настольной лампы. – Полюбуйтесь. Ваша дама будет в восторге.

В глазах гостя вспыхнул интерес, но тут же погас при виде ценника.

– Дороговато будет.

– В конце улицы ювелирный салон с примитивной штамповкой, там найдёте украшения дешевле, – Алим вернул брошь в мешочек. – В моей лавке всё дорого! Антикварные украшения больше судьбы, нежели вещи. Каждая из них хранит чей-то секрет. Вот эта ящерка, от которой господин, не подумав отказался, принадлежала седьмому хану Казанского царства, Мамуку. Он умер, сжимая её в ладони. Магическая вещица! Вся сила и величие хана в ней.

– За полцены возьму.

– За полцены не отдам, – решительно отказал Алим, – но при желании вы можете забрать брошь совершенно без денег.

– Даром? – переспросил гость.

– Без денег, – поправил Алим.

– Что же потребуется взамен?

– Время. Два года вашей жизни взамен на прекрасный подарок.

– Расчёт временем? С трудом представляю о возможность подобной сделки, – в голосе покупателя ясно читалось сомнение, но горячее желание стать обладателем редкой вещицы, стремительно затмило разум. Он сгрёб с прилавка бархатный мешочек с брошью и убрал в карман. – Можете взять моё время.

На щеках Алима вспыхнули алые пятна. Нервно шмыгая носом, он отодвинул ширму и пригласил гостя к колбе со струящимся лиловым светом.

– Два глубоких выдоха, господин, и мы в расчёте.

Мужчина вскинул бровь, покрутил мундштук, обтёр позолоченный наконечник носовым платком и с силой дунул два раза. Воздух в колбе заструился, как вода.

– Оплата зачтена. Поспешите обрадовать свою даму, – довольный удачной сделкой, Алим потёр руки.

– А где же насмешливые крики: «Вас снимает скрытая камера»? – покупатель с хитрой ухмылкой посмотрел на антиквара, но тот был на удивление серьёзен. – Погодите, разве это не глупая шутка и не развод? – он пощупал карман, проверяя даром доставшееся украшение. В недоумении почесал нос, смахнул со лба обильно выступивший пот и снова приложился к мундштуку, выдыхая из себя воздух. – Чаевые! – расхохотался так, что зазвенели хрустальные висяльки старинной люстры.

– Это было лишним, – слабо улыбнулся Алим, замечая, как у покупателя ложатся тёмные тени под глазами и серебрятся виски.

– Что-то я устал, – отозвался тот, прижимая ладонь к сердцу.

– Извините, возврат времени не предусмотрен, – виновато пробормотал Алим.

– Оставь себе, – мужчина зашёлся хриплым смехом и по-старчески шаркая, поплёлся на выход.

Едва за ним закрылась дверь, как колокольчик снова ожил. По крутым ступеням в зал спустился худой, сгорбленный старик.

– Зачем ты пришёл, Бекир? – не очень приветливо встретил нового гостя Алим.

– Сказать, что я всё знаю! – терзаемый тяжёлой одышкой, с трудом проговорил старик. – Ты убил Гасана и завладел его лавкой!

– Тебе понадобилось полвека, чтобы явиться сюда и назвать меня убийцей? – антиквар осуждающе покачал головой. – Жаль тебя расстраивать, Бекир, но я не убивал прежнего хозяина лавки. Он просто устал жить, а тут я подвернулся... – Алим на минуту замешкался, будто обдумывая, стоит ли делиться откровениями давно минувших дней. – Гасан спас меня, когда в день твоей свадьбы я собирался свести счёты с жизнью. Теперь ты знаешь всё. Проваливай! Хотя сдаётся, ты не за этим пришёл. Верно?

Бекир опустился на оттоманку, застеленную домотканым полосатым половиком.

– Дай мне немного времени, – не юля выпалил истинную причину своего прихода.

– Время неподвластно никому.

– Тебе подвластно. Люди зря не скажут, да и моя жена Ясмина неспроста в лавку зачистила. Сколько ты ей лет отсыпал? Десять? Двадцать? Расцвела, как бутон розовый.

Алим сдавленно хохотнул: – Разболтала? Секреты хранить не женское дело.

– Поделись временем! – взмолился Бекир.

– Что взамен?

– А что же моя жена тебе взамен обещала?

– Ревнуешь? Брось! Это пятьдесят лет назад, отвергнутый ею, готов был с моста на камни. Но не сейчас. Ясмину случайно на улице встретил, не сразу признал. Куда делась бывшая красота? Жалко стало, не более. А тебя не жаль!

– Давай забудем старые обиды! Мы же друзья!

– Поздно ты вспомнил об этом.

Бекир упал на колени, в мольбе воздевая руки.

– Не унижайся! Поднимись!.. Сколько тебе нужно времени? Год? Два? Десять?

– Больше! Много больше!

– Не торгуйся. Покупателей негусто. Свои не ходят, заезжие все рублём рассчитаться норовят. Не готов я добром разбрасываться.

Бекир поднялся с колен, прихрамывая подошёл к Алиму.

– Не нашёл я счастья с Ясминой. Дом не прибран, плов не доварен, пахлава суха. Детей не родила! Тебя она всю жизнь любила. Аллах свидетель. А за меня пошла, оттого что родители приказали. Жизнь впустую прошла! Дай шанс поправить! Тридцать лет в обмен на Ясмину.

– Десять, – скрипнул зубами Алим, вставляя мундштук в дрожащие пальцы старинного друга.

Лиловый смерч закружил внутри колбы, когда Бекир со свистом втянул первую порцию воздуха. Холод обжёг нутро, губы свело болезненной судорогой, но каждый последующий вдох становился спокойнее и глубже.

– Последний раз, – ревностно отсчитывая каждый его вдох, подсказал Алим.

Бекир с наслаждением затаился, чувствуя, как крепнет и наполняется силой тело и лишь на секунду оторвался от мундштука, чтобы сказать: «Забирай дом в придачу к Ясмине», и как загнанный скакун принялся жадно глотать густой, лиловый воздух.

– Не тронь моё время! – Алим навалился на Бекира, стараясь вырвать из его стиснутых зубов кончик позолоченного мундштука. Крепкий удар в лицо заставил согнуться, но он снова бросился отвоёвывать накопленное за долгие годы добро. Сцепившись, бывшие друзья покатались по полу, увлекая за собой колбу.

Раздался звук разбившегося стекла, лиловый смерч, вырвавшийся на свободу, окутал пространство холодной дымкой. Медленно тая, она с лёгким шипением оседала на коже, волосах, одежде.

– Ясмина, теперь, твоя. Как договаривались, – расправляя широкие плечи и поправляя волнистый чуб, первым пришёл в себя Бекир.

– На что мне сдалась старуха? – Алим поскрёб пальцем едва наметившиеся усики и прошёлся ладонью по мягкой юношеской щетине на щеках.

– Это шанс начать всё сначала! – Бекир не мог отвести взгляда от отражения в помутневшем от времени зеркале. – Нужно спешить жить! Запасного времени у нас не осталось. Обещаю, что больше ни одна женщина не разобьёт нашу дружбу.

– Даже я? – нежный, девичий голос, похожий на журчание ручейка, заставил оглянуться.

Юная Ясмина смущённо улыбалась, держась за край ширмы. Её глаза излучали тёплое свечение, а на длинных ресницах застыли росинки слёз.

Алим и Бекир, потеряв дар речи, как замороженные смотрели на преобразившуюся красавицу.

– Пойдём домой! – Бекир с вожделием сглотнул и шагнул к помолодевшей жене навстречу, но Алим придержал его за плечо.

– Ясмина теперь моя! Или забыл об уговоре?

– Помню! Как помню и то, что ты отказался от неё! – Бекир сжал кулаки.

– Я отказался от старухи, которой она была ещё минуту назад. Но сейчас...

– Не отдам! – Бекир решительно наступал, позабыв об обещании крепкой дружбы.

– Бесчестный шайтан! – глаза Алима пылали яростью, желваки на скулах ходили ходуном. – Ты совершаешь непрости-тельную глупость, собираясь пройти один и тот же путь дважды. Позволь мне сделать Ясмину счастливой!

– Не позволю! – задохнулся от злости Бекир.

– Пусть Ясмينا сама сделает выбор!

– Нет! – прорычал Бекир и кинулся в драку.

Молодые, горячие парни катались по полу, круша и ломая всё, что попадалось на пути, не замечая, что юной Ясмины и след простыл. Воспользовавшись суматохой, она бесшумно покинула антикварную лавку, чтобы заново прожить жизнь. Теперь она знала, как быстротечно и дорого время и не соби-ралась терять ни минуты.

Павел Гершгорин

«КОТ»

— Коту там будет только лучше, — после этих слов я стал более внимательно следить за разговором, ведь неожиданно это стало касаться меня.

И как обычно, они знали, что для меня лучше. «Не накладывай слишком много еды, ему потом плохо будет». Сколько же раз я это слышал. Кто это вообще придумал? Еды не бывает много, бывает плохо тренированный желудок.

Так вот, речь шла о поездке в деревню. Почему мне там должно быть лучше, я не знаю. Собственно, мне и в нашей квартире жилось неплохо. Но надо значит надо. Особенно если твоего мнения всё равно не спрашивают.

Через несколько дней начались сборы. Когда хозяйева собрались, на пороге появилась знакомая коробка с окошком. Первая встреча с ней закончилась поездкой к доктору, как мне говорили, хотя я бы назвал его мясником. До сих пор жутко вспоминать. Окошко коробки открыли. Что делать, залез. Не голову ж отрезать они меня повезут.

Хотя в дороге разные мысли приходили. Кажется, мы ездили кругами, потому как голова кружилась без остановки. Наверно пытались взять измором. «Потерпи!» говорили мне. «Не надейся!» слышал я.

Автобус, поезд, снова автобус, машина. Неужели нельзя было воспользоваться чем-то одним? Лучше бы пешком пошли.

Машина остановилась. «Приехали!» наконец раздался голос хозяйки. Слава Котам! Идти сам я был не способен, поэтому меня отнесли в дом, положили на кровать, и я моментально уснул.

– Поздоровайся с братиками, – услышал я сквозь сон слова хозяйки. Надо мной стояли два кота-мордovorота. Один рыжий, другой бело-серый. Тоже мне братья. Началась история про то, как меня совсем маленьким забрали у мамы и увезли из этого дома. Я закрыл глаза и продолжил спать.

Проснулся от жуткого жужжания. Шлёпнул лапой по правому уху – оттуда вылетела муха. Жужжание продолжилось. Шлёпнул по левому – оттуда вылетела муха. Жужжание прекратилось. Обе мухи уже сидели в одном прыжке передо мной. Я и прыгнул. Поднял по очереди лапы – ничего. Реакция – что надо.

Слез с кровати, прошёлся по комнатам, никого не нашёл. Зато нашёл кухню. Миска точь-в-точь как у меня. И корм такой же. Уже что-то.

Нашёл открытую дверь и выбрался наружу. И тут состоялось моё знакомство с курицами. Говорят, это они придумали кудахтанье. Наверняка, так и есть. Уж больно хорошо у них это выходит. Точнее, звучит противно, но, думаю, таким и должно быть кудахтанье.

Сразу бросилось в глаза отсутствие разграничения на обеденную и уборную зоны. Где едим, там и, простите, гадим. Немного понаблюдав за ними, заметил, что они всё время что-то клюют. Подбросил ветку, кидаются на неё. Подбросил камень, кидаются на него. Ещё и дерутся, кто первый клюнет. То ли очень голодные, то ли не очень умные. Ещё показалось странным, что эти птицы, имея крылья, не летают. Это как, если бы коты, имея лапы, ползали.

Не могу не упомянуть о коровах. О, монстры! Королевы деревни! Но обо всём по порядку. Как-то вышеупомянутые названные братья подначили меня поймать мышь. Конечно, я слышал, что коты ловят мышей. Но у нас в городе не было необходимости это делать, ведь в миске всегда был корм. Да и мышей не было.

Итак, заметили мы мышь. Ну, говорят, покажи на что способен, интеллигентик. Я за ней и погнался. А она в сарай, Я за ней. Форма у меня была не самая лучшая, дышал тяжело, а главное, глубоко. Резкий запах молотом сбил меня с ног, а мозг, не справившись с такой нагрузкой, отключил сознание.

Очнулся я на крыльце сарая весь перепачканный. Глина, наверно. Уж не знаю, кто меня вытащил, может, мышь пожалела, но жизнь мне определённо спасли. Тут как тут братья подросли. Забыл упомянуть, что мы заключили пари по поводу мыши. Кто проиграет, тот плывёт до середины озера. Ничего не поделаешь.

Озеро-то было небольшое, да только дома я и ванну не особо жаловал. Залез в воду, вроде ничего, тёпленькая. Поплыл, значит умею. Добрался до установленного места и повернул обратно. Смотрю, братья лыбятся стоят. А по правому борту наперерез мне мчится белокрылая армада. Гуси. Зрелище завораживающее, но наслаждаться им я не стал, прибавил ходу.

До берега мы добрались одновременно, и гуси тут же взяли меня в кольцо. Крылья развели, шеи змеями извивают. И только «Га-га-га, га-га-га». Не стал выяснять, что там смешного, но как только один из них протянул ко мне свой клюв, я вскочил к нему на голову, прокатился по шее и выбрался из оцепления. Братья укатывались со смеху неподалёку. Братья, как же.

Зато они рассказали мне, что как раз в том злополучном сарае и живут коровы. Точней, ночуют. А целый день они пасутся в поле. Стало интересно, что можно столько времени делать в чистом поле. Поэтому следующим утром надо было встать пораньше.

Пришлось лечь поближе к петуху. Не думал, что он так орёт. В общем, будильник что надо. Кстати, так и не понял, на каких основаниях он держит гарем из пяти десятков куриц, в нашей стране ведь запрещено многожёнство.

Сестра хозяйки выгнала коров из сарая и те поплелись к полю. Неспешные животные, надо отметить. Путь был коротким, но долгим. Впервые в жизни засыпал на ходу.

Пришли в поле, расставились, склонили головы и начали щипать траву. Пришлось присесть. Одна из коров приподняла голову, потом вновь опустила и продолжила щипать траву. Прилёг. Другая корова тряхнула ушами, смахнув целый рой мух. Все продолжали щипать траву.

Когда я проснулся, Солнце было уже высоко, пришлось перебраться в тенёк. Как там коровы? Надо же, щиплют траву. Решил размяться и пробежаться до ближайшего леса. Погонял там шишки, закопался в сосновые иголки. Кажется, даже стал пахнуть лучше. Ну, после глины.

Вернулся к коровам. Не поверите, щиплют траву. Нашёл пару полезных травок и для себя. Пожевал, но немного. Не объедать же этих бедолаг.

Узнал, что в деревне есть собаки. Причём, если в городе их на поводке выгуливает хозяин, то здесь они сами себе хозяева. Сразу почуял какую-то антипатию ко мне, поэтому забрался на ближайшее дерево. Вот что значит «как кошка с собакой». Хотя при чём тут кошки? У меня к ним претензий не было.

Я расположился на дереве. Собаки лаяли под деревом. У меня хотя бы была исследовательская миссия. А эти бездельники и себе применения найти не могут и другим мешают.

Проснулся. Пёсики гавкают. Коровки щиплют травку. Есть что-то умиротворяющее в этом деревенском ритме жизни. Стало темнеть. Собаки убежали, наверно страшилок наслушались.

Пришла сестра хозяйки и погнала коров обратно. Позволил им немного удалиться, не люблю медленно ходить. Ступая по их следам, во что-то вляпался, всё-таки это была не глина. Нагнал уже возле сарая. Они зашли в него и произошло то, о чём я уже догадывался: они продолжили трапе-

зу. На мой взгляд, есть что-то мистическое в этом подходе к питанию.

На следующий день решил ознакомиться с ассортиментом в огороде. Ничего примечательного. Как эксперт, смею заверить, что все эти тыквы, огурцы, капусты несъедобны. Зачем всё это сажать? Лучше бы побольше куриц завели.

Хозяева начали сборы. Они и до этого успели пару раз куда-то смотаться без меня, но на этот раз сборы были основательными. Окончательными, если угодно.

Что примечательно, моя коробка так и не появилась. Собственно, я изначально не понимал зачем она. Я же не дикарь какой-нибудь.

Приехала машина. Такая же, что привезла нас сюда. Мама хозяйки взяла меня на руки. Сами хозяева загрузили все вещи в машину, сели сами и закрыли двери. Машина тронулась, и они стали махать нам. Я попытался вырваться, но меня стали держать ещё крепче. Машина скрылась.

Хозяева не вернулись ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Возможно, меня забыли или что-то случилось. Не скажу, что мне не понравилось в деревне. Неплохое место. Для отпуска. Но всё же дом один. И он там, где мои хозяева. Поэтому сегодня начинается моё возвращение домой. Надеюсь, запомнил дорогу, всё-таки голова кружилась.

Павел Гершгорин

«ПОПУТЧИК»

Дверь купе резко открылась, и на пороге появилась женщина. Её взгляд источал уверенность, строгий костюм указывал на состоятельность его владелицы.

Мужчина, одиноко сидевший за столиком, тут же вскочил:

– Здравствуйте!

– Добрый день, – ответила женщина. – А я считала, что у меня не будет компании.

– Я тоже так думал, – задорно ответил он и, обратив внимание на её сумку, продолжил, – позвольте вам помочь.

– Я бы и сама справилась, но раз вы столь любезны.

– Пустяки! Мне несложно.

Закинув её сумку под сиденье и дождавшись, пока женщина займёт своё место, он сел сам.

– Семён, – кивнул мужчина.

– Ирина, – после небольшой паузы неуверенно ответила она.

– Куда держите путь, Ирина?

– Думаю, туда же, куда и вы.

– Это верно. Все пути в нашей стране ведут в одно место. Но почему же вы едете одна? – кивнул он на кольцо со сверкающим бриллиантом.

– Периодически выбираюсь в столицу поискать нового мужа, вдруг найду побогаче, – подмигнула Ирина.

Семён продолжал смотреть на неё, будто ожидая продолжения.

– Шучу, – наконец не выдержала она.

– Ах да, конечно. Просто вы это так серьёзно говорили, что я не сразу нашёлся что ответить.

– На самом деле, мы должны были ехать с мужем, но в последний момент его планы изменились. А ведь ехать поездом – была его инициатива. Я привыкла пользоваться самолётом.

– А мне больше по нраву поезд, душевней как-то. Никогда не летал самолётом. Но чем занимается ваш муж, что отпустил вас одну?

– Я в этом ничего не понимаю. Что-то связанное с разработкой искусственного интеллекта, насколько я знаю.

– Ну в этом никто ничего не понимает, кроме вашего мужа, вероятно.

– Это точно. Собственно, сегодня вечером он должен выступать с докладом на одной конференции, на которой соберутся мировые светила в его сфере.

– И как же он будет на ней выступать, если он не поехал с вами?

– Догонит на самолёте, но с ним лететь не позволил. Сказал, что так надо, нужно закончить какие-то важные испытания. Я лишних вопросов не задаю, привыкла ему доверять.

– Ясно! Я столько вопросов вам назадал, вы уж меня простите, если лезу не своё дело, – извиняющимся тоном сказал Семён.

– Да ничего страшного. Никаких секретов я вам всё равно не выдам, так как я в них не посвящена. Но в одном вы правы...

– Позвольте узнать, в чём же?

– Лет десять не ездила на поезде, исключительно самолёт, как я уже говорила. Тебе как будто специально выдают наушники, только бы ты ни с кем не завёл разговор. И вот ты смотришь фильмы или слушаешь музыку. Рядом с тобой сидит человек, плечом к плечу, и занимается тем же самым. А ты даже

не знаешь его имени, кто он и с какой целью летит куда-то. Так что поезд действительно душевней, как вы выразились, появляется время на размышления, которым, как правило, нет места в нашем обыденном стремительном ритме жизни. Здесь же жизнь начинает течь в замедленном темпе, позволяет обращать внимание на детали, быстро меняющиеся ландшафты за окном, на других пассажиров в конце концов. Если честно, я уже и отвыкла знакомиться со случайными людьми, — на одном дыхании выпалила она.

— Тут дело ещё и в том, что перелёт обычно занимает пару часов, а поездка на поезде может длиться и неделю. От фильмов за это время с ума сойдёшь. Да и человек всегда тянется к общению, всё же существо социальное. И никакие сверхвременные устройства ему в этом не смогут помешать. Поэтому я каждую поездку знакомлюсь с новыми людьми. И именно поэтому я и езжу поездом.

— Кстати, вы так и не рассказали ничего о себе, — с укоризной вымолвила Ирина.

Вдруг из её сумки донеслась мелодия. Ирина извлекла оттуда телефон и взяла трубку.

— Да, милый. Ты уже прилетел? Подожди секунду, — она отодвинула занавеску и выглянула в окно. — Надо же, кажется, мы уже тоже подъезжаем. Да, до встречи. Целую!

— Давно я так ни с кем не заговаривалась. Спасибо вам за компанию, — положив трубку, обратилась она к Семёну.

— Я тоже очень рад нашему знакомству.

— Так чем вы всё-таки занимаетесь? — уже покидая купе, спросила она неспешно собиравшегося мужчину.

— Работаю в железнодорожных структурах, — расплылся тот в улыбке.

— Поня-я-я-ятно, — протянула она. — Прощайте.

— До свидания, — поднял руку Семён.

Уже при самом выходе красовалась рекламная табличка, на которой крупными буквами было выведено:

«Новинка! Услуга «Попутчик»

Для тех, кто путешествует в одиночку, но не желает быть один.

Не дайте скучать своим родным и близким.

Широкий спектр стандартных программ, а также возможность индивидуального подхода к любому клиенту.

По всем вопросам обращаться к проводнику

или по телефону горячей линии.

В сотрудничестве с НИИ...»

Её потерявший интерес взгляд скользнул по последним строкам.

— Что только не придумают. Неужели кто-то этим пользуется? — вполголоса произнесла она.

Выйдя на перрон, она чуть не столкнулась со своим мужем. Улыбнувшись друг другу, они обнялись и отошли от вагона.

— Как поездка? — первым заговорил её муж.

— Неожиданно хорошо. Всю дорогу проболтала с Семёном, — игриво ответила она. — А как твои испытания?

— По-видимому, прошли успешно, — довольным тоном бросил он, горделиво приосанившись.

Ирина вопросительно посмотрела на мужа. Тот резко развернулся, пропустил её руку под свою и таинственно сдавленным голосом прошептал:

— Сейчас расскажу...

Павел Гершгорин

«САНТА»

Санта вошёл в кабинет, и тут же раздался телефонный звонок. Дежуривший эльф взял трубку и подчёркнуто вежливо проговорил:

– Офис Санта Клауса. Чем я могу Вам помочь?

На том конце провода послышался недовольный мужской голос.

– Приносим свои извинения за доставленные неудобства. Мы заменим подарок бесплатно в самый короткий срок, – отчеканил эльф.

Санта нахмурился, подошёл к телефону и включил на громкую связь.

– Ты наверно не понимаешь! Я заплатил деньги и ожидал получить соответствующий сервис. Но где он? Что бы произошло, если бы меня не приспичило среди ночи, и я не решил бы заодно проверить подарок? Зови старшего! – разрывался голос из динамика.

– Я – старший! В чём Ваша проблема? – тут же включился в разговор Санта.

– В чём моя проблема? Подарок для моей дочери безнадежно смят. Эта чудесная кукла, которую она ждала целый год, превратилась не пойми во что. Если бы не я, а она встала первой и увидела этот ужас. Да она бы ревела неделю.

– Смята кукла или упаковка? – сухо спросил Санта.

– Упаковка, но...

– А почему она смята?

– Наверно, потому что с трудом влезла в носок для подарков.

– Вы знали о размерах куклы в упаковке?

– Конечно, знал, но я был уверен, что вы, как профессионалы, найдёте решение.

– Решение? То есть, если бы Вы заказали для Вашей дочки слона, нам следовало бы построить Вам дом побольше?

– Нет, но...

– Наш этап работы выполнен безукоризненно. Сожалею, что Вы не смогли обзавестись носком побольше. Счастливого Рождества Вам и Вашей семье! – отключил связь Санта.

– И часто поступают так звонки? – обратился он уже к эльфу.

– Ещё пару лет назад за ночь не было и десятка звонков. Да и те были уточняющими или благодарственными. Но в прошлом году всё изменилось. Начались замечания и даже претензии. Причём их количество перевалило за сотню.

– А каким по счёту был этот звонок?

– Триста пятьдесят седьмым.

– Что? Ещё же и половины ночи не прошло.

– Они звонят почти каждую минуту.

– Каковы их претензии?

– Разные. Жалобы на посторонний запах, следы на полу, шум.

– Претензии обоснованы?

– Нет. Каждый эльф работает не первый год. Постоянные курсы повышения квалификации только улучшают их умения. Плюс контроль качества. У каждого на шапке установлена камера, которая фиксирует каждый шаг эльфа. И естественно, не остаются без внимания пожелания прошлых лет, что также положительно сказывается на качестве обслуживания.

Тут вновь зазвонил телефон. Эльф взял трубку, и оттуда донёлся раздражённый голос. Санта выдернул кабель из телефона и отошёл к окну.

– Эти люди совсем зарвались. Мы всё делаем за них, и вот она – благодарность! Отозвать всех эльфов с доставки! Разошли всем клиентам уведомления об одностороннем расторжении договора с указанием соответствующего пункта в нём.

– Будет сделано!

Санта вышел из помещения, а потом и из здания. Он подошёл к своим оленям и стал ласково их гладить.

– Прокатимся? – грустно посмотрел он на них.

Те радостно зацокали копытами. Санта вскочил в сани, и они взметнулись ввысь.

Внизу, как декорации, менялись ландшафты. Светлые пятна городов перерастали в непроглядную тьму степей. Наконец, внизу тоненькой струйкой огней мелькнули дома.

– Давно же я сам на них не смотрел, – крикнул Санта.

Как раз начинало всходить Солнце, он направил сани вниз, и они приземлились на выложенную камнем дорогу маленькой деревушки.

Он подошёл к первому же дому и заглянул в окно. Там мальчик лет пяти вручал маме картину.

– Ты сам это нарисовал? – восхищалась она.

– Конечно, сам. Не с первого раза получилось, правда, – смущённо мялся мальчик.

Мама приняла картину, на которой с трудом можно было узнать человеческие черты их семейства, и с радостью обняла сына. Она крепко прижала его к себе, а на глазах выступили слёзы.

Санта направился к следующему дому.

– Сара, когда ты успела его связать? – спрашивал жену мужчина, одевая свитер.

– А ты думал я просто так стала по утрам вставать на час раньше тебя?

Они рассмеялись и обнялись. Потом начали кружиться, возможно даже танцевать, Санта не очень-то разбирался в этих человеческих увеселениях.

Санта перешёл через дорогу и подошёл к очередному дому. Там не происходило ровным счётом ничего и всё одновременно. В креслах, взявшись за руки, сидели престарелые мужчина и женщина. Было похоже, что они размеренно о чём-то беседуют. Их лица периодически поворачивались друг к другу, но губы ничего не говорили. Возможно, слова им не были нужны.

— Кажется, это мы всё испортили. Из поколения в поколение мои предки целенаправленно отучали людей делать подарки, заботиться друг о друге. А ведь они умеют, надо просто не мешать, — заключил Санта.

На следующий день по всему миру начали открываться Мастерские подарков. Главным условием было изготовление подарка самим заказчиком. Мастерская же, со своей стороны, оказывала полную информационную, профессиональную и техническую поддержку. Во время подготовки подарков многие люди открывали спавшие до этого таланты, что было подарком уже для них самих. Их жизнь менялась, менялись они сами. Оказалось, что подарки требуются не только на Рождество, но и на многие другие праздники, а то и вовсе без повода.

— Наверно теперь меня сложно называть Сантой, во всяком случае в общепринятом смысле. Возможно, кто-то из моих предков удивился бы, увидев, чем я занимаюсь. Наверняка многие бы разгневались за отклонение от традиций. Но я же делаю людей счастливее. Разве не ради этого всё затевалось? — с улыбкой гладил себя по круглому животу Санта или как там его теперь называют.

Павел Почикаев

«ПОТОМУ ЧТО ОНИ ЗАБЫВАЮТ»

Воображаемый Друг сказал:

— У меня есть Человек!

Все остальные Друзья посмотрели на него, и на их выдуманных лицах появились самые разные эмоции, но их все выделяла ярко выраженная негативная окрашенность. Пренебрежение и презрение соседствовали с ошеломляющим удивлением. Некоторые просто отводили в сторону взгляд и старательно делали вид, что не слышали только что сказанных слов.

Воображаемый Друг почувствовал себя скверно, его распирало от желания поделиться своей новостью, но сейчас ему было стыдно, он не понимал, как может быть стыдно за собственную и естественную радость, но именно так и было. Ужасней всего были их ухмылки, как бы говорящие: «Да-да, и наверное, вы вместе прекрасно проводите время!» Они действительно прекрасно проводили время вместе, избретая игры, беседуя на только им понятные темы, а ещё молчали, глядя в небо, мечтали и даже друг с другом не делились этими мечтами.

— Это правда! — Повторил Воображаемый Друг, но уже не так уверено.

И снова знакомые лица окунули его в холод презрительных взглядов. Плотный кружок начал распадаться на отдельные группки, видимо, они слышали достаточно.

— Нисколько не сомневаюсь. — Бросил один таким тоном, что не оставлял сомнений в высказанной лжи. Он взмахнул двумя широкими крыльями, и на его месте осталась только тень.

— Тогда не будем тебя задерживать. — этот всегда носил длинный плащ и шляпу-федору. Договорив, он начал заворачиваться в свой плащ, пока окончательно не исчез. Последними в воздухе растворились его остроносые начищенные туфли.

Они все разом покидали его, проходили сквозь стены, открывали двери в собственных головах и запирали их за собой, шагали в другие места. Он остался один. Воображаемому Другу показалось, что остался запах их ядовитых усмешек. Если он и совершил преступление, то искренне не понимал его смысл.

У него был Человек, и в любое время он мог отправиться к нему, но сейчас ему нужно было подумать, осмыслить произошедшее. Друг двинулся в сторону, здесь направление не играло никакой роли, и дороги всегда вели в даль, приводя во все места и никуда одновременно.

Воображаемый Друг терялся в вопросах собственного назначения. Он мог моментально перенестись в штормящее море на корабль под парусами, где лихие пираты размахивали саблями и мушкетонами с отсыревшим порохом. Без малейших усилий он менял корабль на ракету и неизвестную планету и уже готовился отражать нападение тахоргов. А потом мог оказаться в саванне и наблюдать за тем, как жирафы фиолетовыми языками срывают листья и пережёвывают их.

Воображаемый Друг всё это умел, но смысл в его способностях появился лишь в тот момент, когда он познакомился с Человеком. Ощущение напоминало зов, словно он очень сильно вдруг кому-то понадобился, как будто в мире чьего-то сознания появилась дыра, по форме Воображаемого Друга, в которую его сразу затянуло.

Они увиделись первый раз, но знакомы были уже давно. Воображаемый Друг понял, что Человек тоже видел пиратское

судно, знал, как выглядят тахорги, и до каких веток дотягиваются жирафы. Они не нуждались в представлении, а главное, вопрос с назначением лишился всякого смысла.

Автор иллюстрации PoPlexus

Человек никогда не задерживался надолго, но всякий раз возвращался к ожидающемуся его Другу. Они вместе посещали старые места и разведывали новые. Если становилось скучно, страшно или неправильно, Друг всегда уводил Человека туда, где было весело, радостно и правильно. Для него в этом не было никакой сложности.

Он держал своего Человека в тайне. Поначалу это было столь необычно и ново, а впечатления принадлежали исключительно ему, что он не хотел ими делиться, к тому же ни о чём подобном он раньше не слышал. Друг уходил в самые дали дорог и там в абсолютном одиночестве дожидался Человека.

Радость встреч оставалось неизменной, куда бы они ни отправились, кем бы ни стали на этот раз. Эмоции, вспыхнувшие в момент первой встречи, не гасли. И ни один из них не испытывал усталости.

Воображаемый Друг только что вернулся от Человека, и у него впервые появилось желание поделиться своей радостью с другими. Порыв был настолько сильным, что он сразу отправился к ним. Неужели никто из них с таким не сталкивался? Неужели всем остальным не удавалось пережить ощущение собственной нужности и полезности? Даже если так, он им расскажет, он нарисует картины и споёт песни. Друг поделится с ними, изольётся...

Он думал, их лица просияют, ему казалось, что глаза Друзей загорятся новыми огнями, но он никак не мог предположить, что его новость обернётся тем, что он останется в одиночестве. Чего такого запредельного он сообщил, что все сочли нужным покинуть его? И не показалось ли ему, что под презрением и злобой еле заметно проскользнула обида? Только её тень, отголосок, отпечаток, который смоем следующая волна.

Ещё недавно ему представлялось, что вопросы перестали отравлять его, сейчас на месте старых стали появляться новые.

Дорога привела Друга к реке. Приди он с другой стороны, она бы имела совершенно иной вид, но в его броджениях она выглядела неширокой, спокойной и текущей слева направо.

На берегу он внезапно остановился, потому что покой его одинокой прогулки оказался нарушен. Возле самой воды сидел Очень Старый Воображаемый Друг. Среди прочих он считался изгоем, все его сторонились, а он никогда не пытался искать общества. Друг слышал о нём, но видел всего несколько раз – нескладный силуэт с поникшей головой, неспешно шагающий где-то на периферии дали дорог.

Воображаемый Друг подавил желание сразу же развернуться и пойти прочь, как ни странно, сейчас он ощущал особую близость с сидящим возле водяной кромки. Он стал наблюдать за Очень Старым Воображаемым Другом.

А тот не занимался ничем примечательным, просто сидел на жёлтом песке и дряблой рукой бросал в бегущую воду камушки. Возле его ног располагалась небольшая горка этих самых камушков, и её размеры не уменьшались. Несколько раз вместо камушка из кучки в полёт отправлялась ракушка из тех, что в многообразии были раскиданы вдоль обеих берегов реки.

Это повторяющееся действие успокаивало. Бросок, тихий всплеск, круги по воде, бросок... Воображаемый Друг понял, что сидящий кого-то ждёт, потом он понял, что дожидаются именно его.

– И ты долго собираешься там стоять? – Спросил Очень Старый Воображаемый Друг. Он не повернулся, лишь одной рукой похлопал по песку возле себя, другая продолжала кидать камушки.

Воображаемый Друг покорно принял приглашение. Он собирался дойти до реки, но совершенно не представлял, что собирался делать потом. От сидящего его отделяло двадцать шагов, он прошёл их по течению реки.

Никакой неловкости не было, он просто приблизился и сел на мягкий и тёплый песок. Изгой не казался ему странным или хоть чем-то отличным от всех других, и он точно знал толк в спокойствии, а это было именно тем, в чём нуждался Друг. Невольно он сам протянул руку и зачерпнул горсть камушков.

— Ты рассказал про своего Человека. — Не спрашивал, а констатировал Изгой. — Зря. — В его словах не было порицания, а лицо, глядящее в воду, ничуть не изменилось. Он не был зол на Воображаемого Друга, и от того он почувствовал облегчение и не смог сдержать себя, и бросил в реку свой камушек. Круг получился не таким ровным и очень скоро растянулся по поверхности воды, но ничего, он знал, что мастерство придёт только со временем.

— Но что же такого я сделал? Я лишь хотел поделиться с ними своей радостью! Хотел рассказать им про это! Ведь это по-настоящему чудесно!

— Ты им напомнил. — Таков был ответ Очень Старого Воображаемого Друга.

— Напомнил? — Воображаемый Друг не понимал слов Изгоя. — Но что я мог им напомнить?

— Человека. Ты причинил им боль, задел то, что они изо всех сил стараются забыть и никогда не могут изгладить из памяти. Я верю, что в твоём поступке не было злых мотивов; я верю, что только самые светлые побуждения заставили тебя поделиться с ними. Я знаю, что ты просто не знал об этом. Я думаю, тебе нужно извинить их в той же самой степени, в которой они должны извинить тебя.

От объяснений Изгоя понятнее не становилось. Воображаемый Друг решил бросить камушек. На этот раз получилось лучше.

— То есть вы хотите сказать, что у них тоже был Человек? — В такое верилось с трудом, особенно с учётом тех лиц, что совсем недавно источали яд.

– У всех нас был или будет Человек. Это непреложно и неизменно.

– Но тогда я точно ничего не понимаю! – Воображаемый Друг взмахнул руками. – Если я им напомнил, выходит, что у них уже был Человек, и значит, они представляют, каково это – быть рядом с ним! Как в таком случае они могли злиться, если они сами испытывали это? Разве они не должны были радоваться вместе со мной?

Изгой бросил камушек, и более идеальных кругов на воде Воображаемый Друг не видел.

– Ты только ступил на эту дорогу, с которой многие из них давным-давно сошли. Ты прав, в самом начале тропы каждый из них ни в чём не уступал тебе, они тоже были радостными, тоже чувствовали, что наконец-то стали полезными, тоже ждали своего Человека... – Очень Старый Воображаемый Друг умолк.

– И что же случилось? Неужели они устали? – Сама мысль об этом была невыносимой. Он считал, что сможет всегда приходить к своему Человеку, он даже не думал, что существуют какие-то ограничения.

Очень Старый Воображаемый Друг покачал головой.

– Нашей вины в этом нет. – Примирительным тоном сказал Изгой. – Не мы уходим с тропы – а Человек.

– Но зачем? Зачем ему нужно уходить? – Друг думал о своём собственном Человеке, тот бы ни за что не согласился на такое. Им же очень хорошо было вместе.

– Потому что они забывают. Им становится это ненужным. Человек устроен так, что постепенно с ним случается взросление, и когда оно приходит, он меняет тропу. Мы можем приходить в любимые места и ждать его, однако играть будут только тени былых воспоминаний. Вот почему все стараются не вспоминать Человека – это причиняет боль, – он протянул руку

вперёд и продемонстрировал открытую ладонь, на которой лежал камушек. — Это как камень в реке, над ним всегда бегут волны, и ни одну из них он не увидит вновь.

Воображаемый Друг никогда раньше не слышал про Взросление, но после слов Изгоя люто невзлюбил его. На миг ему представилось, что не с кем будет наблюдать жирафов и что пиратский корабль с парусами в штормящем море более не увидит своего капитана. Теперь он понимал, почему все остальные так быстро покинули его. Он осознал, чего они лишились.

— Но ведь Взросление случится не так быстро? — Сколько всего он ещё не успел попробовать со своим Человеком! — Так ведь? Мы ещё увидимся с ним?

Мольба звучала в его голосе, он с надеждой смотрел на Изгоя, как будто тот мог что-то поменять в этом мире, который оказался не таким уж и радостным. Очень Старый Воображаемый Друг развёл в стороны дряхлыми руками, и от этого жеста Другу стало ещё неуютнее. Он судорожно перебирал слова и мысли, искал то, за что можно зацепиться и снова почувствовать себя радостным. Ошеломляющая догадка пришла к нему. Друг внимательно посмотрел на сидящего Изгоя.

— И ты? У тебя тоже когда-то был Человек? — При этих словах губы Изгоя дёрнулись в слабой улыбке. — У тебя был Человек, и ты единственный, кто не стал на меня злиться!

Взглядом Изгоя можно было остановить бурю, он излучал спокойствие. Совершенно невозможно было представить его злым.

— У меня до сих пор есть Человек, поэтому все остальные давно отвернулись от меня...

— Но как? — Только что он начал что-то понимать, но Изгой опять сбросил его в вязкие объятия всё новых вопросов. — Как? Ты же сказал, что приходит Взросление, и Человек начинает забывать! Почему твой Человек не Повзрослел?

— Я и сам толком не понимаю. Но я слышал, что такие случаи бывали и раньше, но они очень и очень редки. Думаю, некоторым из них удаётся обмануть Взросление, спрятаться от него. Только в этом случае нам удаётся остаться с Человеком. — Он поднял камушек из кучки, но так и не бросил его. — Но обман сказывается сразу на двоих, оба превращаются в изгоев.

— Оба? — воображаемый Друг подумал, что вечно ходить в одиночестве это достаточно малая цена за возможность обмануть Взросление.

— Здесь никто не хочет видеть меня, потому что у меня до сих пор имеется возможность видеться со своим Человеком. Однако Человека, которому удалось перехитрить Взросление и не растерять способность помнить наши игры, помещают в дом цвета этого песка. — Он погрузил палец в песок. — И держат в комнате с мягкими стенами. С ним никто не общается, и только я прихожу навещать его.

— С мягкими стенами? Зачем?

— Они необычайно странны. Может, таким образом человека стараются оградить от Взросления, которое не может проникнуть через мягкие стены. — Изгой пожал плечами, он был знаком с Человеком несколько десятилетий, но так и не научился разбираться в том, что происходило у того в голове.

— Но почему тогда всем не сесть за мягкие стены? — Недоумевал Воображаемый Друг. — Зачем они ждут Взросления?

— Может быть, тогда некому будет закрывать их в этих самых комнатах с мягкими стенами или у них мало домов цвета этого песка. Ты спрашиваешь так, словно я знаю ответы, но я о них даже не догадываюсь. Единственное, что я могу делать, — наблюдать, а повлиять на них мы не в состоянии. В этой игре главная роль у Человека — он принимает Решения, нам остаётся только следовать их выбору, нравится он нам или нет.

– А в чём же тогда смысл? Зачем давать ощущение этой радости, а потом навсегда отнимать её? Не легче было бы вообще этого не испытывать?!

Очень Старый Воображаемый Друг уже понимался. Он оттряхивал ладони, к которым успели прилипнуть песчинки и ракушки.

– А разве оно не стоит того? – Спросил он через плечо.

Воображаемый Друг не знал. Он помнил лица остальных, на самом деле на них не было злобы, она была лишь налётом, а обида оказалась просто давешним воспоминанием. И всё-таки они порадовались за него, глубоко внутри он задел их чувственные струны, на пару мгновений вернул им радость, о которой они забывали.

Возможно, когда-нибудь он сможет дать ответ на вопрос, стоило это того или нет, но не сейчас. Сейчас ему ещё некоторое время нужно посидеть на берегу и побросать камушки в воду.

Очень Старый Воображаемый Друг исчез, но кучка его камушков осталась на том же месте.

Бросок, тихий всплеск, круги по воде, бросок...

Камни опускались на дно, и волна проходила над каждым из них лишь раз.

С. Хочистов

«ПОСЛЕДНЕЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ»

Дедушка был изобретателем. И им очень нравилось копаться в его вещах, которые после его смерти прежде обычного наполнились смыслом. Маленький чулан, скорее даже просто каморка была центром притяжения, в котором прошло их детство. У дедушки всегда можно было отыскать презанятные вещицы, и они никогда не уставали среди прочего находить всё новые и новые сокровища.

Первым доселе невиданный предмет обнаружил младший. И он принялся его разглядывать с особой придирчивостью, потому как ничего особенного в предмете не наблюдалось. Это был небольшой пульт — прямоугольная коробочка с одной-единственной кнопкой, расположенной строго по центру.

Щёлк! Это младший сразу надавил на кнопку, но вопреки ожиданиям ничего не произошло. Не открылось потайного ящичка, не зазвучала мелодия... щелчок ушёл в пустоту. Маленькие брови нахмурились, ему было не слишком много лет, но достаточно для того, чтобы понять: у каждой вещи должен быть смысл. А у этой коробочки его не наблюдалось.

За спиной появился старший и тут же завладел странной находкой. Теперь оба брата смотрели на пульт, с лёгкостью помещавшийся в ладонях. Он был практически невесомым, изнутри не доносилось никаких характерных звуков, а прямо посередине находилась кнопка, размещённая здесь с единственной целью.

Щёлк! Теперь старший опустил палец на кнопку, но результат остался прежним. Братьям оставалось озадаченно

переглянуться, младший уже начинал чувствовать скуку, из-за того, что дедушкина вещица не оправдала его ожиданий; старший сразу подумал, что в ней что-то сломалось: отошло зубчатое колесо или лопнула пружина. Обидно, конечно, но без дедушки некому будет починить эту коробочку, значит, её секрету предстоит остаться тут и постепенно покрываться слоем пыли.

Он отложил бесполезную безделушку в сторону и направился к двери. Щёлк! За его спиной младший в последней надежде нажал кнопку, а затем засеменял за старшим братом.

Когда они вышли на улицу, опускалась ночь. Россыпь звёзд покрывала опеленавшую мир темноту. Их мысли наполнились грустью и тоской по ушедшему. В надежде немного прояснить суетные переживания старший обратил голову к небу, на глаза ему попала Большая Медведица. Он долгое время смотрел на неё, вглядываясь в геометрию звёзд, и глазом никак не мог уловить ту перемену, которую ему нашёптывал мозг.

Астроном прильнул к окуляру. Над Пуэрто-Рико небеса наполнились тьмой. Он наблюдал за звёздами на протяжении сорока лет, поэтому сразу сумел распознать изменение в привычной картине звёздного неба. Но могло ли такое случиться? Да, он видел, но не мог дать этому вразумительного объяснения.

Звёздные атласы были составлены ещё сотни лет назад и с тех пор только уточнялись, движения звёзд были известны ещё древним людям! Ему не было нужды пользоваться справочниками, но всё же он достал несколько увесистых томов и на их страницах убедился в том, в чём и так был

уверен. Атласы не могли врать, но и звёзды не имели обыкновения пропадать с назначенных им мест!

И всё же светила небольшой величины и умеренной яркости в обозначенном секторе небесной сферы не наблюдалось. Астроном внимательно проверил свои вычисления, прикинул, могло ли иное космическое тело перекрыть наблюдаемую им звезду, но по всему выходило, что в его расчётах не было ошибки, а траектории других тел абсолютно не могли ему помешать!

Он снова прильнул к окуляру, десятки и тысячи звёзд лили в его телескоп многовековой свет, но в одном месте так и не наблюдалось привычного тусклого свечения. Впервые в жизни астроном не мог отыскать свою звезду.

Бредущий по пустынной степи странник опёрся на посох и вскинул голову в направлении далёкого горизонта. На открытой местности звёзды всегда кажутся ближе к людям, созвездия словно увеличиваются и становятся более очерченными, а потому не составляет труда распутать их разбросанный узор.

Однако увиденное заставило странника затаить дыхание. Он ориентировался по звёздам Летнего Треугольника, он целиком вверял свою судьбу трём безразличным к людским страданиям светилам, но на чернеющем небосводе пламени лишь две звезды, ведущие его за собой. Треугольник лишился третьей вершины.

Ещё на исходе ночи он прекрасно видел над собой все три звезды, сейчас же на месте третьей осталась лишь пустота. Пустынный ветер, сразу напомнивший о страхах темноты, ударил его в спину и заставил побороть наваждение. Ему

нужно было продолжать путь, пусть даже одна из путеводных звёзд решила спрятаться от него.

Он снова стал двигаться, крепко сжимая свой посох и стараясь не поднимать голову к бездонному небу, с которого на него косились предательские звёзды.

А пока брат, астроном и странник смотрели на небо, в запылённой камерке лежал брошенный пульт с единственной кнопкой, и кто знал, какой звезде предстояло погаснуть следующей?

Светлана Салахутдинова

«НА СВОЁМ МЕСТЕ»

*«Каждый человек в чём-нибудь да гений.
Надо только найти в нём это гениальное».*

А. и Б. Стругацкие «Улитка на склоне»

– Будьте добры, вина и горячего супа. Вино можно сразу, только подогрейте.

Трактирщик улыбнулся подсевшей к стойке посетительнице – улыбнулся на удивление искренне, в отличие от большинства своих коллег. Молча кивнул, почти неувловимым движением забрав монеты со столешницы. Даже Мелия, уставшая за целый день работы, невольно оценила простоту и изящество жеста. Сразу видно – человек на своём месте.

Впрочем, как и она сама.

Магиана с наслаждением вытянула ноги в сторону, пользуясь тем, что посетителей пока было немного. На улице быстро темнело, и девушка знала: ещё буквально полчаса, и трактир наполнится людьми, шумом то и дело отодвигаемых стульев и висящим в воздухе гулом разговоров и пьяных шуточек (в том числе и в её адрес). В деревне она была только первый день, и мало кто знал её в лицо. Конечно, Мелия давно научилась всего парой хлёстких фраз отваживать желающих приударить за одинокой путницей. Да и защитит себя вполне могла. Но напрягаться лишний раз не хотелось, тем более что сил осталось не так уж много. Поэтому она просто вытащила поверх куртки медальон с гербом Академии магов – это должно было обеспечить ей спокойный вечер.

Перед девушкой возник бокал с вином, и она кивком поблагодарила трактирщика. Сделала большой глоток – горло обожгло, зато от желудка по телу тут же разлилось приятное тепло. Мелия прикрыла тёмные глаза, чувствуя, как к ней потихоньку возвращается истраченная за день энергия. Лучшее средство, когда надо быстро восстановить силы. И на вкус очень даже неплохо, что редкость.

– Это из старых запасов, ещё отец мой хранил, – неожиданно произнёс трактирщик, с довольной улыбкой следивший за реакцией посетительницы. – Как вам?

– Недурно, – признала магиана. – А почему вдруг решили открыть, если не секрет?

– Да просто так! – бесхитростно пожал плечами мужчина. – Чувствую, что человек вы хороший, вот и захотелось приятное сделать.

– Что ж, спасибо.

«Вот что значит – работа по душе», – мелькнуло в голове, и Мелия едва заметно улыбнулась своим мыслям, сделав ещё пару мелких глотков из бокала.

Трактирщика же явно потянуло на болтовню. Приободрённый завязавшейся беседой, он вновь заговорил:

– А вы ведь магиана? Это вас староста сегодня целый день по деревне водил, чтобы защиту от нежити поставить?

– Да.

– Устали, поди... А всё-таки, как же нам повезло, что вы мимо проезжали! А то нежить в последнее время так и прёт! Иной раз и днём вылезает, а уж ночью-то что творится... Только частоколом и спасаемся, да пара мужиков на всякий случай за оградой присматривают.

– У вас ведь, кажется, стража есть?

Мелия действительно слышала что-то подобное краем уха. Кажется, пару месяцев назад управление расположенного не-

подалёку города решило поддержать близлежащие посёлки в борьбе с активной в осеннее время нежитью. Каждое утро в деревни сменами снаряжали по несколько человек из числа городских стражников и народных добровольцев. На первый взгляд всё выглядело более-менее логично и даже разумно.

Но трактирщик только безнадёжно махнул рукой в ответ.

– Да что там! Стража..., – презрительно сплюнул он и с досадой махнул рукой. – Вон она где, эта стража!

Магиана проследила за жестом мужчины и взгляделась в компанию из трёх человек, что-то оживлённо обсуждавших, пока разносчица убирала со стола скопившиеся пустые кружки из-под пива и заменяла их полными. Они и правда походили на стражников: лёгкие куртки с нашивками в виде городского герба на рукавах, добротные штаны и обувь. Мечи, по-домашнему прислонённые к стульям. Несколько заряженных, судя по магическому фону, камней-артефактов против нежити в поясном мешочке. Всё как положено.

Мелия нахмурилась. Пусть сейчас была ещё не ночь, когда они и должны патрулировать улицы, всё же им явно не стоило настолько расслабляться перед работой.

Тем временем один из стражников покровительственно накрыл ладонь разносчицы рукой и что-то произнёс, заставив друзей загоготать, а девушку отпрянуть от стола, лишь чудом не уронив поднос.

Настроение резко упало. От наслаждения, вызванной несколькими глотками вина, не осталось и следа. Магиана скривилась – она ненавидела и презирала таких людей ещё с прошлой жизни до Академии, когда сама была беспомощной девчушкой.

– М-да, – тем не менее как можно сдержаннее высказалась Мелия, продолжая разговор и наблюдая, как рассерженная девушка с размаху ставит поднос на край стойки. Разносчица

жестом подозвала к себе щуплого парнишку лет двенадцати, как раз выглянувшего из кухни, и что-то сказала ему, раздражённо указывая на компанию стражников.

– Вот и я о том же, – тяжело вздохнул трактирщик, однако, с явным неодобрением во взгляде следя за подчинённой. – Ох, зря это она... Как бы хуже не стало.

Магиана недоумённо приподняла бровь. На месте разносчицы ещё несколько лет назад она поступила бы точно так же – то есть спихнула проблему на другого. Дело в пареньке? Девушка пригляделась к нему. Да нет, мальчишка как мальчишка, ну, может, немного робкий. Но, если подрабатывает в трактире в таком возрасте, значит, в целом, уже готов к самостоятельной жизни. А это неплохо.

Мелия уже открыла было рот, чтобы прояснить ситуацию, но тут трактирщик, наконец, поставил перед ней исходящую паром тарелку с супом, и девушка мгновенно забыла обо всём, только сейчас осознав, насколько была голодна. Похлёбка была пресной на вкус, но горячее, а именно это сейчас и требовалось магиане для восстановления сил. Трактирщик тактично отошёл и занялся оставленной посудой – его бормотание под аккомпанемент позвякивающих кружек Мелия теперь слышала лишь краем уха, полностью сосредоточившись на еде.

Она уже почти доела, когда слух внезапно выцепил из слов мужчины обрывок фразы: «...нет, ему здесь совсем не место!...». Подумав, девушка отставила тарелку в сторону. Наестся она ещё успеет, а вот поговорить на равных с приятным человеком в последнее время не удавалось. Тем более на тему, в своё время терзавшую её саму.

– Вы про мальчишку?

– Что?.. А, да, – кивнул трактирщик, снова подходя ближе к посетительнице. – Я говорю, не для него эта работёнка. Не-

поворотливый он. Вечно ворон считает, спотыкается на ровном месте...

Словно в подтверждение этих слов, паренёк зацепился за ножку одного из стульев, покачнулся, но устоял, судорожно сжав в руках поднос. Пустые кружки, которые он нёс, опасно съехали к краю.

Мужчина только тяжело вздохнул и покачал головой.

– Видали? И вот так постоянно. Уж сколько он мне посуды попортил, сколько продуктов перевёл...

– Так зачем же вы его до сих пор держите? – удивилась Мелия.

– Жалко мальчишку. Да и родителей его тоже. Они очень уважаемые люди в деревне, но работают постоянно как проклятые. И на детей, а их четверо, им просто времени не хватает. И ладно старшие, они все быстро нашли себе занятие по душе, да по хозяйству помогают. А у него всё из рук валится. И получается, что он-то помочь хочет, а только мешается. Вот они его и отправили учиться чему-нибудь полезному. Знаете, он где только себя не пробовал. И к столяру подмастерьем устраивался, и к портному, даже к кузнецу пытался, но там ему сразу дали от ворот поворот.

– Я даже понимаю, почему, – пробормотала магиана, украдкой разглядывая слабые на вид руки, кажущиеся совсем тонкими из-за свободно болтающейся на теле рубахи.

– Так вот, – продолжил трактирщик. – Он и к повару нашему пришёл, просился в помощники. Верите, полдня поработал – и уже троим посетителям от его блюд плохо стало. Ну я ему и предложил – говорю, давай-ка ты лучше будешь Ташке нашей помогать. По вечерам ей особенно тяжело одной бывает, хоть порой и я выхожу. Он согласился. А выгонять теперь жалко, старается ведь человек...

Мелия только неопределённо хмыкнула и допила остывшее вино. Парнишка, конечно, внушал уважение: и упорством, и старанием, и горячей в глазах надеждой. Но терпеть нерасторопного работника только из жалости на месте трактирщика она бы не стала.

В трактире тем временем становилось слишком уж шумно илюдно. Зал постепенно наполнялся, уже лишь пара столов оставалась свободной. От компании стражников то и дело доносился хохот и шутивная перебранка, которая прерывалась только ради очередной кружки пива. Оба разносчика носились по залу как угорелые, только и успевая, что, крикнув заказ в дверь кухни, вновь убежать к другим столам за пустой посудой.

«Пожалуй, мне пора», – подумала Мелия, неторопливо вставая со стула и кивком благодаря трактирщика за ужин. Ей ещё следовало добраться до дома весьма милой, но совершенно не терпящей ночных «гуляний» бабушки, у которой магиана остановилась на пару дней работы.

Неожиданно в груди кольнуло смутное предчувствие, и девушка остановилась. Взгляд невольно упал на мальчишку-разносчика.

Он как раз проходил мимо стола стражников, когда один из них, видимо, в пылу спора, широко взмахнул рукой. Стоило отдать пареньку должное: он вовремя пригнулся и, не глядя, чуть отступил в сторону. Но, больше беспокоясь о полных кружках пива на подносе, мальчишка, похоже, совсем не смотрел под ноги и не заметил прислонённого к стулу меча. Нога запуталась в ремнях ножен, зацепилась за другую – и мгновение спустя раздался грохот. В воздухе резко запахло хмелем.

– Ты!.. Ч-чёрт!

Стражник вскочил из-за стола, нелепо расставив ноги и удерживая руки на весу. С рукавов куртки капало, на одной

из штанин расползлось мокрое пятно. На полу собиралась лужа грязно-жёлтого цвета.

«Так ему и надо! — не удержалась от злорадной мысли Мелия, невольно улыгнувшись под аккомпанемент грянувшего в трактире смеха. — Хотя вот теперь мальчишку действительно жалко».

Лицо стражника медленно наливалось краской. Он покоился на бессовестно ржущих соратников, скользнул затуманенным от выпивки взглядом по залу, подмечая, что улыбаются почти все, и разъярённо уставился на паренька. Тот так и смотрел растерянно снизу вверх, даже не пытаясь встать.

— Ты! Щ-щенок! Хочешь выставить м-меня на посм-мещище? — с пьяной злостью прошипел стражник. Наклонившись, сгрёб мальчишку за ворот, рывком поднял на ноги. С силой потрянул, словно выбивал пыль из коврика. — В-выпороть бы т-тебя как следует! Раз у отца руки н-не доходят — так я помогу!

Мелия, ещё со времён обучения в Академии чувствительная к особо сильным эмоциям людей, невольно зажмурилась — злоба ярким алым всплеском затопила ауру мужчины. Когда девушка взглянула снова, стражник всё так же нависал над пареньком, который теперь тёр глаза кулаком. Магиана вздохнула — ну вот, уже и до слёз дошли. Хотя нет, подождите-ка...

Мальчишка яростно растирал глаза, никак не реагируя на раздражённые окрики мужчины и заставляя того ещё сильнее багроветь от гнева. Растирал, не пытаясь скрыть слёзы, а так, будто в какой-то миг его вдруг что-то ослепило...

«Быть не может! Он... видел?» — промелькнуло в голове. И, прежде чем осознала, что делает, девушка решительно двинулась к центру всеобщего внимания.

– Отпустите-ка его, любезный! – звонко произнесла Мелия. – Думаю, мальчик сразу же извинится, как только вы перестанете его трясти.

– Чего? А ты ещё кто?

– Догадайтесь.

– А-а... Мамаша пожаловала, – после короткой паузы сделал неправильные выводы стражник, в упор не замечая медальон мага. Отвлёкшись, он чуть ослабил хватку, и паренёк осторожно вывернулся из-под тяжёлой руки и как можно незаметнее шагнул назад.

– Вынуждена вас разочаровать – гадалкой вам не быть, – фальшиво посочувствовала девушка, цепляя мальчишку за рубаху и оттащив его за себя.

– Не мудри, м-мамаша! – не выдержал мужчина. – Лучше зан-нялась бы сынком. Посмотри, ч-что он сделал! – Он демонстративно развёл руками.

Мелия нарочито послушно уставилась на мокрую одежду. Помедлила несколько секунд, задумчиво покачивая медальон за цепочку – вдруг до тугодума всё-таки дойдёт? Наконец, шепнула заклинание и замысловато крутнула кистью. Пятно на штанах стражника мгновенно исчезло, с рукавов перестало капать. Только лужа всё ещё хлюпала под ногами.

– Может, такой итог вас устроит?

Соратники мужчины разом перестали смеяться, наконец осознав, на кого нарвались. Один из них осторожно коснулся локтя разошедшегося друга, но тот этого даже не заметил. Стражник медленно похлопал ладонью по куртке, изучил абсолютно сухие штаны. Недоверчиво оскалился. И неожиданно резво для пьяного человека вытащил мальчишку из-за спины девушки, впрочем, сам едва удержавшись на ногах.

— Что ещё з-за фокусы?! Его всё равно н-надо наказать! Он меня опозорил! Я — с-стражник, а он меня!.. Раз дома н-не воспитывают, так я..

— Да что ж ты заладил-то про воспитание, — всё-таки не сдержавшись, устало вздохнула Мелия. — Ты лучше своим займись.

И, не дожидаясь, пока мужчина, уже замахнувшийся на мальчика, осмыслит её слова и взбеленится ещё больше, магиана шагнула ему навстречу и быстро провела раскрытой ладонью перед его лицом. Стражник так и застыл — с открытым ртом и поднятой рукой. Потом вдруг зевнул, прикрыл глаза, по-детски причмокнул губами и тяжело опустился на пол. Свернулся в клубочек прямо в луже пролитого пива и через мгновение уже мирно сопел, подложив ладони под щёку.

Девушка весьма красноречиво посмотрела на его мигмом протрезвевших соратников. Те смутились под тяжёлым взглядом. Стараясь не встречаться с магианой глазами, стражники неловко подхватили друга и молча потащили его к выходу.

«Ну, хоть одной помехой меньше, — с облегчением выдохнула Мелия, наблюдая, как один из патрульных вернулся и, суетливо собрав забытые возле стульев мечи, так же шустро, хоть и на подгибающихся ногах, выбежал на улицу. — А теперь осталось понять, как заговорить с мальчишкой».

Пока девушка пыталась что-то сообразить под вновь заполнивший пространство трактира гул голосов и одобрительные выкрики из зала («Так ему и надо!», «Уроком будет!»), кто-то вдруг требовательно потянул её за руку. Магиана непроизвольно усмехнулась, поворачиваясь. А мальчишка не робкого десятка! Вот так запросто лезть к магу! Но, в любом случае, неожиданную догадку стоило проверить, а вдруг и в самом деле...

— Госпожа магиана! — запинаясь от волнения, начал парнишка, не дожидаясь, пока девушка что-то скажет. С детской

непосредственностью ткнул пальцем куда-то над её головой. — А что это за штука?

Мелия застыла от неожиданности. Это что же, он видит энергетические плетения заклинаний? В таком возрасте? Без обучения?! Да быть такого не может! А ну-ка...

— Ой, поменялось! — искренне восхитился мальчишка, когда девушка одними губами шепнула коротенькое заклинание. И так же искренне огорчился, когда она взмахом руки впитала в ауру так и не пущенную в ход силу. — Ну-у-у...

— Поиграли и хватит, — строго сказала магиана. И не сдержала улыбки, увидев, как мальчик вздрогнул и съёжился, будто очнувшись. Какой же он всё-таки ещё ребёнок! Но, несомненно, гений. Неограниченный драгоценный камень, в будущем — по-настоящему великий волшебник. Нужно только направить его по верному пути.

Мелия присела перед ним, заглянула в ясные голубые глаза.

— Как тебя зовут?

— Н-нел, госпожа магиана, — дрожащим голосом ответил мальчишка. Девушка ободряюще улыбнулась.

— А меня — Мелия. Нел, скажи... То, что ты увидел, вот тут, надо мной, тебе понравилось?

— Да, очень! — без раздумий выпалил он. — Так красиво!

— А хочешь научиться делать так же?

Такого вопроса мальчик явно не ожидал. Испуганно вскинул глаза на магиану, недоверчиво нахмурился, думая, видимо, что это какая-то шутка. Но всё же кивнул — медленно и неуверенно.

Мелия встала. Протянула Нелу руку.

— Тогда пойдём со мной. Там, куда я сейчас возвращаюсь, тебя всему научат.

— Я не..., — совсем растерялся парнишка и как-то разом поник. — У меня, наверно, не получится... Вы же видели, у меня совсем ничего не получается, хоть я и стараюсь.

– Да. И это неудивительно, – кивнула девушка. Нел вздрогнул, как от удара, опустил голову. – Неудивительно, потому что всё это – просто не то, что тебе нужно. Потому что твоя суть – это магия. Поверь мне, я знаю, о чём говорю. И я знаю, что ты справишься.

Мальчишка ошарашенно разинул рот, неверяще, но с безумной надеждой уставился в тёмные глаза магианы. И неожиданно выдал:

– Мне, наверно, мама не разрешит...

Мелия на секунду опешила, а потом расхохоталась.

– Не переживай, – сквозь смех произнесла девушка, глядя на явно обиженного такой реакцией Нела. – Думаю, я смогу её убедить.

– Правда?

– Конечно. – Магиана качнула медальоном и улыбнулась. – Можем поговорить с ней хоть прямо сейчас, хочешь?

Нел радостно кивнул, бросил взгляд на трактирщика, с изумлением в глазах наблюдающего за всей этой сценой. Помедлив, поклонился, словно благодаря того за доброту и терпение. И чуть ли не вприпрыжку помчался к выходу. Мелия неторопливо пошла за ним.

Видение будущего никогда не было её сильной стороной. Но сейчас девушка почему-то была убеждена – может, и ненадолго, но молодой маг ещё вернётся в родную деревню. Уже со своим медальоном на шее, уже уверенный в себе и сильный, уже способный защитить себя и других.

Ведь с этого дня его ждала совершенно новая жизнь.

Софья Ремез

«РАССКАЗ БЕЗ МИКРОФОНА»

– А ты в субботу что делаешь? Может, кофе выпьем?–
спросила Ксюша.

– В субботу не могу, – говорю. – Я в субботу на ярмарке
выступаю перед детьми. Со своей книжкой. В первый раз. И
очень боюсь.

– А что ты, спрашивает Ксюша, – с детьми делать будешь?
У тебя уже программа есть?

– Ну, – отвечаю, – рассказ прочитаю. И про книжку
расскажу.

– Вот это ты зря, – покачала головой Ксюша.

– Что зря?

– Про книжку рассказать ещё можно, а вот рассказ чи-
тать – не советую.

– Почему?

– Ну это же ужасно скучно! Слушать, как кто-то рассказ
читает. Ты себя в детстве помнишь?

– Немного...

– К вам в класс писатели приходили?

– Да нет. В моём детстве живых писателей писателями
не считали. Мы только мёртвых читали.

– Ясно. А вот к нам приходили какие-то живые писатели. И
очень скучно было.

– И что же мне делать?

– Возраст детей какой у тебя?

– Книжка – девять плюс, а уж какие придут дети – кто их
знает...

– Понятно. Плохо, что непонятно, какие дети. Детей надо чем-то увлечь! Лучше всего, купи мыльные пузыри. Они ж недорогие!

– Что же, я выйду и буду мыльные пузыри выдувать? – удивилась я.

– Да не ты, они будут выдувать! Ты прямо на всех купи! Знаешь, как дети любят пузыри?!

– Да я же не знаю, сколько там детей будет? Может вообще один или два! А я накуплю пузырей – и буду как дура. Да и книжка у меня с пузырями никак не монтируется.

– Уж и не знаю тогда, что тебе посоветовать. Ладно, можно с ними в игры поиграть!

– В какие игры?

– Ну ты же писатель! В филологические игры! Только весёлые!

– Такие бывают?

– А как же, – Ксюша начала перечислять, а я взяла блокнот и записала.

– Значит так, игра «Потусторонние рифмы». Её Лена Мамонтова придумала, хороший детский поэт. – Начинаешь фразу – «По ту сторону реки» – а они продолжают в рифму.

– Типа: «маяки», – попробовала я сыграть.

– Да нет, надо целиком. Например, «По ту сторону реки – Ходят-бродят рыбаки». И дальше продолжаешь... По ту сторону стола...

Я замялась. Рифмы в голову не приходили.

– Ну что?

– Да ничего, – говорю, – ничего не могу придумать в рифму. А вдруг и дети тоже не смогут? И будут вот эти все неловкие паузы...

– Ой, я тебя умоляю! Дети прекрасно все рифмуют! Можно ещё попробовать в вопросы поиграть.

– А это как?

– Ну нужно говорить одними только вопросами. Например, я тебя спрашиваю – «как тебя зовут», а ты не можешь ответить «Соня». Нужно ответить вопросом. «А почему тебя это интересует?» или «А тебя как зовут?»

– Ох. Боюсь, я ни с одной игрой не справлюсь.

– Не выдумывай! Главное настройся правильно перед встречей!

Перед встречей я настроилась правильно. Долго выбирала одежду – нашла костюм зайца и костюм клоуна, но решила, что это, наверное, будет уже перебор. Позвонила Ксюше уточнить, а у неё абонент недоступен. Ладно, надела что-то обычное. Перечитала записи в блокноте и в электричке всё повторяла про себя «По ту сторону реки». Пока добралась до ярмарки – промокла под дождём со снегом. Бабье лето, называется... И ничего крепче кваса на этой ярмарке, как назло, не продают.

Пришла к этому издательскому шатру, где встреча, а там от шатра – одно название. Я его, конечно, иначе себе представляла. Там такая беседка открытая – два на два метра. И стол стоит. И тётенька сидит – а за столом несколько детей что-то рисуют. И табличка рядом с тётенькой «Художник». Мастер-класс, значит. А ветер всё сильнее дует, беседку пошатывает. Я уже начала пятиться назад, думаю, сбежать по-тихому, пока меня никто не заметил. И тут, откуда ни возьмись появляется женщина в зелёном жилете и с микрофоном.

– А-а-а-а! Вот и наш писатель, – говорит.

– Почему вы решили? – спрашиваю.

– Да вот у вас, книжка в руках. Мы вас сразу узнали... «Кто мы-то?» – думаю.

Я только хотела ей сказать, что плохо подготовилась, а она уже в микрофон объявляет на всю ярмарку.

– А теперь у нас начинается мастер-класс писателя! Писатель расскажет нам о своей книге!

Хорошо ещё, её почти не было слышно – там с одной стороны беседки оперный спектакль, с другой, какие-то говорящие кони.

Только рисующие дети-то сразу всё услышали – их почти всех как ветром сдуло. Одна девочка со спокойным лицом никуда не убежала. Сидит себе... А один рыжий мальчик задержался, чтобы фломастеры собрать – на том-то он и погорел. Его мама поймала, обратно за стол усадила и строго так говорит:

– Сиди, Ваня! Сиди и слушай! Сейчас умные люди будут про книжку рассказывать!

– Не хочу! – Сморщился Ваня. Есть хочу!

– Вот послушаешь писателя, пойдём есть, – строго сказала мама. Рыжий Ваня тяжело вздохнул.

И ещё одна маленькая глазастая девочка осталась. Лет пяти. Сидит себе, рисует.

Женщина прогнала художника, посадила меня на её место, убрала табличку «художник» и поставила другую – «писатель». И микрофон мне в руки дала.

– Вы говорите громко, и люди будут подходить, чтобы вас послушать, – посоветовала женщина в жилетке и куда-то ушла.

Я сомневалась, что люди будут подходить, но деваться уже некуда.

– Здравствуйте, дети, – говорю! – Меня зовут... Вообще-то, это не важно, как меня зовут! Вот это книжка. Ради которой мы тут все... собрались... А сейчас мы поиграем в разные весёлые филологические игры.

Мальчик и две девочки молча смотрят. Мне от этой тишины ещё страшнее.

– Кто любит играть? – спрашиваю сиплым таким голосом.

А дети молчат. Мне этих детей так жалко стало, что слёзы на глаза наворачиваются. Но продолжать надо. Как там в песне поётся: «шоу маст гоу он»...

– Итак, дети, – бодрюсь я, – игра называется... называется...

И тут понимаю, что забыла. Блокнот не станешь же при делах доставать. Помню, что-то про реку.

– На том берегу реки, – говорю, – называется игра. Я вам буду говорить: «На том берегу реки», а вы мне в рифму отвечайте.

И тишина опять. Подхожу к рыжему Ване, прямо в лицо ему микрофоном тычу.

– Давай, – говорю, – мальчик. Придумай мне рифму.

А он молчит, и только странно так смотрит на меня, как на поехавшую...

– Ну ладно, может, ты, девочка, придумаешь?

– Мы ещё рифмы не проходили, – говорит девочка со спокойным лицом.

– Ну, давайте тогда в вопросы поиграем! Я вам вопрос задаю – и вы мне – вопрос. А утвердительно отвечать нельзя. То есть, вообще никак нельзя отвечать. Только вопросом. Мальчик, как тебя зовут? – и опять микрофоном в рыжего тычу.

– А зачем я должен отвечать?

– А почему ты спрашиваешь? – отвечаю я вопросом.

– Да я вообще не хотел в этом участвовать!

– Ты не по правилам отвечаешь. В этой игре надо только вопросами отвечать!

– А я в вашу игру не играю, – говорит рыжий, – я хочу есть уже!

– Да я и сама уже есть хочу, честно говоря, – отвечаю. – И вообще, ты какой-то не очень воспитанный мальчик.

Тут, видимо, мама мальчика поняла, что я какой-то не очень хороший писатель, и рыжего увела.

Ну вот, думаю, сейчас остальные разбегутся. Надо было мыльные пузыри принести!

А тут ещё глазастая мелкая девочка маму за рукав тянет и громко шепчет: «пойдём вон туда! Там из пластилина лепят!»

Я не растерялась, конечно. И бодро так спрашиваю.

– А вот кто из вас, дети, любит лепить из пластилина?

Они как-то оживились, даже руки подняли, заулыбались сразу с надеждой. Тут я вспомнила, что надеются они зря, пластилина-то у меня нет никакого. «Ну хотя бы обстановку разрядила», – думаю.

– Ребята, которые любят лепить из пластилина, а придумайте мне рифму к слову река!

Тут рисующая девочка фломастеры схватила и бегом туда, где из пластилина лепят.

Ну, думаю, теперь, наверное, можно уезжать спокойно.

– А может быть, вы рассказ почитаете? – спрашивает девочка со спокойным лицом.

– Какой рассказ? – отвечаю я вопросом.

– Ну какой-нибудь свой. Вы же писатель!

– Рассказ нельзя, – говорю. – Тебе скучно будет. Мы должны в весёлые игры играть.

– Мне скучно не будет. Вы почитайте! Я люблю рассказы. Меня Аня зовут.

– Очень приятно. Я тебе, Аня, конечно, почитаю, но пеняй на себя.

Открыла я книжку и прочитала Ане рассказ. Без микрофона. Она внимательно слушала, а потом говорит.

– А ещё рассказ можно?

И тут женщина в зелёной жилетке перед нами выросла.

– Время, – говорит, – ваше закончилось. У нас следующий спикер подошёл. Убирает табличку «Писатель» и ставит вместо неё «музыкант».

Татьяна Столярова

«ВЕДЬМА, ВЕДЬМА...»

– Да выруби ты его, сколько можно? Не надоело на эту морду любоваться?

Лера вздрогнула, рефлекторно попыталась заслонить экран планшета и тут же выпрямилась, сообразив, что поздно.

Главврач Иван Владимирович сердито смотрел на неё.

– Как маленькая, честное слово!

Лера тоже нахмурилась, выключила видео и планшет убрала.

– Что, настроение плохое? – уже помягче спросил профессор.

Он знал эту её слабость – в моменты «расстроенных чувств» она при первой возможности забивалась в ординаторскую и просматривала кадры из фильмов с любимым артистом. Артист о существовании Леры не догадывался, проживал себе в Первопрестольной, успешно снимался и падать ей на голову в виде подарка судьбы не спешил. Даже отдыхать в Крым, насколько было известно, не приезжал. Правда, кто их, актёров, знает... А лицезрение его породистого лица женщину почему-то всегда успокаивало и «приводило в соответствие».

– Да, – буркнула она, не заботясь о субординации. – С утра не по себе. Не то погода, не то предчувствие какое-то...

– Что тут предчувствовать? Жара такая... Через пару дней инфарктники косяком повалят, снова в коридор койки ставить придётся. Вот и все твои предчувствия.

Лера ещё больше помрачнела.

Не хочется ему совсем настроение портить, но...

– Иван Владимирович... Оттуда никаких новостей?

– Опять соль на рану сыплешь?

Начальник уже откровенно разозлился.

– Тебе сказано – не раньше, чем к Новому году!

По злой иронии, в тот самый момент, когда в кардиологии ожидали наплыва гипертоников и инфарктников, в сейфе лаборатории находилось то, что могло предотвратить множество смертей. А именно – детище Леры, врача-биохимика и реаниматолога по совместительству. Средство, препятствующее образованию постинфарктных рубцов. В опытах на лабораторных крысах оно проявило себя идеально. Участки омертвевшего миокарда критического размера, возникшие в результате экспериментального электрошока, регенерировали в течение десяти – двенадцати дней, а «жертвы науки» оставались в живых. И через месяц скакали не менее бодро, чем до опыта. Вскрытие не показывало никаких следов события.

Но на этом дело и застопорилось. Даже на покупку шимпанзе для проверки результатов денег им не выделили, мотивируя тем, что, дескать, «вы не НИИ, а клиника, хоть и высокого класса», и такие дорогостоящие подопытные животные не положены.

Теперь препарат уже полгода ждал разрешения апробации на людях. И ещё полгода ждать предстояло. Мало того – от результатов зависела судьба докторской диссертации Леры. И поэтому Иван Владимирович, главврач и её научный руководитель, переживал и сердился вдвойне.

«И вправду, вот-вот веселье начнётся, – расстроено думала она, проверяя наличие достаточного количества обычных лекарств. – Если бы не наша бюрократия, десятки добровольцев можно было найти. Многие согласятся – на одной чаше весов гарантированная смерть, на другой – всё же надежда...»

В глубине души в своём препарате она была уверена. И больных, умиравших из-за бумажной волокиты, было жаль даже не до слёз, а до истерики.

– Ну, ничего, ничего, не ной, Валэра! – попытался утешить её начальник. – Через месяц командировка в Москву, может, получится как-то ускорить дело...

«Валэра» криво усмехнулась.

«Ещё немного протянут – начну тайком инъекции делать!»

Благо процесс приготовления лекарства был прост, как всё гениальное, и возможностей биохимической лаборатории, оснащённой достаточно современным оборудованием, вполне хватало. Лера даже дома хранила какую-то часть синтезированного средства – на всякий случай. О том, что этот случай может оказаться подсудным делом, она старалась не задумываться.

Придя на следующий день к двадцати ноль-ноль на суточное дежурство, она обнаружила, что пациенты и «пары дней» не заставили себя ждать. Столбик термометра днём поднимался до тридцати пяти градусов в тени, что даже для Крыма многовато, и это немедленно сказалось на состоянии здоровья уязвимой части населения. У детей – солнечные и тепловые удары. А у тех, кто постарше среднего возраста – «помолодевшие» инсульты, инфаркты и гипертонические кризы. И, хотя койки в коридорах ещё не стояли, палаты были почти заполнены.

Успев до трёх часов ночи откачать двух старушек с предынфарктным состоянием и молодого парня с сердечной недостаточностью (знает же, что сердце больное, какого чёрта в такую жару портвейн хлебать!), Лера вымоталась совершенно.

«Дежурство только началось, а я уже никакая! Ну, летальных исходов пока нет, и то слава богу».

Она доплелась до ординаторской, прилегла на диванчик и незаметно задремала.

Иногда, при сильной усталости или после стрессов, ей снились странные сны. О какой-то другой жизни. И теперь пришёл один из них.

В этих снах она была так же одинока, как и наяву. Видела себя знахаркой в поселении трудноопределимого народа, живущего в крымских горах. Горы были вполне узнаваемы. А вот что за люди ей грезились, так и не удалось разобраться. Мужчины носили длинные кожаные кафтаны, пояса которых женщины щедро украшали узорами. На головы надевали какое-то подобие папах. Женские платья тоже были покрыты богатым орнаментом (Лера даже помнила, как вышивала своё, подбирая по собственному вкусу нитки и бусины! В итоге её наряд отличался от всех других). Из любопытства она порылась в интернете, но ничего подобного не нашла. Скифы, татары, караймы? Не похоже...

«Там» она не знала, кем были её родители, даже собственного имени вспомнить не могла. И никогда не слышала, чтобы кто-либо его произносил. Соплеменники её сторонились, как всегда сторонятся знахарок и колдуний, но враждебности не проявляли и при необходимости непременно звали на помощь. Лера часто видела себя у постели больного или роженицы, и вся утварь и знахарские причиндалы ей были знакомы как свои пять пальцев! Мешочки с сушёными травами, нож для вскрытия нарывов, полосы грубой ткани вместо бинтов... Похожа ли она на себя сегодняшнюю, также сказать было трудно. Отражение в ручье или в её мутном полированном зеркале (единственном в селении, кстати) виделось размытым и нечётким. Вроде бы и есть сходство, и нет... Разве что волосы заметно удлинились, падали ниже пояса и приобретали рыжеватый оттенок.

Об этих сновидениях Лера никому не рассказывала (да и кому оно интересно?). Особенно её смущало то, что в них частенько появлялся Он. Её любимый артист. В качестве действующего лица явно знатного рода, приезжающего из соседнего селения. Так и просится «на белом коне», но, увы, конь

был гнедой масти. Завидев знахарку и приветствуя её, он, в отличие от соплеменников, улыбался.

Лера в образе целительницы испытывала безотчётную боязнь внезапно узнать, что ездит он ради какой-нибудь девушки, и вот-вот к ней посватается. Ей-то самой вряд ли стоит на что-то рассчитывать. Но ни одна девица рядом с её героем не мелькала, да и заходил он лишь в дом главы посёлка, а тот имел только сыновей. Что свидетельствовало об исключительно деловых причинах визитов. Наяву-то Лера быстренько прояснила бы вопрос, но в ускользающих снах сделать это было затруднительно.

Знахарка – понятно. Медицина не отпускает. А мужчина...

«Вот сублимация шурует, – саркастически комментировала она после пробуждения. – Как наукой мозги не забивай, гормоны своё возьмут!»

Ничего нет глупее и смешнее, чем тридцатипятилетней одинокой учёной даме влюбиться в знаменитого артиста – в этом Лера была глубоко убеждена. И со смехом вспоминала эпизод из детской книжки, в которой рассказывалось о модном в предреволюционное время среди восторженных гимназисток поветрии «обожания» известных личностей. Девчонки, дошедшие до абсурда в своей преданности кумиру, прокрались в грим-уборную театрального актёра, стащили его резиновую калошу (вот бедняга негодовал-то, наверное!), разрезали её на мелкие кусочки и торжественно съели.

«От такой любви один заворот кишок и никакого удовольствия!»

Тем не менее сны продолжали приходить. И сейчас ей придалось, что знахарку позвали к очередной занедужившей женщине и там из разговора она сделала вывод: привлёкший её внимание мужчина – сын главы соседнего поселения, приезжает по поручениям отца, а теперь спускается в долину ула-

живать какие-то дела и вернётся не скоро... И так ей от этих сплетен тоскливо и тошно, хочется проснуться немедленно, а не получается никак!

Разбушевавшись телефону она даже обрадовалась – наконец-то из этой тяготыны вынырнула! Но, увидев имя начальника на дисплее, встревожилась – раз звонит среди ночи, значит, что-то серьёзное стряслось!

– Лера, бегом, – сухо скомандовал знакомый голос, – готовь реанимацию, я сейчас подъеду.

– Сию секунду, – отозвалась она, – уже бегу.

– И вот что, – главврач откашлялся, и Лере вдруг послышались виноватые нотки, – в обморок там не хлопнись, как увидишь. Твоего везут.

– Кого? – с недоумением переспросила Лера.

«Своим» она могла назвать разве что самого Ивана Владимировича. Так и говорила: «Мой профессор». Мужчины Лерину одержимость работой не выдерживали, ночные дежурства и круглосуточные опыты по достоинству не ценили и быстро исчезали из её жизни. Она даже кота не заводила, чтобы ни какое живое существо от неё не зависело.

– Да любимца твоего пучеглазого, артиста! – рявкнула трубка и отключилась.

Лера пять секунд стояла, оцепенев и тупо глядя в пространство. Затем опрометью вылетела из ординаторской, подвернув ногу и едва не перекувырнувшись через порог.

Нет, в обморок Лера вряд ли хлопнулась бы. Просто потому, что не узнала сразу. Знакомое до малейших чётрочек лицо совершенно изменилось – приобрело землисто-серый оттенок, щёки ввалились, губы посинели. Полная картина обширного инфаркта.

Руки выполняли необходимые действия почти без участия мозга. Анальгетики. Антикоагулянты. Кислород.

Суетились ошарашенные медсестрички.

— В Ялте съёмки, оказывается, были! — доносилось до Леры. — Ещё вечером плохо стало, а он молчал, терпел до последнего...

Прибывший одновременно с пациентом Иван Владимирович просматривал ленту ЭКГ.

— Крупноочаговый трансмуральный, — с досадой бросил он вполголоса. — И без кардиограммы ясно. Откапает — на «эхо» немедленно.

Больной был в сознании, однако на происходящее почти не реагировал. На вопросы о состоянии едва слышно ответил, но и только. Казалось, ему всё равно. Для ситуации — очень плохо.

Через полчаса укатили в кабинет эхокардиографии.

Тут мозг Леры включился и начал диктовать рекомендации. Да такие, что возразить было нечего.

«Так. Пока профессор там, быстро пойти в лабораторию и взять несколько ампул. Потом не получится — заметит, не позволит. Если всё не так страшно — значит, не пригодятся. Завтра принести из дому недостающее количество и положить на место в сейф. Очень просто. Не стой столбом, иди!»

Но на «не так страшно» надежды почти не было. Очень уж много Лера таких больных видела...

Пустой коридор. Поворот. Второй такой же. Слишком громко лязгающие ключи.

Не трогая выключатель, она открыла сейф. На ощупь вынула из ячеек штук шесть ампул, завернула в салфетку и спрятала в карман халата.

— Ой, Валерия Александровна, что же Вы в темноте?

Свет резанул по глазам. В дверях стояла Лилечка, Лилия Николаевна. Интерн-реаниматолог.

– А мне показалось, лампочка перегорела, – выговорила Лера. – Наверное, выключатель заедать стал. А ты что здесь, ведь не дежуришь?

– Да на артиста прибежала посмотреть, девчата позвонили! – Лилечка простодушно распахнула глаза. – Он в фильмах такой красивый, а глянула – старый какой-то совсем, страшный...

– От инфаркта ещё никто не похорошел, – сухо сообщила Лера. – Не привыкла до сих пор?

«Идут же такие дуры в медицину!»

Очень жаль, что Лилечка видела открытый сейф. Будем надеяться, не обратила внимания. Мало ли что там могло быть нужно?

Пришла вовремя – пациента вернули в палату. Иван Владимирович, мрачнее тучи, скомандовал, не глядя на Леру:

– Валерия Александровна, повторите то же самое, потом зайдите ко мне.

И вышел.

«Очень хорошо. Никого нет. А если войдут – интенсивная терапия. Другого момента не будет».

Лера снова поставила капельницу (в сложных случаях она все реанимационные манипуляции делала сама, без медсестёр). А затем, запретив себе задумываться, быстро сломала носик ампулы и ввела в вену другой руки коричневатый раствор.

Артист лежал с закрытыми глазами. От уколов слегка морщился. Руки тяжёлые, холодные и влажные. Как у всех критических инфарктников.

Поколебавшись, Лера осторожно отёрла со лба мужчины холодный пот. Он снова поморщился. Очевидно, любое прикосновение сейчас было для него болезненным.

Плохо.

«Так. К профессору».

Усадив в палату медсестру, она пошла к Ивану Владимировичу.

Тот курил в своём кабинете.

– Ну, что, Лерка, – произнёс главврач нехотя, – отыгрался, походу, артист твой.

– Что, совсем нехорошо? – сипло проговорила Лера.

– Совсем. «Эхо» – хуже некуда. «От такой рубец!» – зло процитировал главврач героя фильма «Любовь и голуби». – Если будет. Поразительно, как он вообще жив ещё!

Постинфарктные рубцы образуются через семь – десять дней. А сейчас поражённый участок – просто мёртвая ткань. Которая не подаёт никаких сигналов и признаков жизни.

Ткань. Мёртвая.

– Но всё же жив! Может, пронесёт? Ведь всё возможное...

Лера осеклась под взглядом профессора.

– Слышишь, Лерка! – резко выговорил он. – Предупреждаю – не вздумай! А то я тебя знаю! В любом случае из Москвы понаедут с проверкой, как бы ни обернулось. Чай, не бабка девяностолетняя, никому не интересная – на всю страну известен! Всё обнюхают! Не дай бог! Увольнение, статья! И тебе, и мне!

Она молчала.

«Хорошо, что дома есть. А то ведь может доступ к сейфу перекрыть – запросто».

– Ты меня поняла?

– Поняла, – прошелестела Лера.

– Только бы не здесь помер, – с досадой бросил главврач. – В Москву всё равно заберут, так хотя бы живого! Всё отделение перевернут, всех перетрясут! Вот принесла нелёгкая!

– А он нетранспортабелен, – вдруг громко и злорадно высказалась она – куда и сип девался. – Какой бы знаменитый ни был, а вертолёт МЧС ради него гонять не будут!

И, развернувшись, вышла из кабинета.

Таким тоном со своим научным руководителем Лера ещё никогда не разговаривала. Но сейчас ей было не до церемоний.

Взяв историю болезни, она просмотрела результаты ЭКГ и «эха». Тут её ожидал сюрприз.

Превосходно. Вообще замечательно. Помимо свеженькой омертвевшей области, обследование показало наличие рубца — по всей видимости, полугодичной давности.

То есть инфаркт был не первым.

Шансов на «обойдётся и так» становилось всё меньше. Не обойдётся.

Тут поступил звонок — снова скорая. Везли очень тяжёлого дедушку.

Лера приготовилась, да попусту.

Везли и не довели.

Это добило её окончательно, и, не заходя в ординаторскую, чтобы не нарваться на очередную нотацию, она решила заехать у артиста в палате до утра. Заметят? Наплевать.

Свет был приглушён, прибор, фиксирующий работу сердца больного (немыслимо, как оно вообще работает?), мерно попискивал. И Лера неожиданно для себя задремала снова.

Но и во сне ей покоя не было. Привиделось нечто вовсе нелепое и тяжкое.

В «ином мире» завязалась странная смута. Её селение и соседнее перессорились между собой, глупо и необратимо. Будто бы сын главы посёлка оскорбил кого-то на общем празднике, произнёс недопустимые слова, а собеседники взвились, дело закончилось дракой и убийством оскорбителя... и теперь отец погибшего готовится мстить, и нет никакого способа остановить этот кошмар. И возразить ему нечем — каким бы идиотским ни был предлог для ссоры, а парня-то убили!

Странно, что Лера-знахарка свидетелем событий не была, но во сне они воспринимались в виде чёткого воспоминания. А больше всего беспокоило её лишь одно – что предмет её мыслей отсутствует, в курсе происшедшего быть не может, назад будет ехать через их посёлок и напрямик попадёт в лапы бывших добрых соседей, неожиданно обернувшихся смертельными врагами.

Опять-таки, она твёрдо знала, что народ её, обычно миролюбивый и спокойный, оскорблений и крови не прощает, а значит, примирить стороны никакой надежды...

Лера почти перестала спать. Затемно она пихала в мешочек кое-какую еду и спешила занять наблюдательный пункт у ручья, намного ниже посёлка. И не уходила, пока не темнело снова. Ей было безразлично, что её помощь могла кому-то понадобиться. Развели хрень, сами и выкручивайтесь.

С места, где она сидела, открывался восхитительный вид на долину. Лера и в реальной жизни горы обожала. Высоты не боялась совершенно. Каждое лето во время отпуска выбирала время, чтобы походить по туристским тропам. Подышать хвоей, лавандой... Очень любила смотреть с обрывов вниз и воображать себя в полёте...

Но сейчас она не замечала красот. Изо всех сил вглядывалась в ленту дороги, вьющуюся среди валунов и зарослей.

Караулить мужчину, который, кроме приветствий, и пары слов ей не сказал, было стыдно. Сама себе она напоминала собаку, поджидающую хозяина. Но сейчас одно важно – встретить, предупредить, чтобы не ехал через посёлок, а пробрался домой окольными тропинками. Пусть она его больше не увидит (что вполне вероятно), лишь бы жив остался.

На четвёртое утро встретила страшная процессия. Мужчины посёлка, вооружённые, поднимались выше в горы – к соседям. Ехали молча. Убивать.

Именно в этот день Лера и увидела всадника. Затрясло так, что едва смогла подняться на ноги. Но встала всё-таки и быстро пошла мужчине навстречу. Он было заулыбался, но, разглядев выражение её лица, улыбку погасил...

— Я должен остановить их, — повторял он через четверть часа. — Иначе никому не жить, ни нам, ни вам.

— Не успеешь, — отвечала она. — Наши давно уже там.

— Тем более надо спешить!

Возле уха свистнуло. Лера стояла так близко, что стрела задела её оперением по щеке.

Значит, не только она поджидала на дороге!

— Скорее! — Лера увлекла мужчину под защиту деревьев и валунов на обочине. Тревожно ржущего и упирающегося коня тот потащил за собой.

Теперь и не высунуться. Кто знает, где этот стрелок засел?

— Уходим, — распорядилась она. — Раз уж так.

Вот и решилось само собой. Ему придётся ехать к себе. А ей — возвращаться домой. Её видели с врагом, значит, теперь она чужая везде. Что это для неё означало, даже представлять не хотелось.

Она проводила его почти до места. Тропинка была узкой, деревья нависали низко, ехать верхом было невозможно, и они шли, ведя коня в поводу. И почти не разговаривали. Лера не знала, что ещё можно сказать.

Ну вот, пришли. Дальше ей нельзя.

— Прощай, — произнесла она быстро.

— Нет, — он улыбнулся. — Не прощай. Если буду жив, приеду за тобой. Скорее всего, здесь находиться мы не сможем. Уйдём в долину и будем жить там. Но я должен попытаться хоть что-то спасти.

— Но...

— Ты не согласна?

– Согласна. Но почему?..

Ведь он никогда ни о чём ей даже не намекал!

– А кто бы ещё ждал меня на этой дороге?..

«Вот и всё, – повторяла она, пробираясь домой, – вот и всё. Теперь и умирать можно спокойно».

Селение будто вымерло. Тишина. Она прошла к своему дому и увидела, что почти все женщины, дети и старики стоят на дороге, ведущей выше в горы. Ждут своих мужчин. Так же, как она ждала своего. И среди них – младший сын главы, подросток, вероятно, оставшийся дома по малолетству. С луком через плечо.

«Значит, это он стрелял и видел меня. Молчать не будет».

Полуденное солнце било прямо в глаза. Солнце...

...Солнце было не полуденное, а утреннее, и светило прямо в окно палаты. Лера заморгала.

«Приснится же такое! Будто несколько дней прожила. Наверное, новостей из Украины посмотрелась по телевизору, вот война и мерещится. И не разбудил никто!»

Она подошла к окну и попыталась задёрнуть шторы. И услышала тихое:

– Не нужно... Пусть светит.

Обернулась. И увидела, что больной смотрит на неё своими огромными глазами.

– Доброе утро! – она старалась говорить бодро. – Как самочувствие?

– Кажется, лучше, – неуверенно произнёс мужчина. – Судя по суматохе, которую я наделал, это, наверное, перед окончанием всех хлопот?

– Ну почему же! Раз живы, значит, всё будет в порядке!

– Пока жив... Замучил я Вас? Устали? А как Вас зовут, доктор?

– Валерия Александровна. Лера. Ничего страшного, рядовое суточное дежурство. Ну-ка, принимайте утреннюю порцию!

Уже без тени сомнений она выудила из кармана вторую ампулу и снова сделала укол. Затем – все полагающиеся процедуры.

Так и пошло. Иван Владимирович с ней почти не разговаривал – наверное, обиделся на дерзкий ответ. После дежурства она принесла из дому препарат и, дождавшись ночи, вернула нужное количество ампул в сейф. И вообще – практически переселилась в больницу. Со страхом ждала, что артиста и вправду увезут в Москву, но никто не приезжал. Приходили проведывать киношники, смотрели на коллегу с опаской, но ни о чём подобном не заговаривали.

А он потихоньку выздоравливал. Стал садиться в постели. Постепенно уходила бледность. А поскольку Лера всё время находилась поблизости, заводил с ней долгие разговоры. Рассказывал о съёмках, о себе. Выяснилось, что он в разводе и именно сейчас приехать за ним и некому.

Наплыв пациентов не снижался. Но все они пролетали за границами сознания, и обязанности свои Лера выполняла автоматически, хоть и по-прежнему добросовестно.

Через две недели главврач распорядился «эхо» повторить. Вышел из кабинета он со странным выражением лица и сухо бросил:

– Немедленно ко мне!

«Вот оно. Началось».

– Твоих рук дело?

Лера молчала.

– Рубец где? Я тебя спрашиваю! – вдруг закричал профессор и швырнул ей через стол результаты «эха».

Она нарочито не спеша их просмотрела.

Рубцов не было и в помине. Ни старого, ни свежего, который как раз сейчас должен был сформироваться. Нормальный, здоровый миокард, исправно сигналивший.

Было что-то очень неприятное во взгляде Ивана Владимировича. И в его крике. Не нравилось ей это.

— Я думал, ты меня поняла. Поверил. Не проверял!

Тут до Леры дошло, что именно её коробило всё это время.

«Не поверил ты. Хотел бы воспрепятствовать — сто раз бы проверил, ключ от сейфа отобрал, в отпуск выгнал! Ждал, что получится. Наблюдал».

— Вот что, Валэра, — это панибратское словечко показалось ей сейчас особенно неуместным, — пиши-ка ты заявление по собственному. Прокатит — порву. Закончится плохо, — что-то не так пойдёт, комиссия приедет, — пожалуйте на выход. Я должен быть уверен в своих сотрудиках.

Всё это было так нелогично и беспомощно, что Лера не удержалась от иронической улыбки.

— Две недели в любом случае есть, — колко заметила она. — А то вдруг без меня... что-то не так пойдёт! Да и понаблюдать интересно, не правда ли? Когда ещё такой случай выпадет!

— Вот ведьма! — услышала она.

Курс лечения препаратом как раз рассчитывался на месяц.

Вот оно как. «Её» профессор. Спасший сотни жизней. Крёстный отец лекарства. Под его руководством она когда-то защищала диплом, затем — кандидатскую...

«Значит, неожиданный удачный эксперимент. Получится — работай, Валэра, дальше. Помрёт — извольте вам выйти вон, а мы ни при чём, ничего не знаем, необратимые последствия. Боже, противно-то как!»

В палату к больному она возвращаться не стала. Тем более что утренняя инъекция была уже сделана.

«Отдохну дома, физиономия не такая печальная будет. Заметит — вдруг огорчится, а этого сейчас не нужно».

Но отдохнуть не удалось. Новый сон был ужасен.

Не дождалась женщины мужчин на дороге. Никто не вернулся, не выпускал победных криков. Только к ночи прибрели двое израненных юношей — как только дошли?

Застать соседей врасплох не удалось. Встретили они «гостей» в полной боевой готовности. Бой был страшен, и попытки невесть откуда взявшегося сына главы примирить стороны лишь усилили ярость сражавшихся. А победителей не было. Уползая из последних сил, парни слышали лишь вой да женские рыдания... Стало быть, и у противника мало кто остался в живых.

Поднялся вой и здесь. Как существовать теперь без мужчин? Как хотя бы похоронить погибших?

Знахарка молчала, стоя у своих ворот. Невозможно было понять из рассказа, выжил её любимый или нет. Убит? Ранен? Скрылся?

— Это она предупредила! — завопил «младшенький», тыча в Леру пальцем. — Я видел, она его возле ручья ждала! Жаль, промахнулся... Ведьма!

«Наконец-то. Так и должно было быть».

— Наши ушли на рассвете, а он приехал в полдень, — спокойно сказала она.

Но аргументы на толпу уже не действовали.

Виновный был найден.

От воплей задрожал воздух.

Кто-то схватил её за волосы. Кто-то ударил кулаком в лицо. От резкого толчка она повалилась на землю и закашлялась от пыли. Уцелевшие парни, только что едва стоящие на ногах, бросились собирать камни...

«Вот дурни. Кто теперь ваши раны залечивать будет?»

Первый удар пришёлся в плечо. И яростно замелькали кисти рук. Это были женские руки. Не было женщины в селении,

у которой она за десять лет не приняла бы родов. Не было ребёнка, которого она не лечила бы от лихорадки, не прикладывала примочек к ушибам. Не было старухи, которой бы она не приносила сбор трав для укрепляющего отвара...

– Смерть ведьме! Смерть предательнице!

Лера теоретически знала, что, должно быть, очень больно, когда бьют камнями. Но не думала, что настолько!

Она вскочила с постели с криком. Бросилась в ванную и долго рассматривала свои руки и лицо, ища синяки и ссадины.

«Кажется, совсем свихнулась от недосыпа. Уедет, уволюсь и буду месяц на пляже лежать. Провались оно всё».

Лера выпила успокоительное, но заснуть до утра не смогла. Усыпила её лишь мысль – если «там» она умерла, значит, эти видения должны прекратиться. И даже жаль стало...

Артист встретил её, стоя у окна.

– Ваш главврач сказал, что мне можно понемногу перемещаться. Хотя бы по палате ходить.

– Вот и прекрасно. Скоро и к съёмкам вернётесь.

– Вы чем-то огорчены?

Не собиралась Лера ничего ему рассказывать, но смолчать не получилось.

– Очевидно, мы покинем это богоугодное заведение одновременно.

– Что так?

– Как раз с главврачом и не поладила.

– И куда же планируете перейти?

– Понятия не имею. Решу за пару недель.

Молчание.

– Вот что, Валерия Александровна... Лера. Вы не хотели бы переехать в Москву? Раз уж так всё серьёзно.

– В Москву? И что я там буду делать?

– Например, контролировать состояние моего сердца. Похоже, оно теперь только Вас и слушается. Вы же не хотите, чтобы оно снова забарахлило? А кто бы ещё так меня выхаживал?

Лера молчала. Этого не могло быть. Вот не могло, и всё тут.

– Вы не согласны?

– Согласна...

А что ещё можно было сказать?

Юрий Табашников

«БЛЮВАКАЛЫ, СМОРКАЛЬЩИКИ И ЕЩЁ, ЕЩЁ ДРУГИЕ»

— Наташа, если сказать прямо и честно, то должен признаться, что мы над вашими откровениями смеялись всей кафедрой долго, и не хватало сил остановиться, — невысокий и совсем лысый невзрачный субъект Подкорытов Илья Семёнович поверх довольно больших очков насмешливо смотрел на сидящую напротив студентку. За большим окном-витриной многочисленные многоэтажные новостройки, как весенняя травка, буйно и безудержно тянулись к солнцу. Опустевшая после лекций аудитория с отодвинутыми от столов стульями, где преподаватель попросил задержаться девушку, располагала к неспешной и откровенной беседе.

Без особого труда сотворив стандартный отрешённый вид, Наталья мысленно пожалела доктора биологических наук. И было ведь за что. Мальчишки в её группе не раз упоминали о том, что Илья Семёнович в обычной жизни вне стен института был, есть и остаётся неисправимым почитателем прекрасного пола. Многим студенткам, особенно тем, что выглядели симпатичней других, с необычайной лёгкостью заместитель кафедры прощал все смертные грехи, связанные со сдачей зачётов, в то же время безбожно и безжалостно третируя мужскую часть курса. Правда, вольностей и шалостей по отношению к подопечным женского пола не позволял, но своё пристрастие к слабой половине человечества выпячивал без зазрения совести, некрасиво, а порой и неуместно.

Истинной причиной такого избирательного отношения, равно как и проявления всех христианских добродетелей к местным красавицам, вне всякого сомнения, являлись усы. Те самые, которые почему-то не сбривала его жена, вдобавок ещё и несносная по характеру особа. И это не маленькие «штришки» под носом, как у Гитлера или Чарли Чаплина. О нет. Судя по слухам, там имеется настоящий гусарский набор, ещё и немного и подкрученный кверху, совсем как у Будённого. Или ещё там кого, Наташа уже забыла, кого же хотела вспомнить по случаю минуту назад.

Со своей стороны, преподаватель, хоть и с усмешкой, но всё же с видимым сочувствием и сожалением рассматривал и студентку. Эх, к такой эффектной внешности ещё бы хоть немножко мозгов, как в той чудесной сказке про Изумрудный город! Наверное, когда девушка наносила макияж, то обязательно думала, что весь мир падёт пред ней, как Карфаген перед Римом. Но мир почему-то думал совсем иначе. До Ильи Семёновича раньше уже доходили слухи о поразительной способности Наташи коверкать слова, но сам он впервые засвидетельствовал их правоту только сегодня. Одни поговаривали, что девушка таким образом портит русский язык, другие, безусловные злословы и зубоскалы, — что обогащает. Так, во время одного из семинаров вместо слова «йети» она совсем не к месту произнесла несколько раз «эти». Аудитория некоторое время гадала по поводу услышанного речевого оборота, а когда осознала всю глубину подмены понятий, веселью не было предела. Особо злые языки утверждали, и преподносилось это откровение как проверенный факт, что если сесть на стул, на котором постоянно сидела девушка, то и сам невольно станешь испытывать затруднения с речью. Может, так оно и было на самом деле, но Илья Семёнович пока ещё не ставил такого эксперимента.

– Вот посмотри, я многого не понял, – внутренне усмехась, произнёс доктор наук, – но кое-где догадался, о чём, собственно, идёт речь. Вот скажи мне, кто такие блювакалы и чем же они так знамениты?

– Блювакалы? – с нескрываемым изумлением посмотрела на него студентка. – Как кто? У меня же ясно написано – блювакают.

– В каком смысле «блювакают»? – принял правила игры преподаватель, подыгрывая студентке. – Отрывают непереваренную пищу?

– Конечно! – уже с раздражением принялась пояснять Наташа. – У меня же всё ясно и точно описано. Они довольно большие на вид, серебристые и с длинными усиками, что служат им вместо рта. Питаются солнечной энергией и светом звёзд. Когда переедают – начинают вспухать, и как только достигнут состояния шара, тут же из всех пор их кожи начинает литься дождь всех цветов радуги. Смотреть больно. Надо сказать, они всегда переедают, как их не проси остановиться, поэтому я и называю их блювакалы. Ведь меру надо всегда знать.

– Хорошо, хорошо, не хочу слышать такие подробности, они почему-то начинают меня потихоньку раздражать. Не углубляюсь в твои инопланетные познания и не спрашиваю, кто ж такие «сморкальщики», как-то сам догадываюсь. Наташ, задание-то ведь было простое. Немного пофантазировать по поводу возможной разнообразной жизни во Вселенной, ведь мы находимся пока на биологической кафедре педагогического университета. Но такого... Такого взрыва космических знаний и мыслей об инопланетных жителях я не встречал ещё ни у кого! Откуда ты всё это взяла?

– Ну, не из головы же. От них, – обиженно надула губки девушка.

– Это что сейчас было, стёб? – нахмурился Илья Семёнович, отчего потерял последнюю каплю мужской привлекательности в глазах Натальи.

– Да нет же! Все они существуют на самом деле, как вы не верите! Блювакалы, сморкальщики и ещё, ещё другие!

– И ты их видела?

– Конечно, ведь работаю-то я и у них всех гидом.

– Ну, всё, с меня, пожалуй, хватит. Перепишешь шедевр заново и послезавтра мне на стол. Договорились?

Покраснев до корней волос, студентка лишь утвердительно мотнула головой, ведь больше ей ничего не оставалось делать.

Часом позже, совершенно расстроенная и очень обиженная, она вернулась домой и на пороге раздражённо сбросила туфли, разбросав их по узкому и тесному коридору в разные стороны. Небольшая квартира, которую Наташа снимала в аренду, вряд ли могла бы произвести впечатление на искушённых горожан, что учились с ней на одном курсе. И хоть состояла она всего лишь из кухни, туалета и маленькой комнатухи, служившей одновременно залом и спальней, девушка уже не представляла себе жизни без неё. Почему же прежний обитатель покинул такой уютный укромный уголок? В ответ на непроизвольно вырвавшийся вопрос хозяин квартиры, сухой невысокий старичок, только буркнул, что бывший жилец остался ему немало должен, потом пересчитал Наташины деньги за полгода вперёд и поторопился оставить её одну.

Первым делом, как помнила девушка, она шмыгнула на кухню. И увидела холодильник. Он показался ей не просто большим, а по-настоящему огромным. И хотя на матовом корпусе она прочла название «Морозко», но засомневалась, что такие внушительные агрегаты выпускали в Советском Союзе. Чтобы втиснуть громадину в узкое помещение, в стене была сдела-

на ниша, которая частично «съедала» пространство и без того маленького зала.

Впрочем, скоро девушка поняла, что холодильник и в самом деле очень даже необычное устройство.

Как и в первый день, едва попав на кухню, она воткнула штекер в розетку. Ведь как и положено всякому прибору, холодильнику нужно подпитаться энергией, чтобы начать работать. Корпус сначала задрожал, затем затрясся, двери распахнулись, и из потока света, что разлился по кухне, в помещение ввалился гость.

Метровый в диаметре мохнатый шар выкатился на длинных щупальцах из холодильного агрегата. Именно из-за этих щупалец Наташа в своей личной классификации представителей инопланетных цивилизаций отнесла пришельца к расе щупальщиков, изменив также имя, которое в оригинале просто не могла повторить. Так и стала звать его по-своему – Шариком.

Девушка очень обрадовалась гостю, ведь в довольно мрачный осенний день только он один мог как-то поднять настроение.

Посередине мохнатого шара вдруг появились два огромных выпуклых глаза, а под ними – зубастый рот.

– Наташка-ка-ка-ка, иди-ка-ка-ка сюда-ка-ка-ка, – заревел житель далёкой звезды так громко, что заложило уши.

Удивительно, откуда он знал её имя? Говорил он, в отличие от многих других пришельцев, на великом и могучем языке довольно неплохо, и, если игнорировать троекратное «ка», то речь становилась совершенно понятной. Что и поспешила мысленно сделать девушка, чтобы продолжить беседу.

Во время первых контактов её беспокоили громкие голоса пришельцев. А вдруг услышат соседи? Но постепенно девушка узнала все особенности её новой квартиры и успокоилась.

Стены укрывал специальный звукопоглощающий материал, стилизованный под обои. И делали ремонт не какие-нибудь шабашники, а прославленные обитатели Стригона-3, всем известные мастера-строители – пауки. Время от времени довольная квартиростьмица подходила к стенам и погружала руки в безвкусовые цветастые обои по самые локти. Ладони уходили вглубь, не встречая никакой преграды. Невиданные на Земле строительные материалы безо всякого труда поглотили бы не только девушку целиком, но и разрушительную волну взрыва многотонной бомбы.

– Будет кто-то сегодня? – деловито осведомилась девушка, которая на самом деле работала в данной точке Земли гидом для многих гостей из космоса.

– Ещё туристы, – прорычал Шарик со своим ужасным акцентом, на который девушка теперь не обращала ни малейшего внимания. – Из созвездия Стрельца, с одной очень развитой планеты. Ещё те любители экстрима, скажу тебе! Решили пощекотать нервную систему. Когда они будут проходить через звёздные врата, мы придадим их телам человеческую форму, а ты проведёшь их по значным местам вашего чрезвычайно опасного варварского мира. Но так, чтобы все уцелели в ваших трущобах. Оплата обычная – золотом и любимыми вами зелёными бумажками. Как всегда, килограммов пять золота в слитках и мешок «зелени» подойдёт?

Наташа сначала сморщилась, услышав предложение, а потом улыбнулась. Уж что-что, а тусоваться она любила.

– Хорошо, – согласилась девушка.

Деньги ей в последнее время некуда было девать и складывать в прямом смысле. Она переупаковывала доллары из неудобной галактической тары в бесплатные пакеты из супермаркета, а потом укладывала их на балконе и в кладовке, как строитель укладывает кирпичи, поверх импровизирован-

ного фундамента «постройки», состоящего из золотых слитков. Как и всякий по-настоящему богатый человек, Наташа точно не могла сказать, сколько у неё килограммов или, может быть, уже тонн денег накопилось. К концу недели мешки с долларами точно забьют все комнаты. Нужно основательно подумать над образовавшейся проблемой и подыскать новое хранилище. Например, снять в аренду какой-нибудь старый гараж поблизости.

– Прежде чем займёмся туристами, предлагаю немного отдохнуть.

– Как так? – искренне удивился земной гид.

– На пару часов смотаться на пляжи Сморгтаана шестнадцатого. Там такие виды, скажу тебе! – снова восторженно заревел мохнатый шар, подползая на своих длинных щупальцах поближе к девушке.

– Охотно, – радостно мотнула головой Наташа, – только подожди немного.

Она решительно направилась из кухни в зал, который также служил ей спальней, и закрыла за собой дверь. Кроме раскладывающегося дивана, в комнате находился один лишь старый шкаф со встроенными зеркальными дверями. Спартанская обстановка нисколько не тяготила студентку, ведь настоящей насыщенной жизнью она жила совершенно в других местах.

Наташа быстро надела новый купальник и начала вертеться перед зеркалом, рассматривая себя во всех подробностях. Убедившись, что невообразимо красива, девушка громко запела песню, которую придумала на одной удивительно скучной и занудной лекции:

– Я пчёлка жу-жу-жу-ка. Худеть я не хочу-ка. Жу-жу-жу. На кухню полечу-ка. Жу-жу-жу-ка, Я пчёлка жу-жу-жу-ка!

Услышав нехитрый мотив, нетерпеливый как все мужчины Шарик недовольно зарычал сквозь двери с кухни:

– Наташка, ты ещё долго-го-го?
– Одну минутку, – и девушка принялась наносить боевую раскраску на лицо.

– Пойдём, – недовольно буркнул мохнатый шар, когда она наконец-то появилась, и набрал какую-то сложную комбинацию на панно открытой дверцы холодильника. Внутри внушительной морозильной камеры не было ничего. Совсем ничего. Один только яркий свет, скрывающий двери на другие планеты.

Следом за Шариком Наташа шагнула внутрь холодильника. Голова немного закружилась, когда Вселенная мелькнула перед глазами. На миг окружающий мир потух и в темноте за сверкали звёзды. А потом девушка вдруг вывалилась из темноты в яркий свет и с трудом удержала равновесие, когда её ноги коснулись горячего песка.

На небосклоне вдоль горизонта висело несколько солнц. Одно повисло так низко, что, казалось, звезду можно потрогать руками. Остальные рассыпались мутными дисками позади основного светила. Розовые густые облака, похожие на куски сладкой ваты, медленно плыли над самой головой.

Проследив за взглядом девушки, её проводник словно прочитал мысли:

– А они и в самом деле вкусные и сладкие, если подняться чуть повыше и откусить кусочек.

Кругом, куда ни кинешь взгляд, находился один лишь песок. Необычайно красивый, с различными оттенками цветов и очень мягкий на ощупь. Далеко-далеко на побережье можно было разглядеть тёмные фигуры. Множество одиноких туристов из разных уголков Галактики, самых разнообразных форм и всевозможных размеров, рассыпались по пляжу.

Прибрежную полосу омывали волны Тёплого Океана. Вода в нём настолько чистая, что вне зависимости от глубины мож-

но видеть дно до самой линии горизонта. Под водой сновали необычайно красивые разноцветные создания.

– Самое безопасное место во Вселенной, – заметил Шарик, – ничего здесь не бойся.

Наталья ощутила порыв приятного прохладного ветра. Она невольно обернулась и увидела неподалёку странную уродливую конструкцию из ржавого металла в виде огромной раковины. Из большого отверстия раковины и дул этот ветерок. Только сейчас девушка заметила, что вдоль всего побережья на одинаковом расстоянии друг от друга тянулись точно такие же сооружения.

Необычайно похожие на людей инопланетчики, высокие измождённые гуманоиды с зелёной кожей и ушами-лопухами, опершись всем телом на рукоятки, тяжело крутили большие колёса в основании конструкций. По всей видимости, своими движениями они заставляли работать сложный механизм, вызывающий ветер. Все они оказались прикованы к рабочим местам цепями, а во рту у каждого находился большой деревянный кляп, закреплённый на затылке кожаными ремешками. Одетые в рваные серые рубища, они с тоской смотрели на туристов, не прекращая нудной работы.

– Очень уж они похожи на нас, людей, – с удивлением констатировала бесспорный факт Наташа.

– Согласен. Сходство поразительное, – мохнатый шар так потянулся на длинных щупальцах, что коснулся шкурой бедра гуманоида.

– А зачем кляпы? – не удержалась от вопроса девушка.

– Чтобы не мешать болтовнёй надзирателям. И ещё чтобы ничего не смогли сказать плохого о мудрых своих правителях.

– О правителях?

– Ну, да. Инопланетные захватчики с другой звезды, что прилетели на космических кораблях сто лет назад. Триста

семей Избранных с далёкого Трезубца-45 всецело пользуются славой и выгодами завоевателей в заброшенном на тысячи парсеков от транспортных путей месте.

– Что-то мне это напоминает, – нахмурилась Наталья.

– Не пускай дурные мысли в отросток на плечах! – дружелюбно посоветовал ей Шарик. – Во Вселенной такое множество сходных мест и ситуаций. Пошли-ка лучше купаться!

И они направились к воде. Наташа, подбрасывала носками вверх песок, а Шарик перебирал его щупальцами.

На следующий день после беспокойной ночи, в течение которой земной гид водил гостей по значным местечкам города, Наташа клевала носом на лекциях, не в силах побороть сон. Однако стоило ей вернуться домой и включить холодильник в сеть, как из него тут же вывалился Шарик.

Гость из глубин космоса с трудом тащил за собой, зацепив щупальцем, самую настоящую спортивную сумку.

– Наташка-ка-ка-ка! Помоги-ка-ка-ка! – неожиданно запричитал житель далёкой и неизвестной планеты. Его глаза настолько округлились, что ещё немного – и они стали бы больше тела.

– А что случилось? – с неподдельной тревогой спросила девушка, впервые увидевшая своего друга в таком состоянии.

– На оглизианцев, а ты ведь знаешь, что они самые щедрые мои клиенты, напали! – причитал Шарик. – Злобные петрубрианцы высадили более сотни бойцов на борт космического корабля-государства – вполне достаточно, чтобы его захватить!

– И как же они выглядят? – с подозрением спросила студентка, примерно представляя, куда начинает клонить гость.

– Метра на два выше тебя и вдвое шире. Но ты справишься! Мы давно установили, что самые лучшие воины в Галактике рождаются именно в ваших местах! Я тебе никогда раньше этого не говорил, но сейчас должен признаться, что случилось

с твоим предшественником. По моей просьбе парень, что жил здесь до тебя – Виктор-ка-ка-ка – освободил от многовековой тирании одну планету на периферии обитаемого мира и правит там в последнее время единовластно. Вот, смотри, что я тебе принёс, – «щупальщик» расстегнул замок сумки и вытащил из неё очень крупный и опасный на вид предмет, по форме похожий на оружие. Непонятно, как он помещался в неё. – Вот, ионный распылитель. Создан расой, похожей на вас по анатомическому строению, и поэтому легко подойдёт тебе в эксплуатации. И ещё вот парализатор, боевой непробиваемый летающий костюм, гранаты направленного действия и особый респиратор – кислородная маска.

Шарик подрагивающими от возбуждения щупальцами разложил принесённое богатство в ряд. При виде его к Наташе снова вернулась

уверенность в том, что она легко победит любой инопланетный десант, пусть даже усиленный множеством наёмников.

– Я помогу тебе, – уверенно заявила девушка, – только надену туфли.

– А зачем они тебе? – ещё больше округлил глаза мохнатый шар.

Наташа не стала оправдываться и объяснять, что туфли очень симпатичные и купила она их только вчера, возможно, именно для такого выхода, поэтому сказала первое, что пришло в голову:

– Женский каблук в опытных руках – очень грозное оружие.

– А-а-а, хорошо... Пошли быстрее!

– Да подожди ты, ещё накраситься надо, – поспешила остудить пыл пришельца Наталья.

– А краситься-то зачем? Я тебя не куда-то, а на войну зову, – зашёлся в истерике инопланетянин. Нетерпеливый,

как и все мужчины. И, как и всем мужчинам, ему постоянно приходилось пояснять и разжёвывать всем понятные и прописные истины:

– Я же такая страшная не могу на людях и на нелюдях появиться! – Наташа достала маленькое зеркало и губную помаду. Тщательно обвела губы.

– О-о-о, – застонал то ли от нетерпения, то ли от восторга Шарик. Наташа улыбнулась ему и громко продекламировала давно известные ему стихи собственного сочинения, которые очень почему-то ему не нравились:

– Я пчёлка жу-жу-жука. Летаю где хочу-ка-ка!

И подмигнула пришельцу.

Сомнений в близкой победе больше не было. И если... Если она вернётся назад, то обязательно как можно подробней расскажет Илье Семёновичу про щупальщиков, блювакал, сморкальщиков и многих, многих других.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Александра Пушкина «За две чашечки чая»	6
Алла Кречмер «Зазеркалье».....	13
Анатолий Ерошкин «Предварительный отбор»	17
Анатолий Ерошкин «В шаге от войны».....	33
Анатолий Ерошкин «Искрящийся мир»	40
Валерия Трофимова-Рихтер «Пункт назначения – Земля»	68
Виктория Рубцова «Зимняя радуга».....	74
Виктория Рубцова «(Не)Любовь».....	79
Владимир Марышев «Весна пришла»	85
Владимир Хабаров «Приключение»	96
Владимир Хабаров «Уходя, уходи»	104
Григорий Родственников «Двое под дождём»	111
Григорий Родственников «Магия»	117
Дорофеев Дима «Перевертыш»	124
Ева Романова «За шесть минут до»	129
Евгения Ерофееенко «Превращение»	137
Елена Курина «Операция “Летающая собака”»	142
Игорь Каменский «Возрождение»	146
Анна Ильина «Лучше, чище, сильнее»	151
Ирина Сластён «Всего лишь сон»	155
Кирилл Берендеев «Бросить курить».....	160
Кристина Чайка «По ту сторону скамейки».....	164
Макарова Алёна «Чудеса случаются»	182
Марат Валеев «Сталинский палец».....	189
Марина Шубина «Знаки Вселенной»	197
Мария Клименко «Земля-612»	201
Мария Воскресенская «Ничейного пространства господин»	229

Мария Воскресенская «Чудоделы, или О чём мечтает Санта-Клаус»	262
Мария Ковязина «Дерево желаний»	296
Наталья Кадомцева «Героями не рождаются».....	304
Наталья Малёванная «Дом образцового содержания».....	314
Никита Селезнев «Дыры»	332
Никита Селезнев «Обыкновенные боги»	339
Николай Кадыков «Дикари».....	347
Николай Кадыков «Тараканы».....	349
Николай Кадыков «Противопожарная планета»	351
Николай Кадыков «Невезение».....	353
Николай Кадыков «Дипломатия»	355
Николай Кадыков «Редкий зверь».....	357
Николай Кадыков «Снова в школу»	359
Николай Кадыков «Слишком много роботов»	361
Николай Хрипков «Варенье».....	363
Нэлли Стрежнева «Расчётное время».....	368
Павел Гершгорин «Кот».....	375
Павел Гершгорин «Попутчик»	380
Павел Гершгорин «Санта».....	384
Павел Почикаев «Потому что они забывают».....	388
С. Хочистов «Последнее изобретение»	398
Светлана Салахутдинова «На своём месте»	402
Софья Ремез «Рассказ без микрофона»	413
Татьяна Столярова «Ведьма, ведьма...»	419
Юрий Табашников «Блювакалы, сморкальщики и ещё, ещё другие»	437

Литературно-художественное издание

СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 2
«ЮНОШЕСКИЙ»

Составитель Наталья Сажина
Ответственный за выпуск Мария Соседко
Верстальщик Мария Киселёва
Художник Наталья Морева
Выпущено в авторской редакции

Формат А5. Бумага офсетная.
Тираж неограниченный. Гарнитура «PT Sans».
Издательство «Союз писателей»
654063, г. Новокузнецк, ул. Вокзальная, 10.
Тел. 8–913–429–2503

E-mail: mail@izdat-kniga.ru. Сайт: www.izdat-kniga.ru

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».